

Ослепленный Самсон:

**Взгляд на ближневосточный конфликт с позиций
Макиавелли**

Овадья Шохер

(c) 1998-2006 Obadiah Shoher

Содержание

<i>Предисловие ко второму изданию.....</i>	<i>10</i>
<i>Предисловие к первому изданию. О ненависти</i> <i>.....</i>	<i>13</i>
<i>Теория.....</i>	<i>16</i>
<i>Жестокие меры часто самые мягкие.....</i>	<i>23</i>
<i>Макиавелли: добродетель и жестокость.....</i>	<i>24</i>
<i>Реализм, а не напускное морализаторство...29</i>	
<i>Простого решения нет.....</i>	<i>32</i>
<i>Создайте достоверную угрозу и действуйте</i> <i>жестко.....</i>	<i>34</i>
<i>Менталитет и недовольство арабов.....</i>	<i>36</i>
<i>Мирные отношения с арабами возможны.....</i>	<i>37</i>
<i>Другим арабам нет дела до палестинцев.....</i>	<i>38</i>
<i>У арабских стран нет причин заключать мир</i> <i>.....</i>	<i>38</i>
<i>Интересы и политика Израиля в арабском</i> <i>мире.....</i>	<i>39</i>
<i>Территория не стоит жизней, но иногда</i> <i>другого выбора нет.....</i>	<i>41</i>
<i>Израиль должен ограничить демократию.....</i>	<i>43</i>
<i>Не существует ни неотъемлемого права на</i> <i>государство, ни неприкосновенности государства</i> <i>.....</i>	<i>44</i>
<i>Историческое право – фикция.....</i>	<i>52</i>
<i>Вероятность захвата арабских государств</i>	<i>55</i>
<i>Конец мифа о гуманной войне.....</i>	<i>56</i>
<i>Как заставить арабов согласиться на мир. .60</i>	
<i>Задачи мира.....</i>	<i>66</i>

<u>Израилю мир не нужен.....</u>	<u>66</u>
<u>Израиль бессилен перед современной войной</u> <u>.....</u>	<u>68</u>
<u>Главная задача – прекращение вражды.....</u>	<u>68</u>
<u>Создание палестинского государства не</u> <u>принесет мир.....</u>	<u>70</u>
<u>Сначала всеисламское мирное соглашение,</u> <u>затем палестинское государство.....</u>	<u>72</u>
<u>Недопустимость колебаний.....</u>	<u>73</u>
<u>Колебания Израиля провоцируют врага.....</u>	<u>74</u>
<u>Колебания дорого стоят и вредны</u> <u>политически.....</u>	<u>75</u>
<u>Постепенные компромиссы размывают цели</u> <u>.....</u>	<u>77</u>
<u>Ошибка малых уступок.....</u>	<u>77</u>
<u>Никаких полумер.....</u>	<u>78</u>
<u>Отсрочка решения усложняет проблему,</u> <u>превращая ее в хроническую.....</u>	<u>86</u>
<u>Нужен ли Израилю экономический и</u> <u>социальный прогресс в арабских странах?.....</u>	<u>87</u>
<u>Определить военную стратегию и</u> <u>придерживаться ее.....</u>	<u>105</u>
<u>Определить территориальные цели.....</u>	<u>113</u>
<u>Какую площадь израильтяне хотят для</u> <u>своего государства?.....</u>	<u>113</u>
<u>Зачем Израилю территории?.....</u>	<u>115</u>
<u>Возможность сдачи территорий.....</u>	<u>118</u>
<u>Возвращение территорий может не</u> <u>привести к нормализации арабо-израильских</u> <u>отношений.....</u>	<u>123</u>
<u>Западное представление об арабском</u> <u>национализме преувеличено.....</u>	<u>125</u>

<u>Аннексия не обязательно мешает миру.....</u>	<u>126</u>
<u>Культурно привлекательному Израилю будет</u>	
<u>проще аннексировать территории.....</u>	<u>127</u>
<u>Израиль как региональная империя.....</u>	<u>128</u>
<u>Завоевывать только военно слабые и</u>	
<u>экономические жизнеспособные государства.....</u>	<u>131</u>
<u>Аннексия иностранных территорий.....</u>	<u>135</u>
<u>Как добиться согласия мирового сообщества</u>	
<u>на аннексию.....</u>	<u>137</u>
<u>Экспансия из пояса безопасности как</u>	
<u>тактика аннексии.....</u>	<u>144</u>
<u>Угроза экспансии принесет мир.....</u>	<u>145</u>
<u>Правильная военная стратегия.....</u>	<u>147</u>
<u>Иностранные наемники.....</u>	<u>147</u>
<u>Жесткие меры, а не ограниченная победа... </u>	<u>149</u>
<u>Необходимость применения химического,</u>	
<u>биологического и ядерного оружия.....</u>	<u>153</u>
<u>Не дайте потенциально враждебным</u>	
<u>режимам создать арсеналы ОМП.....</u>	<u>155</u>
<u>Гуманная война дорога и не эффективна... </u>	<u>170</u>
<u>Разоружить арабов и превратить арабские</u>	
<u>государства в протектораты.....</u>	<u>179</u>
<u>Борьба с партизанской войной.....</u>	<u>223</u>
<u>Терроризм – такая же война, как любая другая</u>	
<u>.....</u>	<u>223</u>
<u>Террористы имеют право атаковать</u>	
<u>гражданское население.....</u>	<u>223</u>
<u>Евреи исторически занимались терроризмом</u>	
<u>.....</u>	<u>227</u>
<u>Террористов следует уважать, как солдат</u>	
<u>.....</u>	<u>230</u>

<u>Нападения на базы террористов.....</u>	<u>232</u>
<u>Нападение на правительства и граждан, поддерживающих террористов.....</u>	<u>234</u>
<u>Нападение на арабские страны в ответ на теракты.....</u>	<u>240</u>
<u>Возмездие за теракты, направленное против гражданского населения.....</u>	<u>245</u>
<u>Уничтожение нефтяной инфраструктуры в актах возмездия.....</u>	<u>258</u>
<u>Жесткие меры наименее болезненны.....</u>	<u>261</u>
<u>Удары по населению с целью подавления террористов.....</u>	<u>263</u>
<u>Определение формальных границ допустимой жестокости.....</u>	<u>265</u>
<u>Преследование семей террористов-смертников.....</u>	<u>267</u>
<u>Оккупанты потеряли Ливан и Афганистан из-за мягкости по отношению к мирному населению.....</u>	<u>268</u>
<u>Уничтожение базы поддержки террористов.....</u>	<u>269</u>
<u>Отмените формальности, полагайтесь только на подозрения и превентивные меры.....</u>	<u>270</u>
<u>Коллективная ответственность.....</u>	<u>278</u>
<u>Действовать скрытно.....</u>	<u>281</u>
<u>Заставьте арабов воевать за Израиль.....</u>	<u>284</u>
<u>Выполнение требований террористов не ведет к миру.....</u>	<u>286</u>
<u>Формальный мир не обязательно положит конец терроризму.....</u>	<u>287</u>
<u>Никаких тактических переговоров с террористами.....</u>	<u>288</u>

<u>Политические переговоры с террористическими группами возможны.....</u>	<u>291</u>
<u>У терроризма – отличное будущее.....</u>	<u>293</u>
<u>Сдерживание массовых беспорядков.....</u>	<u>297</u>
<u>Избегать боев в условиях города.....</u>	<u>298</u>
<u>Практические антитеррористические меры</u>	<u>299</u>
<u>Влияние антитеррористических операций на гражданские свободы.....</u>	<u>302</u>
<u>Разумный подход к терроризму с применением оружия массового поражения.....</u>	<u>305</u>
<u>Израильско-арабская политика.....</u>	<u>309</u>
<u>Столкновение европейского и арабского менталитетов.....</u>	<u>309</u>
<u>Мирное решение должно учитывать арабский менталитет.....</u>	<u>311</u>
<u>Евреи должны уважать арабов и требовать уважения от них.....</u>	<u>313</u>
<u>Разделить арабов.....</u>	<u>314</u>
<u>Саботаж экспорта нефти.....</u>	<u>319</u>
<u>Политика в отношении Палестины и израильских арабов</u>	<u>324</u>
<u>Только жестокость может вселить страх в бедных людей.....</u>	<u>324</u>
<u>Израиль не заинтересован в том, чтобы арабы были зажиточны.....</u>	<u>325</u>
<u>Израилю не нужно поощрять богатую Палестину.....</u>	<u>327</u>
<u>Палестинское государство дает преимущества.....</u>	<u>330</u>

<u>Необходимые жестокие шаги, ведущие к аннексии.....</u>	<u>333</u>
<u>Понижение в правах арабского населения Израиля.....</u>	<u>335</u>
<u>Полезность шариата.....</u>	<u>354</u>
<u>Создание палестинского государства в Иордании.....</u>	<u>356</u>
<u>Иудея.....</u>	<u>362</u>
<u>Аргументы в пользу Иудеи.....</u>	<u>362</u>
<u>Несовместимые приоритеты.....</u>	<u>367</u>
<u>Иудея может осуществить аннексию.....</u>	<u>368</u>
<u>Технические детали создания Иудеи.....</u>	<u>371</u>
<u>Духовные аспекты Иудеи.....</u>	<u>375</u>
<u>Религиозное законодательство.....</u>	<u>377</u>
<u>Безразличие к светской этике.....</u>	<u>379</u>
<u>Иудея может отвести пар от Израиля.....</u>	<u>382</u>
<u>Перспективы войны и гарантии мира - сомнительны....</u>	<u>384</u>
<u>Израильская армия не непобедима.....</u>	<u>384</u>
<u>Американская поддержка не гарантирована.....</u>	<u>385</u>
<u>Современный антисемитизм.....</u>	<u>405</u>
<u>Необходимость пересмотра ценностей.....</u>	<u>408</u>
<u>Крушение иллюзий.....</u>	<u>408</u>
<u>Определение национальных границ.....</u>	<u>412</u>
<u>Необходимо уменьшить зависимость от религии.....</u>	<u>419</u>
<u>Изменение армии.....</u>	<u>421</u>
<u>Политические реформы.....</u>	<u>428</u>
<u>Что нужно сделать в общинах Диаспоры... </u>	<u>431</u>
<u>Новые задачи.....</u>	<u>439</u>
<u>Исламский мир – не враг Западу.....</u>	<u>444</u>

<u>Создание государства в реальном мире.....</u>	<u>489</u>
<u>Участь палестинцев не имеет ничего общего</u> <u>с Катастрофой.....</u>	<u>489</u>
<u>Евреи и палестинцы не равны.....</u>	<u>491</u>
<u>Палестинцы требуют привилегий.....</u>	<u>493</u>
<u>Привилегии для арабов безосновательны. .</u>	<u>495</u>
<u>В любом конфликте неизбежно неравенство</u> <u>.....</u>	<u>496</u>
<u>К евреям предъявляются более высокие</u> <u>требования, чем к арабам.....</u>	<u>497</u>
<u>Искажение и подтасовка фактов.....</u>	<u>498</u>
<u>Ложь.....</u>	<u>503</u>
<u>Беженцы: двойные стандарты для еврейских</u> <u>и палестинских беженцев.....</u>	<u>505</u>
<u>Большинство палестинцев не хотят</u> <u>возвращаться в Израиль.....</u>	<u>506</u>
<u>Потомки беженцев не беженцы.....</u>	<u>507</u>
<u>Для права на возвращение нет законного</u> <u>основания.....</u>	<u>508</u>
<u>Право на компенсацию.....</u>	<u>508</u>
<u>Побежденный агрессор не может</u> <u>выставлять требования.....</u>	<u>511</u>
<u>Поселения.....</u>	<u>512</u>
<u>Палестинская автономия отказывает</u> <u>евреям в праве на возвращение.....</u>	<u>513</u>
<u>Расизм и подстрекательство.....</u>	<u>515</u>
<u>Палестинский национализм.....</u>	<u>519</u>
<u>Обвинения против США.....</u>	<u>520</u>
<u>Требование сочувствовать палестинцам... </u>	<u>522</u>

<u>Ошибки в военных вопросах.....</u>	<u>523</u>
<u>Демократия сионизма.....</u>	<u>524</u>
<u>Исторические ошибки.....</u>	<u>525</u>
<u>Терроризм.....</u>	<u>526</u>
<u>Жестокость и пытки.....</u>	<u>527</u>
<u>Свободы.....</u>	<u>529</u>
<u>Нежелание принимать реальность.....</u>	<u>529</u>
<u>Право на землю.....</u>	<u>531</u>
<u>Иерусалим.....</u>	<u>534</u>
<u>Социалистические ценности.....</u>	<u>536</u>
<u>Поддержка Арафата.....</u>	<u>537</u>
<u>Колониализм.....</u>	<u>538</u>
<u>Палестинцы довольны израильским</u> <u>правлением.....</u>	<u>540</u>
<u>Безответственность.....</u>	<u>541</u>
<u>Сауд отвергает право Израиля на</u> <u>существование.....</u>	<u>542</u>
<u>Выводы.....</u>	<u>543</u>

Предисловие ко второму изданию

В первом издании этой книги я писал о претензиях палестинцев: «Когда некоторые шансы упущены, они упущены безвозвратно». Это же относится и к евреям.

Современный Израиль обречен. Народ, определенный в терминах религии, не может выжить в атеистическом государстве. Религиозным евреям отвратительна западная культура и иностранные религии в Обетованной земле; еврей-атеисты с подозрением относятся к отжившим ритуалам. В Америке созрел и готовится к вторжению в Израиль реформизм, который окончательно сокрушит религиозный фундамент государства. Социализм душит в евреях предпринимательское начало. Социальное обеспечение растворяет этику, ставящую во главу угла труд. Демократический централизм подавляет естественный плюрализм мнений. Военные затраты завели страну в экономический тупик.

Почему семьдесят лет назад евреи бесстрашно вели с англичанами партизанскую войну, а сегодня они безропотно опускают руки перед собственным правительством? Одна из причин: в Израиле спецслужбы гораздо сильнее, чем в подмандатной Палестине. Но еще важнее то, что люди просто не готовы осознать, что государство является их главным врагом. Эта апатия и есть главный враг страны.

Египетское общество бурлит. Постоянно растет влияние «Мусульманского братства», в парламенте у этой радикальной группы уже большинство. Многие ее члены пока сохраняют умеренность, но так было перед каждой революцией. Либералы расчищают дорогу для радикалов, которые, придя к власти, нередко первым делом вырезают либералов. Мубарак стареет и

утрачивает хватку, и люди это чувствуют. Сторонники же демократии еще сильнее дестабилизируют ситуацию: требуя прозрачных выборов, они собственными руками сажают во власть исламистов – единственную группу, которая и сама не запятнана коррупцией, и считается борцом с коррупцией. Египетский режим едва контролирует юг страны, полиция коррумпирована, презираема, беспомощна и ненадежна. Десятилетия промывания мозгов привели к тому, что для современного египтянина Израиль – враг номер один. И им недостаточно Синай – они жаждут мести. Когда Израиль мог разоружить Египет, он этого не сделал, и сегодня враг не просто трижды яростнее, чем раньше – сегодня он ядерный.

Иран стремится доминировать на Ближнем Востоке, что для неарабской страны непросто. Иранским военным нужны ядерные технологии, причем они должны быть первыми в этой гонке: гордые персы просто не могут себе позволить финишировать вторыми после Египта.

Пакистан экспортирует и технологии, и мозги, а точное местонахождение пакистанских бомб никому за границей не известно. Светская элита Пакистана нестабильна, на выборах побеждают исламские политики.

Еще один упрямый ядерный игрок – исламский Алжир. Террористическое государство Ливия разрабатывает ядерную программу в условиях абсолютной секретности. Делает первые шаги на ядерном поле вечный враг Израиля Сирия. Северная Корея готова продать ядерные бомбы любому покупателю с кошельком, будь он матерью Терезой или террористом. Если у исламских стран есть ядерное оружие, рано или поздно оно будет взорвано в Израиле. Это исключительно вопрос времени.

После падения Израиля древняя Иудея влачила жалкое существование. Еврейское присутствие в Обетованной земле может быть продлено за счет создания небольшого, этнически и

религиозно однородного государства Иудея. Хотя, конечно, маленькому государству будет очень сложно устоять посреди океана вражды.

Современный Израиль не уникален. На протяжении двух тысячелетий евреи не раз пытались восстановить свою государственность. Треть евреев погибла в Катастрофе, и гибель еще одной трети в Израиле будет граничить с апокалипсисом. Что мы предпочтем: героизм ядерного самоубийства или эвакуация в относительно безопасную диаспору?

Современные евреи получили шанс вернуться, но пренебрегли мудрыми указаниями Торы о размерах государства. Евреи не стали изгонять чужаков – и они развязали против нас войну. Евреи пожалели врагов – и враги создали ядерное оружие. Но самое главное то, что евреи создали государство без иудаизма, западную демократию без права на Обетованную землю. А если у тебя нет права здесь находиться, рано или поздно тебя здесь не будет.

Предисловие к первому изданию. О ненависти

Несколько рецензентов классифицировали эту книгу как пропаганду ненависти. Это не так. Ненависть иррациональна, а я предлагаю рафинированный рационализм. Ненависть облекается в тогу нравственности, а моя политика лишена претензий на нравственность. Ненависть расточительна, я же стремлюсь к эффективности. Как любая идеология, ненависть глупа, дорога и бессмысленна. Ненависть – это просто политический ярлык. Почему ненавидеть коммунистов считается политкорректным, а мусульман – нет?

Но я не ненавижу мусульман. Я просто равнодушен к ним, как к любым неевреям, соблюдающим законы Ноя. Арабов я нахожу несколько забавными как любых туземцев. Террористов я глубоко уважаю как солдат, преданных высокой идее.

Я предлагаю много подходов для этих групп. Любая политическая работа против кого-то пропагандирует. Республиканцы хотят отнять как можно больше голосов у демократов и потому нападают на них. Да, мои рекомендации несколько увеличивают вероятность насилия, но международная политика для того и существует, чтобы уменьшать такую вероятность. Кроме того, единственная работающая стратегия поддержания мира – баланс сил. Мы с редакторами тщательно пересмотрели все места, допускающие двоякое толкование, и еще раз убедились, что эта книга нигде не пропагандирует насилие как таковое. Речь идет лишь о возмездии за насилие со стороны других. Речь идет об уничтожении насилия, а не его развязывании.

Нацисты ненавидели евреев, хуту и тутси ненавидели друг друга. Католики одно время ненавидели протестантов. Ненависть возникает на линии столкновения экономических

интересов, но в итоге извращает первоначальную задачу до неузнавания. Нацисты хотели наказать еврейских мошенников, но затем перешли к идее изгнания всех евреев (от чего не выиграли сами), а закончили совершенно безумным массовым убийством. Часто возмездие переходит границу ненависти. Это интересный вопрос, но он выходит за рамки этой книги и поднятой темы о рациональных целях и средствах. Поскольку мы хотим действовать рационально и эффективно, мы не можем позволить себе ненавидеть врага.

Я не питаю ненависти к неонацистам. Они просто враги, с которыми следует поступать рационально. Я недолюбливаю антисемитов, но не возражаю против их мнения, пока они не переходят к активным действиям. Ксенофобия слишком неотъемлема для человеческой природы, чтобы серьезно возражать против нее. Сколько евреев втихомолку недолюбливают цыган? Я не осуждаю неевреев за неоказание помощи евреям; сколько евреев помогало жителям Руанды? Но во что я верю, так это в библейскую «избранность» евреев и, соответственно, в их качественное отличие от других народов. Это не делает меня расистом, но напротив, учит меня светить народам – и порицать тех евреев, кто этого не делает.

Если еврей обижает нееврея просто так, без враждебности со стороны последнего, он не прав и виноват. Мне больше по душе истеричные рецензии этой книги от антисемитов, чем восторженные рецензии от евреев, видящих в ней лишь имперские амбиции. И мне противно, когда мою книгу осуждают евреи, отрицающие правомерность даже постановки вопроса об исторических правах на землю. Неоправданное самодовольство, недостаток сострадания к униженным, надменность по отношению к неевреям, желание, чтобы неевреи непременно поддерживали и помогали евреям, – эти черты многих евреев я действительно презираю.

Я либерал в традиционном смысле этого слова, до того как его узурпировали левые. Я не люблю безответственных идеалистов, не желающих видеть реальность, прячущихся за теоретической идеологией. Если нам эти тоталитарные моралисты просто осложняют жизнь, то наших детей они погубят в огне глобального левого кризиса. И предотвратить этот кризис мы все еще в состоянии.

Теория

Многим хочется верить, что мир – это обычное состояние человечества. Мы хотим воспринимать мир долговременным обстоятельством, которое время от времени нарушается вооруженными конфликтами. Но в реальной жизни приходится делать выбор. Для большинства людей идеологические и религиозные ценности важнее жизни, и никого это не удивляет. Не существует объективно идеального выбора, и потому при принятии решения приходится руководствоваться ценностями, которые у разных людей разные. Как известно, десять заповедей, составляющие основу иудаизма, христианства и ислама, запрещают убийство. Но при этом убивать врагов на войне разрешается.

Если люди готовы умереть за свои ценности, их религия может смириться с убийством при условии выполнения заповеди негативной взаимности: не делай другому то, что ненавистно тебе. Принять смерть не ненавистно – следовательно, убивать разрешено¹. Этот подход нравственно легитимизирует множество войн, включая крестовые походы и современные конфликты вроде Фолклендов. Честные и рациональные люди могут возразить: причины войн всегда или глупы, или поверхностны, а вражда сеется между людьми искусственно. Но это уже другой вопрос, а именно, почему солдатам вообще приходится умирать ради каких-то целей. Но почему традиционная интерпретация заповеди «не убивай» не запрещает казнь преступников и убийство врагов на войне?

¹ Моисей приказал казнить за поклонение золотому тельцу 3000 человек, или 0,5% от всех вышедших из Египта. Он уничтожил культ быка Аписа ради консолидации нации. Множество других народов тоже воевало по идеологическим причинам.

Потому, что обычно люди готовы умирать для спасения своих ближних и страны. Убивать им разрешает упомянутый принцип взаимности.

В Десяти заповедях религиозные заповеди предшествуют запрету убийства, что указывает на их приоритет. Об этом же говорит и прецедентное право Еврейских писаний, и существование в еврейском законе смертной казни.

Во многих войнах и арабы, и израильтяне были готовы умирать за свою родину, причем далеко не только военные. Гражданское население Израиля готово практически ежедневно нести потери от рук террористов-смертников, которые, в свою очередь, сами готовы отдавать жизнь за идею. Когда Усама взрывал американские посольства в Африке и при этом страдали местные жители, население не слишком-то возмущалось. И пусть израильтяне формально осуждают террористов, а арабы – Баруха Гольдштейна², все это пустые слова. В реальной жизни важны факты. А факт в том, что и израильтяне, и мусульмане готовы умирать за религиозные и национальные идеалы. К сожалению, и то, и другое означает войну.

Рассмотрим известный принцип, гласящий: «Не делай другому то, что не хотел бы, чтобы он сделал тебе». В любом конфликте ни одна сторона не хочет уступать другой, неважно, будь это торговля на рынке или сражение на поле боя. Должен ли покупатель безоговорочно платить запрошенную цену? Хочет ли продавец, чтобы ему навязывали цену? Имеет ли он право сам навязывать цену другим? Поскольку ни одна сторона не хочет, чтобы ей навязывали цену, приходится торговаться. В итоге проблема решается. Если стороны договорились о способе разрешения конфликта, они исполнили вышеприведенную заповедь. Когда человек выигрывает в карты или на фондовой бирже, это несколько похоже на воровство, поскольку

² Радикальный еврей, открывший огонь по арабам в мечети.

проигравший остается ни с чем; с другой стороны, он знал, на что идет, и потому считать это полноценной кражей нельзя. Поскольку и арабы, и израильтяне принимают войну как способ разрешения конфликта, война становится оправданной. Махатме Ганди и Нельсону Манделе удалось изменить условия игры, отвергнуть насилие и обратить против него общественное мнение. Мусульмане этого не делают, они сами прибегают к асимметричной борьбе, что оправдывает вооруженный ответ израильтян.

Почему покупатель и продавец на рынке не прибегают к насилию? Потому, что ни одна из сторон не является монополистом. Покупатель может купить товар в другом месте, продавец может подождать другого покупателя: и то, и другое проще, чем сражаться. Но если торгуются монополисты, ситуация совершенно иная: обе стороны должны прийти к соглашению любой ценой, так что в результате может пролиться кровь. Спор о юрисдикции – типичный пример монопольного соглашения. У палестинцев есть то, что нужно израильтянам, – территория.

Если бы израильтяне и палестинцы вдруг решили сесть за стол переговоров и решить свои проблемы исходя из двух противоречащих друг другу систем аксиом, у них бы ничего не вышло. Но есть конфликт аксиом, а есть конфликт интересов. Каждый день мы взаимодействуем с людьми, интересы которых конфликтуют с нашими, но при этом нам удается разрешать конфликты, не прибегая к насилию.

Существует много разных систем аксиом для разрешения конфликтов. Какие-то конфликты Израиль решает дипломатически, коммерчески или через связь с общественностью. Более сложные и рискованные способы выбираются только тогда, когда исчерпаны менее затратные. Есть ли основания для уверенности, что в арабо-израильском конфликте Израиль исчерпал все дипломатические средства?

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости личных мнений, основанных на соотношении затрат к достигнутым целям, и обе стороны понимают это соотношение по-разному. Израиль силен в военном отношении, и для него вступить в войну не составляет труда. Арабы тоже не большие любители переговоров.

Если обе стороны договорятся о способах разрешения конфликта и выберут средство исходя из осуществимости и целесообразности, тогда они будут исходить из сходных аксиом. Каждая сторона будет поступать с другой так, как обе договорились считать приемлемым и допустимым.

Средства – понятие широкое. Продавец не может запрещать покупателю взять кредит или выбрать другого продавца. Но когда стороны несоразмерны, как например мегакорпорации и их клиенты, меньшая сторона не может требовать уступок. Понятие средств можно определить в терминах правил, приемлемых для обеих сторон. Если стороны обходят заповедь «не убивай» с помощью принципа взаимности, делая убийство приемлемым, нет смысла спорить о конкретном способе убийства. Израиль не может жаловаться на терроризм, а палестинцы – на авиаудары по анклавам террористов в густонаселенных городах.

Иными словами, поскольку арабы между апелляцией к ООН (или британской администрации) и войной выбирают войну, они должны понимать, что евреи будут воевать тоже. Остается открытым вопрос, можно ли воздержаться от военных мер и ограничиться полицейскими, но в любом случае абсолютный мир маловероятен.

Есть и другие способы разрешения конфликтов, например соревнование в смирении. Но в данном случае философская дискуссия бесполезна, поскольку жизнь не состоит из красивых математических формул, будь то смирение или что-то еще. Как замечал еще Мао Дзедун, утверждение может быть верным и

неверным одновременно: верным для одного и неверным для другого, в зависимости от оценки своих интересов и интересов другого. Единственным общим знаменателем для всех людей может быть только страх как следствие силы.

Добродетельные люди могут относиться к другим так, как они хотели бы, чтобы относились к ним. Это будет позитивным вариантом заповеди. Теоретически возможен компромисс, основанный не на соотношении затрат к результатам, а на соблюдении интересов и стремлений других людей. Однако политикам это никогда не удавалось. Создание прецедента справедливого разрешения конфликта стало бы даже бóльшим вкладом в развитие человечества, чем восстановление библейского государства. Но проблема в том, что как только израильтяне решат создать такой прецедент, арабы тут же начнут эксплуатировать их слабость – а они считают это именно слабостью. Нельзя надеяться, что обе стороны будут стремиться к объективности, справедливости, состраданию, деликатности.

Общественное мнение склонно прощать определенные убийства, если за ними стоит общепринятая идеология. Это хорошо видно на примере крестовых походов. Обычно людям отвратительны только крайние зверства, такие как в нацистской Германии, Алжире, Руанде и т. д. Запад осуждает разрушение Всемирного торгового центра, считая это непропорциональным ответом, но исламский мир придерживается иного мнения. Для него смерть американцев – расплата за смерть и унижение многочисленных мусульман мира. С другой стороны, Запад сам склонен считать палестинский терроризм приемлемым ответом на агрессию Израиля.

Многие люди готовы убивать и карать за вещи гораздо менее значимые, чем национальное самосознание. Полицейские стреляют в убегающих воров. Судьи отправляют в тюрьму неплательщиков налогов, которые за всю жизнь могли

не обидеть и мухи. И в международных отношениях, и в борьбе с преступностью убийство – это в первую очередь угроза, достоверность которой нужно поддерживать за счет редкой реализации. Убивать *всех* мелких воров и палестинских демонстрантов в высшей степени несправедливо. Однако это не так: погибают из них очень немногие. Минимальная вероятность погибнуть – вполне пропорциональный ответ на насилие, которое также подразумевает минимальную вероятность летального исхода. По сути, приговор состоит из двух компонентов: гарантированный, но умеренный (тюремное заключение) и маловероятный, но жесткий (небольшая вероятность погибнуть). Если крайне жестокое убийство помножить на предельно низкую вероятность реализации, такое наказание можно считать умеренным.

Рациональное, «оправданное» убийство тоже может быть несправедливым, особенно в случае конфликтующих идеологий. Квакер-пацифист считает аморальным и несправедливым любое убийство на любой войне, но история знает множество примеров, когда люди из желания обратить других в свою религию или политическую идеологию совершали массовые убийства. Не должно удивлять, что евреи готовы убивать за клочок земли, чтобы исповедовать на нем свою веру. Удивляет как раз другое – та невероятная строгость и требовательность, с которой их судит мир.

Любое сравнение можно довести до абсурда. Кто-то сравнивает Землю Израиля³ с нацистским *лебенсraum*. Но вспомним, что делали нацисты: они целенаправленно истребляли евреев и цыган, обращали в рабство славян. Израильские евреи заняли смехотворно малый клочок земли, меньше округа во многих американских штатах. Это земля,

³ Эрец-Исраэль – территория Израиля, важная для евреев с религиозной точки зрения.

пропитанная национальным самосознанием евреев, о которой они молятся уже не одно тысячелетие: «В следующем году – в Иерусалим!»⁴ Почему бы не сравнить борьбу евреев с защитой Москвы, Ленинграда, Сталинграда или Лондона во Второй мировой войне?

Да, сто лет назад большинство жителей Палестины (но не Иерусалима) были арабами. Но демократия как оптимальная система принятия решений большинством не идеальна. Многие философы начиная с Платона серьезно сомневались в достоинствах демократии. Возьмем Калифорнию, где белое население европеоидного типа уже не является большинством. Представим, что в 2050 году другие этнические группы достигают квалифицированного большинства и вносят в конституцию

⁴ Евреи жили в Иерусалиме всегда, в 19-м веке они даже составляли в нем большинство. В 438 году императрица Евдокия запретила евреям молиться на Храмовой горе. В 464 г. император Юлиан решил восстановить Храм. В 614 г. городом евреи совместно с персами отбили Иерусалим и удерживали его несколько лет. Многие евреи жили в Иерусалиме вплоть до 1099 года, начала вторжения крестоносцев. В Палестине в целом еврейское население также было довольно существенным: в 1918 г. оно составляло 56 тысяч человек. Древние евреи в Римской и Персидской империях добровольно отправляли взнос на Храм в полшекеля ежегодно. Сегодня евреи не переселяются в Израиль из-за экономических проблем, неопределенности военной ситуации, постоянных шатаний политического курса и талмудической ортодоксии. Но несмотря ни на что, Израиль всегда занимал важное место в сердце каждого еврея. Русские евреи – ассимилированные, угнетенные, не знающие иврита и иудаизма, – толпами приходили послушать Голду Меир во время ее визита в Москву. Ассимилированные американские евреи покупают израильские государственные облигации и живо интересуются событиями в Израиле. Вот почему американские политики хорошо понимают, что голоса еврейских избирателей зависит от их, политиков, отношения к ближневосточным процессам.

поправки, по которым белые официально становятся гражданами второго сорта, а официальным языком становится, скажем, испанский. Будет ли кто-то оспаривать право белых бороться за свои права? Многие не будут. У этнически, религиозно и идеологически разнородного государства есть лишь два пути: либо превратиться в «плавильный котел», либо распасться. И неважно, кто пришел сюда первым, а кто – вторым. Бóльшая часть Израиля не была заселена еще каких-то пятьдесят лет назад. Любая цельная, значимо отличающаяся от других, компактно проживающая группа имеет право на суверенитет. Такой группе нужно дать суверенитет хотя бы для того, чтобы удержать ее от хронических конфликтов с соседями. Что, кроме антисемитизма, мешает применить эту логику к ближневосточным евреям?

Жестокие меры часто самые мягкие

Жестокие меры ценой кратковременного увеличения страданий быстро останавливают войну и подавляют в противнике желание воевать. С другой стороны, попытка воздействовать на противника мягко лишь закрепляет конфликт, делает его хроническим. Мягкость к врагу провоцирует его. Эту мысль не любят близорукие демократические политики, но для старейшей нации Земли это единственно практичный подход⁵.

Американцы прибегли к этому подходу в войне с Японией. Взорвав две бомбы и убив множество людей, американцы спасли гораздо больше, включая десятки тысяч американских солдат, которым не потребовалось вторгаться на Японские острова. Для простой демонстрации ядерного потенциала

⁵ Ни китайцы, ни индусы не были такими однородными нациями, как евреи после исхода из Египта. Эти народы постоянно воевали, говорили на разных языках и исповедовали разные религии.

необязательно было прибегать к бомбардировке⁶. Поскольку многие японцы из числа убитых работали на военных заводах, они не являются в строгом смысле мирным населением. Это точно так же в случае с арабами, которые активно помогают террористам. Конечно, это не значит, что их можно произвольно казнить. Вся проблема в том, что сегодня Израиль лишен возможности поддерживать достоверность своей военной угрозы. Он не может это делать ни с ядерных позиций, потому что международный протест против ядерной войны снижает вероятность ее возникновения почти до нуля, ни с позиций конвенциональной войны, потому что, стоит Израилю начать боевые действия, американцы тут же заставляют прекратить их. Когда мы призываем к этике в международных отношениях, мы лишаемся самого эффективного способа разрешения конфликтов – с помощью баланса сил. В прошлом более сильные государства восстанавливали этот баланс в свою пользу посредством войны. Сегодня же им приходится уступать соседним государствам – на деле более слабым, но с точки зрения этики равным. Так поступают и Израиль, отзывая войска из арабских стран, и Америка, идя на торговые уступки и мирясь с невыплатой займов. Нравственность становится ограничением, понижающим эффективность военных средств.

Макиавелли: добродетель и жестокость

Николо Макиавелли утверждал, что к миру ведут два пути:

⁶ В отличие от Германии, в Японии военные преступления совершались регулярными войсками, а не отдельными частями, поэтому отвращение Трумэна к японцам можно понять. Когда Трумэн побоялся использовать ядерное оружие в Корее, он спровоцировал появление античеловеческих режимов в Китае и Северной Корее, которые уничтожили в сотни раз больше людей, чем могло бы погибнуть при взрывах.

либо преодоление желания воевать через насаждение добродетели, либо крайняя жестокость вплоть до истребления противника. В якобы гуманном современном мире второй способ считается неприемлемым. Общеизвестно, что римлян испортила роскошь, но когда то же говорят о современной западной цивилизации, это вызывает возмущение. Последние события в России, Индии, Вьетнаме, Афганистане, Алжире показывают, что бедные люди готовы бороться за принципы, причинять страдания другим и терпеть их сами. Ослабить это стремление могут только три вещи: слабость, страх потерять имущество и надежда на сохранение статус-кво через примирение с противником.

Стремление к мирному сосуществованию упирается в две проблемы. Во-первых, предлагается мириться не только с другой точкой зрения, но и с явным злом. Когда нацисты начали осуществлять крайние зверства, крупным державам ничего не оставалось, кроме как объявить войну. Прежде чем остановить бойню в Руанде и Югославии, цивилизованный мир долго колебался. Так исчезает граница между справедливостью и милосердием.

Во-вторых, стремление мириться со злом по своей природе притворно, поскольку компромисс ведет к конфронтации, тогда как на самом деле каждая из сторон хочет избежать потерь. Когда американцы накладывают эмбарго на Ирак или Кубу, иракцам и кубинцам от этого очень плохо, а американцам – нет. Нельзя сказать, что в иракской войне американцы в целом проявляли вопиющую жестокость⁷, но отдельные приказы вполне могли быть жестокими.

Тора допускает сострадание только к ближнему –

⁷ Как показали отдельные суды над американскими солдатами, в США не одобряется даже убийство из милосердия смертельно раненных врагов и пытки при допросах.

знакомому члену закрытой группы с общими интересами. Средства массовой информации приводят в дом людей с других концов земли, что создает иллюзию братства всего человечества. Но нельзя сдержанную вежливость принимать за подлинно гуманное отношение: это либо ошибка, либо притворство. Очень немногие люди действительно сочувствуют всем без исключения. Их пример во многом важен, но его нельзя применить на практике.

У завоевания через добродетель другая проблема: как определить, что есть добродетель? С точки зрения соседей Израиля, добродетельным поступком с его стороны будет полный уход с Ближнего Востока. Израиль создал многочисленные сельскохозяйственные программы помощи неимущим арабам в других странах, сегодня быть коренным израильским арабом достаточно престижно. Однако арабы воспринимают все это не как проявление доброй воли со стороны Израиля, а как его слабость. Когда тебе благодетельствуют, для сохранения чувства собственного достоинства приходится презирать благодетеля, приписывая ему скрытые мотивы⁸. Со временем помощь начинает приниматься как должное, и если она внезапно исчезает или сокращается, это вызывает негодование. Всегда и во всем идти «путем добра» невозможно, да и едва ли хоть один серьезный политик пытался это делать. Если режим приходит к власти силой, ему нужно сначала истребить своих врагов, и лишь затем он может надеть маску благодущия. Добродетель как средство умиротворения

⁸ Жители Западной Европы не поблагодарили Америку за спасение от «красной чумы» во время Холодной войны. Ревизионисты вообще обвиняют США в том, что они втянули Европу в конфронтацию с СССР. Палестинцы не испытывают благодарности к США за давление на Израиль ради их независимости, а египтяне – за то, что американцы помешали Франции и Великобритании вернуть контроль над Суэцким каналом.

покоренных⁹ – конструкция чисто умозрительная. Макиавелли ее почти не рассматривает¹⁰.

Абсолютная жестокость внешне кажется такой же крайностью, как и абсолютная доброта. И она столь же неосуществима, если объект, к которому применяется оба эти качества, неизменен и неустраим. Однако жестокость устраняет этот объект: реальная оппозиция ликвидируется, а потенциальная выдворяется в другие страны, где со временем ассимилируется и теряет националистические чаяния. Если жестокость проводится на достаточном уровне, со временем недовольное население становится лояльным. Добродетель же, напротив, поощряет недовольство: именно это и произошло с палестинским национализмом.

Таким образом, Израилю остается только одно – низкоинтенсивное насилие, самый неэффективный и при этом самый распространенный план действий. Мы пытаемся одновременно и заставить людей отречься от своих интересов, и не допустить негуманных методов. Мы пытаемся измотать врага на разных фронтах: экономика, рынок труда, уровень

⁹ Нет ничего лицемерного в том, чтобы для покорения прибегать к добродетели (хотя и лицемерие в данном случае вовсе не порок). Экономически палестинцам выгодно соседство с еврейским государством. Точно так же англичане поставили на ноги Индию. Другие европейские державы также развивали свои колонии.

¹⁰ Можно ли считать Макиавелли авторитетным мыслителем? Встречный вопрос: а способна ли признать его авторитет культура, в которой заправляют идеалисты от морали, присвоившие себе звание либералов? Интереснее другое: никто до сих пор не опроверг рекомендации Макиавелли. Из Макиавелли не вышел военачальник по вполне объективным причинам, да эта книга и не о военной доктрине. Кроме того, учить – одно, исполнять – другое. Хорошие учителя рисования часто бывают посредственными художниками.

терпимости населения к потерям и высоким налогам, добрая воля иностранных спонсоров. В конечном счете все это может привести к миру, поскольку люди со временем привыкают к существованию Израиля и их агрессия сходит на нет. Но в целом враждебность никуда не девается, и даже спустя века любая искра недовольства снова обостряет ситуацию, как между ирландскими католиками и протестантами. Чтобы стороны научились принимать друг друга, они должны либо ассимилироваться, либо научиться сглаживать различия. Поскольку евреи стремятся отличаться от других и их за это ненавидят всю историю, бессмысленно ожидать, что время залечит арабские раны и обиды. Жесткое, но быстрое решение куда менее болезненно, чем хронический конфликт, растянувшийся на века.

В отличие от арабских диктатур, у Израиля много типичных проблем демократических стран, например общественное недовольство высоким уровнем военных налогов в мирное время. В Израиле низкий уровень терпимости к человеческим потерям, хотя военное превосходство Израиля неоспоримо: до сих пор наши потери были ничтожными, с чисто статистической точки зрения. Другим немаловажным фактором является добрая воля США, но она может закончиться в любой день, стоит арабам провести успешную пиар-кампанию. Играть свою роль коррупция, послушная пресса, пиар-агентства, народный антисемитизм. Вьетнамская война наглядно продемонстрировала, что общественное мнение вполне способно остановить военное вторжение.

Какой бы неразрешимой ни казалась ситуация, выход есть всегда. В данном случае это сочетание первых двух вариантов. Палестинцев нужно переместить в Иорданию и Ливан, к прочим арабам относиться доброжелательно, но равнодушно, а на любое нарушение своих интересов реагировать быстро и

жестоко. Теория переговоров предполагает, что сначала нужно надавить на оппонента, а затем предложить ему выход. Человек так устроен, что подсознательно стремится дружить с сильным и влиятельным соседом. Когда сосед сильный, но чересчур благосклонный, это может вызвать презрение. Это так и в личных отношениях, и в международных. Всегда приятно напасть на слабого великана или хотя бы немного ему подержать. Но если гигант может наказать, тогда ничего не остается, кроме как подружиться. Недаром существует пословица: если врага нельзя победить, присоединись к нему.

Опытные переговорщики знают, что с оппонентом нужно разговаривать доброжелательно, но не открывать всех карт. Еще Бен Франклин говорил: «На ложку меда можно поймать больше мух, чем на галлон уксуса». Но одно дело поймать мух, и другое – сделать так, чтобы они застряли в меде надолго. В реальном мире мухи начнут жаловаться на законы адгезии и на поймавшего их человека, вопить о несправедливости и призывать на помощь окружающих. Евреи уже пробовали вариант с медом в 1947 году, когда согласились на разделение Палестины и мирное сосуществование с арабами, хотя первоначальный план отдавал евреям Палестину целиком. Тогда мед не помог, потому что арабы хотели получить все и сразу. Если дать мухе одну ложку меда, она потребует еще. Стоит удовлетворить требования террористов, как тут же появляются новые требования. Евреи так и поступают. К миру ведет только баланс сил, при котором число требований обратно пропорционально уровню их поддержки населением.

Реализм, а не напускное морализаторство

Страстные (или, как еще говорят, невротичные¹¹) евреи –

¹¹ Или просто трусы. Вспомним, какая паника царила в израильском

они и не холодные политики вроде англичан¹², и не дисциплинированные солдаты вроде немцев, и не бесстрашные сорвиголовы вроде испанцев¹³. Типичный еврей – плохой политик. Существуют незыблемые исторические прецеденты образования новых государств. Когда евреи отказываются признавать эти прецеденты, когда занимаются вечным самоанализом, они обнаруживают свою слабость и еще больше все портят. Какой в этом смысл?

Хотя Макиавелли часто не понимали, он по-прежнему остается одним из величайших гуманистов эпохи Возрождения. У Макиавелли по-прежнему есть что сказать нашим современникам. Он презирал государственное принуждение и войну, но восхищался справедливыми, мудрыми правителями. Убийство и обман он считал неприятными, но неотъемлемыми свойствами человеческой природы и, словно хирург, понимал важность болезненного, но эффективного лечения. Конечно, жизнь лучше смерти, но раз уж решено идти на войну, это нужно делать со знанием дела. Этим принципом руководствовались военачальники самых разных народов и эпох, например Сунь-Цзу и Клаузевиц. Политика – это хладнокровная игра, в которой победитель не должен позволять себе морализаторство и нерешительность. Будь решительным и целеустремленным; не позволяй гуманизму ослабить себя; ослабляй противника, заставляя его следовать моральным принципам, но сам

Генштабе в первые дни войны Судного дня.

¹² Точно такие же арабы, твердые и циничные. Никогда не забуду фотографию, где первый президент Буш стоит перед сидящим королем Саудовской Аравии Фахдом. Тогда утверждалось, что он якобы болен. Несгибаемая позиция многих арабских политиков не идет ни в какое сравнение с вечным пресмыкательством их израильских коллег.

¹³ Испанцы, наверное, лучше многих народов умеют сохранять свои национальные черты из поколения в поколение.

игнорируй их как неприменимые в кризисной ситуации. Израилю еще предстоит освоить эту науку войны. Сейчас же он идет по скользкому пути, по которому недавно прошла нацистская Германия – истерично навязывает армии заведомо нереализуемые политические задачи.

Есть только один способ достижения мира – завоевать уважение врага. У Бернарда Льюиса есть легенда об одном арабском правителе, который сказал такие слова: «В своем народе я завоевал уважение, не запятнанное страхом, и любовь, не запятнанную неуважением». Быть может, это возможно в просвещенной монархии, но точно не в демократии с ее постоянными колебаниями курса. Израильтяне, эти ненавидимые европейские пришельцы на Ближнем Востоке, не способны снискать к себе такое отношение, и единственное, что им остается, – завоевать уважение силой и страхом. Для арабов сила – это всегда высокомерие и надменность, любая другая политика будет для них проявлением слабости. Если сто лет назад арабы евреев ненавидели, то теперь они их презирают, потому что израильтяне и слабы, и не любят арабов, – самое худшее сочетание из возможных.

Страх – стандартный и единственный инструмент, позволяющий существовать государствам. Даже сторонники теории государства как общественного договора соглашались с тем, что самые главные функции государства: налогообложение, правопорядок и оборона – основаны на страхе наказания за неподчинение. Сила и страх наказания поддерживают тот самый баланс силы, на который пришлось опереться Америке после краха проповедей Уилсона. Самое большее, на что можно рассчитывать в международных отношениях – это разумное и адекватное применение силы либо угроза такого применения. Американцы отняли часть территории у Мексики, а не Канады, потому что с последней Америку связывает культурное родство.

Американцы отказались от Гаити, потому что не видели пользы в содержании чуждого населения, не говоря уже о падении международного авторитета. Арабы согласятся с аннексией своих территорий Израилем только тогда, когда будут восхищаться Израилем, как мексиканцы восхищались США. Сейчас же арабы видят в Израиле равного себе и сопротивляются ему, как делали канадцы.

Простого решения нет

Если человек вырос в демократической стране, ему сложно принять жесткую политику. Он привык к мягкости и нерешительности, привык, что существует законодательная система и справедливые суды, что граждане ведут себя разумно и ответственно, что полиция служит и защищает. Но в большинстве стран мира всего этого нет, поэтому никак нельзя считать экстремистами сторонников жесткой линии, призывающих к жесткому подавлению зла. Это реалисты, которые понимают: мягкость и обходительность не панацея от всех бед.

Я жил и в Советском Союзе, и в арабских странах, так что повидал немало уродливых диктатур. Я много времени провел среди палестинцев, с некоторыми из них я дружу до сих пор. Многие мои знакомые палестинцы по-бедуински уважают сильных и презирают слабых. Когда иорданцы за два дня убили восемь тысяч палестинцев, никто не кричал и не возмущался. У палестинцев как были хорошие отношения с Иорданией, так и остаются. Но израильтяне Палестина постоянно критикует – именно потому, что вечную риторику Израиля о морали, о моральной войне считает его слабым местом.

Быстрые и жестокие меры давно остановили бы войну и спасли немало жизней, что показал Дир-Ясин. Эта арабская

деревня была разрушена еврейскими военизированными подразделениями «Иргун», ЛЕХИ и ПАЛМАХ в ходе Войны за независимость. Израильским солдатам пришлось открыть огонь на поражение по селянам, отказавшимся эвакуироваться, особенно когда они оказывались поблизости от арабских бойцов. В общей сложности в ходе городских боев израильские солдаты убили от 60 до 200 человек – так удалось остановить войну и спасти жизни десятков тысяч человек. Пресса максимально раздула этот конфликт, преподнеся его как невероятную резню, арабское население испугалось и в массовом порядке покинула район. Да, нехорошо – но необходимо¹⁴. Государственность, война, завоевание территорий – во всем этом мало приятного, но если уж нация решила пойти по этому пути, нужно идти по нему до конца и максимально эффективно¹⁵, чтобы не подвергать ненужным страданиям ни себя, ни своих жертв. Сокрушить волю противника к сопротивлению, изгнать его и наслаждаться миром – вот простой рецепт.

Суверенитет над неассимилированным населением не вечен: он длится ровно столько времени, сколько нужно для подготовки к восстанию. Вспомним Ирландию или Чечню. Граждане позволяют полиции защищать свое имущество от преступников, которые отказываются признавать их законные

¹⁴ Поскольку Иисус Навин не мог переселить хаанеев достаточно далеко, Бог приказал ему убить их. Макиавелли с этим бы согласился. Но можно было и рассредоточить их с расчетом на постепенную ассимиляцию.

¹⁵ Общественное мнение далеко не всегда право. Мы должны словом и делом бороться с неправильной, аморальной политикой на всех стадиях ее проявления. Но если такая политика все же проводится и она не явно бесчеловечна, тогда проводить ее нужно предельно эффективно и без моральных ограничений. Так удастся и быстрее достичь цели, и минимизировать возможные страдания.

права, и полиция довольно эффективно противостоит мелким нарушителям. Однако отношения между странами – другое дело. Страны больше по размеру, отношения между ними не так однозначны, как отношение «собственник – вор». В системе международных отношений не может существовать эффективной международной полиции, которая будет объективно судить стороны и при необходимости вмешиваться. Государства должны уметь сами постоять за свои права, особенно если граждане поддерживают военные меры. Государственный суверенитет поддерживается исключительно желанием и способностью бороться за свои права.

Создайте достоверную угрозу и действуйте жестоко

Бумажные договоры нарушаются столь же часто, как и заключаются. Единственный способ гарантировать соблюдение договора – обеспечить его силой. В 1983 году Ливан заключил мирный договор и всего год спустя отозвал его. Арабы известны тем, что постоянно нарушают обещания. Для них вообще не свойственно уважать договоры. Мир можно только выковать на поле боя, а затем поддерживать через угрозу. Пассивная оборона – инструмент тактический, в долгосрочной перспективе он неэффективен. Если люди устали от войны, угроза может быть незначительной, как в случае Эльзаса и Лотарингии после Второй мировой войны. И наоборот, когда потенциальный враг беден, агрессивен и малочувствителен к страданию, как арабы, угроза должна быть сильной и достоверной.

Пассивная оборонная политика почти никогда не приводит к миру, это делает только политика наступательная. Арабы никогда не заключат с Израилем мир, пока как следует не испугаются нападения с его стороны. Сейчас они пребывают в комфортной уверенности, что Израиль никогда на них не

нападет; следовательно, нет смысла ни в переговорах, ни в уступках. Арабы просто не заинтересованы в мире, и это повод для серьезного пересмотра всей нашей военной доктрины.

Страна или народ может желать мира по двум причинам: экономические блага или страх. Поскольку первый случай к арабо-израильским отношениям не относится, остается только второй вариант. И политика Израиля по отношению к арабам такова, что им просто нечего бояться. Даже когда они нападают первыми, Израиль в ответ не наносит непоправимый ущерб ни в живой силе, ни в имуществе. Даже в 1967 году, в худшем из арабских кошмаров, Израиль аннексировал только малозначимые территории.

Любая наступательная война (а войны Израиля по своей природе наступательные, поскольку целью является поселить евреев на земле, которой арабы владели до 1948 г.) успешна только при овладении значимой для противника территорией либо угрозе этой территории. Современное искусство войны позволяет удерживать территории с помощью авиации и танковых соединений – две области, в которых Израиль специализируется всю свою историю. Следовательно, Израиль не должен слишком растягивать свою территорию, создавая в ней узкие полосы.

Переговоры с Сирией о Голанских высотах показали, насколько ничтожна переговорная сила Израиля. Израиль предложил Сирии большую часть Голанских высот, оставив за собой только несколько хребтов для размещения станций раннего оповещения, позволяющих защитить равнину от прямого удара Сирии. Но Сирия предсказуемо потребовала всю территорию Голан целиком. И какой ей смысл поступать иначе? Сирии не нужен ни мир с Израилем, ни экономические отношения с ним. Более того, Сирия начала шантажировать Америку, угрожая Израилю. Что может заставить страну уступить

завоеванную территорию? Только угроза продолжительного экономического ущерба или военного удара. Неблагоприятный статус-кво может де-юре быть принят только при вероятности дальнейшего ухудшения ситуации: например, агрессор хочет развить успех, но ему мешает формальное мирное соглашение. Если Израиль хочет сохранить Голанские высоты, он должен захватить гораздо более крупную территорию либо пригрозить это сделать, после чего предложить обмен.

Есть и другие способы вызвать у арабов заинтересованность в мире. Например, Израиль может объявить, что в ответ на теракты аннексирует на постоянной основе любую занятую территорию, в том числе регион Палестинской автономии. И времени для такого шага у Израиля все меньше, поскольку Египет полностью контролирует баланс сил на Ближнем Востоке. Как только к власти в нем придут исламские радикалы, последствия будут необратимы, и произойдет это скоро: 94% египтян одобрили теракт 11 сентября в Нью-Йорке. Более того, его поддержали 40% британских арабов. В действительности эта цифра может оказаться даже выше, поскольку многие британские арабы стесняются выражать поддержку терактам.

Менталитет и недовольство арабов

Людям свойственно уважать противника, который их победил и затем относится к ним хорошо. Израиль поступает ровно наоборот: притесняет палестинцев, но уступает арабам. Этим он их только озлобляет. Некорректно утверждать, что арабы полностью отличаются от жителей западных стран. Последние в прошлом поступали не менее жестоко и коварно; разница лишь в том, что арабы продолжают делать это по сей день. Эта разница накладывает свой отпечаток на

мировоззрение обеих групп.

Растущее неравенство между арабским и западным миром особенно озлобляет арабов. Свободные и инициативные люди решают эту проблему тем, что стараются улучшить свой уровень жизни. Мусульмане поступают ровно наоборот, чем подражают социалистам, – стремятся ухудшить жизнь других. Так рождается агрессивность и терроризм. Смирившись с экономической ущербностью, арабы решают наверстать упущенное военным путем. Поскольку в обычных войнах арабы Израилю проиграли, остается одно – терроризм.

Борьба мусульман добавляет к их имиджу апокалиптическое измерение. В своих прошлых экономических неудачах они не винили Бога, равно как и не считают сегодняшнее нефтяное изобилие знаком его расположения. Былое могущество арабской цивилизации служило доказательством истинности учения Мухаммеда, и сегодняшние военные неудачи могут говорить о том, что ислам как идеология исчерпал себя. Когда мусульмане объявляют миру тотальную войну, они надеются, что своим рвением и самопожертвованием смогут вернуть божественное расположение. Эта истерия не может длиться долго, особенно в мире, которым управляют ценности «Эм-ти-ви». Уже следующее поколение арабов будет гораздо более восприимчиво к западным нравам, как это произошло с коммунистами. Тогда и борьба с Израилем отойдет на второй план. Если Израиль продержится еще несколько десятилетий, он сможет победить в этой борьбе без войны.

Мирные отношения с арабами возможны

В конечном счете и евреи, и арабы заинтересованы в мире и нормальных отношениях. Это не так невозможно, как принято думать. Многие страны становились друзьями после

длительного периода вражды: США и Великобритания, Франция и Германия. Для этого нужно, чтобы война сменилась длительным перемирием. Если бы у евреев и арабов был общий враг, этот период мог бы быть очень коротким. Так произошло в послевоенной Европе, когда Германия и Франция стали союзниками, а СССР и Западная Европа – противниками. Но в нашем случае таким общим врагом может быть только христианская, она же западная, цивилизация, поэтому для Израиля этот вариант не самый удачный.

Другим арабам нет дела до палестинцев

Палестинская проблема – это ширма, которую арабы придумали, чтобы как-то объяснить миру свои внутренние проблемы. Эта отговорка нелепа, поскольку другие арабы презируют палестинцев¹⁶, что видно по отношению к палестинским эмигрантам в арабских странах. ООП нагнетала националистические настроения в Иордании, Ливане и Тунисе, вмешивалась в их дела, но стоило ей поднять вопрос о палестинском государстве, как все это было тут же забыто. И это несмотря на то, что в 1970-х годах Анвар Садат предложил Израилю мир и вопрос палестинского государства был не актуален. Помощь арабов палестинцам несущественна. Да, она демонстрирует арабскую солидарность, но на деле она не позволяет решить израильско-палестинский конфликт, переводя его в разряд хронических.

У арабских стран нет причин заключать мир

Все знают, но часто забывают о том, что Египет заключил с

¹⁶ И палестинцы отвечают им взаимностью. ООП была единственной исламской организацией, которая поддержала СССР в афганской войне.

Израилем мир не просто так, а взамен на возвращение территорий. У других арабских стран нет подобного мотива, чтобы искать с Израилем мира. Таким мотивом не могут быть экономические выгоды: перемирие никак не скажется на состоянии дел в их экономике. Они могли бы бояться каких-то потерь в результате военной конфронтации с Израилем, но Израиль им ничем не угрожает. Следовательно, какой смысл в мире?

С точки зрения арабов, когда Израиль просит о мире, он тем самым выявляет свою слабость. Израиль никак не хочет понять менталитет арабов. К мирным переговорам их нужно принуждать силой. Нужно перевернуть столы и поменять правила игры. Сейчас Израилю перемирие не нужно. Что нужно, так это свернуть все мирные переговоры и объявить арабам, что у них есть три месяца для решения проблемы переселения палестинцев, иначе война будет продолжена.

Интересы и политика Израиля в арабском мире

Каковы они, интересы Израиля? Если определить их слишком пространно, можно стать жертвой двух крайностей. Гонясь за врагами все дальше и дальше, Израиль может слишком сильно растянуть свою территорию и со временем обанкротиться от постоянно растущих военных расходов. С другой стороны, если Израиль совсем перестанет адекватно отстаивать свои интересы и эффективно угрожать внешним врагам, они будут нападать все чаще и чаще. Хотя очень соблазнительно настаивать на полной нормализации отношений с соседями, в действительности этот подход никуда не приведет из-за неясности определений. Если Израиль хочет учитывать внутренние арабские торговые соглашения и политики, он будет втянут в бесконечные дебаты об участии в арабских рынках, где

ему никогда не будут рады. Все это лишь ухудшит арабо-израильские торговые отношения. Таможенный союз с Израилем для арабов неприемлем: их слабые экономики просто не выдержат израильского экспорта, а сам Израиль не выдержит наплыва арабских «гастарбайтеров». Экспансия на иностранные рынки – явление выгодное и давно известное. У тех же англичан война и торговля всегда шли рука об руку. Между прочим, Великобритания никогда бы не допустила бойкот вроде того, что арабы объявили Израилю.

Самой адекватной политикой является политика невмешательства государства в дела рынка. Израиль не может диктовать арабам экономическую политику. Таким образом, мы получаем два практических определения национальных интересов: военный – недопущение военных и террористических угроз со стороны арабов территории Израиля; экономический – недопущение дискриминации израильских компаний по отношению к компаниям других немусульманских стран. Экономические блага не оправдывают затрат на крупномасштабную войну, особенно ввиду того, что арабские рынки относительно невелики, а нефть можно покупать не только в арабских странах. Следовательно, война будет затяжной. Пока арабы контролируют нефтяные месторождения, оправданна только одна мера – сокрушительный упреждающий удар и развертывание полицейских сил в сочетании с угрозой авиаудара с применением оружия массового поражения. Иными словами, полное сокрушение сопротивления на манер древнеримских карательных экспедиций, а не так, как сегодня американцы ведут себя в Ираке.

Если евреи решат, что экономические интересы на мелких арабских рынках оправдывают содержание регулярной армии, тогда можно начать действовать в этом направлении. Тактика военной угрозы для защиты экономических интересов широко

применялась до 19-го века; так поступали страны, которые в любом случае были вынуждены содержать регулярную армию для защиты своих обширных имперских границ. Но содержание армии только и исключительно для продвижения экономических интересов на Ближнем Востоке экономически неоправданно. По-настоящему крупные рынки обычно принадлежат членам НАТО и их партнерам, против которых Израиль вряд ли сможет применить силу. Арабские рынки маленькие, отдача от них не оправдывает вложений. Более того, для участия в этих рынках израильским компаниям придется перестраиваться на выпуск дешевой низкотехнологичной продукции, так что израильская экономика может утратить свой инновационный характер.

Территория не стоит жизней, но иногда другого выбора нет

Конечно, ни земля, ни суверенитет над ней не стоят жизни людей. Однако если провести эту логику последовательно, евреи должны полностью свернуть свое присутствие на Ближнем Востоке. Поскольку этот вариант мы не готовы рассматривать, задача состоит в том, чтобы сосредоточить в руках евреев как можно больше земли и не потерять при этом много жизней. Война – это всегда смерть, неважно, обычная она или террористическая. Поскольку я не могу быть полностью непредвзят в этом вопросе, я предпочту сохранить жизни в первую очередь евреев, пусть даже за счет арабов. Однако если жертвы среди арабов можно минимизировать без ущерба для Израиля, я всегда это поддержу. Но чего я никогда не допущу, так это приоритета левой догмы под маской либеральной морали над жизнями евреев.

Небольшие еврейские общины веками прекрасно существовали в арабских странах. Сегодня ситуация иная: евреи как группа настолько сильны и культурно отличны от других, что

арабы уже не могут мириться с их присутствием даже в качестве автономного субъекта федерального государства. На протяжении истории очень немногие страны наделяли правом гражданства членов крупных меньшинств, не стараясь их при этом ассимилировать, рассеять или покорить. Слабый, но непокорный сосед часто вызывает враждебность, особенно если раньше он был сильным и агрессивным¹⁷. Как только евреи демонтируют свое государство, арабы сразу же объявят на них охоту. Унижение от потери своей страны сломит дух еврейского народа, антисемитизм по всему миру вспыхнет с новой силой¹⁸. Сейчас уже не может идти и речи о безгосударственном сосуществовании с арабами. У израильтян должно быть жизнеспособное государство, и его жизнеспособность должна укрепляться всеми имеющимися средствами, за исключением серьезных человеческих жертв и конфронтации с арабами и международным сообществом.

Что правильнее: бороться за нынешнее государство, окруженное морем непреклонных арабов, или купить землю в Африке, Латинской Америке или Восточной Европе? Или, быть может, договориться об административной автономии в Австралии? Евреям не нужна земля как таковая. В современной экономике сельское хозяйство практически не имеет значения, и нет никакого смысла умирать просто за территорию, тем более столь крохотную. Единственная земля, которая нужна еврейскому народу, — это Эрец-Исраэль, и вовсе не из экономических соображений. С ней связаны нематериальные ценности: религиозное служение, национальное самосознание,

¹⁷ Ключ к успеху — упрямое, вызывающее вплоть до надменного стремление отличаться от других. У евреев это не получается и они сами подливают масло в огонь антисемитизма. Евреям нужно учиться у американцев.

¹⁸ Израильтяне стали «нормальным» народом только тогда, когда обрели собственное государство и армию.

честь. Даже в нынешний век рационализма эти ценности не считаются отжившими, и только евреям в них принято отказывать. Большинство людей уважает тех, кто рискует жизнью ради высоких идей, будь то христианство, социализм, свобода, суверенитет и т. д., в том числе если это подразумевает определенное насилие.

Когда Вейцману предложили создать еврейское государство в Уганде, он возразил, что англичане ни за что бы не согласились перенести свою столицу в Париж. «Но Лондон наш», – воскликнул его собеседник. «Иерусалим был наш, когда Лондон еще представлял собой болото», – ответил Вейцман.

Когда евреи создавали свое государство, им ни помогли ни англичане, ни ООН. Израиль появился только благодаря силе.

Израиль должен ограничить демократию

Сейчас возможность демократии для Израиля – миф. Поскольку мира в Израиле нет, значит Израиль на войне. Войне неоднозначной, экспансионистской. Троцкистская формула «ни мир, ни война» привела к краху России, и Израиль хочет пойти по этому же пути. Демократия мирится с разными точками зрения и не настаивает на единении нации ради достижения какой-то цели. В силу этой своей особенности демократия подходит для мирного времени, но никак не для войны. Демократии Древней Греции либо вели короткие экспансионистские войны, либо объединялись в альянсы самыми недемократическими методами. Кроме того, в них не было политической неопределенности: все граждане желали грабежа. Вторая мировая война продемонстрировала, что тоталитарные режимы имеют огромный военный потенциал: Америка с большим трудом справилась с крохотной, еще вчера аграрной Японией.

Многие страны пришли к выводу, что во время войны нужно ограничить свободы, ввести цензуру и отложить выборы, таким образом заморозив демократические процессы¹⁹. При этом заключаются тайные соглашения с иностранными правительствами, широко используется дезинформация, замораживаются правовые процедуры. Таким образом, вводится временный автократический режим, направленный на достижение определенной одобряемой населением цели.

Не существует ни неотъемлемого права на государство, ни неприкосновенности государства

Ни одно правительство не рассматривает всерьез утопический идеал о праве наций на самоопределение и государственность. Будь это так, Россия давно бы разрешила отделиться Чечне, а Великобритания отпустила бы Ирландию по первому требованию, а не воевала с ней веками. Если довести этот идеал до логического завершения, то все современные государства должны распасться на множество общин размером с деревню. Эта извечная мечта анархистов и кошмар остального человечества. Анархисты проводят знак равенства между правом собственности на землю и суверенной юрисдикцией над ней. Если дать несогласным право отделиться и создать независимую колонию, войн будет гораздо меньше. Пока существует концепция национальных государств, территориальные войны будут продолжаться и впредь. Впрочем, войны становятся все более разрушительными, что служит сдерживающим фактором.

Гуманисты вроде Ноама Хомского²⁰ справедливо

¹⁹ Во Вторую мировую Америке не пришлось сворачивать свободы лишь потому, что в американском обществе не было ни одной значимой группы, выступавшей за мир с Германией и Японией.

²⁰ Несмотря на весь несбыточный идеализм Хомского я глубоко уважаю его

утверждают, что для мирного разрешения конфликтов стороны должны одинаково понимать, что справедливо, а что – нет. У евреев и арабов это правило не соблюдается, потому что их интересы принципиально несовместимы. Общие интересы могут возникать при наличии общих врагов, но такой возможности сейчас нет. Любой враг евреев почти автоматически становится другом арабов, как было в случае с нацистами.

Возможна ли вообще такая цель, которая будет одинаково важной для двух врагов, причем настолько, что сплотит их? Экономически Израиль не так привлекателен для арабов, как традиционные партнеры вроде Великобритании и Франции и тем более США. Даже Китай и Япония для них более привлекательны. Политические гарантии и военную помощь арабам предоставляют опять же США. Ни арабы, ни Израиль не заинтересованы в формальном мирном соглашении, им обоим выгодны вражда и мелкие бунты: благодаря этому они оказываются в центре международной политики, получают различные экономические дивиденды и военную помощь, так нужные любому правительству, если оно хочет быть сильным. Наличие иностранного врага отвлекает народ от внутренних проблем и цементирует и арабские диктатуры, и израильский социализм.

Евреи уже две тысячи лет считают Иерусалим своей вечной столицей, это центр их национального самосознания. Но Иерусалим нужен не только евреям, но и арабам. Существует ли равно удовлетворительное для обеих сторон решение проблемы? Ни одна из сторон не доверяет традиционным посредникам, обе подозревают США в преследовании собственных интересов. Подобные споры разрешаются только

воззвание к совести. Он напоминает нам о нравственности, когда мы предпочитаем эффективность, и о сострадании, когда мы преследуем свои интересы.

через баланс сил – точку равновесия комплекса военных и моральных векторов, но никак не через чьи-то теоретические рассуждения и гипотезы, которые всегда основаны на частных точках зрения. Любое мирное решение будет произвольным и потому неприемлемым для очень многих людей. В масштабах крохотного Иерусалима сто метров – как сто километров. Почему палестинцы должны получить только Западный берег, а не всю территорию до 1948 года, включая весь современный Израиль? Почему евреи должны согласиться с разделением, а не забрать себе всю Обетованную землю целиком, включая всю Палестину? Ответ на оба эти вопроса и находится в точке равновесия сил сторон.

Многие не доверяют религиозным аргументам. Хорошо, рассмотрим более традиционные доводы, которыми государства обычно обосновывают свое существование. Например, стремление к расширению – движущая сила многих стран. Если даже такой негуманный аргумент мир принимает как правомерный, то в чем проблема с аргументом религиозным? Почему в Югославии и Индонезии можно делить территорию по религиозному признаку, а в Израиле – нельзя? Если африканские племена, едва вышедшие из каменного века, имеют право суверенитета на землю своих предков, то почему его не имеют евреи? Если мировое общественное мнение согласно с подавлением многовековых национальных чаяний испанских басков и российских татар, то почему оно протестует, когда евреи подавляют национализм палестинцев, которому едва три десятка лет и который не основан ни на общей крови, ни на единой культуре? Почему те же люди, которые создали в Иерусалиме христианское королевство, сегодня осуждают евреев за контроль этого города? Почему белым колонистам можно было выдворить американских и австралийских аборигенов, чтобы создать свои государства, а евреям это

сделать нельзя? Почему ни одно государство не возражало, когда Саудовская Аравия овладела своей территорией силой, но сегодня бурно протестуют, когда то же делает Израиль? Почему Польше и Чехословакии можно было выселить своих граждан по этническому признаку, а Израилю это сделать нельзя?

Когда кто-то оспаривает право евреев на эту землю, он игнорирует важнейший вопрос: а есть ли это право у арабов? Евреи покупали землю у палестинцев. Никого не выселяли, никто не нарушал ничьих прав собственности. Изначально огромные территории представляли собой необитаемую пустыню и топь, и евреи превратили их в цветущий сад. Да, они приобрели себе эту землю упорным трудом. Некоторые возражают: все государства включают в себя какую-то часть неосвоенных территорий. Но у палестинцев никогда и не было государства: эта территория сначала находилась в юрисдикции турок, а затем – англичан. Палестинцы даже не считались народом, могущим притязать на суверенитет. Ко времени, когда колониальные власти передали эту территорию местному населению, это население состояло не только из палестинцев, но и из евреев. Англичане только потому решили разделить предназначенную для Израиля землю на две разные страны, что куда-то нужно было поселить кочевых арабов, которых не хотела принимать даже Иордания. Евреи вовсе не забирали эту землю у палестинцев, просто потому что ни одна сторона – ни палестинцы, ни евреи – формально ей не владела.

Сегодня многие ошибочно полагают, что палестинцы борются за ту землю, которой они владели раньше. Факт в том, что палестинцы никогда не владели этой землей. До 1970-х годов, когда началась эпоха палестинского национализма, все арабские бунты были антиеврейскими, а не пропалестинскими. Если исходить из точки зрения, что владение отдельными участками земли оправдывает суверенитет над всей страной,

тогда в 1947 году позиции евреев были сильнее, чем арабов, поскольку первые покупали землю в законном порядке, а вторые никогда не имели на нее никаких документов. Но все же надо признать, что частная собственность на землю далеко не то же самое, что суверенитет над ней. Арабы требовали больше земли, чем им было необходимо в действительности, и это при том, что в Иордании у них и так было более чем достаточно земли. Евреям ничего не оставалось, кроме как договариваться.

Уважение к частной собственности не абсолютно: когда во время голода люди грабят продуктовые магазины, это не вызывает общественное возмущение. Поскольку для многих людей религиозные и идеологические ценности важнее жизни, имущественные права тем более подчинены религиозным ценностям. Даже если бы Иерусалим действительно принадлежал арабам, евреи имели бы полное право им овладеть, потому что иудаизм – единственная религия, в которой Старый Иерусалим играет центральную роль. Для христиан более важна Голгофа, а для мусульман она утратила всякую ценность в тот момент, когда Мухаммед переориентировал ислам в сторону Мекки.

Этот конфликт вовсе не об имущественных правах; в целом Израиль уважает частную собственность арабов на отдельные здания и участки земли. Сторонники противоположной точки зрения обычно настаивают на передаче неиспользуемой земли и всей враждебной территории мусульманским собственникам. Лучше один раз выселить враждебное население, чем постоянно жить в ненависти. Конфликт и не о политических свободах, ибо далеко не факт, что арабы собираются отнять у евреев все права и свободы. Не преследует война и религиозные цели, поскольку в Израиле прекрасно сосуществуют несколько религий. Война ведется исключительно за государственный и муниципальный контроль над территорией.

Границы – это графическое выражение текущей точки равновесия сил. Они всегда были и всегда будут в постоянном движении. Все попытки национальных государств придать своим границам сакральный статус ради достижения желаемого статус-кво обречены на провал. Если однажды палестинцы наберутся сил, они просто выбросят Израиль с Ближнего Востока. Аналогично поступит и Израиль.

Совершенно естественно, что арабы хотят закрепить за собой ту землю, на которой живут. Но для евреев эта земля – средоточие всех их национальных чаяний. И она смехотворно мала в масштабах всего арабского мира.

Человечество веками силится достичь такого состояния, чтобы дальнейшие коррекции границ не стоили войн. Пока палестинцы не переходят к насилию, евреи должны гарантировать палестинцам право на жизнь и имущество. Однако не существует *права* на страну, и тем более на страну в конкретных границах. Такая цель может быть достигнута только силой. Но никакое насилие не бесконечно. Несколько мощных ударов, и у врага пропадает желание продолжать противостояние, особенно если у него хорошая экономика (как было во Франции при Наполеоне и позже в Германии).

Когда конфликты решаются за счет баланса сил, кровь льется редко. Именно так и было бы в 1948 году, если бы евреи повели себя с арабами честно. Арабы спокойно приняли средневековое христианское Иерусалимское королевство²¹,

²¹ Тот факт, что арабы называли город на римский манер – Элия-Капитолина, а не на арабский – аль-Кудс (Святой), показывает, что они не придавали ему большого религиозного значения. Для Саладина, который захватил Иерусалим веком позже, это было рядовое приобретение в многочисленной череде завоеваний. Вскоре после этого Саладин отдал город христианскому императору Фредерику II, и о нем никто не вспоминал вплоть до 19-го века, когда сионистская иммиграция внезапно сделала его краеугольным

созданное грубой силой ради низкой наживы. Если бы в 20-м веке евреи повели себя аналогичным образом, используя лишь силу, у арабов не было бы ни малейших возражений. Но евреи допустили роковую ошибку: для оправдания своих притязаний они использовали не силу, а религию. Одно дело – сказать: «Отдай мне это, потому что я сильнее и могу тебя убить», и совсем другое: «Отдай мне это, потому что я считаю это важным» – тогда как собеседник это таковым не считает. Он не просто найдет массу контраргументов, но будет сражаться с вами с утроенной энергией, потому что свою позицию он считает верной, а вашу – ошибочной.

Людям свойственно гораздо острее реагировать на посягательство религиозных прав, чем прав собственности. Идеологические построения сионистских лидеров только разозлили арабов. При этом самих евреев эти построения интересовали мало, что стало очевидно, когда на заре сионистской эры многие евреи предпочли Ближнему Востоку Уганду. Многие отцы-основатели Израиля, если не большинство, были светскими социалистами. Для них не существовало религиозных аргументов в пользу вторжения на Ближний Восток. Факт в том, что евреи овладели землей просто потому, что хотели и могли это сделать. Конечно, это не оправдание. Это просто причина. И евреи сделали это сами, без всякой помощи – как во времена Иисуса Навина, как в Войну за независимость 1948 года.

История не знает примеров, когда жизнеспособное государство создавалось и сохранялось исключительно мирными средствами²². Все хорошие территории заняты с глубокой

камнем арабской политики.

²² Некоторые государства зарождались в необычных обстоятельствах, не имеющих параллелей на Ближнем Востоке, например Сингапур. Многие бывшие колонии получили государственность от своих прежних хозяев.

древности. Если евреи решили иметь собственное государство, у них было только два варианта: либо изгнать местное население, либо полностью подчинить его. В свое время разрозненные германские королевства консолидировались в единую Германию – железом и кровью. Каких-то полвека назад французы убили миллионы людей в безнадежном стремлении сохранить свои колонии. Когда народ выковал свою государственность железом и кровью и укрепил ее, ему легко учить других и читать нотации о морали. Но Израиль находится в самой начальной стадии зарождения государственности и не может позволить себе подобную роскошь. Понятие государства аморально по своей природе, и его просто нет смысла облекать в высокоморальные термины. Для палестинцев образование Израиля было и остается несправедливым историческим деянием, поскольку они лишились земли, которую считали своей. Но раз уж израильтяне решили это сделать, это нужно делать самозабвенно, без колебаний, поиска оправданий и самообмана вроде того, что палестинцы ушли из своих деревень добровольно. Как можно отнять у арабов огромные территории лишь для того, чтобы затем вернуть их обратно за клочок тленной бумаги?

Нужно перестать мыслить в категориях идиллической высшей справедливости, которой никогда не существовало в международных отношениях. Эти отношения основаны исключительно на силе. На ней же основан и процесс создания государств – это естественный, общепринятый порядок вещей. Теория права запрещает выборочно судить одного человека за деяние, которое совершают все без исключения. Почему же Израиль произвольно выбрали и осудили за то, что он создает

Большинство из них еще слишком молоды, чтобы делать какие-то выводы. Государство создается силой – это фундаментальный принцип, и маловероятно, что в ближайшем будущем мы увидим серьезные исключения из него.

свою государственность общепринятыми методами, которые использовали все страны во все века? Преступление – это всегда исключительное деяние. Возможно, государственность плоха сама по себе, пусть так, но причем здесь Израиль? И тем более, что родовые муки Израиля несоизмеримо мягче, чем у многих других стран.

Да, мир, основанный на взаимных соглашениях, уступках и мирном разрешении споров, был бы прекрасен. Но как создать такой мир? Его нет, что хорошо усвоили первые европейские поселенцы в Америке. Все нации мира зародились в кровопролитии и поддерживаются силой. Все, что пишется на бумаге, не имеет большого смысла. Израиль как государство не может зиждиться на бумажных соглашениях с арабами. Международные соглашения – это только побочные продукты антигуманных военных побед.

Историческое право – фикция

Обоснование израильского государства «историческим правом» – абсурд и нелепость. Если это право есть у евреев, которых тут не было две тысячи лет, то его куда больше у арабов, которые тут были еще пятьдесят лет назад. Более того, ни евреев из Иудеи, ни арабов из Израиля не изгоняли силой. И те, и другие эмигрировали сами под давлением враждебного режима.

Израильтяне не должны апеллировать к двухтысячелетнему историческому праву. Такого права в принципе не существует. В разное время этой землей управляли Древний Египет, Месопотамия, Рим и Турция, и всем им пришлось усвоить этот горький урок. Американские индейцы сегодня не управляют своей страной. Гораздо более действенным аргументом является другой: тридцать лет

оккупации после Шестидневной войны 1967 года, плюс уход из страны коренного населения, плюс израильский суверенитет *де-факто*.

Правда не в силе, но кому интересна правда? Арабам совершенно неинтересны еврейские национальные устремления, а евреи столь же глухи к исламской доктрине о невозможности уступать святую землю неверным. Понятие прав существует только в конкретной системе аксиом и вне этой системы перестает существовать. Между группами – носителями разных систем аксиом – единственным аргументом является сила, смягченная универсальным неприятием массовых зверств.

Израиль апеллирует к некоторым христианам, напоминая им о своих библейских правах на эту землю. И забывает, что большинство христиан сами считают себя Новым Израилем вместо евреев. Но в любом случае эта земля принадлежит какому-то Израилю, будь он новый или старый, – но никак не мусульманам, для которых притеснение христиан является религиозным долгом.

Сербы и боснийцы враждуют до сих пор, хотя прошло уже шестьсот лет. Разжечь крупный конфликт могут всего несколько горячих голов. Палестинцы никогда не забудут то зло (именно так они его воспринимают), которое причинили им израильтяне. Самое целесообразное решение этой проблемы – выслать палестинцев, рассредоточить их и ассимилировать среди других арабов. Евреям удавалось сохранять национальную самобытность в Диаспоре только благодаря своему культурно обусловленному изоляционизму. У палестинцев нет такого глубокого осознания собственной самобытности. Живя в крохотном обрезке своей страны на границе с Израилем, они будут постоянно помнить о своем унижении. В такой ситуации появление сильного партизанского движения практически неизбежно. Если оставить палестинцев там, где они сейчас,

конфликт никогда не стихнет: не потому, что какая-то из сторон не права, а потому что конфликт, основанный на национальных амбициях, в принципе не подлежит урегулированию. И даже если бы он ему подлежал, слишком много людей по обе стороны все равно останутся недовольными. Этот огонь будет тлеть, чтобы вновь разгореться в полную силу по первому попавшемуся поводу.

В этой книге вы часто встретите противоречивые советы, например перевести Храмовую гору под юрисдикцию арабов или уничтожить на ней мечети. Дело в том, что осуществимо любое из этих предложений, конкретный выбор зависит от субъективных предпочтений. Главное, что Израиль должен наконец определиться с политикой и начать претворять ее в жизнь, а не колебаться и метаться из стороны в сторону, теряя жизни, деньги и уважение к себе.

Если евреи хотят увеличить свою территорию, это нужно делать умно и эффективно. *Если* евреи хотят иметь собственное государство, оно не может быть ни многонациональным, ни демократическим. *Если* возникает угроза войны, Израиль должен наносить удар первым. Если мы решили, что некая злая цель оправдывает средства, то нельзя усугублять цель затягиванием средств. Израиль десятилетиями закрывает на проблему глаза только потому, что бежит от ее решения, которое причиняет ему дискомфорт. Он боится увидеть четкий ответ на четкий вопрос, за что платит тысячами жизней и сотнями миллиардов долларов²³. Эта книга предлагает негуманное решение, но по совокупности последствий нынешняя политика многократно хуже.

²³ По состоянию на 1994 год, включая помощь США. Совокупные потери Израиля начиная с 1948 года оцениваются в триллион долларов (с учетом потерь для ВВП от призыва в армию, перемещения экономических ресурсов, эмбарго и других косвенных убытков).

Вероятность захвата арабских государств

В оборонительной войне Израиль должен требовать от противника безоговорочной капитуляции. Израильские политики забыли об этой древней мудрости и упрямо повторяют ошибку Первой мировой войны – позволяют побежденному противнику перевооружаться. Привычка постоянно заключать перемирие обходится нам слишком дорого. Солдаты любят побеждать, а неопределенность ситуации лишает их воли к победе.

Израиль должен оккупировать столицы вражеских государств. Чтобы минимизировать потери личного состава, это нужно делать в два этапа. Первый – разрушение экономически важных объектов и самой столицы с воздуха. Потери среди мирного населения следует игнорировать, поскольку это население осознанно участвует в войне, выбирая и поддерживая свое правительство. Второй – создание местного марионеточного правительства при поддержке нескольких механизированных соединений. При необходимости вызывается авиация. Военные репарации будут платиться нефтью. Охранять всю страну, как делают американцы в Ираке, не нужно, достаточно лишь нефтяные скважины и трубопроводы. После нескольких лет такого унижения противника Израиль может разрешить выборы, но с одним условием – конституционный запрет больших военных расходов. Так США поступили с Японией после Второй мировой войны. Без нефти арабы настолько обеднеют, что Израилю не составит труда навязать им все нужные требования.

Как лучше поступать с завоеванными территориями и ресурсами, возвращать или аннексировать? Страны-победители редко возвращают оккупированную территорию, даже если она не имеет экономической и военной ценности. Редкие

исключения были продиктованы необычными обстоятельствами. США даровали Филиппинам независимость для укрепления своего имиджа антиимпериалистической народной демократии, исполняющей обещания. Кроме того, Америка просто не смогла бы удержать удаленную, густонаселенную колонию против воли ее населения, тем более что Филиппины не возражали против размещения американских военных баз.

Если государство оккупирует чужую территорию для последующего обмена на нормализацию отношений, оно должно поддерживать достоверность такого сценария. Как только арабы увидят, что они могут вернуть потерянную территорию, не подписывая мирное соглашение, у них просто не останется причин его подписывать. Ни одна страна мира не будет возвращать землю враждебному соседу, который не намерен восстанавливать мирные отношения. Совершенно непонятно, как Израиль мог поддаться давлению Ливана и Сирии. Если государство обанкротилось или выродилось в террористическое, каким политическим весом оно может обладать?

Конец мифа о гуманной войне

Израиль должен понять, что на войне нет места нравственности. Главным приоритетом должно быть спасение израильтян любой ценой, вне зависимости от жертв среди арабских солдат, чиновников и мирных граждан. Большинство израильских политиков на это готово, хотя мы знаем и примеры обратного. Так, действия Израиля в Ливане привели к колоссальным жертвам среди израильского населения, потому что в угоду прессе и ради сохранения мифического имиджа наши лидеры свели боевые действия к минимуму, чтобы

минимизировать потери арабов – ценой потерь евреев²⁴.

Если Израиль не страна для евреев, тогда к чему лицемерные разговоры об исторических и религиозных правах? За высокий идеал многие люди готовы отдать жизнь, но для этого они должны понимать, что некоторые политические цели могут быть важнее жизни. От солдат можно ожидать, что они будут умирать за своих товарищей по оружию, но никак не за врагов, военных или гражданских. Израильское правительство не должно навязывать солдатам романтические идеалы. Пожертвовать жизнью ради спасения ребенка или женщины врага – благородно, но нельзя заставлять это делать всех. Советский Союз боролся за распространение империалистического социализма, Америка – демократии. Религиозные евреи считают, что перед Израилем стоит трансцендентная библейская задача укорениться в Обетованной земле, но ведь в той же самой Библии есть места, где требуется вырезать хананеев. Для светских евреев государство Израиль только инструмент личного обогащения, и они не будут умирать за арабов. Не может быть понятия о недопустимом уровне потерь среди противника. Конечно, стирать с карты Наблус ради нескольких террористов – мера избыточная, но что мешает уничтожить с воздуха здание, в котором они находятся? Разве это не гораздо лучше ближнего боя?

Войну ведет не армия, а страна. Солдаты не просто стреляют в других солдат – в первую очередь они ненавидят противника. Если запретить солдатам вредить гражданскому

²⁴ Другой причиной был страх эскалации конфликта. Израиль постоянно переоценивает своего противника (за исключением 1967 и 1973 годов). Точно так же американцы переоценивали СССР (не стали адекватными средствами решать проблему Кубы, изымать ядерные арсеналы у ослабленной после развала Союза России) и Китай (когда Труман побоялся применить в Ялу ядерное оружие).

населению, у них разовьется раздвоенное отношение к противнику, снизится воля к победе. Ни одна западная армия не интересовалась судьбами гражданского населения вплоть до 18-го века, когда в военном искусстве произошел ряд изменений. В городских боях гибли большинство жителей городов, рядовым явлением были грабежи и пытки. Романтический рыцарский идеал христианской войны (что само по себе оксюморон) соблюдался очень недолгое время, пока армии были небольшими и не очень мобильными, а столкновения происходили на открытой местности. Но уже армия Наполеона жила за счет грабежей; во Второй мировой войне воюющие стороны уничтожали население Ленинграда и Дрездена, чтобы сокрушить волю противника. Корея, Алжир, Вьетнам, Афганистан, Югославия, Ирак – все эти страны несли большие потери гражданского населения. Война – это всегда убийство без разбора, особенно когда партизаны специально смешиваются с населением. Единственное исключение – когда целью армии является уничтожение военной инфраструктуры противника. В таких случаях убивать мирное население нет смысла: это отвлекает армию, обременяет ее добычей²⁵ и подготавливает почву для будущих бунтов.

Однако в войнах Израиля, особенно в операциях против партизан, ситуация принципиально иная. Для арабов характерна верность своим лидерам, особенно если те воюют с Израилем. Население всегда поддерживает арабские армии, арабских партизан. Бедные, необразованные общества гораздо более

²⁵ В профессиональных хорошо оплачиваемых армиях военная добыча уже не так актуальна, тем более в условиях мобильной войны, когда добыча всегда лишняя обуза. Многим командирам омерзительна сама идея грабежа. Однако полностью устранить это явление невозможно. Русские неплохо поживились в Германии в 1945 году, а израильтяне и арабы грабили друг друга в 1948-м.

сплочены, чем привыкли думать западные либералы. Мусульмане открыто смеялись, когда американцы пытались доказать, что воюют с террористами, а не с населением. Мусульмане прекрасно знают, что между этими понятиями разницы нет. Никакая армия не обособлена от своего народа. Так было и в западных странах до начала эпохи всеобщей воинской повинности. Арабы поддерживают свои армии в том числе и экономически. Если монархи армиям платили сами, то в современных государствах армии зависят от налогов и военных заводов. Следовательно, гражданское население принимает полное участие в войне и не может требовать, чтобы его от нее оградили.

Многие сторонники теории гуманной войны совершенно незнакомы с военной историей, не представляют себе реалий войны. В одной и той же военной ситуации любая полумера всегда хуже, чем решительная конфронтация. Полумера дольше по времени и в силу этого более болезненна. Она приводит к озлоблению и одичанию армии: из-за избытка свободного времени солдаты начинают издеваться над населением и вести себя как простые уголовники. Военные специалисты всегда это понимали, почему история и знает ковровые бомбардировки Дрездена, атомную бомбардировку Нагасаки, массовое уничтожение отступающей иракской армии вместе с гражданским населением в 1991-м году и много других подобных случаев. Израиль не должен повторять чужие ошибки и спасать гражданское население противника ценой жизни собственных солдат.

Когда явной угрозы со стороны арабов нет, очень сложно заставить израильтян рисковать жизнью ради политики, которую они не поддерживают, тем более что два крупнейших политических блока пользуются примерно равной поддержкой избирателей, а оппозиция критикует каждое действие

правительства. Если принять меры, направленные на защиту солдат, пусть и ценой увеличения потерь противника, это только укрепит их волю к победе.

Когда человек сражается за важные для себя ценности, он может быть жесток, поскольку ценности всегда важнее жизни врага. Враг противостоит этим ценностям и за это справедливо ненавидим. Когда же солдаты не вполне разделяют цели войны, они начинают колебаться в причинении врагу страданий. Как в суде недостаток улик автоматически означает оправдательный приговор, так и солдат «оправдывает» преступника, в вине которого он не уверен. Соответственно, снижается желание рисковать собственной жизнью. Неуверенные солдаты воюют неуверенно. Вот почему Израиль должен оставить полувойны и начать вести нормальные безжалостные войны, разъясняя народу и армии их важную идеологическую подоплеку.

Как заставить арабов согласиться на мир

Поведение, рациональное в небольших группах, может не работать в сложных адаптивных общественных системах. В арабо-израильском конфликте задействовано слишком много сторон, сталкивается слишком много интересов, действия игроков слишком непредсказуемы. Ни у одного игрока нет четко зафиксированных позиций. Позиции постоянно приспособляются к изменяющимся обстоятельствам, предотвращая ответную реакцию системы.

Представление о том, что можно сесть за стол переговоров и прийти к миру, – это такая же рационалистическая фантазия, как и плановая экономика. Ни законы, ни выборы не могут определять спрос и предложение – это делают мириады взаимодействий между игроками рынка, многие из которых почти незаметны и на первый взгляд бессмысленны. На процесс

ценообразования влияет множество мини-конфронтаций между покупателями и продавцами. Цены определяет не добрая воля, а относительная рыночная сила поставщиков и потребителей. Что в экономике, что в политике мир создает невидимая рука – множество мини-конфликтов между сторонами, при котором соотношение сил постоянно меняется то в одну, то в другую сторону. Решать проблемы на основе доброты можно только в небольших группах, на высоком уровне это невозможно: в мире слишком много взаимоисключающих мнений и менталитетов, и это вызовет не добрую волю, а наоборот озлобление.

Представим, что два разумных человека хотят решить какую-то проблему. Почти все вокруг уверены, что они придут к взаимоприемлемому решению. Как в такой ситуации можно готовиться к войне? Это было бы просто насмешкой над здравым смыслом.

Однако в случае Израиля это не так. В нашем случае речь идет о монополии, когда две стороны хотят получить одно и то же (или думают, что хотят). Компромисс (разделение Иерусалима) равно унизителен для обеих сторон. Представим, что монголы потребовали бы совместного управления Москвой на том основании, что несколько веков контролировали русские территории. Христианский мир стремился контролировать Иерусалим всю свою историю вплоть до 19-го века, когда началась эра религиозного цинизма. Этот город важен и для евреев, и для арабов. У этого конфликта не две стороны. Не все мусульмане мира готовы подписать мирный договор, а даже подписав его, они смогут легко его игнорировать и продолжать решать свои задачи с помощью асимметричной войны. Не существует международных судебных и правоохранительных органов, которые могли бы контролировать соблюдение договоренностей. Гарантии ООН не спасли нас от войны 1967-го года, гарантии НАТО не менее спорны. У Израиля нет глубины

обороны, он просто не сможет сидеть и ждать помощи, когда война уже началась.

Есть и еще одно отличие от вышеприведенной образцовой модели – массы не рациональны. Если солдаты противоборствующих сторон иногда не готовы видеть друг в друге противников, то массы делают это охотно. Когда над солдатом нависла угроза смерти, он может враз забыть обо всей идеологической шелухе, которой его пичкали раньше. Но массы, сидя в комфортном кресле перед телевизором или в кафе, с удовольствием поддерживают террористов и подливают масло в огонь ненависти. Страны могут прийти к соглашению, но разве Израиль воюет со страной? Партизаны не уважают соглашения и не боятся возмездия.

Даже европейские народы с одной религией, национальностью и культурой воевали друг с другом веками и по любому поводу, не обращая внимания ни на какие соглашения и союзы. Последние шестьдесят лет мира заставили многих поверить, что это будет длиться вечно. На самом деле этот мир длится до сих пор только благодаря наличию сильного общего врага: сначала это был СССР, теперь это общий торговый враг Запада – Азия. Если европейцы образованны, трудолюбивы, законопослушны и богаты, то арабы – их полная противоположность во всем. Для европейцев локальные войны стали экономически невыгодны всего несколько десятилетий назад. Сегодня между ними нет даже существенных идеологических и этнических различий. Евреи же, напротив, всеми силами хотят сохранить свое отличие от арабов, и на этой почве возрастает ненависть. Когда израильские цари тактически побеждали своих соседей, они искренне верили, что начинают эпоху мира, но уже через несколько десятилетий ситуация резко менялась. Это Ближний Восток, он был и остается полем нескончаемой брани.

США отняли у Мексики Калифорнию, но мексиканцы почему-то не взрывают американские автобусы. Нет, Мексика полностью смирилась с потерей Калифорнии – потому что американцы никогда не обещали ее вернуть, не заявляли о своих исторических правах и не просили гуманных мексиканцев пожалеть европейских беженцев в Новом Свете. Американцы взяли Калифорнию с силой и гордостью, чем заслужили восхищение. Палестина, пусть даже как государство, относится к Израилю, как Мексика – к США, с восхищением и предвкушением новых рабочих мест. А вот Израиль этого не хочет, потому что боится наплыва палестинских иммигрантов.

Чтобы получить мир, Израиль должен воевать. Римляне достигли могущества, потому что никогда не ждали от врага первого удара, но наносили упреждающие удары, обычно с целью демилитаризации врага и поставления дружественного правителя. Известен афоризм Береция Рената: «*Qui desiderat pacem, praeparet bellum*, Vegetius Renatus» – в котором он критикует политику пассивного ожидания нашествия варваров. Пацифизм – цель, но не средство.

Нужно прекратить платить мусульманам субсидии. Причина очевидна: ни материальное поощрение хорошего поведения, ни санкции за плохое поведение просто не работают. Как только люди понимают, что им платят за то, чтобы они сидели тихо, цена сразу же идет вверх. Римский *rex romanus* держался на силе, а не на деньгах. США не раз пытались покупать себе союзников и всегда впустую: враги прибирали деньги к рукам и лишь еще больше озлоблялись. Деньги далеко не всё, а в сравнении с идеологией – вообще ничто.

Если Израиль и арабы перестанут цепляться за иностранную помощь и объявят перемирие, одна из сторон тут же начнет шантажировать другую срывом этого перемирия. Прекратить вражду не помогут даже экономические санкции.

Зависимость порождает ненависть, и арабы начнут ненавидеть Америку сразу же, как только попадут в зависимость от нее.

После Первой мировой войны Германия не отреклась от своего милитаризма, хотя Союзники не стали вторгаться на ее коренную территорию и практически отказались от репараций. Но после катастрофы Второй мировой войны терпение Союзников закончилось, и план Маршала звучал уже совершенно в ином ключе.

Сила – единственный убедительный аргумент в системе международных отношений с ее неопределенностью, когда все разрешено и ничто не гарантировано. Добропорядочное поведение невозможно ни купить, ни даже просто определить. Если, скажем, это прекращение вражды, тогда Израиль должен быть рад длительному перемирию. Но для палестинцев оно неприемлемо, потому что перемирие для них лишь способ перегруппироваться и подготовиться к следующей стадии конфликта.

Немногие солдаты идут на войну ради идеологии. И даже те, кто это делает, забывают о ней сразу же, как только попадают под пули. Большинство израильских солдат не ненавидят мусульман (хотя многие презирают). Примечательно, что израильские евреи арабского происхождения во втором поколении ненавидят своих этнических собратьев гораздо чаще, практически так же, как арабы ненавидят израильтян. Обеим сторонам не мешает умерить ненависть друг к другу, но это очень длительный процесс. Он может ускориться, если появится общий враг, которого можно обвинить во всех бедах. Жить без врагов может только богатое общество, а палестинцы отчаянно бедны.

Добровольное решение конфликта в принципе невозможно. Даже если такое решение будет весьма разумным (палестинское государство на Западном берегу и в Газе,

автономия мусульманских объектов в Иерусалиме, компенсации за имущество), всегда найдутся отдельные боевики, которые его не примут. Исламские радикалы требуют для потомков первых беженцев права на возвращение в Израиль, автономию израильских арабов, бойкот и даже эвакуацию еврейского государства. Да, таких радикалов будет немного, большинство арабов за ними не пойдет, но для успешных терактов с участием смертников и не нужно много людей. Никакое мирное соглашение не будет лучше того военного статус-кво, которое Израиль имеет сейчас. Максимум, что оно сможет сделать, это поспособствовать развитию доброй воли между евреями и палестинцами с прицелом на будущее сотрудничество.

Есть и другой вариант: сначала договориться с арабскими странами и лишь затем решить проблему терроризма, одновременно снизив уровень боевой готовности. Можно ли заставить арабские страны подписать мирный договор – вопрос сложный. Пока с их стороны требований явно больше, чем компромиссов. Мусульмане и дальше могут быть враждебны к отношению к Израилю, не позволяя ему демобилизоваться. Время притупляет ненависть, но следующее поколение, не помнящее уроков прошлого, может снова ее разбудить. Израиль – идеальный враг для арабов. Большой угрозы он не представляет, зато им всегда можно объяснить собственные внутренние неурядицы. Израиль – чужеродное тело на Ближнем Востоке, с которым мусульмане никогда не смирятся.

Задачи мира

Израилю мир не нужен

Мир между арабами и Израилем возможен только на бумаге, потому что *джихад*, с точки зрения ислама, есть вечный долг верующего. Военный джихад может лишь прерываться недолгими перемириями, что сейчас и происходит. Арабы считают неприемлемым подчиняться незаконным соглашениям, а соглашение с государством неверных на территории Дар аль-Ислам, исламского мира, по определению незаконно, и подчиняться ему могут только неверные. Можно возразить, что ислам не считает евреев неверными в строгом смысле, они пользуются особым статусом. Но радикальных имамов это обстоятельство никогда не беспокоило. Израиль – государство не теократическое, а светское; следовательно, оно неверное. С точки зрения имамов, Израиль продвигает ценности Великого Сатаны. Очень немногие мусульмане готовы признать, что джихад – устаревшее и невыполнимое обязательство наподобие тех, что встречаются в зрелых религиях. Столь же немногие готовы перетолковать понятие джихада в терминах мирной конкуренции. Партизаны-фундаменталисты, выступающие против мирного договора с Израилем, считают джихад военным долгом и не собираются идти ни на какие уступки Западу. Если арабы всегда нарушали даже перемирия с Израилем, то как можно надеяться, что они будут соблюдать полноценное мирное соглашение? Делу не поможет никакая нормализация: перед Первой мировой войной у России, Германии и Великобритании были прекрасные отношения друг с другом.

Если бы Израиль решил определиться, зачем ему нужен мир, он сразу же понял бы, на какие уступки можно пойти, а на

какие — нет. Для спасения от арабов формальный мир не требуется. Во-первых, перспективы крупномасштабной войны с арабской коалицией нет и не предвидится. Во-вторых, если в какой-то из арабских стран к власти придет ультрарадикальный милитарист, он сможет начать войну вне зависимости от наличия или отсутствия бумажных соглашений. Но это достаточно маловероятно, особенно в богатых арабских странах, население которых ценит комфорт и не очень-то стремится воевать.

Для Израиля вполне достаточно простого прекращения огня. Америка и СССР закончили ряд своих войн (Япония, Афганистан, Корея, Вьетнам) без формального мирного договора. Такие договоры несущественны даже с чисто экономической точки зрения: если вдруг Израиль станет привлекательным финансовым центром, арабы в любой ситуации найдут способы в него инвестировать. Они «успешно» решали гораздо более серьезные идеологические проблемы, например исламский запрет ростовщичества.

Мир Израилю нужен только в том случае, если он хочет построить мощную экономику, стать региональной сверхдержавой и поддерживать добрососедские отношения с соседями. Но даже в этом случае мир далеко не обязательно означает нормализацию отношений: посмотрите на ситуацию с Египтом. Совершенно нереалистично надеяться, что после столетий «дхиммизации» арабы вдруг начнут относиться к евреям как к равным и тем более к господам²⁶. В первую очередь Израиль должен стать экономически и культурно привлекательным государством для арабов. Тогда и дипломатическое решение не заставит себя долго ждать.

²⁶ *Дзимма*, еврейские и христианские резиденты иностранного происхождения в мусульманском мире. На них распространялись только самые основные права.

Израиль бессилен перед современной войной

Израиль не сможет вечно полагаться только на силу оружия, поэтому милитаристскую политику нужно сворачивать. Даже если в гипотетической арабо-еврейской войне потери арабов будут в сто раз больше, Израиль все равно не сможет продержаться долго, если арабы применят массированное химическое, биологическое и ядерное оружие. Население Израиля гораздо более сосредоточенно, чем в арабских странах, в силу чего более уязвимо. Более того, непомерные военные расходы уже завели нашу страну в тупик. Оружие более наукоемко, чем товары, его стоимость растет быстрее, чем ВВП. Слабая экономика и постоянный рост военных расходов рано или поздно приведут к тому, что Израиль больше не сможет финансировать свои оборонные нужды. Гонку вооружений не смог выдержать даже Советский Союз, которого не интересовал уровень жизни своих граждан. Бесконечная война опустошает Израиль, вызывает постоянную эмиграцию, перечеркивает все труды его основателей. В зависимости от обстоятельств Израиль должен либо принимать условия арабов, либо заставлять их принять свои – быстрым и решительным ударом.

Главная задача – прекращение вражды

Для этого существуют все политические причины. В ранние годы современного Израиля у него были сильные лидеры, способные принимать быстрые и сложные решения. Сегодня это невозможно: таких лидеров нет, а политическое поле слишком раздроблено. Хроническая нерешительность сводит на нет любые военные меры, особенно упреждающего характера. Последние особенно важны для небольшой страны без глубины обороны в условиях длительной низкоинтенсивной войны. Даже если у арабов мирные намерения, Израиль все равно слишком

мал, от крупной войны его отделяет всего тридцать лет, от конфликта с Ливаном – двадцать, его окружают многочисленные и агрессивные приверженцы воинственного ислама, ничуть не заинтересованные в мирных переговорах. Некоторые из них содержат крупные регулярные армии, практически все обладают современным вооружением. Требуется изрядная доля безумия, чтобы в такой ситуации не поддерживать армию в боеготовом состоянии – хотя без глубины обороны это почти бесполезно.

Ни одна развитая страна не выдержит галопирующих военных расходов в условиях войны на истощение. Палестинцев совершенно не волнует тот небольшой урон, который им время от времени наносит Израиль. Израиль отвечает дорогостоящими военными мерами в ответ на дешевые партизанские атаки. Египет несколько раз мобилизовывался только для того, чтобы подорвать экономику Израиля ответной мобилизацией²⁷. Пресса раздувает до невероятных размеров любой мало-мальски значимый инцидент, пугая население. Всегда, когда возможно, Израиль должен сам использовать тактику истощения противника (например Саудовской Аравии). Когда ее используют против него, он должен наносить упреждающие удары.

Низкоуровневые нарушения перемирия редко ставят своей целью просто досадить противнику. Чаще это либо военные действия как таковые (в рамках войны на истощение), либо подготовка к более серьезному конфликту. Израиль еще ни разу не извлек выгоды из прекращения огня; какой смысл связывать себе руки при ответе на провокацию? Напасть на неподготовленного противника при первой же серьезной провокации гораздо лучше, чем ждать эскалации и открытой войны. Войны Судного дня могло бы не быть, если бы Израиль

²⁷ Раз уж армия мобилизована, зачем тратить зря ресурсы? Можно воспользоваться случаем и уничтожить какую-то часть инфраструктуры противника, чтобы положить конец дальнейшим провокациям.

адекватно отвечал на каждое нарушение перемирия. Враг перегруппируется или перевооружается – конец перемирию. Израиль должен был атаковать Газу сразу же, как только ХАМАС собрал там свои первые подразделения.

Создание палестинского государства не принесет мир

Думать, что признание Израилем палестинского государства принесет мир с другими арабами, – значит принимать желаемое за действительное. Кроме этого требования у арабов есть и другие. Многие арабские группы прямо заявляют, что одного признания Палестины недостаточно и нужно что-то еще – например разделить Иерусалим. Далее, поскольку арабы не хотят принимать к себе палестинских иммигрантов, они требуют от Израиля впустить на свою территорию потомков беженцев, да еще и заплатить им компенсации (по примеру еврейских узников концлагерей). Единственный мир, который должен рассматривать Израиль, – это всеобъемлющее соглашение со всеми арабскими государствами, устраняющее все существующие разногласия. Хотя это условие совершенно очевидно, почему-то ни одно израильское правительство за последние годы его не выдвигало²⁸.

Подписав с Израилем договор, арабы не перестанут его ненавидеть и вести с ним партизанскую войну. Да, вероятность крупномасштабной войны снизится, но полностью не исчезнет,

²⁸ Но даже такое соглашение бесполезно, пока мусульмане не ассимилируются в западную цивилизацию и не перестанут считать Израиль чужеродным телом на исламской земле. Христианское иерусалимское королевство тоже считало, что все вопросы сняты на века, как вдруг возник ислам и армии Саладина просто смели христиан с Ближнего Востока.

особенно если Израиль нападет на арабские страны, спонсирующие терроризм. Пока Израиль столь эффективно выполняет функцию козла отпущения для внутренних проблем арабских государств, нет никаких предпосылок для смягчения конфликта.

Предположим, арабские партизаны примутся за Америку. К России они потеряли интерес еще в 1980-х, когда она вывела войска из Афганистана, и снова обратили на нее внимание лишь с подачи Чечни. Но эти соображения не имеют непосредственного отношения к Израилю, и поэтому он не должен распылять на них свою политику. Израиль не должен захватывать землю, в которой не нуждается. Если удерживать какую-то территорию имеет смысл, ее нужно удерживать, предварительно разобравшись с партизанами. Если же Израиль не хочет закрепляться на какой-то территории, значит, она непринципиальна и с нее нужно уходить.

Аргумент о том, что мусульманские повстанцы ненавидят Запад не за его ценности, а за его обращение с ними, – это тавтология. Даже если Америка уйдет из международной политики, она останется важной частью глобальной экономики и культуры. Ее ценности интернациональны по своей природе. Если сейчас «Аль-Каида» в основном протестует против военного присутствия американцев в мусульманском мире, то стоит им уйти, как она начнет протестовать против чего-нибудь еще: спутникового телевидения, фильмов, фастфуда (его не любят даже в Европе), фондовых рынков, экспорта продуктов питания и т. д. Сам по себе уход военных из горячих точек мусульманского мира не решит проблем Америки. Арабы объявили Западу нефтяной бойкот и начали набивать цену якобы из-за конфликта Израиля с Египтом. С тех пор прошли десятилетия, но арабы продолжают играть на повышение, хотя многие из них напрямую зависят от Америки в вопросах безопасности.

История островов Томб²⁹ показывает, что даже с небольшими корректировками границ арабы соглашались только тогда, когда на них надавит мощная внешняя сила. Эти острова очень похожи на Израиль: экономической роли нет, коренные арабские территории далеко. Иран и Израиль предлагали помощь и серьезные политические концессии, но арабы были непреклонны: для них это был способ увеличить свою переговорную силу и повысить самоуважение. Конфликт получил широкую мировую огласку, к арабам то и дело ездили мировые лидеры. Эмиры де-факто согласились на аннексию островов Ираном, но формально были против, чтобы не потерять лицо. Точно так же арабы не будут возражать, если США запретят создание палестинского государства. Но если медлить с созданием этого государства начнет Израиль – их сосед, предположительно равный им по силе, – это вызовет бурю протестов. Англичан эта аннексия совершенно не беспокоила, главным для них было не привлекать к проблеме излишнего внимания. Американцы точно так же могут отнестись к проблеме палестинцев. Но если мусульмане десятилетиями не могут договориться друг с другом о трех крохотных островах, то каковы же перспективы мирного соглашения с целым государством – Израилем?

Сначала всеисламское мирное соглашение, затем палестинское государство

Непрактично создавать палестинское государство без участия Израиля в НАТО и мирных договоров со всеми арабскими странами без исключения. В противном случае Иерусалим станет очередным камнем преткновения, арабские

²⁹ Два из трех небольших островов, которые Иран оспаривает у ОАЭ: Большой Томб, Малый Томб и Абу-Муса.

страны получают новый повод опять поддерживать партизан. Они уже убедились в эффективности партизанской войны и вряд ли удовлетворятся одним Иерусалимом. Им ничто не мешает потребовать упразднения еврейского государства как такового.

Израиль должен требовать подписания всеобъемлющего соглашения. Простое прекращение огня таит в себе психологическую опасность: сложно убедить людей возвращаться на войну после пусть и небольшой, но передышки. Многие израильтяне попросту устанут от борьбы, и первое же обострение ситуации сильно подорвет национальную решимость к продолжению борьбы и укрепит позиции левого лагеря.

Недопустимость колебаний

Войны выигрывают Израильские силы обороны, а израильскому правительству лучше удастся вести переговоры. Затягивание конфликта на вот уже шесть десятилетий можно объяснить только отсутствием целостной стратегии. Израиль может либо сократить свою территорию, либо расширить. Аннексировать Палестину и Южный Ливан в военном отношении несложно, гораздо сложнее представляется аннексия Синая. Есть также неполиткорректный вариант с Иорданией. Израиль может выполнить все условия и либо отказаться от идеи большой регулярной армии, либо пожертвовать экономикой ради политических и военных амбиций. Поселенцы могут либо уйти с оккупированных территорий и оставить за собой только сеть защищенных поселений, либо контролировать всю территорию.

У нас есть все необходимые средства для реализации любой политики. Даже умеренно глупая политика лучше, чем полное отсутствие любой политики. Нет ничего более губительного для жизней, бюджета, репутации и национальной решимости, чем постоянные шатания из стороны в сторону.

Нужно сформировать план действий, согласовать со всеми сторонами и однозначно зафиксировать в качестве конституционного акта.

Колебания Израиля провоцируют врага

Любые колебания только провоцируют арабов. Во-первых, по нижним экстремумам наших колебаний арабы делают выводы о том, на что Израиль в теории готов пойти. Когда Израиль в дальнейшем пересматривает свою позицию в сторону меньшей мягкости, арабы уже не верят в напускную твердость, и требуют ранее обещанных уступок. Во-вторых, из-за нерешительности правительства народ постоянно пребывает в страхе. Имея сильного, но непредсказуемого соседа, арабы вынуждены постоянно наращивать арсеналы вооружений и обострять конфликт.

Ошибки Израиля напоминают поведение Германии перед Первой мировой войной: та же концентрация военной силы, региональное доминирование, отсутствие четких целей, агрессивная и непредсказуемая политика, угрожающая потенциальным противникам. Ошибки Израиля уже спровоцировали гонку вооружений, укрепили арабскую коалицию, отодвинули на второй план внутренние межарабские ссоры, объединили арабов против общего врага. Многие евреи заявляют, что не хотят угрожать арабам; но дело не в том, чего хотят евреи, а в том, как сами арабы воспринимают ситуацию.

Евреи должны четко определить свои цели с позиций собственных интересов, сформулировать предсказуемую политику и перестать пугать соседей, которые никогда не знают, что Израилю взбредет в голову завтра. Если Израиль изберет агрессивную тактику, нужно не грозить врагу впустую, а атаковать выбранные цели немедленно. Нельзя давать арабам

подготовиться, а ООН – вмешаться. Правительства, особенно авторитарные, редко поддаются угрозам, и тем более в религиозной сфере. Отсрочка нападения резко повышает цену победы.

Колебания вредны даже для психического здоровья израильтян. Израильские чиновники должны перестать высказывать свою личную точку зрения по вопросам мирного процесса. Если они не согласны с государственной политикой, пусть покидают должность и действуют как частные лица. Политика правительства должна быть согласованной. Сложность реализации какой-либо радикальной идеи не мешает людям ее воспринимать. Даже самые нелепые идеи могут оставлять заметный след в национальном самосознании. Сегодня вопрос стоит однозначно: мир почти любой ценой или земля почти любой ценой. Это поляризует и радикализует общество, оба полюса начинают игнорировать средние варианты – а ведь средние варианты часто являются самыми разумными. Еще тридцать лет назад большинство арабов не требовало создания палестинского государства, а сегодня с этим согласно даже большинство евреев. Израильское общество должно выработать программу нормализации. Это может быть нападение, защита или мир взамен на уступки – что угодно, но ее нужно проводить последовательно и без колебаний.

Колебания дорого стоят и вредны политически

Шатания между желанием мира любой ценой и стремлением к экспансии резко снижают эффективность политики. Сегодня в Израиле активно обсуждается своего рода эквивалент предложения Садата 1972 года. Тогда Бегин собирался отдать Синай взамен на де-факто признание израильской юрисдикции над территориями Западного берега. В

итоге Израиль пошел на сомнительный мир с Египтом, но Египет в любом случае был готов принять Израиль, потому что арабы вообще легко мирятся с политической реальностью. В итоге выходило, что умеренный Египет просил только вернуть Синай, а фундаменталисты в любом случае отвергали все соглашение в целом. Следовательно, удерживая Синай, Израиль почти ничем не рисковал, зато многое приобретал: беспрецедентную глубину обороны, важную веху Эрец-Исраэль, едва ли не высшую цель израильской политики. Со временем Египет все равно согласился бы разделить с Израилем Синай, пусть не сразу, так через несколько лет.

Любая страна хотя бы раз в своей истории уступала силе, и Египет сделал это же. У Египта не было своей государственности тысячелетиями, последний раз она была в полумифическую эпоху фараонов. Еще какие-то несколько десятилетий назад англичане делали с Египтом все, что им заблагорассудится, что наглядно видно по его прямым, произвольно проведенным границам. Египет также отказался от притязаний на Газу и Негев. Раздел Синая дал бы Израилю нефтяные скважины на перешейке, которыми евреи пользовались до передачи Синая Египту по Кэмп-Дэвидским соглашениям. Но израильские лидеры предпочли поддаться международному давлению и потеряли из виду свою первостепенную цель. Чего бы они ни хотели добиться: нормализации израильско-арабских отношений или доминирования Израиля в регионе, – сдача Синая не достигла ни того, ни другого.

Метания Израиля из стороны в сторону портят его имидж в глазах мировой общественности. Иностранцам неизвестны тонкости еврейско-арабского конфликта, и нерешительность Израиля доказывает им, что раз он сам не уверен в своей правоте, то наверняка он и неправ – а арабы, следовательно, правы.

Постепенные компромиссы размывают цели

Уступки размывали задачу достижения мира, поскольку на повестку дня ставятся только краткосрочные цели. Обмен территории на мир имеет смысл только в том случае, если это позволит Израилю избавиться от колоссальной по численности регулярной армии и освободить экономику от военного давления. Но ведь мир с Египтом ничуть не уменьшил израильскую армию, и причина проста: враг никуда не делся. Та же самая армия могла с таким же успехом контролировать египтян, и при этом не пришлось бы отдавать ни акр территории. Для любой другой страны подобная территориальная потеря была бы не политическим приобретением, а поражением, и тем более если эта территория обладает исторической значимостью для национального самосознания. Иисус Навин никогда не продавал Обетованную землю за мирные договоры.

Готовность Израиля к компромиссам по важнейшим территориям: Синай, Голаны, Газа – лишь подстегивает врага, ощущающего себя победителем, требовать все новых и новых уступок. Мира правильнее всего достичь в рамках единого соглашения, когда у одной страны есть много козырей для обмена, а другая уже отчаялась вернуть утраченные территории. Чем больше территорий Израиль отдает арабам по разнообразным промежуточным договоренностям, тем меньше и его переговорная сила, и заинтересованность арабов в разрешении конфликта.

Ошибка малых уступок

Любые требования арабов можно так или иначе удовлетворить, но после этого от Израиля практически ничего не

останется. Сам путь уступок бесплоден, поскольку неизбежно ведет к новым требованиям, пока со временем евреи не поймут, что дальше только море. Ошибочность политики бесконечных малых уступок без однозначного компенсирующего приобретения видна хотя бы из того, что в 1971 году Израиль отверг предложение Садата о нормализации с арабами в обмен на Синай и Голанские высоты³⁰, а через тридцать с лишним лет постепенных уступок все же согласился вернуть бóльшую часть этих территорий, но уже не смог достигнуть мира со своими ближневосточными соседями. И эту политику мы продолжаем и по сей день: отдаем Газу и Западный берег палестинцам без мирного договора с другими арабами, большинство из которых ранее заявляли, что после 1976 года единственным препятствием для мира были еврейские поселения в палестинских регионах. Мелкие уступки провоцируют арабов больше, чем единое и одновременное соглашение, подкрепленное доброй волей *сильнейшей* стороны.

Арабы уже давно рассматривают готовность Израиля идти на уступки как его слабое место, которое можно всячески эксплуатировать посредством интифады. Если уж Израиль решает делать уступки, их нужно делать с позиций силы: это мы, как мощная держава, великодушно одариваем арабов, а не они заставляют нас плясать под свою дудку.

Никаких полумер

Как только мы четко определимся политикой, ошибочность

³⁰ Хотя формулировка предложения предполагала возврат к границам до 1967 года, Садата не интересовали ли палестинцы, ни, скорее всего, судьба их земли и Иерусалима. Садат не мог заставить других арабов прекратить враждовать с Израилем, но на тот момент они бы не рискнули идти на войну без Египта.

полумер сразу станет очевидна. Какой смысл строить поселения в оккупированных районах? Они создавались с тем учетом, что ни одно израильское правительство не осмелится отказаться от таких серьезнейших инвестиций. Но пример сдачи Синая – крупнейшего инвестиционного проекта того времени – наглядно показал, что израильское правительство это не остановит. Однако несмотря на это Израиль продолжает строить на Западном берегу новые поселения. Они и не закрепляют за Израилем оккупированные территории, и еще больше усугубляют территориальную проблематику как таковую, поскольку бесполезная земля превращается в инвестиционную собственность. У поселений почти нет военного значения: когда арабы начали строить мобильные армии, концепция территориальной обороны утратила актуальность. Зато в серьезном конфликте придется затрачивать значительные ресурсы на оборону этих поселений.

Приобретенные территории можно успешно защищать лишь в том случае, если на них удастся сохранить текущую демократическую политическую структуру. Строить поселения – самый неудачный способ овладения территорией. Это трусливая политика, противоречащая и якобы миротворческой позиции Израйля, и советам Макиавелли. Сами поселенцы, конечно, не трусы. Они живут в окружении врагов. Однако правительство пользуется их деревнями как предлогом для притязаний на землю, вместо того чтобы овладеть ей военными средствами. У поселений нет никаких оправданий, кроме библейского. В 1948 и 1967 годах Израиль демонтировал мощную сеть арабских деревень на своей территории и помог их жителям переехать. Если Израиль отказывается от своих библейских прав и от применения силы и соглашается на создание палестинского государства, то что мешает палестинцам изгнать еврейских поселенцев? Большинство людей против поселений потому, что

они нарушают мандат ООН от 1948 года. Я против поселений потому, что они неэффективны, носят провоцирующий характер и укрепляют поддержку плана ООН с двумя государствами.

Евреям не нужно физически истреблять местное население, как Иисус Навин, это не соответствует духу терпимости Торы³¹. Что касается палестинцев, у Израиля есть Десять заповедей: в них запрещается преступное убийство и воровство, но не убийство на войне за Обетованную землю. Не запрещают заповеди и выселять врага из его жилища при условии справедливой компенсации имущества. Тем, кто любит сравнивать Израиль с нацистской Германией, я хочу напомнить, что нацисты не переселяли евреев в Швейцарию и не выплачивали им компенсации за оставленное имущество.

Если евреи хотят сохранить оккупированные территории, это нужно делать единственным эффективным способом: оккупация, аннексия, выселение арабов и демаркация границы. Внешнеполитические последствия неизбежны, но не стоит их бояться: и друзья, и враги пошумят немного, чтобы польстить своим либералам и фундаменталистам, и очень скоро все вернется на круги своя. На самом деле палестинцы никому не интересны. Все хотят поскорее решить эту проблему. Если Израиль будет действовать незаконно и беспощадно, – зато быстро и эффективно, – то уже через несколько лет большинство стран примут сложившуюся де-факто ситуацию, как в свое время они приняли присоединение Израилем Иерусалима вопреки

³¹ Тора призывает по-доброму относиться к рабам и помогать врагам, при условии, что они разделяют ту же религию. Гнев по отношению к идолопоклонникам – исключительная прерогатива Бога, от евреев не требуется идти на них войной или объявлять им джихад. Бог повелел евреям истребить хананеев, но это была отдельная заповедь, не связанная с другими. Многие археологи вообще сомневаются, что подобное истребление имело место.

резолюции ООН. Все современные границы были установлены насильственным способом, кроме искусственных бывших колоний вроде Ирака. Но даже в таких странах насилие по-прежнему влияет на границы.

Шока от двух мировых войн недостаточно, чтобы навсегда покончить с войнами. Первая мировая война оставила на лице Европы глубокие демографические и экономические шрамы, но уже через двадцать лет европейские народы были готовы к новой войне беспрецедентных масштабов. Соединенные Штаты понесли колоссальные человеческие и материальные потери во Второй мировой войне, но уже через пять лет ввязались в Корейскую войну, а спустя еще десять – во Вьетнамскую. Вторая мировая война очень слабо затронула Африку, хотя и истощила европейские империи до такой степени, что они отказались от своих колоний. На арабских и латиноамериканских странах война почти никак не сказалась. Вторая мировая война ничего не изменила в характере межгосударственных отношений. Если шестьдесят лет мира чему-то и обязаны, так это сдерживающему фактору химического, биологического и ядерного оружия. Однако даже это оружие не сдерживает бедных и необразованных мусульман под властью автократов, которые убивают больше своих же единоверцев, чем любой ядерный удар.

Многие думают, что американцам свойственно помогать слабым, и потому если Израиль будет обижать палестинцев, они автоматически встанут на сторону последних. На самом деле так делали очень немногие страны. Во-первых, действия Израиля неявно поддержит как минимум Великобритания. Американский идеализм – это их собственный миф для внутреннего употребления³². Многие американцы чувствуют себя в

³² Евреи считают себя избранным народом и в этом отношении пассивны.

Американский мессианизм все более и более активен. Попытки навязать

безопасности за своим Атлантическим океаном, отчего выработали отвращение к насилию и чувствительное отношение к страданиям других, но часто они сгоряча помогали не тем, кому надо. Они защищали вьетнамцев от любимого народом правительства, иракцев – от диктатора, за которого незадолго до того проголосовали на референдуме. Американцы хотели спасти чилийцев от инфляции при Альенде, но вместо этого началась резня при Пиночете. Американцы перевозносили Оливера Нортона за то, что он покрывал поддержку никарагуанских контраст, воюющих с местными социалистами, рэкетирующими население бесплатной медициной и образованием. Американцы всегда были изоляционистами, пока не пришел Франклин Рузвельт и не начал втягивать страну в войну всеми правдами и неправдами. Во время войны американские власти отправили обратно в Европу корабль с еврейскими беженцами из-за проблем с документами. В Югославии американцы поддерживали одних мерзавцев против других. Зверства совершали и мусульмане, и христиане, но США выступили именно против бывших коммунистов. Идеалистическое (или желающее казаться таковым) американское общественное мнение выступает против антисоциалистической политики государства, когда последнее стремится поддерживать одиозных диктаторов. Когда угроза коммунизма в определенной стране миновала, правительство обычно идет навстречу общественному мнению. Другим важным двигателем внешней политики США была и остается экономика – открытая для внешней торговли и инвестиций, платящая по счетам даже последним диктаторам.

Когда на повестке дня нет ни идеологии, ни экономики, Америка участвует в конфликтах крайне неохотно, как было в Руанде, когда только давление общественного мнения заставило администрацию США сыграть роль международного жандарма в

другим рай заведомо обречены на провал.

духе «реалполитик». Политическая либерализация – это побочный продукт американской рыночной мечты. Да и то либерализация эта то есть, то нет: вспомните, как американцы поддерживали Дьема, Трухильо, Пиночета, многих других не самых привлекательных персонажей. Аннексия территорий может и решить палестинскую проблему, и поспособствовать экономической либерализации, так что Америка вполне может поддерживать действия Израиля в этом направлении. Впрочем, Израиль уже не раз показал, что способен вести войны и без американцев. Хорошее стратегическое планирование, упреждающие меры, высокий уровень технологий – вот нехитрый рецепт успеха в случае конфликта. Надо помнить, что если партизаны получают возможность взорвать ядерную бомбу в Тель-Авиве, они вряд ли ее упустят. Израиль может демилитаризовать арабов и без поддержки США. После успешной войны 1967 года Америка во многом пересмотрела свои отношения с Израилем; получение Синаи усилило Египет и укрепило его связи с Америкой.

Если вы решили аннексировать территории, надо это делать. Не надо причитать, выражать арабам соболезнования или ругать армию или правительство. Не надо превращать лагеря беженцев в любой стране в журналистскую Мекку. Будьте готовы убивать протестующих, выгонять беженцев (Дир-Ясин стал хорошей тренировкой, как поступать с квазивооруженным населением), заставлять соседние страны их принимать. Крупные мусульманские страны могут выступить в защиту палестинцев, поэтому Израиль должен быть готов к войне. Однако это маловероятно, поскольку когда Израиль заставит более слабые Иорданию и Ливан принять беженцев, он освободит более богатые арабские страны от ненавистной им палестинской проблематики.

По арабским стандартам война будет смехотворной.

Вспомним другие конфликты, которые арабские страны спокойно проигнорировали: от 30 до 100 тысяч курдов, убитых Саддамом Хуссейном при подавлении восстания³³; сотни тысяч жертв иракско-иранской войны; 20 000 мусульман, террористов и гражданских лиц, убитых Хафизом аль-Ассадом; около 1,5 миллиона жертв гражданской войны в Афганистане и примерно такое же число – в Судане; 40 000 жертв исламистского восстания в Алжире и столько же – в Таджикистане; 200 мусульман, убитых «Аль-Каидой» в двух взрывах в американских посольствах; сотни погибших при расстреле демонстрации войсками Мохаммеда Резы Пехлеви; 8 000 палестинцев, убитых в Иордании, и еще 1 000 – в Ливане; исламское правительство Ирана выводило на минные поля солдат-подростков, чтобы сэкономить на саперах³⁴. Аннексия только улучшит репутацию Израиля в глазах соседних стран, снискав ему славу сильного государства.

Израиль должен сначала установить статус-кво де-факто, а затем обеспечить его признание де-юре. Чтобы это сделать, нужно исключить всякое обсуждение судьбы аннексированных территорий³⁵. Лучший способ решить дело – относиться к нему

³³ В современных армиях с хорошей медициной на каждого погибшего приходится около двадцати раненых. В более примитивных арабских армиях это соотношение соответствует 8–10:1. В древности оно составляло 3–4:1.

³⁴ Мусульмане вообще не интересуются своими соверующими. Едва ли хоть одна мусульманская группа поблагодарила США за прекращение убийства мусульман в Югославии ценой охлаждения отношений с Россией и многими восточноевропейскими странами.

³⁵ Речь идет о земле, которую Израиль присоединил по итогам войны 1967 года, а палестинцы сегодня требуют для своего государства. Когда мы называем эти территории «оккупированными», мы тенденциозно предполагаем, что у палестинцев больше прав на Иудею и Самарию, чем у

как к решенному. Впрочем, если Израиль намерен отдать эти территории, их нужно отдать и забыть о них. Если оттуда проникают партизаны, нужно перестать выдавать арабам визы. Заменяв арабских гастарбайтеров на азиатских и восточноевропейских, мы снизим расходы израильских предпринимателей: палестинцы в Израиле получают больше, чем многие восточно-европейцы и азиаты. Более того, временные иммигранты не требуют пенсий, так что израильское правительство еще и экономит.

Нынешняя политика глупа. Это даже не политика, а отсутствие всякой политики. Израиль одинаково платит раку, лебедю и щуке. Израиль контролирует оккупированные территории, как будто намерен их удержать. Но при этом он их отдает, как будто смирился с суверенитетом палестинцев. Израиль финансирует новые поселения, и евреи селятся на земле, которую правительство может в любой момент сдать. Последний момент самый смешной. Как только арабы придут на эту территорию, они выгонят с нее даже самых стойких поселенцев, просто перерезав дороги и посадив их в блокаду. Когда СССР перерезал сухопутное сообщение с Западным Берлином, американцам с большим трудом удалось наладить воздушное сообщение. Если Израиль решит восстановить дорожное сообщение, это будет фактически означать восстановление суверенитета над Палестиной.

Экономически беспомощная, всеми забытая, Палестина превратится в ничто, очередное государство-банкрот, лучшие люди которые давно эмигрировали. Крупные партизанские группы войдут в правительство и станут более умеренными, серьезные антизападные террористы больше не смогут прятаться в Палестине под носом у Израиля и спорадическое насилие превратится в скучную рутину. Евреи могут начать

покупать землю на Западном берегу и селиться на ней под номинальной палестинской юрисдикцией. Если же Палестина откажет религиозным евреям в праве селиться на своей земле, Израиль получит моральное право ответить и тоже выслать мусульман. Поэтому палестинцы будут скорее рады иностранным евреям, хотя бы для решения проблемы автономии поселений. Начнутся конфликты, Израиль будет постоянно вмешиваться для защиты своих поселенцев в Палестине, и со временем палестинцы поймут, что лучший способ остановить все это – оградить еврейские деревни и дать им административную автономию. Такие поселения, лишь формально подчиняющиеся Палестине, будут расти и размером, и числом: палестинцы смогут опротестовать иностранные поселения, но не законопослушных, по всем правилам оформленных иммигрантов, просто потому что они евреи. Поселения будут стабильны и привлекательны для евреев. В Израиле палестинцы не смогут проводить такую же политику, потому что земля там гораздо дороже, а евреи обычно отказываются продавать или сдавать ее в аренду арабам. Израиль должен будет разделить ответственность за поселения с христианами, предложим им селиться в религиозно значимых районах, связанных с израильской системой шоссе. Ватикан, скорее всего, не пойдет на такую провокацию, но многим другим группам ничто не мешает это сделать.

Отсрочка решения усложняет проблему, превращая ее в хроническую

Продолжительная конфронтация с арабами приводит к системным отклонениям во всех сферах израильского общества: в его экономике, морали, политике. Быстрая эффективная война не вызвала бы длительных искажений. Любая запущенная

проблема, подобно хроническим заболеваниям, требует более жестких мер, чем вначале. Если когда-то определенная степень сосуществования с арабским населением была возможна, то сейчас, когда Израиль дал им надежду на собственное государство, безболезненного пути назад больше нет. Теперь у Израиля только два пути: либо отдать им территорию, либо разрушить палестинские поселения и переселить их жителей подальше, не в лагеря беженцев в соседних странах. Иордания и Ливан с готовностью подчинятся требованию Израиля не впускать поселенцев, поскольку эти страны сами недовольны ситуацией: лагеря беженцев – источник постоянных антиправительственных настроений и бунтов. Депортация должна сопровождаться насильственной культурной ассимиляцией: палестинцы не настолько отличаются от других арабских мусульман, чтобы претендовать на отдельную культуру.

Нужен ли Израилю экономический и социальный прогресс в арабских странах?

Израиль должен определиться, как именно он собирается влиять на арабские страны. Израильяне могли бы помочь арабам построить процветающие демократические государства, население которых выработает отвращение к войне. Однако мгновенная искусственная демократизация феодальных арабских обществ вряд ли возможна, как показывает пример Ирака. В самом лучшем случае для этого потребуются десятилетия. Германия хотя номинально и является монархией, ее всегда отличало щепетильное отношение к закону и богатая история парламентаризма – главные факторы демократизации. В Японии традиционно сильны иерархичность и уважение к власти, различия между политическими платформами партий

минимальны (из-за немногочисленности критических вопросов), из-за чего власть в этой стране в основном автократична, хотя и с элементами выборной демократии.

Арабы ближе всего к русским: то же неуважение к закону и властям, религиозное (арабы) и идеологическое (русские) лицемерие, повсеместная коррупция, технологическая отсталость, агрессивность, терпимость к страданиям, горячий нрав. Пока все попытки демократизации России ни к чему не привели, и даже несмотря на то, что после падения монархии в этой стране выборы проводятся вот уже девяносто лет. Чтобы общество могло успешно контролировать правительство и не позволять ему сползать к автократии, люди должны иметь определенные качества: минимальное политическое образование, любовь к свободе, уважение к закону. Для выработки этих качеств необходимо время. Особенно это относится к Палестине, где сдерживать насилие может только мягкий авторитаризм, а демократия сразу же приведет к власти исламистов. Во-первых, они – единственная нравственно безупречная группа; во-вторых, они могут пообещать населению золотой дождь из саудовских субсидий и пожертвований иностранных мусульман.

Евреи уже пытались содействовать экономическому развитию палестинцев. Определенный успех был достигнут только в сельском хозяйстве – и больше нигде. Эта неудача более чем предсказуема с исторической точки зрения. Арабский мир отстает от Запада на века, в мусульманских странах почти не было научно-технического прогресса. Даже средневековая арабская наука в основном представляла собой перевод и осмысление греческих авторов. Несмотря на все льготы для студентов и бизнесменов в арабских странах почти нет научных исследований, бизнес ограничен нефтяной отраслью, а где есть хоть какая-то торговля, там почти всегда замешаны индийские

иммигранты. В Объединенных Арабских Эмиратах, Кувейте, Саудовской Аравии и Ливии почти все местное население работает на теплых государственных должностях; население Западного берега вот уже в четвертом поколении живет исключительно на социальные пособия. Чуть большего прогресса достигли вестернизированные Турция и Египет, но и там почти все успехи сведены на нет из-за перенаселения, утечки мозгов за границу и активного перемещения сельского населения в города. Чтобы сложились привычки и культура, сопоставимые с западной цивилизацией, требуется время. Большинство арабов всего тридцать лет назад ездили на верблюдах и занимались примитивным сельским хозяйством, так что от европейцев их отделяют поколения.

Израиль может выбрать и другую стратегию – раздувание внутренних религиозных и классовых противоречий в арабском мире. Простой политический вариант – бомбардировка арабских стран всевозможными американскими идеями из области политики, экономики, культуры и т. д., активируя активное обсуждение этих идей в обществе. Можно дискредитировать политические партии на выборах, для чего немало способов: деньги, СМИ, признание, оружие. Американские наблюдатели могут поднять шум из-за фальсификации выборов.

В первую очередь Израиль должен поддерживать шиитов, страдающих от распространения ваххабизма, и трудовых иммигрантов. Настало время дестабилизировать Саудовскую Аравию: с ростом населения королевской семье становится все труднее финансировать социальную сферу³⁶, поэтому народ вполне может поставить вопрос о смещении династии Сауда. Проще всего снабдить арабов устаревшим вооружением и амуницией (пусть убивают друг друга) и затем установить

³⁶ Рост населения приводит к росту ВВП (даже подушевого) только в современных информационных экономиках.

марионеточное правительство или израильскую миротворческую администрацию. Наконец, Израиль мог бы просто аннексировать территорию Саудовской Аравии, с которой и так сбежала большая часть населения. Еще более практично аннексировать территорию и выслать оставшееся местное население, поскольку управление страной, будь то по международному мандату или с помощью местных предателей, лишь усилит национализм. Но нельзя выполнять оба эти сценария попеременно: сначала обеспечивать стабильность, а затем провоцировать внутренний конфликт.

Конечно, израильтяне могут говорить одно, а делать другое³⁷, скажем, поддерживать народные демократические

³⁷ Обман был объявлен злом совсем недавно, когда люди настолько разленились, что перестали его распознавать, и настолько ослабли, что перестали от него страдать. Между тем в древности обман считался благородством. Евреев всю историю обвиняли в лживости, поэтому новой вспышки антисемитизма ждать не стоит (если, конечно, антисемитизм был не рационализацией ненависти, а действительно реакцией на мнимую или явную лживость). Тора запрещает лгать только в судах и только тогда, когда это вредит ближнему. Рабби Талмуда учили, что еврей не должен лгать даже неевреям, но речь шла только об отношениях между гражданами в мирное время, а не на войне. Никто не будет отрицать, что допустимо обманывать противника на войне, – а Израиль именно на войне. История знает множество случаев, когда обманывали даже собственных союзников. Англичане 19 апреля 1941 сообщили Сталину, что планируют заключить с Германией пакт, который позволит ей напасть на СССР. Идея была в том, чтобы заставить Сталина войти в альянс с Великобританией и нанести превентивный удар по Германии. Воюющие правительства постоянно лгут собственному народу; в военное время демократия вообще невозможна. Даже солдатам не сообщают всю правду о предстоящих операциях. У Израиля еще меньше нравственных обязательств перед мировым общественным мнением.

движения в арабском мире, чтобы дестабилизировать ситуацию и создать альтернативу исламскому фундаментализму. При таком варианте в демократических арабских странах произойдет перераспределение богатства, в результате чего полномочия правительств резко снизятся, а люди начнут больше бояться ответных ударов Израиля и, соответственно, не будут относиться к нему так враждебно. Богатые люди мирны, богатые правительства воинственны. Скормить арабам демократическую идеологию несложно, но это должно быть представлено как возврат к подлинным исламским ценностям равенства и общинности. Когда лжешь, важно не верить собственной лжи и не забывать о поставленных задачах. В данном случае задача – ослабить арабские государства, а не разрушить их, поскольку тогда к власти в разрушенных государствах придут повстанцы. Для решения своей задачи Израиль может поддерживать НГО, защищающие права человека в арабских странах. Запад не должен делать права человека в арабском мире краеугольным камнем своей политики, поскольку на развитие необходимой политической культуры у арабов уйдет очень много времени. С другой стороны, и жертвовать свободами тоже нельзя, так как

Еще хуже ложь ради бюрократии. Вспомним меморандум Объединенного комитета начальников штабов США от 1962 года, оправдывающий американское вмешательство в дела Кубы с целью создать предлог для военного вторжения. Нет ничего неправильного в том, чтобы солгать общественности с целью победы над противником (в данном случае СССР), для этого вообще не нужно никакого внешнего оправдания. Однако комитет был готов нарушить международное право и сфальсифицировать повод для начала войны, но не нашел возможным нарушить собственные же бюрократические инструкции и поместил в архив компрометирующий меморандум. Секретные операции по определению незаконны и должны осуществляться соответствующим образом.

многие арабские лидеры общественного мнения, в первую очередь интеллектуалы и студенты, жаждут свобод, да и население в целом их всегда приветствует. Небольшие, но широко разрекламированные меры по либерализации создадут добрую волю по отношению к Западу.

Ни одна страна не может либерализоваться за один день. Япония, считающаяся чуть ли не образцом демократизации, на самом деле олигархия с элементами технократической автократии. Турция и Бахрейн, самые вестернизированные мусульманские страны, весьма далеки от идеала ответственной народной демократии. Мусульмане просто не готовы к демократии, поэтому наилучшей альтернативой является просвещенная автократия вроде Египта Хосни Мубарака или Иордании короля Хуссейна. Эти правители уважают закон, их никак нельзя сравнить с демагогами вроде аятоллы Хомейни. Однако с авторитарными лидерами играть в эту игру опасно, поскольку если их база поддержки ослабнет, они могут перейти к фундаментализму. В мусульманском мире самой крупной сплоченной группой является религиозный истеблишмент, он неизбежно влияет на результаты демократических выборов. Тот же Первез Мушарраф в Пакистане полностью зависит от духовенства. При падении правительства власть автоматически переходит к улемам. Играть на внутренних противоречиях с диктаторами опасно. Враги, обученные против других врагов, в целом склонны к агрессии и со временем обращаются против своих же спонсоров, как поступил афганский «Талибан» против вооруживших его американцев.

Альянс с дьяволом мимолетен. Невозможно добиться долгосрочных успехов, продвигая тоталитаризм для краткосрочных тактических целей: так можно лишь вызвать ненависть и фашистские настроения. Правильнее будет выявить и поддерживать в стане врага мощные и идеологически

восприимчивые небольшие группы, способные противостоять радикальным улемам, оспорить их притязания на роль единственной альтернативы коррумпированным местным режимам. При этом нельзя допускать распространенную ошибку, когда финансируют только одну партию: в коррумпированном окружении любая партия тоже станет коррумпированной, и тогда улемы снова заявят о себе как о единственной честной оппозиции. Вместо этого нужно поддерживать сразу много партий одновременно, чтобы рассредоточить протестные голоса. Делать это нужно убежденно, последовательно и серьезно, чтобы не обидеть население.

У этой стратегии есть редкое, но важное исключение. Часто она не срабатывает против стабильных и демократических стран типа мубараковского Египта. (Это, конечно, не значит, что можно снять с повестки дня задачу уничтожения египетского химического, биологического и ядерного оружия.) В таких ситуациях поводом для нападения может стать внутренний государственный переворот, создающий угрозу попадания оружия массового поражения в руки террористов. Конечно, важно тщательно оценить эффективность спонсирования такого переворота с точки зрения затрат.

Впрочем, даже это исключение не является абсолютным. Сотрудничество с диктаторами, особенно тайное, – это ценный тактический инструмент. Разумные диктаторы обычно избегают вмешиваться в дела иностранных государств. Они избегают вооружать собственный народ и подбивать его на борьбу, поскольку понимают: однажды он может обратиться против них. Экспансионисты Цезарь, Август, Атилла, Чингисхан, Наполеон и Гитлер пользовались поддержкой масс. Когда поддержка иракцев Саддама превратилась в молчаливое непротивление, он уже не мог рисковать крупными военными предприятиями. Арабские монархи и диктаторы озабочены в первую очередь

собственным выживанием, и в лице Израиля им нужен внешний враг для отвода внимания от внутренних проблем. В 1967 и 1973 годах они начали войны с нами только с целью поддержать достоверность собственной риторики. Полудемократический Иран и ООП³⁸ угрожают Израилю куда больше, чем авторитарные арабские государства. Израиль не должен отвлекаться на поддержку и развитие репрессивных режимов, поскольку это сотрудничество долго не продлится и рано или поздно его минусы перевесят плюсы. Израиль должен поддерживать только те режимы, которые хорошо контролируют внутреннюю ситуацию. Таким режимам нужно помогать противостоять другим арабам.

Если Асад сможет обуздать «Палестинский исламский джихад» в Сирии и «Хезболлу» в Ливане, а особенно если «Хезболла» встанет на откровенно националистические и антисирийские позиции, американцы должны прекратить спонсировать становление сирийской демократии. Вмешиваться в ситуацию нужно только тогда, когда режим создает проблемы на международном уровне (например поддерживает террористов), а не просто когда нам что-то не нравится в его внутренней политике. Самое правильное будет не вмешиваться в жизнь мусульманских обществ напрямую, а вызывать в них изменения, предлагая минимальную поддержку людям с приемлемыми для нас целями. Политики редко обладают такими навыками.

По мере падения имперских границ вокруг различных арабских племен и культов, Израиль может начать снижать военные расходы, поскольку против новообразованных

³⁸ Иранское правительство при всей его авторитарной политике все же формируется на более-менее свободных выборах. Режим Аббаса, хотя формально автократический, избирается демократически из группы фракций, таких как ХАМАС и ПИД.

небольших арабских стран нам не нужно сверхсовременное оружие. Небольшие и обанкротившиеся государства не могут себе позволить ядерное оружие. Нет смысла поддерживать диктаторов только из страха, что их страна может обанкротиться: это все равно произойдет в любом случае. Важно понять другое – можно ли реорганизовать обанкротившееся государство, как было сделано в Югославии. Вполне может удаться вариант с разделением Ирака на шиитское, суннитское и курдское мини-государства, особенно если Америка согласится с перемещением турецких курдов в иракский Курдистан. Турция была бы только рада избавиться от надоевших ей курдов, да и сами они против переселения не возражают.

Но не заслуживают ли мусульмане свободы и демократии? Может и так, но это не наше дело. Политика Израиля должна определяться интересами Израиля, а не других стран. Многие люди, такие как социалисты, согласны с ограничением своих прав, пока государство гарантирует социальные выплаты и пенсии. Другие ценят выше свободы идеологию или верность, особенно это касается бедных, которые почти не используют имеющиеся у них свободы. Такие люди находят самоуважение в общинных связях и общих для общины объектов ненависти. Люди ценят только те свободы, которые они завоевали сами. Арабы не хотят демократию, импортированную из Израиля или США.

Помогая диссидентам и повстанцам, израильские и американские бюрократы должны преодолеть естественную привязанность к бюрократам в других странах, из-за которой они падают в глазах диссидентов, которым помогают. Это вероломное сотрудничество лидеров хорошо известно на примере взаимоотношений европейских королевских домов: русский, немецкий и британский монархи поддерживали любезную переписку в течение всей Первой мировой войны.

Спонсирование демократизации и вестернизации бессмысленно без опоры на местные группы. Американские дипломаты поддерживают только учтивых, хорошо одетых, ненавидящих религию лидеров, даже если они самоназначенцы. Но одно дело поддерживать их ценности, и другое – способствовать их политическому продвижению. Первое допустимо, второе – нет.

Не стоит думать, что если делить террористические группы по этническому и религиозному признаку, то удастся посеять в их среде разногласия. Партизаны разных пород часто работают вместе. Их лидеры привыкли посылать людей на смерть и потому им по профессии положено быть прожженными циниками. Не работает даже подкуп одной группы против другой: деньги обычно идут на борьбу со старыми врагами, а когда появляется новая цель или новый враг, группы способны преодолевать междоусобную вражду. Многие светские евреи финансово и политически поддерживают ультраортодоксальные поселения в территориях. Однако недовольство и инакомыслие в арабских странах ослабляет финансовую и социальную базу партизан.

Правильной и оправданной политикой является провоцирование политических и религиозных разногласий во враждебных странах. Большинство мусульман исповедуют фундаменталистский, воинственный ваххабитский ислам³⁹. В Саудовской Аравии ваххабизм – государственная религия, в силу чего саудовцы финансируют все ваххабитское по всему миру, начиная от школ и заканчивая боевиками. Между тем ваххабизм – это весьма спорная богословская инновация 18-го века, восходящая к средневековому радикальному исламисту по

³⁹ Хотя клерикальная бюрократия склонна интерпретировать это учение более консервативно и менее агрессивно, бóльшим влиянием на массы обладают лидеры типа Бин-Ладена, умеющие привнести в ваххабизм нотки борьбы.

имени Ахмед Ибн-Таймия, весьма противоречивому персонажу, которого неоднократно сажали в тюрьму за радикальные взгляды. Объявляя всех прочих мусульманских правителей отступниками, ваххабизм обслуживает интересы саудовской династии. Это не единственное направление в исламе и далеко не самое просвещенное. Израиль мог бы поддерживать различные исламские направления через иностранные фонды, чтобы понизить авторитет ваххабизма и тем самым удалить этот важный мотив для агрессии в арабском мире. Израиль должен внимательно следить за развитием богословской мысли в исламе, поскольку ваххабизм со временем может стать консервативной государственной религией и вытеснить радикалов на периферию.

Пока на саудовские деньги ваххабизм распространяется в том числе и среди мусульманских клириков: фундаментализм для них становится единственным средством для сдерживания секуляризма. Израиль должен постараться помочь им найти иной, помимо ваххабизма, способ борьбы с секуляризмом. Католическая церковь преобразовала богословие в христианскую культуру. Этому процессу не обязательно быть медленным. Ислам может быстро вестернизироваться благодаря средствам массовой информации с их вездесущностью и убедительностью.

Казалось бы, нельзя одновременно поддерживать и антигосударственный исламский фундаментализм, и процессы вестернизации, однако таким образом Израиль будет воздействовать на разные группы, чтобы разделить арабское общество по разным линиям разлома. Фундаментализм нежизнеспособен в современном мире с его свободной конкуренцией идей, где он быстро станет абсурдным и потеряет многих сторонников. Активное содействие фундаментализму просто приблизит этот момент разочарования. Вспомним редкий

случай проявления доброй воли в отношении Америки, когда после терактов 11 сентября десятки тысяч простых иранцев вышли на улицы, чтобы поддержать американцев. Фундаменталистская утопия эгалитарного общества расшатывает основы государства, когда на горизонте возникает вестернизация. Однако провоцировать фундаментализм нужно осторожно. Если клирики будут у власти слишком долго, они навредят Израилю гораздо больше, чем сегодняшние циничные арабские автократы.

Поддержка Израилем исламского фундаментализма не представляет собой проблемы, поскольку фундаментализм не длится долго даже в демократической системе координат. Рано или поздно народ увидит, что духовенство не оправдало ожиданий, как в Иране, и разочаруется в нем. Случай Ирана показателен и в другом отношении. Франция, которая много лет пыталась свергнуть шаха и во многом помогла прийти к власти Хомейни, взамен ничего так и не получила. К Франции Иран относился даже враждебнее, чем к США. Израиль тоже не должен ожидать благодарности от мусульманских фундаменталистов, которых будет поддерживать. Вместо этого нужно просто трезво заложить в свою стратегию те их действия, которые можно предсказать. Более того, у радикальных исламистов очень ограниченная социальная база: недавно в Пакистане они набрали лишь 11% голосов. Любая светская партия, провозглашающая равенство и борьбу с коррупцией, получила бы больше голосов, чем религиозные фанатики. Поскольку националистическая риторика очень близка к риторике фундаменталистской, люди вряд ли предпочтут рядовую националистическую партию презируемому духовенству. Гораздо более вероятно появление подлинно местных борцов за вестернизацию общества типа Ататюрка. Клерикальные государства вовсе не так плохи, как иногда можно

подумать, глядя на Иран и Афганистан. В обоих случаях улемы после прихода к власти быстро бюрократизировались, а бюрократизация привела к консерватизму. Иран практически перестал устраивать теракты на Западе, свел поддержку партизан до почти риторической, стал делать существенные шаги к сближению с США⁴⁰. Подобным образом, клирики «Талибана» довольно эффективно боролись с производством опиума, а затем на Афганистан были наложены международные санкции и незаконный сбыт наркотиков стал главным источником дохода афганского правительства. Другое преимущество клерикализации – неотвратимая секуляризация, поскольку в двадцатом веке жить под правлением фундаменталистов стало очень сложно. Эта тенденция очень четко просматривается и в Саудовской Аравии, и в Иране, да и в Афганистане тоже.

Отдельную проблему представляют исламские демократии, которые всегда готова поддержать Америка. Номинальная демократия в таких странах – хорошее оправдание политической трусости. США позволяют им получать ядерное и прочее оружие массового поражения, откладывая решение этой проблемы до бесконечности. Если в таких странах произойдет смена режима, все это оружие сразу же может быть применено против Израиля. С другой стороны, содействие фундаментализму делает Израиль единственным политкорректным союзником Америки во всем нефтяном регионе, тогда как другие страны сотрудничают с ней подковерно. Европейцы продолжали воевать долгое время

⁴⁰ Сами США, конечно, вряд ли на это сближение пойдут. Когда есть возможность, всегда более предпочтительно провоцировать смену режима по типу СССР, но к Ирану эту политику применить сложнее, поскольку, в отличие от СССР, у Ирана очень мало постоянных расходов и он всегда может сократить расходную часть бюджета для увеличения доходной. С этой точки зрения окончание ирано-иракской войны было ошибкой.

после того, как Французская революция дала миру понятия свободы и прав человека. С другой стороны, тоталитарные режимы вроде Объединенных Арабских Эмиратов, Катара и Кувейта – довольно мирные страны. Пацифистами людей делают не политические режимы, а богатство и страх его потерять. Чтобы прийти к богатству через либеральные реформы, арабам потребуются десятилетия, и потому этот вариант неприемлем для краткосрочной повестки дня.

Как бы Израиль ни относился к арабским правительствам, все позитивные программы, особенно инициированные США, должны быть ориентированы на население в целом, а не только на чиновников. В нынешней ситуации из-за финансовой помощи сотрудничество происходит только на уровне правительств, а народной воли для такого сотрудничества зачастую нет, поскольку большинство людей этой помощи не видит. Для обретения друзей в мире ислама Запад должен использовать несколько иные методы: американские колледжи в арабских странах, программы студенческого обмена, прямые поставки продуктов питания населению (с ясной надписью на арабском языке: «Сделано в США»), бесплатные оплаченные американцами газеты, публичная критика американскими дипломатами непопулярных шагов местных органов власти и т. д., и т. п.

В большинстве арабских стран, где свобода слова означает свободу критиковать США за закрытие террористических веб-сайтов, граждане просто не могут дать выход своему недовольству правительством. В итоге это недовольство, обычно на почве классовых противоречий, приобретает единственную дозволенную форму – ненависть к Израилю. Если Америка будет требовать от арабских стран разрешить свободу слова, это снизит и общий градус недовольства, и уровень антиизраильских настроений. Имеет смысл занять жесткую позицию в вопросе

прав человека (за исключением полицейского произвола, без которого невозможно эффективно противостоять террористам). Это может быть статус женщин, права шиитов и других религиозных меньшинств, коррупция в эшелонах власти, честное распределение нефтяных прибылей, прозрачные государственные расходы. Подобная политика увеличит добрую волю арабов по отношению к американцам. Сейчас арабы совершенно правильно замечают, что Запад поддерживает их угнетателей и не обращает внимание на нужды простых людей.

Израиль должен всячески разделять мусульман по этническому и религиозному признаку. Хотя большинство исламских народов не имеют обособленной идентичности и предпочитают считать себя частью единой мусульманской империи, есть и много других примеров: иранцы, азербайджанцы, иракцы, египтяне, пакистанцы, казахи, таджики и многие другие – у всех их прочные национальные корни. Африканские мусульмане, которых исламская традиция считает ущербными, – это носители своего рода негативной идентичности. Нигерия – крупнейшая страна, затронутая исламским расизмом. Америка могла бы поддерживать националистические движения в таких странах, содействия росту их влияния в международных исламских институтах.

Хотя мусульмане объявляют себя одной уммой, богатство среди них распределено по-разному. Крошечные элиты в Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Катаре и Кувейте имеют гораздо больше, чем миллиард прочих мусульман. Нужно побудить мусульман в других странах потребовать свою долю прибыли от аморальных нефтяных вотчин.

Саудовцы идут еще дальше и нагло запрещают многим мусульманам доступ к святым местам, вводя квоты на хадж, в результате чего многие мусульмане могут лишиться права войти

в рай – а ведь саудовцы якобы действуют от лица всей уммы. Саудовская Аравия финансирует местных улемов и затыкает рот гораздо более населенным странам: Пакистану, Бангладешу, Индонезии и т. д. Израиль должен использовать недорогие и эффективные тактики, такие как коррупция, с целью подорвать национальные интересы этих стран. Крупные игроки: США, Франция, Россия – тоже смогут купить агентов влияния среди неарабских мусульман посредством каких-нибудь транснациональных организаций. Конечно, местные имамы могут просто бойкотировать такие организации. Но ничто не мешает заняться воспитанием новых имамов в альтернативных медресе. Нужно искать недовольных, корыстолюбивых имамов и просто покупать их за деньги, приглашать их на лекции в США, публиковать их книги, строить для них мечети – словом, все что угодно, чтобы склонить их к сотрудничеству. Расходы будут немалые, но ведь это война, а не культурное сотрудничество. Запад вполне способен обойти Саудовскую Аравию в финансировании умеренного ислама, как в свое время он обошел СССР в гонке вооружений.

Нельзя ставить самоцель заменить ислам исламским национализмом. Традиционные террористы вроде ООП или Абу Нидаля не были религиозными. Нынешний высокий уровень религиозности среди партизан – это пропагандистский продукт для внешнего употребления. Национализм сам по себе не менее убийственное оружие, чем религиозный фанатизм. Запад должен продвигать национализм лишь в той мере, в какой он способен разрушить пресловутое единство мусульманского мира, и не более того.

Другой фронт борьбы – эксплуатация внутриарабских споров. Хотя Израиль не заинтересован в лобовом столкновении с Египтом, он может истощить Египет, вооружая крупные армии Судана и Омана устаревшим оружием. Оман поддерживает

торговые отношения с Израилем, его правитель Кабус Бин-Саид относится к нам довольно дружелюбно. Египет вынужден будет реагировать на наращивание военной мощи своими соседями, пусть даже и без явной угрозы; ему придется мобилизовать массовую армию, подобную суданской и оманской, а не компактную и современную, подобную израильской, – все это создаст давление на египетскую экономику и истощит ее. При этом для Израиля военное строительство Египта не опасно. Израиль и США вообще могли бы вплотную заняться Оманом, население которого более сговорчиво, и всячески продвигать его в арабском мире.

Американское вторжение в Ирак уничтожило шансы на продолжение иракско-иранского конфликта, который разорил двух врагов Израиля на многие годы. Когда американцы уйдут из Ирака, эта возможность появится вновь и ее можно будет использовать.

Если у Израиля есть виды на Ливан, нужно содействовать гражданской войне в этой стране, продавая оружие всем ее участникам. Израиль может разделить Ливан с Сирией и перевезти ливанских мусульман в сирийский Северный Ливан. Ливанские христиане могли бы сформировать свое собственное государство между Израилем и Сирией. Христианская страна на Ближнем Востоке отвлечет на себя часть общемусульманской ненависти, которая сейчас целиком сосредоточена на Израиле, и побудит Запад поддерживать антиисламскую политику.

Израиль косвенно поддерживает Индию в противостоянии с Пакистаном вокруг Кашмира, но до полного устранения пакистанской ядерной бомбы мы должны поддерживать тесные контакты с пакистанскими военными. Последнее время Пакистан отдалился от США, и это хорошая возможность для Израиля продвинуть собственные услуги и решения на рынке вооружений.

Есть множество других внутренних противоречий между арабами, которые можно успешно использовать для разрушения мусульманского антиизраильского альянса.

Есть убедительные аргументы и для арабской демократии, и для арабской диктатуры. Можно способствовать росту или уменьшению населения, делать страны богаче или беднее, укреплять или ослаблять экономику. Самое лучшее – просто позволить ситуации развиваться своим чередом. В долгосрочной перспективе Израиль только впустую тратит ресурсы, либо борясь с ураганом, либо пытаясь ускорить ход вещей, который в глобальном обществе и так достаточно быстр. Правильнее будет сосредоточиться на конкретных задачах, а именно оружие массового поражения и партизаны.

Упрощенный коллективизм, агрессивная религия, низкое качество образования, ненависть и ксенофобия – все это экономически неэффективные черты. Слишком требовательные культуры, религиозно или идеологически, неконкурентоспособны, и исламу приходится переносить цели и смысл жизни в другой мир.

Гонка за земными ценностями, индивидуализм – все это, быть может, ничуть не лучше исламской этики, однако западное мировоззрение гораздо эффективнее исламского в части научно-технического прогресса и накопления богатства. Разрыв между Западом и исламским миром будет расти и впредь, пока последний либо окончательно не сгинет, либо не избавится от своего религиозного балласта. Но даже при этом у мусульман нет никакого шанса добиться существенного промышленного развития в ближайшем будущем, за исключением разве что нескольких дальневосточных стран.

Коматозные исламские общества могут жить за счет нефти. Израиль не должен последовать их примеру и превратиться в такую же умирающую культуру. В этом смысле наше сочетание

умеренной религиозности и развитых трудовых навыков станет самой выигрышной стратегией.

Определить военную стратегию и придерживаться ее

Военная стратегия не терпит колебаний. В 1967 году из-за промедления мы чуть не проиграли войну. В 1973 г. промедление стоило нам больших потерь, когда Израиль не стал наносить превентивный удар из-за неуверенности в намерениях Египта. Даже если израильтяне тогда считали, что египетская армия просто совершает очередной провокационный маневр, а не готовится к войне, все равно нельзя позволять врагу маневры – *никакие* маневры, – считая их формальным поводом для объявления войны, как и было в 1967-м. В аналогичной ситуации Карибского кризиса, когда СССР решил разместить ракеты на Кубе, Кеннеди оправданно счел наращивание сил на своих границах поводом для объявления войны вне зависимости от ближайших целей противника, и выдвинул ультиматум. Вообще, маневры на границе – стандартный метод скрытой подготовки к войне. Советский Союз хорошо усвоил это в 1941 году, когда даже после начала бомбардировок немецкой авиации русские все еще думали, что немцы проводят военные учения. Да, в 1973 году у израильской границы были размещены самолеты САМ-5 и зенитные батареи, что затрудняло превентивный удар, но ведь тогда израильтяне об этом не знали. Более того, у Израиля были все основания для нанесения упреждающего удара уже в тот момент, когда СССР доставил эти батареи в Египет, точно так же как крупнейшие державы выступили против противобаллистических ракет и Стратегической оборонной инициативы.

Самой вопиющей ошибкой, если не преступлением, был отказ от применения ядерного оружия – из-за нее мы потеряли

тысячи солдат. Ядерный взрыв в Синае не представлял опасности для израильских населенных пунктов и не создавал прецедент нападения на город оружием массового поражения. Нерешительность – это всегда ненужные потери.

Автоматической реакции на агрессию препятствуют две причины. Политики хотят контролировать ситуацию, но плохо понимают, что именно нужно делать. Военные специалисты связаны по рукам и ногам жесткими договоренностями и дипломатическими механизмами вроде тех, что ввергли Европу в Первую мировую войну⁴¹. В 1967 году Египет вошел в войну из-за договора о взаимной обороне с Сирией. Арабы хорошо усвоили этот урок, и сегодня почти никто из них так не делает. Впрочем, сирийский пример мог преподнести и противоположный урок: если бы Израиль не просто сбил несколько сирийских самолетов, а уничтожил бы сирийскую армию полностью, Египет не стал бы вмешиваться в конфликт.

Израиль должен определить границы терпения действий врага. Мобилизация арабских армий, военные учения, регулярные перестрелки, милитаризация буферной зоны (протяженностью 50–150 км), получение оружия массового поражения, включая баллистические ракеты дальнего радиуса действия, – все это должно автоматически считаться актом войны. В 1973 году Израиль спасли Синай и Голаны: тогда их глубина обороны дала нам необходимое для мобилизации время. Наращивание военной мощи позволит арабам осуществить концентрированную атаку в любой точке на границе

⁴¹ А именно соглашения о защите, заключенные Россией и Германией с Сербией и Австрией, соответственно. Имея поддержку более сильного союзника, Сербия и Австрия специально обострили конфликт и запустили механизм защитных договоров, чего Россия и Германия не желали, хотя и относились друг к другу враждебно. Но российские и германские военные с удовольствием выполнили то, что от них требовалось.

и пройти далеко вглубь территории Израиля, прежде чем ЦАХАЛ успеет подвести подкрепления. Превентивный удар – это все, что нам остается.

Почему Израиль имеет право создавать оружие массового поражения, а его соседи – нет? Ответ на этот вопрос не имеет отношения ни к вопросам морали, ни к якобы мирным намерениям Израиля: арабы подозревают, что новое израильское правительство начнет экспансионистскую политику. Израиль должен иметь возможность навязать свою волю соседним странам и помешать им создать средства нападения на себя. Ограниченное число стран не позволяют просто так вступать в ядерный клуб всем желающим, и особенно это касается тех стран, которые не раз нападали на других и у которых есть доказанные злые намерения. Ядерный Ирак мог бы защититься от американского вторжения; ядерные амбиции Северной Кореи сегодня дают ей большой вес в международных отношениях. Америка заставила Ирак уничтожить свои ракеты всего за несколько недель до вторжения. В некоторых странах граждане не имеют права иметь оружие для защиты от возможного произвола властей. Когда евреи жили в мусульманском мире в статусе дхимми, им тоже нельзя было иметь оружие, хотя вокруг царило насилие⁴².

⁴² Хотя христиане относились к евреям неизмеримо хуже мусульман, арабы тоже убили немало евреев: 5000 человек в 1066 г. в Гранаде, тысячи – в 1465 г. в Марокко и еще 300 во второй половине 19-го века. В 8-м веке в Марокко была истреблена вся еврейская община. В Ливии в 1785 году погибли сотни евреев. Арабы совершали массовые убийства евреев почти во всех странах Ближнего Востока и даже в тех африканских странах, которые они контролировали, если находили в них евреев. Множество раз разрушались синагоги, изымалось имущество евреев, их силой обращали в ислам. В 19-м веке в Алжире, Марокко, Тунисе, Египте и Ливии евреям разрешали жить только в гетто.

Удерживание арабов от получения эффективного оружия – это практический военный шаг, лишенный нравственного измерения. И этот шаг справедлив: демократии, контролируемые либеральным общественным мнением, используют оружие массового поражения более благоразумно, чем авторитарные государства. Даже если Израиль увеличит свою территорию, вероятность применения биологического, химического или ядерного оружия против арабских населенных пунктов остается небольшой. ЦАХАЛ понес огромные потери в Бейруте, вместо того чтобы просто сжечь партизан вместе с городом и всеми его жителями с воздуха. Арабы совершили столько зверств против собственного народа, что всегда найдутся правители, которых не остановит вероятность гибели большого числа их соотечественников от ядерного удара Израиля.

Всегда сохраняется возможность, что те или иные арабские организации передадут оружие массового поражения арабским партизанам. Это еще одна веская причина насильственной демобилизации враждебных режимов, стремящихся получить ОМП.

Не стоит мешать арабам убивать друг друга, но важно проследить, чтобы при этом они использовали только конвенциональные вооружения, конфликты были

Мусульмане относились к евреям лучше, чем христиане, не из какой-то природной доброты, а потому что менее развитые мусульманские общества часто входили в состав крупных империй, междоусобицы среди них были реже, чем в христианских королевствах, и политика в них сильно зависела от религии. Таким образом, религиозные различия между исламом и иудаизмом специально не подчеркивались. Немусульмане не могли занимать государственные должности и потому реже занимались разного рода низменными профессиями вроде сбора налогов – фактор, сильно повлиявший на развитие антисемитизма в христианском мире. Помог евреям и совет Мухаммеда хорошо относиться к дхимми.

низкоинтенсивными и воюющие стороны не могли получить технологии, навыки и военные резервы, опасные для Израиля. Такая политика в сочетании с готовностью применить сокрушительную военную мощь позволит Израилю стать арбитром баланса сил в регионе и, как следствие, обеспечить хрупкую стабильность.

Не стоит думать, что Израиль слишком мал для такой важной роли. Рим управлял империей численностью, по разным данным, от 9 до 50 миллионов человек, что в двадцать раз превышало его собственное население. Для Израиля это соотношение более благоприятно, поскольку его преимущество над арабами обусловлено не только военным опытом, но и техническим уровнем вооружений. Александр Македонский завоевал земли, не сопоставимые с его родной Македонией по площади и численности населения, но из-за большой протяженности у его армии возникли проблемы со связью и транспортом. Сегодня это уже не проблема. Крохотная Швеция завоевала территории в Восточной Европе. А вот Франция и позднее Германия проиграли, когда слишком растянули свою территорию и пытались управлять ей напрямую.

Проблема управления оккупированными странами особенно актуальна сегодня, когда от оккупанта ожидается, что он будет не просто гуманно относиться к местному населению, но активно содействовать его благу. В Югославии и Ираке местное население устраивало демонстрации против войск коалиции, потому что они недостаточно быстро предоставляли муниципальные услуги. Нечто подобное регулярно происходит и в Палестине. Представьте, если бы евреи в 70 г. н. э. митинговали против римлян за то, что те не спешат отстраивать Иерусалим или проводить в него чистую воду! Армия должна хорошо убивать людей, а не охранять или обслуживать их. Не армии строят государства, а народ. Не занимаются армии и

миротворчеством.

Советский Союз делегировал экспансию местным режимам и в этом смысле был ближе к эталону, но эта политика сильно зависела от слабых правительств, ввиду чего СССР приходилось постоянно оказывать им военную и экономическую помощь. Америка помогает своим вассалам лишь эпизодически и еще не исчерпала свои экономические резервы. Американцы сочетают гарантии защиты с достоверной угрозой наказания за неподчинение – такая политика не требует повсеместного присутствия военных единиц. Американская стратегия поддержки мобильных сил в геополитических центрах, готовых быстро развернуться в горячих точках при их возникновении, напоминает стратегию римлян, которые тоже создавали колонии солдат и ветеранов на новых землях, при этом в важных провинциях их дополняли мобильные легионы. Рим тоже полагался на государства-клиенты, платящие за защиту. Америка часто вымогает экономические уступки, требуя от своих клиентов открыть рынки для американского бизнеса.

Для Израиля лучше всего подходит британская политика – поддержка более слабой стороны конфликта. В такой политике достаточно совсем небольших усилий, чтобы создать динамическое равенство и склонить чашу весов в другую сторону. Таким образом Великобритания веками контролировала Европу; до определенной степени эта стратегия работала и в колониях, срамливая их правителей друг с другом.

Международное общественное мнение – главное препятствие для современной колониальной политики. Израиль должен не столько захватывать другие страны, сколько создавать ситуацию, при которой они сами будут просить у него защиты от соседей или собственного народа – и платить за нее. Израиль должен позволять государствам-клиентам взаимодействовать со своим народом напрямую, чтобы ему

самому не приходилось заниматься полицейскими операциями. При этом клиенты должны быть достаточно слабы, чтобы завоевать соседей. В мусульманском общественном мнении принято считать, что что-то вроде этого сделала Америка после операции «Буря в пустыне»: заманила Ирак в Кувейт видимостью согласия, затем оттолкнула Ирак, не уничтожая его полностью, и предоставила Кувейту и Саудовской Аравии защиту в обмен на влияние. Бюрократическое правительство не способно на столь дьявольский план, но мусульманам хорошо известно, что он работает.

Как долго продлится этот период вражды? Это зависит от приложенных усилий. Рейган поставил Советский Союз на колени менее, чем за десять лет. Для этого ему пришлось приложить колоссальные усилия на всех фронтах: военном (периферийные конфликты), экономическом (гонка вооружений), внутреннем (диссиденты), дипломатическом (Польша), идеологическом (радиопередачи), в сфере прав человека (эмиграция). Ключ к победе – настойчивость. Любая страна, и тоталитарная в первую очередь, способна выдержать сильное, но непостоянное давление, но выдержать давление сильное и постоянное крайне сложно. Когда народ не видит свет в конце тоннеля, воля к продолжению борьбы пропадает. Советский Союз с самого своего рождения пребывал в смертельной агонии, лишь изредка перемежавшейся короткими передышками. Рейган достиг успеха на нескольких главных направлениях: американская пропаганда создала привлекательный образ Америки в глазах советских людей, и они уже не хотели с ней бороться; он продемонстрировал военное преимущество США в Афганистане и в космосе; успешно отразил международную коммунистическую экспансию; обанкротил СССР, снизив уровень экономического сотрудничества и заставив его тратить ресурсы на поставки

оружия и прочую помощь своим коммунистическим клиентам.

Израиль может покончить с мусульманскими странами в столь же короткий срок, но для этого нужно проявить такую же упрямую решимость, использовать каждую возможность, не давать врагу ни малейшей передышки. Нет смысла состязаться в ВВП или расходах, правильнее сделать расходы асимметричными: подстрекать демагогов в мусульманских странах требовать перераспределения потока нефтедолларов, включая помощь бедным мусульманским странам; продавать мусульманам дорогое и бесполезное оружие; снижать потребность в нефти, переходя на ядерную энергию; саботировать инфраструктуру, захватывая нефтяные скважины и устраивая бунты в нефтяных регионах. Проводя жесткую политику, мы сможем снизить доверие арабских обществ к своим правительствам, а высмеивая духовенство и продвигая светские ценности, мы заставим мусульман разочароваться и в своей идеологии.

Определить территориальные цели

Какую площадь израильтяне хотят для своего государства?

В израильском обществе нет единодушия по вопросу, какими должны быть наши границы. Тысячи лет мы стремились вернуться к библейским границам, но сегодня довольно сложно обосновать эту задачу. Во-первых, фактически Израиль таких границ никогда не имел. Самария была политически независима от Иерусалима, и в ней развивалась другая ветвь иудаизма. В древности нам никогда не принадлежал и Синай. Согласно пророкам, в мессианскую эру евреи будут контролировать не только пределы Обетованной земли, но и весь мир – эти пророчества вообще не принято рассматривать всерьез.

Размер Израиля – тема крайне спорная. Вопрос здесь не в том, где должны жить евреи: арабы никогда не запрещали евреям селиться в мусульманских странах. Этот вопрос касается нашего суверенитета и государственности, однако сегодня, с появлением многонациональных правительств типа США и Евросоюза, подобные вопросы постепенно утрачивают актуальность. Развитие связи и транспорта привело к глобализации; что-то подобное происходило и в прошлом, когда национальные государства постепенно вбирали в себя феодальные города. Нет сомнений, что эта тенденция со временем будет лишь усиливаться, постепенно размывая границы национальных образований.

Границы, определенные ООН, отражают мимолетный баланс сил по состоянию на 1947 год и сегодня совершенно неактуальны. Мы больше не можем руководствоваться резолюцией, принятой при участии Гаити, Филиппин, Коста-Рики и Либерии и приспособленной под несуществующие интересы

несуществующих сверхдержав. Евреи приняли план разделения как плацдарм для дальнейших действий. Арабы его не приняли. Было соглашение, но не было согласия сторон.

Первоначально англичане обещали передать евреям всю территорию Палестины, но затем они отдали кусок земли местным племенам, которые не хотели перебираться в Иорданию. Тогда евреи решили овладеть всей Палестиной, чтобы договориться о любой ее части. Когда в 1947 году, казалось, независимости Израилю уже не видать, нашлись разумные лидеры, которые убедили других согласиться на любую территорию, которую крупнейшие державы согласились нам уступить посредством ООН. После неожиданной⁴³ победы 1967 года израильское общество воспрянуло духом и решило во что бы то ни стало удержать землю предков. Но затем последовал шок 1973 года, когда египтяне застали израильскую армию врасплох. Впрочем, многие евреи все еще верили, что удастся отнять землю у слабых сирийцев (Голанские высоты) и палестинцев (Западный берег). Это тоже не сработало, и сейчас, в условиях международного давления и нежелания вести партизанскую войну, многие израильтяне готовы вернуться к границам до 1967 года.

Западный берег настолько перенаселен, что палестинцы не отказались бы от части пустыни Негев, возделанной израильтянами. Возможен также какой-то вариант разделения Иерусалима, если не политический, то административный, с несколькими юрисдикциями для еврейских и арабских деревень в Большом Иерусалиме и безвизовым сообщением между арабской и еврейской общинами. Остается открытым вопрос, захотят ли арабы снизить статус евреев до уровня дхимми; это

⁴³ Арабские армии лишь по чистой случайности не были готовы к превентивному удару и оказались неожиданно слабы в воздушных и танковых боях.

вполне возможно, если израильтяне продолжают политику мелких уступок и окончательно утратят волю к борьбе.

Израильтяне никогда даже не пытались определить границы приемлемого на войне. Что мы будем делать в случае серьезного вторжения или терроризма с применением ОМП: бросим в жерло войны все человеческие и материальные ресурсы или постараемся во что бы то ни стало избежать конфронтации вплоть до переселения в Уганду, Австралию или Аризону? Евреи или земля – что важнее и в какой пропорции? Если мы думаем, что примем решение исходя из ситуации, то мы можем просто не успеть.

Зачем Израилю территории?

Для определения ближайших задач важно сначала определить общую, итоговую цель. Зачем Израилю вообще территории? Один из вариантов ответа – чувство собственного достоинства: мощную страну всегда уважают. Если Израиль может с легкостью забрать землю у Сирии, Ливана и/или Палестины, выгнать их жителей и удерживать эти земли недорогими средствами, экспансия может быть приемлемым вариантом. До того как пятьдесят лет назад в Корее⁴⁴ возникло понятие «гуманная война», ни один рациональный народ никогда не возвращал земли, отнятые у более слабого соседа, и тем более, если они были отняты после агрессии этого соседа. Иногда это бывает оправданно, скажем, если слабая колония

⁴⁴ Европейские христианские правительства и раньше иногда пытались оградить от военных действий гражданское население, но тогда речь шла только о том, чтобы не чинить массовые убийства и такой же массовый грабеж. Но уже Наполеон вернулся к практике обеспечения армии за счет завоеванных территорий, что нельзя было делать только за счет французских ресурсов.

вдруг вооружилась и твердо намерена сражаться или содержащиеся в ней полезные ископаемые обесценились и больше не оправдывают военные расходы на ее удержания. Но ни одна страна никогда не отдавала территорию, важную для своего национального самосознания, и тем более в отсутствие серьезной военной угрозы. У Израиля были все основания сохранить буферную зону на границе с Египтом.

Государство Израиль смехотворно мало в сравнении с большинством арабских стран, которые были искусственно вырезаны из крупных империй. После заката Османской Империи Великобритания и Франция разделили этот регион на три страны: Ирак, Палестина и Сирия, – и последующие подразделения служили задаче польстить марионеточным династиям на местах. Размер Израиля неестественен, особенно в эпоху оружия массового поражения, и особенно, если арабские страны объединятся в еще более крупные образования.

Внешне рациональные, но на деле ошибочные доводы часто лишь маскируют истинную цель – национальный престиж. Рассмотрим несколько таких доводов. Военные соображения? Пара десятков километров территории совершенно несущественны в эпоху воздушной войны. Когда Израиль удерживал Западный берег, партизаны действовали преимущественно в нем и в пограничных поселениях внутри Израиля. Когда Израиль отдал эту территорию обратно палестинцам, террористы перенести боевые действия в собственно Израиль. Проникнуть в спорную территорию всегда проще, чем в Израиль. Когда террористы проникают в Израиль, территории уже не служат буферной зоной против террористов.

Религиозный довод: крайне спорная вещь в современном мире, в котором большинство евреев нерелигиозны. Если доводить этот аргумент до логического завершения, то Израилю придется выполнять и другие библейские обязанности, в том

числе истребить все прочие религии на своей территории⁴⁵ и взорвать мечеть аль-Акса. Очень немногие осмелятся всерьез говорить об уничтожении христианских и арабских святынь. Тора не требует от евреев вести своеобразный джихад ради освобождения Обетованной земли; мы должны действовать строго по приказам Бога, как делал Иисус Навин – ни больше, ни меньше.

Историческое право? Такого права не существует. Народы постоянно меняются землей. Вряд ли сегодня найдется хоть одно государство, которое занимает строго ту же территорию, в которой когда-то возникло. Страны постоянно расширяются и сокращаются.

Право на то, чтобы арабы заговорили по-еврейски и выбрали в Кнессет своих депутатов? Это нежелательно.

Право возмещения, чтобы арабы заплатили за то, что раньше они над нами господствовали? Но из всех народов мира арабы относились к нам лучше всех, поэтому мстить им не стоит. Никто не оспаривает право евреев селиться, где им вздумается. Еврейские общины веками процветали в арабском окружении.

⁴⁵ Левит 19:34 предписывает евреям любить пришельцев в своей земле, как самих себя. Но поскольку пришельцам запрещалось идолопоклонство и они должны были соблюдать Шабат и другие еврейские законы, они фактически приравнивались к евреям. Следовательно, чтобы их любить, их нужно было для начала ассимилировать. К счастью, современные арабы на это уже не пойдут. Возможно и другое прочтение этой заповеди: нам запрещается притеснять пришельцев, как египтяне когда-то притесняли евреев. Однако это не может подразумевать религиозную терпимость, что видно из множества мест, где однозначно осуждаются языческие святилища. Кроме того, многие израильские арабы вовсе не мирные пришельцы; часто они презирают евреев и Израиль, прямо угрожают еврейскому характеру нашего государства через демократические институты.

Если бы евреи просили себе только культурную автономию, палестинцы бы легко ее предоставили. В исламе предоставление дхимми автономии – религиозная обязанность, жители западных стран в мусульманских странах уже не один век пользуются иммунитетом благодаря различным межгосударственным соглашениям. Пять миллионов евреев, живущих по всей Эрец-Исраэль, вернутся к своей первобытной плотности, слишком низкой для экономических, социальных и оборонных задач.

Какой бы выбор ни сделал израильтяне, они должны тщательно взвесить экономические последствия. Десятилетия удерживания Иудеи и Самарии уже стоили Израилю сотен миллиардов потерянных средств в военной и экономической сферах. За эти деньги можно было бы приобрести неплохой кусок Нью-Йорка.

Возможность сдачи территорий

У нас не получится удержать даже собственно территории, не говоря уже о сети поселений на них. И неважно, решит Израиль завладеть одним Западным берегом или половиной Ливана в придачу, сопротивление этому решению и, следовательно, необходимые для его преодоления усилия будут одинаковы. На самом деле, чем меньше территорий мы удерживаем, тем больше арабы будут требовать их вернуть. В первую очередь это относится к Иерусалиму. Не решив эту задачу, нет никакого смысла возвращать вообще какую бы то ни было территорию, потому что и конфликт, и необходимость в крупной регулярной армии как были, так и останутся. С другой стороны, в теоретическом решающем соглашении именно территории станут главным козырем. Если отдавать территории маленькими кусочками, мы растратим всю нашу переговорную силу, ничего не приобретем взамен и увеличим стоимость

удержания того, что осталось. Это показали бои за Голаны в 1973 году, когда на крохотном фронте скопилось 1400 сирийских танков.

Нет никаких практических причин, мешающих Израилю отдать территории при условии длительной демилитаризации. Нарращивание конвенциональных сил скрыть невозможно, поэтому у Израиля всегда будет время нанести превентивный удар. Нынешняя ситуация ничем не отличается от ситуации пятидесятилетней давности. Территории вряд ли превратятся в неприступную крепость иностранных армий, и даже если это и произойдет, Израилю все равно ничто не помешает напасть на независимую Палестину за нарушение соглашения о демилитаризации. Проблему может представлять наращивание в суверенной Палестине партизанских сил, но единственная альтернатива – прямой надзор за территориями – была неэффективна даже в лагерях беженцев. Эту политику можно проводить только одним способом – решительно и не обращая внимания на права человека, в любом другом случае она несостоятельна.

Авиация и ракеты нейтрализуют стратегическую значимость небольших буферных зон. Самолеты типа АВАКС эффективнее в разведке, чем наблюдательные пункты на холмах. Компьютерные системы слежения засекают ракетные установки и запускают ответный огонь в считанные секунды. Если Израиль будет отвечать с использованием химического оружия и напалма, противник откажется от атак израильских пограничных городов с холмов. Кроме того, палестинцев можно вынудить немного изменить границу в нескольких местах, чтобы стратегические районы остались в наших руках. Когда у англичан был палестинский мандат, они точно так же навязали Египту небольшие корректировки границы с помощью незаметных картографических трюков, которые египтяне даже не заметили.

Ошибочен и аргумент, что ограниченность территории Израиля накладывает ограничения на нашу экономику. Такой ход рассуждений фактически эквивалентен предложению обменять еврейские жизни на возможную экономическую прибыль. Вне зависимости от приемлемости или неприемлемости подобного шага, об этом нужно сказать ясно, чтобы люди четко понимали: они умирают за деньги, а не принципы. Более того, есть не менее убедительные аргументы и в пользу противоположного вывода, а именно что территориальные ограничения способствуют улучшению конкурентоспособности: взгляните на Японию, Южную Корею, Швейцарию. Именно ограниченность земельного фонда во всем Израиле, кроме разве что пустыни Негев, привела к серьезным прорывам в ирригации и мелиорации.

Еще один проблемный вопрос – Иерусалим. Евреи были эмоционально привязаны к этому городу тысячелетиями, а для мусульман он приобрел значение совсем недавно – в 1967 году, когда их унижительно выбили из этого города. Образование в 1099 году, во время первого крестового похода, христианского Иерусалимского королевства почти никак не отразилось на умонастроениях в исламском мире. Но сегодня уже нет никаких шансов надеяться, что арабы по доброй воле сдадут Иерусалим, – если, конечно, какая-нибудь радикальная еврейская группа не взорвет Купол скалы или иной важный мусульманский объект⁴⁶. Но даже в этом случае они попытаются восстановить уничтоженный объект, как они уже не раз делали в прошлом. С

⁴⁶ Не стоит сбрасывать этот вариант со счетов: средневековые арабы неоднократно строили свои храмы на местах еврейских. Далее, почему бы не рассмотреть вариант уничтожения Каабы, центра всего мусульманского самосознания. Это может сделать какая-нибудь шиитская группа, недовольная тем, что шиитам ограничивают к ней доступ, или радикальная христианская группа «неокрестоносцев».

точки зрения современных арабов-националистов, их святыми местами завладели грешники. Если Израиль не сможет решительно подавить воинственные амбиции арабов, он не должен игнорировать эту проблему.

Израиль мог бы предложить Иордании создать в мусульманских священных местах свое посольство и наделить их дипломатическим иммунитетом и административным суверенитетом. Паломников возили бы в такие места на автобусах от аэропорта и обратно. При таком варианте арабские лидеры смогут сохранить лицо как защитники исламских ценностей. Это также улучшит репутацию дружественной, прозападной Иордании в арабском мире, и лишит почвы иракские притязания на эту страну, поскольку аннексия означала бы разрыв дипломатических отношений между Иорданией и Израилем. Сравните это с тем, как глумятся над еврейскими священными местами сами арабы⁴⁷.

Еще один вариант – передать исламские святыни в Иерусалиме мусульманским, но не арабским странам, таким как Бангладеш, Пакистан, Мали и т. д., с целью обострить между мусульманами межэтнические разногласия. Если они примут подобного троянского коня, прочие мусульмане не смогут против этого возразить, для этого у них не будет религиозных оснований.

Следующий вариант – передача мусульманских святынь саудовским улемам с целью настроить консервативную,

⁴⁷ Некоторые недавние инциденты: разрушение гробницы Иосифа в 2000 году; попытка взорвать Пещеру Патриархов в 2001 г. и последовавший за этим запрет евреям молиться в этом месте; взрывы зажигательных бомб в гробнице Рахили; неоднократное осквернение синагог; нападения на еврейские поселения; запрет доступа ко многим важным объектам на территории Палестинской автономии. Любое уважающее себя правительство не потерпело бы подобного – но только не израильское.

прогосударственную религиозную бюрократию против радикального духовенства. Это не должен быть Египет, поскольку Израиль совсем не заинтересован в египетском влиянии на Иерусалим. Нужно найти более слабого партнера. Ни в каком случае нельзя передавать иерусалимские исламские объекты палестинцам: это подстегнет религиозные чаяния в светском палестинском обществе, превратит палестинцев в законных хранителей святых мест.

Передача крупных исламских объектов Иерусалима в ведение мусульман положит конец еврейским религиозным чаяниям. Языческие храмы на святых местах Обетованной земли – это тяжелейший удар по еврейскому самосознанию. Еще важнее то, что это поставит крест на нашей извечной надежде восстановить Храм. Мир, основанный на совместном владении Иерусалимом, станет для евреев Пирровой победой.

Особый случай – Газа. Передача Газы Палестинской автономии была ошибкой. Мы собственными руками создали трамплин для террористических организаций и разделили Израиль напополам коридором из Западного берега в Газу. Какая другая страна допустила бы, чтобы ее территорию пересекала дорога иностранного государства? Пусть палестинцы ездят в Газу по морю. Мы не должны разрешать им даже воздушное сообщение: нельзя так рисковать, разрешая свободный пролет над своей территорией палестинских самолетов. Благодаря контролю над Газой Палестина получает крупные морские газовые месторождения. Газа довольно привлекательна и с сельскохозяйственной точки зрения. Израиль должен закрыть коридор и переместить население Газы на Западный берег, в оставленные евреями поселения. У нас есть для этого подходящий предлог – слишком большое скопление в Газе террористических организаций. Переселение вовсе не устаревший и варварский метод решения проблем. Всего

восемьдесят лет назад таким образом был успешно решен многовековой конфликт между Грецией и Турцией. И это далеко не единственный пример.

Голанские высоты не являются помехой для мира с Сирией. Если удастся сделать так, что Сирия забудет свою многовековую ненависть к евреям и подпишет с Израилем договор, то уж тем более она забудет Голаны. Для Израиля важно аннексировать эти высоты и с военной, и с экономической точки зрения.

В основном аннексию Голан поддерживают пожилые и религиозные евреи – две группы, которым не грозит служба в армии и смерть от вражеской пули. Та молодежь, которая тоже поддерживает аннексию, в основном радикального толка. Отсутствие страха и сострадания также типично для этого возраста. Интересно, поддержали бы они тотальную войну, если бы не были настолько индоктринированы? Готовы ли они умереть, отправить на смерть своих близких или просто платить непомерно высокие налоги, чтобы лишь за столбить за Израилем бессмысленную территорию?

Возвращение территорий может не привести к нормализации арабо-израильских отношений

В 19-м веке евреи пришли в Палестину почти незаметно. Они попытались осуществить задачу, у которой почти не было прецедентов в истории, – построить страну, не изгоняя местное население, а просто покупая землю. Десятилетиями они отвечали на нападения арабов и серьезной эскалации конфликта не происходило. Все изменилось лишь в 1930-х годах, после массовых погромов бесчинствующих палестинских селян, которые хотели продавать землю, но не хотели видеть в числе ее покупателей евреев. Мусульмане не предлагают мир, мусульмане захватывают.

Передача собственности для арабов – признак слабости, а не доброй воли. Они охотнее будут сотрудничать с более сильным соседом, который в чем-то им вредит, чем с более слабым, который что-то им дает. Если Израиль решил отдавать землю, нужно сделать так, чтобы это не выглядело, как уступка под давлением партизан. В противном случае последуют все новые и новые требования.

Возвращение территорий арабам не принесет нам мир. Смехотворно маленькое палестинское государство – это гораздо более серьезное оскорбление для Израиля, чем отсутствие такового государства. И это оскорбление будет постоянным и необратимым. Арабы гордятся палестинским конфликтом, а политическое соглашение по созданию нежизнеспособного государства они будут рассматривать как поражение. Когда они поймут, что сражались за крошечный кусочек земли для палестинцев, которых всегда презирали, они сразу же выдвинут новые требования: разделение Иерусалима, право на возвращение для потомков беженцев, возвращение их имущества. Израиль движется именно к этому сценарию.

Игнорирование фактов делает политику дорогой. Израилю придется уйти с территорий не из доброй воли, а из-за неподъемных расходов на партизанскую войну. А раз так, то и уступки бесполезны. Всегда найдется кто-нибудь, желающий повоевать с евреями, неважно, в открытой войне или в партизанской⁴⁸. Арабы воюют из-за своей ксенофобии, а не из привязанности к бесполезной земле, которая никогда не

⁴⁸ Израиль со всей своей военной мощью ведет себя как типичный слабый еврей: уклоняется от применения силы, просит защиты у ООН, умоляет арабов о мире, готов отдать приобретенную землю, жалуется о жертвах, постоянно говорит о морали. Слабость евреев всегда провоцировала антисемитизм. Это видно хотя бы из истории: стоило власти осудить погромы просто на словах, как они тут же стихали.

считалась важной в арабском мире. Земля – это просто предлог, настоящая же цель – изгнать с исламского Ближнего Востока инородную культуру. Вот почему простая передача земли арабам ничего не решит. Израиль должен отвечать на угрозу военными мерами.

Западное представление об арабском национализме преувеличено

Арабский национализм часто преувеличивают. Это молодое и относительно слабое явление, оно восходит к 19-му веку, периоду заката Османской Империи. Большинство арабских стран были созданы колониальными державами совсем недавно, они существуют в искусственных границах и управляются лидерами, незаконными с религиозной точки зрения. Арабские страны постоянно воюют друг с другом, попирая принципы общинности и сотрудничества. Если бы у них не было общего врага – Израиля, – этот регион погряз бы в бесконечных пограничных войнах.

Даже Египет, – единственная арабская страна, обладающая территориальной и культурной целостностью, – привык к оккупации и территориальному хищничеству. Он привык к агрессорам: туркам, французам и британцам. Последних двоих здесь по-прежнему уважают. Японцы были агрессивны и ксенофобны. Западная культурная экспансия началась в 1852 году, когда коммодор Перри пришвартовался в Токийском заливе; она продолжилась с поражением Японии во Второй мировой в 1945 году и достигла своей кульминации, когда Япония нашла в лице США рынок сбыта для своих высокотехнологичных товаров, так что традиционный политический национализм уступил место экономическому.

Чтобы закрепить новые территориальные приобретения и

заставить их бывших владельцев смириться с неудачей, одной лишь сокрушительной мощи недостаточно. Когда понимаешь, что воюешь за крохотный клочок земли, желание воевать действительно пропадает. Сейчас подобное происходит с Израилем: он отдает землю не по доброй воле, а нехотя, не имея ни желания, ни возможности тратить жизни, ресурсы и репутацию ради ее удержания. Точнее, так должны думать его враги – и просить о мире.

Аннексия не обязательно мешает миру

Далеко не факт, что удержание территории другого государства мешает мирному договору с ним. Примеров тому предостаточно. Спор между Францией и Германией об Эльзасе и Лотарингии так и не решен, он просто утратил значимость. США овладели британскими, французскими и испанскими территориями. Саудовская Аравия – продукт сплошных завоеваний и аннексий. Практически ни одна страна мира не занимает свою первоначальную территорию. Очень немногие страны ни разу не изменили свои границы за последний век. Даже коренные территории удерживались силой – отбирались либо у другой страны, либо у местного населения.

Если израильтяне решат аннексировать территории, чрезвычайно важно не придумывать оправданий для этого. Любое оправдание: правовое, военное, экономическое, религиозное – можно при желании опровергнуть. Аргумент для аннексии может быть только один: Израиль хочет эту землю и способен защитить любые свои приобретения.

Формальная аннексия территорий поможет более свободно бороться с партизанами и их сторонниками, ведь теперь Израиль будет защищать собственную территорию. Законность аннексии останется открытым вопросом, но как уже

показал пример Иерусалима, западные страны не особо волнуют юридические тонкости, потому что все они сами приобрели свою землю далеко не безупречно законным образом. Их больше волнует нарушение прав другого народа (палестинского), но и то только потому, что этот народ существует – или считается народом. Когда Израиль захватывает несколько холмов под еврейские поселения, Западу это не нравится больше, чем если бы мы заняли целый регион. Запад быстрее смирится, если мы возьмем все и сразу, чем если мы будем отхватывать кусочек сегодня, кусочек завтра. Игнорирующие историю либералы, конечно же, поднимут крик, но реальные политики у власти были и остаются реалистами. Алжир, Тибет, Фолкленды, Афганистан, Ирак – это названия не из средневековых хроник.

Культурно привлекательному Израилю будет проще аннексировать территории

Если Израиль приобретет культурную привлекательность, ему будет проще аннексировать территории. Сложно отдать территорию кому-то, кто кажется тебе хуже, чем ты. С другой стороны, не так болезненно уступать землю стране, которая вызывает восхищение. Сегодня арабы Израилем не восхищаются. Его военные победы арабы приписывают помощи США⁴⁹, а его экономика далеко не убедительна, особенно на фоне нефтяного рая иных арабских экономик. А вот Великобритания всегда была для арабов культурно

⁴⁹ И эта точка зрения противоречит фактам. Впервые Америка оказала Израилю крупную помощь в последние дни войны 1973 года с целью компенсировать массированную помощь Советского Союза Египту. Эффект от этой помощи был по большей части психологический, поскольку у нас и так было достаточно и самолетов, и танков. Все остальные войны Израиль выиграл без существенной поддержки других стран.

привлекательна. Евреи веками считались в мусульманском мире второсортными дхимми, и им достигнуть этой цели будет весьма непросто. Арабы заключат с Израилем мир только тогда, когда он станет мощной экономической державой.

Израиль как региональная империя

Израиль, обладающий, по некоторым подсчетам, четвертой по силе армией в мире⁵⁰, растрчивает свой военный потенциал: оплачивает его, но не использует. Этот потенциал можно использовать с выгодой для себя, сделавшись настоящей региональной империей. Израиль мог бы забирать территорию у арабов (да и не только арабов) или обращать их в протектораты, платящие дань и не имеющие права вооружаться и мобилизовываться. Против хорошо защищенных границ будут

⁵⁰ Более разумным кажется второе место. Российская армия слишком устаревшая и небоеспособная. Она могла бы компенсировать эти недостатки ядерным оружием, но вряд ли когда-либо это сделает. Преодолеть ее может не только Америка, но даже простые санкции, которые просто задушат российскую экономику, слишком зависимую от экспорта нефти и газа. Китайская армия не участвовала ни в одной крупной войне, в конфликте с Вьетнамом она показала себя не с лучшей стороны. Эффективность китайской пехоты весьма ограничена. Современное китайское оружие такое же ненадежное, как советское, а много плохих самолетов уступают нескольким хорошим, таким как израильские. Технологическое преимущество американской и израильской армий над всеми остальными колоссально. Преимущество ЦАХАЛа того же порядка, что преимущество любого нового завода над старым: новое всегда лучше модернизированного. Финансовые ограничения сделали израильскую армию компактной и гораздо более эффективной по отношению к затратам, чем гигантская армия США с ее дорогими игрушками вроде бомбардировщиков-невидимок, авианосцев и т. д.

беззащитны орды феллахов.

Колониализм, подавление, репрессии – все это ляжет тяжким бременем на национальную совесть израильтян. Сегодня не принято воевать ради материальной прибыли, поэтому израильтянам придется найти подходящее оправдание. Это можно сделать, относясь к своим подданным как к людям неполноценным, нуждающимся в помощи, примерно как сейчас мы относимся к палестинцам. Впрочем, колониализм существует и в других формах. Нужно тщательно исследовать имеющиеся варианты и либо принять их с полным осознанием моральных последствий, либо отвергнуть с полным пониманием экономических потерь. Есть разные формы и степени рэкета, и необязательно проводить совсем уж агрессивную колониальную политику. Можно выбрать какой-нибудь средний вариант, например на платной основе защищать страны от их соседей.

Весьма привлекательны природные ресурсы обанкротившихся африканских стран. Израилю достаточно оккупировать богатые ресурсами районы, оградить их и эксплуатировать их ресурсы. Они и так разграблены коррумпированными политиками и племенными вождями, так что население ничего с них не имеет. Для сохранения лица Израиль должен будет пустить часть доходов на гуманитарную помощь местному населению, чтобы его жизненные условия улучшились в сравнении с нынешними. Запад пытается подавить черный рынок бриллиантов, якобы чтобы перекрыть источники финансирования партизан, а на самом деле защищая монополию «Де бирс». По этой же логике израильская оккупация должна положить конец многим племенным войнам.

Израиль мог бы сыграть на балансе сил, поддерживая или защищая слабые арабские страны против более сильных. Таким образом мы когда-то разрешили конфликт между Сирией и Иорданией. Израиль находится в том же положении, что

Великобритания по отношению к Европе: он достаточно силен, чтобы влиять на любые процессы, но вмешивается в них не всегда и не сразу. Израиль может играть эту роль и в Африке, где к нам относятся достаточно непредвзято. Латинская Америка и Азия тоже представляют интерес, правда, Израиль должен будет объяснить местным гегемонам, в том числе США и Китаю, что наши интересы там не имеют политической подоплеки.

Защита небольших и средних народов окупится Израилю сторицей и вернет ему достойное место на международной арене. Армии необязательно вступать в реальные боевые действия, достаточно производить надлежащий устрашающий эффект, поэтому большого риска в этой политике нет. Израильские силы обороны вообще могли бы прибегнуть к услугам наемников, которые будут воевать за деньги, а не ради еврейского национализма. Иностранные наемники в рядах ЦАХАЛа не будут презирать евреев, поскольку антисемитизм – это всегда результат слабости евреев. Наемники хорошо подходят для конфликтов среднего масштаба, при этом израильскому командованию предпочтительно дистанцироваться от их жестоких методов. Демократический, относительно открытый Израиль не может играть на балансе сил, поддерживая различные режимы вне зависимости от их нравственного облика. Наемники это делать могут.

Легализация частных армий даст Израилю множество «военных консультантов». В Негеве у нас достаточно места для военных лагерей, чтобы поставить милитаризм на конкурентную основу, попутно экспортируя высококлассное военное оборудование.

Завоевывать только военно слабые и экономические жизнеспособные государства

Как один из вариантов, можно оккупировать несколько слабых в военном отношении, но экономически важных стран, таких как Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Катар и Саудовская Аравия (кроме религиозно чувствительного района вокруг Мекки), либо только нефтеносные регионы. Немногочисленное население таких регионов можно расселить по близлежащим городам или отправить обратно в пустыню. Еще несколько десятилетий назад эти люди кочевали по всему Аравийскому полуострову, и говорить об их привязанности к этой земле просто смешно. Израиль может контролировать эту территорию ровно столько, сколько ему нужна ее нефть.

Всевозможные эмираты и шейхства – легкая добыча. Макиавелли говорил, что тоталитарные государства сложно завоевать, но легко держать в подчинении, поскольку их жители уже привыкли к несвободе. ЦАХАЛу завоевать такие страны не составит никаких проблем. За редкими исключениями большинство их жителей при Израиле будет жить лучше, чем до него. Израиль будет выплачивать им небольшую часть нефтяных доходов. Однако даже такие жесты не улучшат ситуацию фундаментально. Заставить арабов смириться с оккупацией можно только циничными силовыми методами.

Поучительно сравнить британскую и ассирийскую империи. Ассирийцы переселяли коренные народы и таким образом уничтожали их патриотическую связь с землей. Впрочем, сами евреи тоже не горели желанием вернуться на родину. Ассирийцы селили в освободившейся земле других иностранцев, безопасность которых теперь напрямую зависела от ассирийцев: таким нехитрым образом удавалось превратить колонии из источника постоянных бунтов в базу поддержки. Макиавелли очень гордился бы ассирийцами. (Ассирийцы переселяли только

опытных рабочих, но для Израиля эта полумера неприемлема, поскольку арабские университеты продолжают подстрекать против Израиля. Переселять нужно абсолютно всех, кто заявляет хоть о каких-то правах на землю, а университеты и медресе закрывать.) Англичане, напротив, ничего не меняли в демографии своих обширных колоний, и для подавления восстаний им постоянно приходилось применять силу. Промышленная революция обесценила колониальные товары, в частности сырье, и подняла зарплаты солдат, в результате чего военное подавление колоний стало невыгодным. Адская смесь из колониального национализма и домашнего либерализма в итоге сделала свое дело, и Великобритания потеряла свои колонии.

В случае Саудовской Аравии Израиль должен разжигать соперничество между доминирующим суннитским западом и притесняемыми шиитами с богатого нефтью востока. Возможно, стоит учитывать и шиитское большинство Ирака, которое также находится в тяжелом положении и требует своей доли в нефтяных доходах. Стоит Израилю аннексировать нефтеносные районы или нет – другой вопрос, главное, что врага необходимо ослабить. Израиль может поставлять шиитским шейхам-фундаменталистам оружие через Иран. Помня печальный опыт «Иран-контрас»⁵¹, нет причин для сомнений, что Иран не согласится. Поставку можно осуществить через российских или азербайджанских агентов.

Можно раздуть ирано-саудовский конфликт, например внедрить в среду иранских паломников провокаторов для подстрекательства против несправедливой саудовской квоты на хадж. Если Израилю удастся просто поднять шумиху в мировой

⁵¹ Учитывая нынешний уровень скрытого сотрудничества с враждебным врагом, можно лишь гадать, каким образом вообще возможно остановить иранскую ядерную программу.

прессе по поводу квоты и заставить Саудовскую Аравию отменить их⁵², остальное иранцы доделают самостоятельно, отправив орды шиитов чинить проблемы в Мекке. Если Израилю потребуется как-то оправдать свои действия, можно сослаться на поддержку саудовцами палестинских террористов-смертников.

Аналогичный подход сработает и с Нигерией. Израиль мог бы помочь притесняемым нигерийским христианам отделиться от мусульманского севера этой страны. Это одновременно лишит нигерийских мусульман нефтяных доходов и откроет нам путь к новым нефтяным контрактам от христианских клиентов Израиля.

Израиль должен работать только с незначительными в военном отношении странами. Нельзя повторять стратегические ошибки Германии перед Второй мировой войной, когда рядовое мародерство вызвало оппозицию сначала Великобритании и Франции, а затем ситуация накалилась до такой степени, что пришлось вмешаться и США. Если Израиль пойдет по этому пути, он должен заверить страны с сильными армиями (но экономически несостоятельные), такие как Пакистан и Египет⁵³, что его амбиции не пересекаются с их интересами.

Умиротворить Египет несложно: нужно просто четко объявить, что Израиль не имеет никаких скрытых намерений, но лишь преследует определенные экономические цели. Когда Саддам вторгся в Кувейт, это не вызвало обеспокоенности среди арабских стран (кроме Саудовской Аравии), потому что они понимали: Ирак интересуется только нефть. С другой стороны, непредсказуемые американские военные предприятия

⁵² Маловероятный сценарий. Саудовцы почти не реагируют на мировое общественное мнение, с чего стоит взять пример и Израилю. С точки зрения пиара Израилю шума в прессе даже полезна.

⁵³ Второзаконие 23:7 требует уважать египтян, что можно понимать как запрет им вредить. Хотя древние египтяне не были арабами, евреям все же лучше трижды подумать, прежде чем нарушать эту заповедь.

постоянно нервируют страны третьего мира. Страна будет бояться своего соседа не просто потому, что он сильный и агрессивный (как Мексика и современная Америка), но потому, что она подозревает его во враждебных намерениях. Англичане приняли аннексию Германией Австрии и Чехословакии и объявили войну только после оккупации Польши, когда имперские амбиции Германии стали предельно очевидны. При разумном и циничном правительстве Египет не будет спешить помогать своим братьям в конфликте с Израилем. Даже если он и заподозрит Израиль в злом умысле, он не будет рисковать тотальной войной с более сильным Израилем, тем более что международное сообщество наверняка объявит такую страну агрессией. Война 1973 года была оборонительной войной за возвращение территорий.

Ливан и Иордания – цели соблазнительные, но неоднозначные. Разделить Ливан с Сирией несложно, для этого и повод есть – великодержавные амбиции последней, однако неясно, что делать с аннексированным южным Ливаном. Преобразовать его в христианский буферный анклав и переместить мусульман в сирийский сектор? Это можно оправдать желанием остановить непрерывную гражданскую войну. Однако наплыв ливанских христиан в увеличенный Израиль сильно повлияет на демографическую ситуацию в стране и результаты выборов в Кнессет. С любым конфликтом с Сирией полунезависимый Ливан был бы полезнее в качестве буферной зоны, чем Южный Ливан, инкорпорированный в собственно Израиль. Быть может, придется довольствоваться 50-километровой пограничной зоной на ливанской границе. В разделе страны с Сирией будет больше смысла, если всех палестинцев переместить в подконтрольный Сирии Ливан. Сирия также согласится ассимилировать несколько миллионов палестинцев взамен на согласие Израиля и Америки с разделом

Ливана; при этом Франция будет против, но сделать ничего не сможет.

Случай Иордании сложнее, чем Ливана, поскольку у Израиля там нет внутренних союзников типа ливанских христиан. Кроме того, в Иордании Сирия будет не настолько расположена к сотрудничеству, как в Ливане. Иорданцам некуда идти – или, точнее, Израилю некуда их отправить. Разве что в Ирак, если после окончания американского вторжения он утратит состоятельность как государство. Успешная аннексия требует высылки и рассредоточения населения; хотя в чисто военном отношении это возможно, Израиль в этом не заинтересован экономически.

Израилю необязательно управлять завоеванным населением напрямую. На этом пути нас неминуемо поджидает либо национально-освободительная война, либо борьба с апартеидом, либо совсем ненужная ассимиляция чужаков в израильское окружение. Есть страны, такие как Афганистан, Ливан и Палестина, которые принципиально не поддаются управлению. Вариантов много: изгнать население, назначить жестокую администрацию из местных, просто запретить поддерживать партизан под угрозой жестких ответных мер. Но никогда нельзя править иностранцами напрямую⁵⁴!

Аннексия иностранных территорий

Израиль не колония⁵⁵, чтобы его границы определяли

⁵⁴ Эту ошибку Америка допустила в Ираке. Армия нужна для уничтожения армии противника (при отсутствии надежных коллаборационистов на местах), но не для полицейских и административных функций.

⁵⁵ Даже во времена Британского мандата евреи имели довольно высокую степень автономии. У них была полуподпольная армия, определенная внешняя политика, и в целом чувствовалась тенденция в сторону

сторонние силы. Как любое суверенное государство, он имеет полное право самостоятельно определять свои границы с помощью силы и расширять их по мере экономической или идеологической необходимости, при условии сохранения контроля над территорией.

Аннексия территории как ответ на агрессию де-факто считалась приемлемой всегда, и это не изменилось даже после принятия Хартии ООН в 1945 году. СССР захватил и удерживал японские Курильские острова, США перекроили границы Кореи и Вьетнама, Польша после Второй мировой присоединила часть спорных территорий Германии. Во всех этих случаях выгодополучатель выдвигал вполне законные требования, однако важное другое: страна-донор и не пыталась оспорить изменение границ. Когда Америка объявила войну спонсорам теракта 11 сентября, она создала прецедент⁵⁶, по которому даже простая терпимость к террористам, напавшим на другое государство, считается агрессией по отношению к этому государству. Таким образом, поскольку Сирия, Иран, Ирак и Саудовская Аравия ведут себя враждебно по отношению к Израилю, они являются квазилегитимными объектами карательного захвата земли. То же касается и палестинского государства: Израиль может объявить ему войну под предлогом спонсирования террористов и в качестве реституции

независимости.

⁵⁶ Акт, который иначе считался бы агрессией против Афганистана и Ирака, рационализируется и превращается в прецедент международного права, поскольку его осуществляет страна, достаточно сильная для формирования собственного закона, который принимают многие страны. Этот прецедент для Израиля важен вне зависимости от правильности или неправильности действий США. Он также соответствует исторической норме, когда причиной для войны служило даже простое укрывание лидера враждебной державы.

аннексировать часть его территории. Именно так Америка поступила с Мексикой.

Как добиться согласия мирового сообщества на аннексию

Сегодня израильская армия способна самостоятельно войти в военную конфронтацию для аннексии определенной территории, а сверхдержавы будут смотреть на это сквозь пальцы, по нескольким причинам. История показывает, что терпимость США к конфронтациям практически неограниченна: вспомним Дрезден и Хиросиму, вьетнамскую кампанию по дефолиации, бездействие во время резни в Руанде, Чечне, Ираке и Курдистане (кампания «Анфал»), игнорирование невероятно жестокого подавления организованного «Мусульманским братством» восстания в Сирии, во многих других постыдных инцидентах, от которых покраснел бы сам Калигула. С еще большей терпимостью Америка относится к собственным союзникам, репрессирующим целые народы по национальному и идеологическому признаку: Япония была оправдана за все преступления, которые она совершила во Вторую мировую, хотя они мало чем отличались от зверств нацистов; когда бойню устроили антикоммунистические силы в Гватемале и Никарагуа, поддерживаемые США, это тоже почти не отразилось на заголовках новостей. Или вспомним, как Америка аннексировала часть Мексики фактически только из-за нефти. Сегодня ни один американский политик не предлагает вернуть Мексике незаконно аннексированную землю, да и Мексика этого не требует.

В целом прослеживается четкая тенденция: чем более жесток режим, тем меньше Америка ожидает от него нравственного поведения, особенно если он противостоит большему злу. Скажем, маоистский Китай, ответственный за

гибель миллионов своих граждан, был союзником США в противостоянии с СССР. Зато крошечный инцидент на Тянь-ань-Мене сразу же вызвал санкции. Если Израиль будет действовать жестоко, но эффективно, ему не стоит бояться сопротивления Запада. Европейцы вообще более циничны (или прагматичны), чем американцы, и они не будут возражать против быстрой и четкой аннексии. Запад ничего не имел против скоротечной войны в никому не интересном Афганистане, но выступил против продолжительной войны в экономически важном Ираке. После советско-германской оккупации Польши Великобритания объявила войну Германии, а не СССР. Мировых лидеров интересует в первую очередь стабильность, а не судьба неудачников вроде Польши или Палестины.

Еще в 1972 году Америка поддержала отказ Израиля от плана Садата по переселению, потому что после 1967 года Израиль считался состоявшейся военной державой, способной самостоятельно решить исход противостояния с Египтом. Американское руководство совершенно не интересовалось палестинским вопросом, пока эту тему не раструбили СМИ. На Западе нет никакого принципиального несогласия с потенциальной аннексией Израилем территорий. Если что-то и настраивает европейцев против Израиля, так это только шизофреническая нерешительность последнего.

Израиль должен предложить Западу дешевые (если не вообще по себестоимости) нефть и газ с аннексированных территорий. Сначала какие-то ресурсы можно даже передать под международное управление, чтобы снизить цену бензина до 1/15 ее нынешнего уровня и снискать добрую волю Запада, для которого бензин, конечно же, важнее арабов. Экспроприацию можно рационализировать следующим образом: несколько племенных царьков не должны контролировать такой важный для всего человечества ресурс как нефть с ущербом для

остальных стран всего лишь потому, что когда-то колониальные империи произвольным образом посадили этих царьков царствовать в нефтеносных регионах.

Все привыкли, что выигрыши в лотерею и наследства облагаются самым высоким налогом. Сегодня тебе повезет, а завтра – нет, и в целом шансы более-менее равны. Природные ресурсы есть у многих стран, но они не переводят их под международный контроль. Между тем нефтяные ресурсы арабских стран настолько велики, что они не могут ими даже самостоятельно управлять без помощи иностранных компаний. Конечно, такие ресурсы нужно облагать повышенным налогом. Вместо этого мир, как стадо кротких агнцев, позволяет ОПЕК диктовать себе монопольные цены, что в любой цивилизованной стране считалось бы незаконным монопольным сговором⁵⁷.

⁵⁷ Повышение цен на нефть нельзя сравнивать с эмбарго, которое США накладывают на своих оппонентов. Арабы тоже накладывали на Израиль эмбарго, но рост цен на нефть влиял на все страны вне зависимости от их отношения к ближневосточной проблематике, так что эту меру нельзя считать внешнеполитическим инструментом. Арабы не снизили цену даже после того, как Америка защитила Саудовскую Аравию и Кувейт от Ирака. Терпимость американцев к подобным злоупотреблениям и неблагодарности просто поражает.

В 1981 американский апелляционный суд в Сан-Франциско постановил, что он некомпетентен оценивать действия других стран, но ведь рост цен вызывают не страны, а отдельные нефтяные компании, не обладающие суверенитетом. В деле «Китон против Хастлера» Верховный суд США подтвердил юрисдикцию государства в случае намеренной продажи товара. В Америке иностранцы преследуются законом даже в случае, если они не находятся на территории США, как например главы наркокартелей и террористы. Точно так же нужно относиться и к ОПЕК, которая занимается рыночными манипуляциями и иной деятельностью, считающейся в США незаконной.

Традиционное объяснение подобного пораженчества, что якобы Америка боялась конфронтации с СССР, беспочвенно. Америка вступала с СССР в конфронтацию бесчисленное множество раз: в Западном Берлине, Греции, Корее, Вьетнаме, Кубе, во многих других местах, вплоть до угрозы ядерной войны. Доктрина сдерживания Кеннана предписывала жесткую оппозицию политике ОПЕК, хотя бы потому что за ней стоял СССР.

Нет, настоящие причины терпимости Запада к ОПЕК в другом: это вьетнамский синдром, либеральные свободные рынки, националистическая концепция суверенитета над ресурсами и лоббистская деятельность нефтяных корпораций, получающих сверхприбыли за счет увеличения стоимости своих резервов и способности арабов платить за их услуги.

Правительство США получает роялти в виде продукции от отечественных нефтепроизводителей вне зависимости от их доходов, и рост цены увеличивает и доходность. Корпорации прячут прибыли от налогов с помощью тех же бухгалтерских схем, что и в 1990-е годы. Поскольку Америка импортирует около половины всей своей нефти, для предотвращения консервации достаточно лишь удвоить отечественное производство. Можно также развивать альтернативные источники энергии, чтобы меньше зависеть от Ближнего Востока

Америка накладывает антидемпинговые санкции на иностранные компании, экспортирующие товары на американский рынок ниже себестоимости. Точно так же должен наказываться и экспорт по монополю завышенным ценам.

ОПЕК можно обвинить и в нарушении закона «О подпадавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях», так как в число ее членов входят государства-изгои, поддерживающие терроризм и антиамериканскую деятельность. Нефтяные доходы, образованные в результате монопольных цен ОПЕК, являются главным источником финансирования деятельности, нарушающей законодательство США.

и ОПЕК. Правда, в этом случае придется наступить на интересы нефтяных корпораций, напрямую зависящих от ОПЕК (базисные цены, выгодные контракты и т. п.). Когда-то американские корпорации сотрудничали с нацистской Германией, а сегодня они точно так же сотрудничают с исламистскими режимами. Но когда Израиль предложит им нефтяные концессии, непрерывные поставки и огромные прибыли, они начнут лоббировать свое правительство, чтобы оно приняло аннексию. Страны и корпорации, сотрудничавшие с фашистами, не будут утруждать себя заботами о несчастных арабах.

Тысячу лет назад назначение грабительских цен однозначно считалось бы поводом для объявления войны. Если бы Америка начала запрашивать за какие-нибудь редкие товары в сто раз больше себестоимости, это вызвало бы гнев всего мира. Но с арабами почему-то не так. Сидел бы мир сложа руки, если бы кто-нибудь монополизировал питьевую воду и начал взвинчивать цены? Арабы не только занимаются вымогательством, но прямо используют нефть для политического давления, спонсируют террористов и фундаменталистов по всему миру ради банальной наживы. Они спонсируют антизападную идеологическую и военную кампанию и при этом имеют наглость принимать американскую экономическую помощь! Рэкетом занимаются даже Саудовская Аравия и Кувейт, которых американцы защищали в войнах, с которыми они воевали плечом к плечу.

Ликвидация ОПЕК в любом случае снизит монопольные цены. Тут неважно, слишком ли они завышены или, наоборот, занижены, как утверждают экологи. Без искусственного ценообразования цена в любом случае будет ниже.

Природные ресурсы не должны принадлежать народу только потому, что он занимает определенную территорию. Они должны принадлежать тем, кто их нашел – в данном случае

колониальным державам. Социалисты не признают нетрудовые доходы, в силу чего не должны признавать и арабское богатство. У нас более чем достаточно причин, чтобы оспорить притязания арабов на нефть. Исламисты полагают, что грабить своих врагов – законно. В феврале 1998 года «Аль-Каида» совершенно прямо призвала этим заниматься. Соответственно, они не должны жаловаться, если Израиль начнет грабить их.

Нужно мобилизовать экологов, чтобы осудить безответственную разработку нефтяных месторождений арабами и их корпоративными партнерами. Антарктида находится под международным управлением, потребление воды в реках и озерах тоже регулируют межгосударственные агентства. Нет ничего невероятного и в общественном контроле над нефтью. Нефть – это один из последних ресурсов, оправдывающих колониальную политику, поэтому аннексия полностью окупится. Даже если Запад будет категорически против аннексии, Израиль всегда может согласиться с интернационализацией нефтеносных регионов, чтобы разрушить арабские экономики, на 99% состоящие из нефтедобычи.

Израилю хватит собственных арсеналов для победы над слабым противником, даже если США заблокируют военную помощь. Однако почему вообще американцев должно беспокоить, что Израиль овладеет саудовскими нефтеносными районами? Американскому правительству самому не нравится, что саудовцы финансируют фундаменталистский ислам и терроризм. Америка поддержала диктаторский Ирак против Ирана и авторитарную Саудовскую Аравию против Ирака только для того, чтобы не пострадали поставки нефти. Так почему бы эту работу не проделать Израилю? Если мы обеспечим стабильность, американцы не будут возражать. И пусть мы при этом отложим в сторону жалкое морализаторство – зато мы сломим волю арабов к борьбе.

То, что сейчас саудовцы жестко подавляют фундаменталистов, – это временное явление. Монархия по определению нелегитимна с точки зрения националистов и демократов. Передача суверенитета королевской семье подрывает национализм. Вестернизаторы убеждены, что монархия устарела. Не любят монархию и социалисты. Рядовые арабы ожидают от демократии более справедливого распределения нефтяных доходов и потому тоже не видят причин поддерживать правящую династию. Саудовская монархия вынуждена прислушиваться к духовенству – единственной группе, поддерживающей автократию, поскольку только автократия может защитить их от религиозной конкуренции. Саудовская теологическая монополия требует фундаментализма, чтобы держать в узде население. Фундаментализм и монархия усиливают друг друга. Власть репрессирует только тех клириков, которые обвиняют режим в атеизме, недостаточной поддержке ваххабизма, в дружбе с язычниками вместо объявления военного джихада и т. д. Однако власть при этом не трогает множество религиозных экстремистов, проповедующих ненависть и к евреям, и к христианам. Заявляя о борьбе с фундаментализмом, саудовские правители посадили в тюрьму многих либеральных политиков, просто чтобы угодить духовенству. Чем дольше саудовская монархия отказывается принять неизбежную реальность – собственный конец, тем больше саудовский политический спектр сдвигается вправо.

Для захвата арабских стран Израилю может помочь пятая колонна иностранных граждан в этих странах. Это люди, недовольные своим приниженным статусом, желающие всеобщего равенства на западный манер и участия в нефтяных прибылях. Арабские государства запрещают натурализацию даже тех своих подданных, кто прожил в них не одно поколение.

Сравните это с тем, как относятся к арабам в Израиле. В Саудовской Аравии, Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах иностранцы – в основном это индийцы, но есть также филиппинцы и другие азиаты, – составляют чуть ли не 100% всей трудовой силы, если не считать госслужащих и спонсоров из иностранных компаний. Если проводить среди них социалистическую и националистическую пропаганду, это быстро низложит арабские экономики.

Экспансия из пояса безопасности как тактика аннексии

Израилю нужен морально приемлемый способ аннексирования пограничных территорий. Во время предыдущих оккупаций все наши потери были в основном следствием полицейской работы в густонаселенных районах с враждебным населением, что вызывало озабоченность мирового сообщества. Вместо этого Израиль должен создать буферную зону шириной в одну милю. Когда в этом буфере на стороне противника партизаны разворачивают какую-либо деятельность, весь буфер должен быть зачищен и расширен, и так до тех пор, пока не будет создан 50-километровый пояс безопасности вокруг всего Израиля. Несмотря на всю спорность этой военной меры мировое сообщество ее поймет, поскольку пояс безопасности – мера больше дипломатическая, чем стратегическая. Население этой полосы нужно выселить, города оставить пустыми, создать широкую карантинную зону без права находиться на ней кому бы то ни было, заминировать ее и контролировать с воздуха. На этой земле не будет ни еврейских поселений, ни военной инфраструктуры, она будет служить исключительно обороне от боевиков, и потому ее будет проще защищать дипломатическими мерами.

Это долгосрочная политика. Каждое новое правительство

должно набраться терпения и не поддаваться соблазну аннексировать эту землю. И лишь когда пройдут десятки лет, Израиль сможет аннексировать ее де-факто, когда на нее уже не сможет претендовать никто другой.

Угроза экспансии принесет мир

Активная военная политика – эффективное средство миротворчества. Столкнувшись с угрозой израильской экспансии, арабы захотят мира. Они уже хотели его после 1967 года, но тогда мы сами все испортили сдачей Синая. Для мира арабам придется пойти на компромисс, а не просто требовать вернуться к границам 1949 года.

После войны 1973 года Израилю пришлось отступить из Синая под давлением США, а со временем вообще уйти с полуострова после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений. Тогда нам пришлось оставить важный район на перешейке, где находилась военная инфраструктура и единственные в Израиле нефтяные месторождения. Если бы тогда Израиль пошел в другую сторону от Суэцкого канала – на запад, Египту пришлось бы подписать мирный договор на совершенно других условиях: Израилю отошел бы перешеек, а Египет возвращал бы только полуостров, чтобы остановить продвижение израильтян. В этом случае американцы, скорее всего, не стали бы вынуждать Израиль уйти с египетской стороны канала, поскольку было бы ясно, что Израиль хочет получить больше земли, чтобы создать перевес в свою пользу на будущих переговорах.

Иными словами, если бы Египет или любая другая арабская страна оказалась в ситуации, когда откладывание мирного договора опасно и дорого, она непременно пошла бы на компромисс, а не требовала бы от Израиля уйти даже несмотря на его победу. Например, Египет согласился закончить войну с

Суданом, вместо того чтобы настаивать на своих первоначальных требованиях. Однако где-то в ходе переговоров Израиль упустил из виду их цель. Вместо удержания важного нефтеносного региона Израиль начал настаивать на соглашении – которое и ничем не выгодно, и нарушается так же просто, как и подписывается.

Правильная военная стратегия

Иностранные наемники

Израиль может прибегнуть к услугам наемников. Это могут быть, скажем, враждебные к мусульманам индийцы, которые немало пострадали от их рук, и даже христиане, равнодушные к Израилю. Нужно эксплуатировать и другие мотивы, такие как расизм и ненависть к террористам. Нужно использовать ненависть русских к чеченцам-мусульманам, а сербов – к боснийцам, албанцам и туркам. Солдаты уважают силу, и пока Израиль силен, они не могут быть антисемитами. Вообще, пехоту можно формировать преимущественно из наемников.

Платить не самые большие деньги наемникам из развивающихся стран – это правильнее и дешевле, чем лишать израильскую экономику молодых, энергичных кадров. В другие, более технологически продвинутые войсковые подразделения можно набирать еврейских добровольцев. Израильская военная психология подходит для наемников лучше, чем любая другая, ведь Израиль – единственная страна, не заставляющая своих солдат в массовом порядке погибать геройской смертью без всякой надобности. Наемников не испугать потерями, если они относительно невысоки. Они не будут сражаться не на жизнь, а на смерть, но в обычных для Израиля мелких стычках это и не требуется. Серьезные бои начинаются лишь тогда, когда политики препятствуют мелким конфронтациям, в результате чего они накапливаются и перерастают в более крупные.

ЦАХАЛ мог бы привлечь в свои ряды лучших профессиональных наемников, предложив им хорошее вознаграждение ценой относительно невысокой опасности для жизни. Америка уже давно прибегает к услугам иностранцев,

хотя их и немного. В крупных конфронтациях можно использовать неконвенциональное вооружение, благодаря чему отпадает необходимость в крупных пехотных войсках. Конечно, в критической ситуации каждый израильтянин должен быть готов взять в руки оружие, но в мирное время экономически более эффективны частные армии наемников.

Современное презрительное отношение к наемникам восходит к эпохе Возрождения, когда концепция наемной армии была серьезно дискредитирована. Однако проблема была не в концепции как таковой, а в том, что слишком много новых стран начали нанимать слишком много наемников по низкой цене. Современную призывную армию изобрел король Швеции Густав II Адольф. До этого население привлекали к обороне лишь в крайних случаях, и это было оправданно. После шведов призывные армии стали создавать и другие бедные страны. В итоге военным интеллектуалам эта идея пришла по вкусу, и они начали ее развивать.

Современный Израиль принципиальным образом отличается от Швеции того времени. Тогда Швеция была одной из беднейших европейских стран, и Густав II просто не мог себе позволить нанимать солдат за деньги. Израиль же достаточно обеспечен экономически, и ему выгоднее нанимать солдат из менее развитых стран, чем отвлекать собственное население с ущербом для ВВП.

Израиль мог бы создать пояс безопасности из зависимых от Израиля арабских фермеров, которым мы обеспечиваем ирригацию и поставляем технологии и генетически модифицированные семена. Однако еще лучшим вариантом будет переселить туда индийских фермеров. Их арабы точно не испугают, потому что с Израилем у них проблем нет, а с мусульманами – предостаточно. Индийцы не будут требовать от Израиля ни гражданства, ни льгот. Они давно известны своей

верностью странам временного пребывания. Когда они необратимо изменят демографию территорий, их можно будет относительно беспроблемно заменить еврейскими фермерами.

Можно пригласить западных христианских радикалов осуществлять над территориями полицейский надзор. Они будут только рады возможности потренировать своих людей. Со временем территории наводнят агенты западных спецслужб, занятые антитеррористической работой по заданию собственных правительств, и в целом методы работы будут не такими варварскими, как у Армии Южного Ливана. Некоторых наиболее радикальных и безжалостных наемников вроде российского спецназа за хорошее вознаграждение можно даже использовать в антимусульманских террористических операциях. А если Израиль не захочет прибегнуть к их услугам, они переметнутся к исламским радикалам. Игра с дьяволом требует недюжинной смекалки.

Жесткие меры, а не ограниченная победа

Сейчас арабы могут спокойно совершать агрессии против Израиля, понимая, что ничего им за это не будет. В самом худшем случае они просто вернутся к предыдущему статус-кво. Израиль должен контратаковать. В 1967 и 1973 годах израильская армия должна была взять Каир и Дамаск и поставить там своих марионеточных правителей. Но американцы связали Израилью руки, чтобы помешать крупной дестабилизации в регионе. Если бы Израиль быстро сменил режимы, американцам пришлось бы принять новый расклад, как когда в 2001 году Кабул перешел в руки Северного альянса, с которыми американцы сотрудничали, но не особо дружили⁵⁸.

⁵⁸ Америка могла бы отомстить за поражения в Корее и Вьетнаме даже в случае советского вмешательства. В отсутствие советских и американских

США давным-давно могли бы заставить Израиль и его соседей подписать мирный договор на условиях, приемлемых для российских спонсоров арабов. В 1956 году Америке успешно удалось вывести из Суэцкой войны Израиль, Великобританию и Францию. С другой стороны, Америка просто не хочет участвовать в крупной войне. Для укрепления своей роли регионального арбитра ей лучше подходят низкоинтенсивные конфликты. Она помогает обеим сторонам конфликта, чтобы они продолжали противостояние; без этой помощи они давно бы исчерпали ресурсы и урегулировали конфликт. Американцы не будут возражать, если Израиль возьмет ситуацию в свои руки и обеспечит стабильность в регионе, точно так же как они опираются на Японию как ключевого игрока на Дальнем Востоке. Однако евреи не понимают намеков и стремятся всячески доказать американским лидерам, что о правах человека они, евреи, заботятся, национальные чаяния палестинцев признают и

наземных частей вся война велась бы в воздухе, где у американцев преимущество. Ни одна из сторон не стала бы использовать ядерное оружие, боясь ответного удара. СССР не смог бы эффективно противостоять США в Египте, поскольку российская доктрина преодоления качественных недостатков за счет количества неприменима к воздушному сообщению.

Иногда можно услышать точку зрения, что Израиль остановил продвижение, потому что в последние дни войны СССР развернул в Северном Египте ракеты типа «Скад-би» с ядерными боеголовками. Этот аргумент лишь дискредитирует израильских политиков, ведь если они верили в достоверность ядерной угрозы, то нужно было либо уничтожить ракеты, либо заставить Египет убрать их путем эскалации, как поступил Кеннеди в случае кубинского кризиса. Чуть ранее в ходе войны Израиль должен был сбить советские транспортные самолеты на пути в Египет. Нежелание перерезать транспортные артерии противника необъяснимо и нелепо.

арабов принимают. Но все это не входит в повестку дня американского руководства, потому что при необходимости оно всегда поддерживает жестоких диктаторов.

Ограниченная победа в войне, где силы противников примерно равны, не имеет смысла. После восстановления Карфагена римский полководец Катон объявил: «Карфаген должен быть разрушен». У Израиля нет тех преимуществ в логистике, что были у американцев в их Войне за независимость, поэтому Израиль должен ликвидировать врага. В противном случае арабо-израильский конфликт грозит разрастись до очередной Столетней войны.

Могут ли пять миллионов евреев победить миллиард мусульман? Конечно, да. В истории было немало империй, в которых соотношение завоеванного населения к собственному составляло 200:1: Вавилон, Греция, Рим, Англия, Испания, Португалия, Нидерланды. Как компании-стартапы с инновационными продуктами завоевывают рынки, так и страны с инновационными стратегиями создают империи и поддерживают их за счет своих подданных. Естественно, в конечном итоге количество перерастает в качество и империи распадаются, однако этот процесс растягивается на века, после чего положение бывших империй продолжает оставаться вполне комфортным и уважаемым.

В отличие от правительств, партизаны и террористы ни с кем мир не заключают. Он не боится ни возмездия, ни смерти. Следовательно, их нужно уничтожить. Они настолько низко ставят свою жизнь, что готовы умереть за высокие идеалы. Повышение уровня жизни арабов сократит приток добровольцев в их ряды, но эта политика требует времени. Быстрее и проще начать высмеивать их идеологию и религию – эта тактика была успешно применена в СССР. Как и в мусульманском мире, в Советском Союзе люди были недовольны государственной

идеологией и правителями и с большим скепсисом относились к антизападной пропаганде. Когда оскорбляют твою религию, это обидно, но это дискредитирует политику духовенства. Реклама работает только при многократном повторении. СССР смог ослабить глубоко укоренившееся православное христианство всего за несколько лет, просто предложив идеологию-заменитель. У Запада такая идеология уже есть – идеология потребления. Эта политика не устранил терроризм полностью, но существенно уменьшит его.

Игнорирование террористической агрессии воодушевляет арабов. Если бы в 1968 году Израиль подверг Каир ковровой бомбардировке, не было бы никакой войны на истощение. Если бы ЦАХАЛ промаршировал по его улицам в 1973-м, никто не смог бы даже поставить вопрос о возврате Синайского полуострова. Сокрушительный ответный удар может не уничтожить волю к борьбе и не спровоцировать самоубийственный ответ только в двух ситуациях. Первая – желание погибнуть в апокалиптической войне со злом, что к арабам вряд ли относится. Вторая – надежда на выживание. Французские якобинцы во времена Террора применяли произвольное насилие неумело, и все закончилось народным восстанием. Этой ошибки можно избежать, если действовать умнее, как Сталин, который убедил советского человека, что придут не за тобой, а за *другим*. У французских революционеров не было СМИ, они не могли растиражировать эту ложь и проиграли. Израиль должен убедить арабов, что пострадают только террористы и их спонсоры, а добрым арабам бояться нечего. Те мусульманские страны, что не поддерживают терроризм, как ОАЭ, тоже могут не бояться возмездия.

Объявлять подобные меры военными преступлениями – это тавтология. Война сама по себе есть преступление. Если страна решает воевать, нет смысла пытаться гуманизировать то,

что негуманно по определению.

Необходимость применения химического, биологического и ядерного оружия

В Войне Судного дня Израиль мог бы спасти тысячи жизней, применив оружие массового поражения. Имеющееся оружие следует использовать с максимальной эффективностью, после чего победившая сторона может ликвидировать способность проигравшей к ответным действиям. В Войне Судного дня Израилю следовало применить ядерное оружие и демилитаризовать Египет, чтобы контролировать его военное развитие на ближайшие годы. Вредоносное воздействие химического и ядерного оружия, особенно в микрозарядах, рассеялось бы, не достигнув израильских центров. Военная сдержанность поставила Израиль перед лицом крайне опасной ситуации – смена режима в Египте может привести к использованию им ОМП против Израиля. От военной доблести мало пользы, если нет глубины обороны против подобного оружия. В каком-то смысле даже России и США не хватает ядерной глубины обороны, ведь для них не приемлемы даже статистически небольшие потери от применения ядерного оружия. Однако в реальности все стратегии допускают некоторый процент потерь среди военных и гражданских лиц, и чрезвычайные планы на случай крупной войны подразумевают, что несколько боеголовок достигнут целей. Эта вероятность

выше в пограничных зонах. Поскольку Израиль – это одна сплошная пограничная зона, глубина его обороны равняется нулю.

Будучи высоко механизированной, армия Израиля лучше приспособлена к ведению химической войны, чем арабы, которые полагаются на незащищенную пехоту. Цель химического оружия – массовое убийство, и многие политики отказываются применять его из страха возмездия. Израиль должен разработать более эффективное несмертельное химическое и биологическое вооружение, надолго выводящее противника из строя, при этом не приводящее к эскалации насилия.

Угроза применения ОМП должна быть достоверной; Израиль уже дискредитировал себя военной сдержанностью в 1973-м. Почти полное разоружение армии с сохранением лишь ВВС и небольших танковых соединений показало бы миру, что Израиль готов пойти по ядерному сценарию в любом крупном конфликте. Только доктрина первого ядерного удара может освободить Израиль от огромных военных расходов в мирное время.

Израиль должен опубликовать перечень оснований для применения ОМП. Если кто-то взорвет атомную бомбу в Тель-Авиве, Израиль сейчас не станет наносить ответный удар по Египту, Сирии, Ирану или Пакистану, сгорбившись под страхом эскалации. Израиль должен принять закон, согласно которому

любая атака с применением ОМП вне зависимости от того, кем она осуществлена, приведет к немедленному разрушению всех основных мусульманских объектов – столиц, святынь, населенных пунктов – сотней ядерных зарядов. Террористы, планирующие ядерные удары по Израилю, должны понимать, что уничтожение Тель-Авива будет отмечено грандиозным фейерверком – на исламской территории. Западные державы, которые давно сняли ядерную угрозу с повестки дня, должны осознать, что если они не уничтожат арсеналы ОМП стран третьего мира полностью, то в еврейско-мусульманской Третьей мировой войне им отведена роль сторонних наблюдателей и сопутствующих потерь. Страх и ответственность затрагивают всех обитателей желтой подводной лодки. Это не проблема одного лишь Израиля.

Не дайте потенциально враждебным режимам создать арсеналы ОМП

После Первой мировой войны союзники унизили немцев политически, но поддержали экономически, причем оказались не в состоянии обеспечить постоянную демилитаризацию Германии. Когда к власти пришли нацисты, им осталось лишь воспользоваться накопившейся ненавистью и промышленным потенциалом. Сегодня точно такая же ситуация складывается на Ближнем Востоке. Немцы начали войну, несмотря на то, что союзники превосходили их и экономически, и по численности, и

по природным ресурсам. Насколько более вероятно, что войну начнет хорошо вооруженный, фундаменталистский и агрессивный Иран? Не важно, что арабские армии не могут противостоять армии Израиля. Несколько ракет с ОМП-зарядами или морской контейнер с ядерной бомбой, доставленный в Хайфу или Ашдод, могут уничтожить израильское население, сконцентрированное на узкой прибрежной полосе. Буферные зоны хороши против партизан, но не самолетов и ракет. Атаку с применением ОМП отразить сложно, но для Израиля это жизненно необходимо. Полную безопасность не в состоянии обеспечить ни противовоздушные, ни противоракетные системы – но для крошечного Израиля не приемлем никакой иной уровень безопасности, кроме полной.

Любая крупная милитаристическая страна представляет угрозу. Мусульмане постоянными нападками на Израиль уже доказали наличие злого умысла. Израиль пережил войну 1948 года, ведущуюся глубоко на его территории. Он не стал контратаковать, когда иракские ракеты преодолели его оборону. Однако неприемлемо рисковать атакой с применением ОМП. Демилитаризация мусульман – задача рискованная, но бездействие будет означать самоубийство – сейчас или в следующем поколении.

Демократическому государству всегда сложно обеспечить общественную поддержку превентивных мер, за исключением

случаев явной угрозы, как было в 1967⁵⁹ году или в случае иракского реактора в Осираке. Между тем точечные превентивные удары обычно не приводят к эскалации войны. В ранние годы Израиль осуществлял ограниченные удары возмездия по своим соседям, что не приводило к полномасштабной войне. Такая тактика экономила средства и позволяла предотвратить разрастание военного бюджета.

Израиль должен уничтожить не только ОМП и ракеты средней и большой дальности, но и всю инфраструктуру без исключений: ученых, лаборатории⁶⁰, пусковые системы, взлетно-посадочные полосы – причем даже под угрозой провоцирования войны, как в случае с Египтом.

Можно поступить и по-другому: пойти на взаимную ликвидацию арсеналов ОМП и затем перевооружиться секретно – именно так Израиль в свое время создал свое ядерное оружие. Уличение Египта в секретной программе перевооружения было

⁵⁹ В рамках событий, приведших к Шестидневной войне, Насер ввел войска в демилитаризованный Синай. Скорее всего, это было блефом с целью поддержать собственный имидж защитника сирийцев, которые терпели унижительные потери от израильских авиации, которую они сами спровоцировали. Не доверяя добрым намерениям Насера, Израиль атаковал первым. Такие решительные действия принесли Израилю одну из самых зрелищных побед в военной истории.

⁶⁰ Удар по объектам биологического оружия с применением вакуумных бомб, напалма и, возможно, микроядерных зарядов не грозит высвобождением бактерий. Радиус радиоактивного заражения также не затронет Израиль.

бы законным основанием для уничтожения его объектов ОМП. Национальная безопасность – не место для мифической рыцарской честности. Израиль упустил шанс подписать мораторий на ядерное оружие, предложенный в 1976 году египетским премьер-министром Исмаилом Фахми, но еще не поздно принять аналогичные нынешние предложения египетских лидеров. Израилю уже удавалось водить за нос инспекторов МАГАТЭ при инспекциях реактора, закрывая секции зданий ложными стенами, и этот образ действий можно было бы продолжать и дальше. При самом худшем сценарии Израиль мог бы просто законсервировать ядерные объекты или номинально перевести их в гражданскую сферу, спрятав большое количество ядерных зарядов. Чтобы сохранить лицо, Египту нужен был повод для свертывания своей дорогостоящей ядерной программы, и Израиль по глупости не предоставил ему этот повод.

Если Египет выглядит стабильным и мирным, то представим, насколько мирными были Ливан, Ливия, Иран, Ирак, Пакистан, Судан и многие другие страны перед тем как в них произошли резкие смены курса, что нередко случается в автократиях. Египет за полвека сменил не один режим и правительство. Радикалы часто пытались произвести переворот.

Израилю как минимум нужно быть готовым к автоматическому удару по египетским объектам ОМП в тот же день, когда в этой стране придет к власти враждебный режим.

Не стоит забывать, что многие хорошие президенты Египта накапливают ОМП для одного плохого. Насколько вероятна возможность появления правителя-безумца? Довольно вероятно, при наличии достаточного времени. Один безумец за сто лет – вполне правдоподобный сценарий, финал которого – ликвидация Израиля в ядерной атаке.

Промедление дорого обойдется Израилю. Египетская армия – не равня израильской, она считается сильной лишь в сравнении с другими арабскими армиями. Наполеон захватил Египет с помощью небольшой экспедиционной армии, и Шарон сделал бы то же в 1973-м, если бы Израиль не поддался давлению США. С экономической, военной и психологической точек зрения лучше вступить в конфронтацию сейчас, чем продолжать неизвестно сколько времени платить за оборонную боеготовность Израиля. Запад мирится с китайским ОМП, предназначенным для использования в Азии, между тем как у Египта нет другого противника, кроме Израиля, который не может позволить арабам взрывать ядерные бомбы у своих границ, даже если они воюют друг с другом. Если не политическая трусость, то что еще мешает Израилю вступить в конфронтацию сейчас, а не откладывать ее на потом? Кеннеди ответил на размещение советских ракет на Кубе немедленной конфронтацией и мобилизацией с целью снять угрозу. Сегодня мир закрывает глаза на то, как мусульманские страны оснащаются ОМП, точно так же, как мир доверял Германии

перед началом Второй мировой войны. Ислам не менее агрессивен, чем нацизм, и он столь же мало уважает человеческую жизнь, не важно, свою или противника.

Когда угроза появления у мусульман ОМП станет реальной, Израиль должен нанести удар. Уже сейчас налицо проблема с Ираном: если Америке удастся сменить там режим, Израилю будет практически невозможно атаковать страну-клиента США. Точно так же Египет создал свои арсеналы ОМП под прикрытием американских гарантий. Гораздо правильнее уничтожить иранскую ядерную программу сейчас, чем когда Иран получит от Америки военные гарантии. Речь не о том, что Иран может использовать ОМП против Израиля: муллы не столь уверены в семидесяти девственницах Ибн-Катира, чтобы спешить в рай под ударами возмездия Израиля. Они скорее передадут ОМП террористам. Ирану даже не нужно передавать его – сама угроза существенно усилит позицию Ирана. США будут бессильны, если Иран станет угрожать передачей неконвенциональных вооружений «Аль-Каиде»: превентивный удар не уничтожит все запасы, зато повлечет за собой ядерный ответ Ирана. Ядерное оружие – универсальный выравнитель военной мощи. За что может торговаться владелец ОМП? За очень многое: Северная Корея получила политические и экономические уступки, когда пригрозила созданием бомбы – и все равно создает ее. Откупаться не допустимо: примирение Америки с Северной Кореей создало плохой прецедент,

позволяющий странам-изгоям вымогать у США сотрудничество. Обладатель нескольких бомб может заставить евреев покинуть Ближний Восток без серьезных потерь, взорвав одну бомбу в Негеве и другую – на корабле в ста километрах от гавани в Нью-Йорке, при этом заявив, что другие бомбы спрятаны в Тель-Авиве, Иерусалиме и Вашингтоне и запрограммированы на взрыв через сорок восемь часов. Представьте, что какой-нибудь радикальный мусульманский режим угрожает передачей ОМП клиентам и коллегам, обещая воздержаться при условии, что США перестанут поддерживать Израиль. Или представьте, что террористы распространили в Нью-Йорке биологическое оружие и предлагают противоядие при условии, что США покинут Ближний Восток. Весьма вероятно, что шантажируемая сторона выполнит требования. Израиль не должен допустить, чтобы у Ирана было ядерное оружие, пусть даже направленное против Саудовской Аравии. Используя ОМП лишь единожды, следующей целью Иран выберет Израиль. США не наказывают Пакистан за поддержку «Аль-Каиды» по той простой причине, что у Пакистана есть атомные бомбы. Вместо этого Америка предпочитает делать вид, будто не верит в причастность этой страны к терроризму. ОМП обеспечивает почти совершенный иммунитет для спонсоров терроризма. Ядерный Иран способен вести обыкновенную войну, не страшась возмездия. Владение ОМП выгодно, и Израиль не должен допускать, чтобы его враги имели это оружие. Израиль выиграл бы политически, если бы

кто-нибудь взорвал атомную бомбу в США – наиболее вероятная цель первой же бомбы, попавшей в руки террористам. Уникальное оружие будет использовано против Великого Сатаны, а не его израильского подмастерья. Американцы увидели бы, что хотя последствия и ужасны, статистически они не велики и большей частью носят психологический характер. Небольшие арсеналы ОМП утратят сдерживающую способность и останутся, в основном, тактическим оружием террористов, подходящим для коммерческого шантажа, но с ограниченными политическими возможностями. Ядерная атака хоть и будет призвана столкнуть Америку в изоляционизм, на практике она скорее заставит ее наносить ответные и превентивные удары более жестко. Сверхзадача состоит в том, чтобы заставить Соединенные Штаты разоружить ядерные страны-изгои любой ценой. Если поставить перед враждебными странами реальный ультиматум, они будут вынуждены открыть все свои объекты и арсеналы для проверки. Такая политика могла бы привести к урегулированию ядерной проблемы.

Вряд ли причина, по которой во Вторую мировую не использовался отравляющий газ, состояла в страхе перед возмездием. Положение СССР в 1941-м и Германии в 1945-м было слишком критическим, чтобы обращать на это внимание. Причина скорее была в том, что химическое оружие не эффективно на открытом воздухе, особенно при изменении направления ветра. Средства производства были уязвимы, а

доставка – рискованна. Раз оружие изготовлено, однажды оно будет применено, и в ядерную эпоху человеческая природа осталась прежней. Некоторые враги Израиля, не страшась возмездия, воспользуются ОМП сразу же, как только получат его – не такой уж невероятный сценарий в ситуации, когда в ядерном клубе уже Россия, Китай, Индия, Пакистан, Северная Корея и Иран.

Приведет ли навязывание разоружения к конфронтации, которая маловероятна сама по себе? Маловероятна только конфронтация между государствами. Исламские боевики всерьез настроены напасть на евреев, они лишены страха и не беспокоятся о сопутствующих потерях среди мусульман, что показали проведенные Аль-Каидой взрывы посольств США в Африке. Вопрос не в том, насколько вероятна конфронтация – она гарантирована, - а в том, насколько реально для террористов получить ОМП. Атомное оружие основано на технологии, доступной даже мусульманам. Ключевые компоненты бомбы можно получить у частных фирм гражданского профиля. Низкооплачиваемые охранники сторожат ядерные арсеналы безответственных режимов, которые дискредитировали себя поддержкой террористов. Кто в здравом уме может уверенно заявить, что ядерное оружие не окажется в руках террористов, причем довольно скоро? Решение этой проблемы сейчас, не откладывая, даст целый ряд преимуществ. Некоторые ядерные державы можно заставить разоружиться, пусть даже взятками,

но как только террористы используют ядерное оружие, страны не рискнут отказаться от него. Насильственное разоружение рискованно, но оно устранил подверженные распространению ядерные арсеналы. Если оставить все как есть, риск многократно возрастет: после первого же ядерного инцидента с большой вероятностью последуют и другие.

Промедление усиливает угрозу. Проще заставить Северную Корею отказаться от нескольких ядерных боеголовок, чем от десятков. Проще уничтожить реактор в алжирской пустыне сейчас, чем подвергнуться ядерному шантажу, когда он заработает. Проблема носит особенно срочный характер в случае с такими ядерными игроками, как Иран, у которых уже есть средства производства, но пока нет самого оружия. В любой войне, при любом давлении есть вероятность возмездия – требование ядерного разоружения не является исключением. Какой смысл содержать огромную армию, если не использовать ее против достоверных угроз?

Ядерный удар по США или Израилю в ответ на требование разоружения маловероятен, поскольку одна или две бомбы не причинят Америке большого вреда, зато вызовут сокрушительный ответный удар. Нужно сделать ставку на превентивные удары по всем возможным ядерным складам с одновременной воздушной операцией по захвату вражеского лидера и чиновников, которые будут подвергнуты пыткам с целью раскрыть местоположение арсеналов.

Ядерного разоружения можно добиться и невоенными средствами. В ход можно пустить подкуп, угрозы, притворные соглашения. Индия и Пакистан были бы рады подчиниться требованиям международного сообщества и демонтировать свои ядерные объекты и уничтожить арсеналы взамен на гарантии вмешательства НАТО в случае крупного конфликта между ними. Северная Корея может пойти на уступки взамен на международное признание и помощь, которые подтолкнут ее к интеграции с Южной Кореей. Египет мог бы согласиться на региональную ядерную демилитаризацию. Политических вариантов немало, но Запад упорно не хочет использовать их. Нужны программы по выкупу ядерного оружия на черном рынке: продавцы должны получить иммунитет и непомерно высокую цену за расщепляющиеся материалы – цену, заведомо превышающую возможные предложения со стороны террористов. Даже миллиард долларов за ядерную боеголовку – приемлемая цена за выкуп краденого оружия.

Израильская зона безопасности не ограничивается соседними мусульманскими странами, но включает и другие страны, потенциально способные к распространению ядерного оружия, такие как Пакистан и Северная Корея. Эти страны способны продавать ядерное оружие террористам, а в ходе войны 1973 года они действительно поставили военные самолеты соответственно в Сирию и Египет. Пакистану даже не нужно продавать бомбу – исламские фундаменталисты,

задействованные в ядерных программах, очень скоро сами разнесут по миру все ноу-хау. Израиль должен вернуться к практике уничтожения вражеских ученых-ядерщиков. Они являются солдатами противника при исполнении обязанностей, поэтому отношение к ним должно быть соответствующее. Во всех государствах-изгоях ученые являются военными. Израиль должен объявить о своих целях и преследовать вражеских специалистов-ядерщиков повсюду, назначив за вознаграждения за их головы. Другие страны, обеспокоенные распространением ядерного оружия, молчаливо поддержат Израиль. Израиль должен убедить Индию атаковать пакистанские ядерные объекты и склады. После первоначальных надуманных возражений Запад будет аплодировать тому, как Израиль избавил мир от угрозы. Если бы не международное общественное мнение, США уже давно покончили бы с северокорейской, пакистанской и иранской ядерной угрозами. Если американцы увидят, что израильтяне делают эту работу за них, это только сблизит США и Израиль.

Политики, сомневающиеся, что арабские государства или террористы когда-нибудь воспользуются ОМП, выдают неизвестное за невозможное. Они даже утверждают, что иранская ядерная программа меньше, чем предполагали – как будто Израилю важно, пять боеголовок у Ирана или пятьдесят. Израильское руководство не пытается разоружить своих врагов в отсутствие явной угрозы, зато оно предоставляет им

возможность накапливать и разрабатывать оружие. Это отсутствие политики перекликается с израильским общественным мнением, согласно которому жесткие меры нужно применять лишь в условиях крайней необходимости – когда уже слишком поздно, слишком сложно или слишком дорого. Израиль не должен позволять, чтобы естественная слабость мирной демократии заслоняла необходимость превентивных ударов для прекращения распространения ОМП.

Ситуация с Китаем и Россией сложнее. Безусловно, обе эти страны со временем будут вовлечены в процесс нелегального распространения ядерного оружия. Российские политики и военные коррумпированы, так что рано или поздно российские ядерные боеголовки окажутся в руках мусульман. Первые один или два заряда будут использованы против США для достижения максимального эффекта, а следующим будет Израиль. В сложившейся ситуации Израиль вряд ли может атаковать Китай или Россию, равно как и правительство США не может нанести по ним превентивный удар. Израиль должен использовать общественное мнение для давления на Америку, чтобы заставить ее выкупить советские ядерные арсеналы и потребовать уничтожения биологического оружия без компенсаций. Хотя США оплатили уничтожение некоторой части советского ядерного оружия, многое сохранилось. Россия, скорее всего, будет настаивать на сохранении части боеголовок для сохранения своего статуса сверхдержавы, хотя без

современной авиации они практически бесполезны. Россию можно было бы уговорить отказаться от мобильных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, которые не отличаются высокой точностью и подходят только для атак на крупные гражданские объекты. Америка может оставить России несколько шахтовых пусковых установок, которые сравнительно легко контролировать.

Завлечение Китая с его оружием под единое командование в НАТО было бы наилучшим вариантом, хотя прагматичные китайцы, скорее всего, спрячут несколько бомб. Экономические санкции не помогут, как показал урок Тяньаньмэня. Обычно коммунистов больше интересует идеология, чем народ и экономика. Это подчеркивает необходимость подрыва в Китае коммунизма, развития демократии и разделения страны на несколько государств разумного размера, зависимых от Америки и Запада. Бойкот, направленный на установление международного контроля над китайским ОМП, будет эффективным лишь при участии ключевых западных стран. Китаю требуется множество уступок от международного сообщества, поэтому нужно использовать каждое требование с целью установления все большего контроля над китайским неконвенциональным оружием. США могли бы подать пример, согласившись на международный контроль над своим вооружением.

Любая страна, обладающая ядерными технологиями,

представляет для Израиля опасность, даже если не угрожает ему напрямую. Множество недобросовестных производителей – Китай, Индия, Северная Корея, Россия, Пакистан, Ирак, Франция, Швейцария, Аргентина и даже Марокко – помогли Египту создать его ядерную программу. Некоторые из них приняли прямое участие в военном сотрудничестве. Китай обогащал египетский уран на центрифугах российского производства. Никому не понравится, если сосед будет хранить динамит; почтальон не будет в восторге от идеи доставить книгу по изготовлению бомб, бывшим преступникам запрещено покупать огнестрельное оружие – так почему же общественность должна мириться с распространением военных ядерных технологий и позволять странам-изгоям накапливать ОМП? Американцы использовали европейскую доктрину о неприкосновенности границ в качестве оправдания, чтобы не наказывать страны-распространители ядерных технологий. Такая страна, как Пакистан, угрожает всему миру распространением ядерного ноу-хау под защитой фикции суверенитета. Если ты хранишь динамит, ты не должен ожидать, что тебя оставят в покое; если страна создает ядерное оружие, она не может заявлять об иммунитете суверенного государства.

Распространение частными компаниями знаний в области ядерного оружия, повсеместно игнорируется. После того как в 1976 году США выдавили Францию из соглашения о строительстве завода по производству ядерного топлива в

Египте, частная французская компания «Роботель» в 1980 году поставила в Египет оборудование, необходимое для комплекса по извлечению плутония. Израилю несложно наказывать частные компании даже в одиночку. Точно так же надо было задавить или подкупить Нигер, чтобы он не продавал Египту уран.

Чтобы было легче в бою, Израиль должен заставить своих соседей демобилизоваться, мотивируя свои требования опасениями попадания ядерного оружия в руки религиозных фанатиков. Хотя ООН, без сомнения, осудит такие атаки, призванные уничтожить стратегическое оружие суверенных арабских стран, США и их союзники могут поддержать усилия Израиля по установлению стабильности в регионе под протекторатом Америки. Такого рода навязанный мир позволял Римской империи относительно безопасно существовать веками.

Гуманная война дорога и не эффективна

Содержание бессмысленно огромной израильской армии - результат нежелания правительства использовать эффективные неконвенциональные вооружения. Такая политика только увеличивает потери. В затяжном конфликте гибнет не только больше израильских солдат, но и немало иностранных гражданских лиц. Демонстрация неограниченной силы сломит волю народа и армии противника, в то время как мелкие перестрелки, наоборот, вдохновляют их, тем более что

общественное мнение требует все новых «гуманных» ограничений для снижения войны до уровня, на котором враг сможет бороться с израильской армией на равных, продляя страдания и уничтожая израильские объекты. Тяжелые потери в бесконечных мелких стычках настроили израильское общественное мнение против войны в Ливане. Что еще хуже, после взятия Бейрута Израиль дал «Организации освобождения Палестины» улизнуть в Тунис, вместо того чтобы разбомбить их вместе с остатками гражданского населения, которое они использовали в качестве щита. В 1973 году египетский министр обороны Исмаил Али был готов бомбить собственные войска, перемешавшиеся с израильскими силами, наступавшими на Каир. Только глупость могла заставить Израиль соблюсти соглашение с ООП, вместо того чтобы потопить их корабли с боевиками руками христианской Армии Южного Ливана⁶¹. Это предотвратило бы тысячи убийств, позже убитых членами ООП. Дальнейшее продолжение военных действий низкой интенсивности будет ошибкой, но медленное нарастание насилия – и того хуже, поскольку люди привыкают жить в страхе. Средство устрашения эффективно только в первый раз, после чего оно становится привычным. Враг изобретает ответные

⁶¹ Армия Южного Ливана, христианское ополчение, поддерживаемое Израилем против ООП, обычно не сильно заботилось о тонкостях прав человека, хотя по местным стандартам действовало довольно мягко. Мусульманские группы совершали зверства, на порядок превосходящие по масштабам печально известные Сабру и Шатилу.

меры, что раскручивает спираль насилия и разрушений, а население привыкает к ним и перестает бояться. Успешным может быть только внезапное и сокрушительное насилие. Чтобы уstrasить арабов и заставить их подчиниться, Израиль должен показать себя кровожадным монстром. Необходимо ограничить потери путем предотвращения контратак, разрушения военных возможностей противника и истощения его финансовых ресурсов. На втором месте после сокрушительного разрушения следуют точечные удары – скажем, разрушить небоскреб в Рияде, оставив соседние нетронутыми. К успеху ведет только необычное насилие.

И Дрезден, и Герника имели лишь умеренное военное значение. Обе операции были чрезвычайно бесчеловечны – хотя слишком обычны для человечества. Сегодня мы воспринимаем эти операции по-разному по той причине, что история пишется победителями. Израиль должен приложить все силы к победе, и историки найдут ему оправдание.

Возмездие должно быть персональным

Правители противника должны страдать наравне с солдатами. Видимо, израильские лидеры ощущают некую внутреннюю связь со своими арабскими коллегами, включая даже Арафата. Не важно, спонсировал ли он терроризм или был политически не способен ему противостоять, Палестине было бы куда лучше без него; тем не менее, Израиль оказывал ему

царские почести, в то время как его солдаты убивали евреев⁶². Сегодня национальные лидеры пользуются иммунитетом даже в случае нападения на их страну. Союзники повесили лишь несколько нацистских боссов, США отдали Саддама иракскому правосудию, вместо того чтобы немедленно публично казнить или хотя бы экстрадировать курдам. Любые действия против национальных лидеров обнаруживают произвольность политики. Американцы готовы убить Бин-Ладена. Единственная причина, почему они не хотят быстро уничтожить некоторых других лидеров – уважение к дипломатическому иммунитету. Зачем для уничтожения Саддама нужно было начинать целую войну – не лучше ли было уничтожить его одной ракетой? Подобная акция представляла проблему в Афганистане, где время ракеты в полете составляло несколько часов, но никак не в Ираке, где под боком курсирует американский флот. Возмездие должно быть персональным, нужно бомбить резиденции и компании, принадлежащие враждебным лидерам, заставляя банки закрывать их счета, и убивать не только их самих, но и их родственников.

Хотя убийство семьи в мирное время неправильно, на

⁶² В Первой мировой войне русский царь, немецкий кайзер и король Англии были кузенами и поддерживали дружественную переписку, в то время как их подданные гибли на полях сражений. Сравним это со встречами с Арафатом и израильскими денежными переводами палестинской администрации в то время, когда Палестина вела партизанскую войну на истощение против Израиля.

войне оно оправдано. Если поставить под угрозу жизнь родственников диктатора, это в какой-то мере поможет предотвратить войну или закончить ее раньше, и, следовательно, спасти жизни. Родственники часто оказывают воздействие на диктаторов и могут отговорить их от обострения ситуации. Такая мера не является панацеей – в древних войнах тоже гибли королевские семьи – но ее стоит попробовать, учитывая статистическую незначительность числа жертв. Кроме того, семьи арабских диктаторов почти всегда плотно вовлечены в дела управления государством. В этом плане отказ Сталина выкупить своего сына у нацистов уникален.

Персональный подход может улучшить международную политику. Невозможность вести две войны одновременно ограничивает способность американцев бороться со злом и провоцирует обвинения в произвольности правосудия – Ирак был произвольно выбран из числа многих опасных диктаторских режимов. Но зачем все эти чрезвычайно дорогие⁶³ войны? Милошевича, Саддама и им подобных можно устранять авиационными и ракетными ударами, попутно уничтожив несколько десятков домов и несколько сотен людей, что значительно меньше, чем на войне. Будущие правители, если они не захотят прятаться в бункерах, станут учитывать права человека и американские интересы. В противном случае один

⁶³ Иракская война обошлась в 300 миллиардов долларов, что составляет по миллиону за каждого из 300 000 человек, гибель которых приписывается Саддаму.

недорогой удар с воздуха – и они предстанут перед Высшим судом. Точечными ударами можно наказывать нарушителей быстро, дешево и эффективно, освобождая от них человечество.

Израильские и американские лидеры не приемлют таких мер из-за угрозы возмездия. План Саддама убить Буша-старшего и попытка 11 сентября 2001 года атаковать Белый дом, провозглашают возврат к исторической норме. Достойные лидеры возглавляли войска на поле боя до 18-го века, и репутация которых зависела от исхода сражения. Сегодня же лидеры ограждены от войн, которые сами объявили. Общественное мнение должно изменить эту ситуацию, чтобы не простые граждане, а правители первыми оказывались перед лицом опасности.

Израиль должен минимизировать защиту своих правителей и снять государственную охрану членов их семей. Пусть высшие чиновники боятся за тех, кого любят – тогда правительство начнет бороться с Интифадой эффективней.

Сдерживание не действует

Угроза насилия не должна заменять его непосредственное применение. Угроза никогда не бывает абсолютно эффективной. Кроме случаев, когда одна сторона очевидно сильнее, ни среди ядерных, ни тем более неядерных держав не известно примеров прочного мира, основанного на взаимном сдерживании. Взаимное сдерживание путем

устрашения означает, что обе стороны поддерживают приблизительно одинаковый уровень вооружений; любое изменение, каким бы незначительным оно ни было, реальное или воображаемое, приводит к тому, что одна из сторон видит свой перевес и начинает враждебные действия. Сдерживание создает тонкий баланс сил, который периодически корректируется путем войн и пограничных столкновений. Для маленького Израиля не приемлемы даже мелкие войны на своей территории, и он не может позволить себе применять химическое, биологическое или атомное оружие рядом со своим населением.

Сдерживание предполагает, что противник не воинственный. Рим и Карфаген, сильнейшие державы своего времени, не сдержали друг друга. Германия не обращала внимания на американские и советские силы сдерживания. Авторитарные правители редко беспокоятся о потерях гражданского населения, так что сдерживание против них не работает. Сдерживание лишь поднимает планку принятия решения о начале военных действий, но едва ли способно предотвратить войну как таковую. Соединенные Штаты и Советский Союз в период Холодной войны не нападали друг на друга не из страха, а потому что просто не хотели завоевывать друг друга. Мощь израильской армии в 1967 году не помогла сдержать Египет в 1973-м. Армия должна действовать внезапно, а не бряцать оружием.

США, СССР и в меньшей степени КНР усвоили, что взаимное сдерживание между равными противниками ведет к экономически губительной гонке вооружений. Получается не «око за око», а чрезмерная реакция, которая банкротит экономику. Израилю не стоит проверять, сможет ли он выдержать такую гонку или нет. Если продолжать политику сдерживания долгое время, она окажется дороже поражения. Если и заниматься сдерживанием, оно должно быть односторонним, не давая противнику возможности выйти на угрожающий уровень вооружений. Для этого требуется разоружить противника. Израиль не только игнорирует очевидную необходимость сокращения угроз в свой адрес, но и уменьшает достоверность своей собственной угрозы, поскольку избегает жестоких мер. Сдерживание не работает, если враг знает, что вы не перейдете от слов к делу⁶⁴. Кто будет ожидать ядерной контратаки от Израиля, который увяз в Бейруте, пытаясь спасти нескольких мирных граждан в обстреливаемых кварталах?

Использование крупных военных сил для захвата территории

Насильственная демилитаризация противника,

⁶⁴ Кеннеди заставил советских генералов поверить в серьезность своих намерений в отношении Кубы с помощью мобилизации. Поскольку стратегические планы самого Советского Союза не предусматривали демобилизацию, а за мобилизацией неизбежно следовала война, этот шаг Кеннеди был расценен как подготовка к войне.

подкрепленная превентивными ударами – единственный работающий сценарий. В противном случае Израилю придется поддерживать дорогие ВВС, противоракетные силы, системы спутникового обнаружения, танки – и все это в мирное время. Без них не обойтись, поскольку мирные соглашения бесполезны. После соглашения с Египтом израильская армия увеличилась. Зачем же Израилю был нужен мир? За эти же деньги он может осуществлять завоевания. Таким образом, единственный выбор – по крайней мере, пока Ближний Восток не успокоится – это не война либо мир, а использование армии для завоеваний либо использование армии для разоружения арабов, поддерживая затем лишь минимально достаточную группировку для нанесения превентивных ударов.

Бездействие отупляет армию. Когда храбрецы ничем не заняты, они утрачивают интерес. Привыкнув к мирной жизни, солдаты теряют вкус к сражению, несмотря на то что сражаться и убивать – их работа. Подавляющее техническое или численное превосходство маскирует неготовность, а поражения объявляются победами⁶⁵. Чтобы сохранять эффективность и

⁶⁵ Чтобы победить относительно небольшую армию Германии во Второй мировой войне, двадцать миллионов советских людей отдали жизни, и промышленному потенциалу Америки война обошлась очень дорого. Обе «победы» над Ираком по сути являются поражениями, если принять во внимание астрономически высокую стоимость уничтожения иракских солдат: около миллиона долларов за одного уже в начальной стадии кампании, а со временем эта цифра выросла на порядок. Иракские солдаты могли бы совершить самоубийство даже за часть этих денег, а Саддам мог

сосредоточенность, армия должна переходить из одного конфликта в другой.

Разоружить арабов и превратить арабские государства в протектораты

Если Израиль будет надзирать над военными делами арабов, это позволит ему господствовать в регионе, установив *rex iudaica*, при котором Израиль защищает некоторые арабские государства от их арабских же неприятелей – своего рода доктрина Монро для Ближнего Востока. Условия такого политического устройства могут предусматривать, что Израиль не вмешивается во внутренние дела зависимых стран, но лишь удостоверяется, что они не готовятся к войне с ним и не слишком много воюют друг с другом. Неожиданное начало Войны Судного дня показало, что Израиль не может читать мысли арабских правителей – вместо этого лучше просто запретить им накапливать современное вооружение. Если бы Израиль доминировал в регионе, Соединенным Штатам больше не нужно было бы осуществлять здесь полицейские функции.

Америка питает сомнения в отношении Израиля. Однако все они коренятся в проблемах, которые Израиль все равно должен решить. Израиль не всегда исполняет желания

бы изменить политику и броситься в объятия Америки за взятку, сопоставимую со стоимостью одного месяца войны.

американских президентов, но он уступает так часто, как это только возможно без утраты остатков суверенитета. Обычно он «не подчиняется» в гуманитарных вопросах, вроде палестинской проблемы. Если бы Израиль заставил Иорданию и Ливан предоставить гражданство палестинцам, со временем головная боль Америки прекратилась бы. Господство Израиля также прекратило бы пограничные столкновения с арабскими странами – еще одна причина нервозности американцев. Чтобы отвести обвинения в непредсказуемости, Израилю нужно стабильно преследовать собственные экономические интересы. Американцы всегда рады, когда их клиенты – такие как Япония, Южная Корея, Германия – становятся где-нибудь региональными гегемонами. Америка пригласила Израиль на эту роль, когда противостояла вторжению Сирии в Иорданию. Традиционно антиимпериалистические, Соединенные Штаты возражают против формальной гегемонии, в то время как суть американской политики всегда допускает доминирование де-факто, согласно доктрине Монро. Израиль должен объяснять свою политику в терминах, приемлемых для западной общественности.

Цель в данном случае двойная. Один вариант состоит в том, чтобы угрозами заставить Египет придерживаться нейтралитета – а это его обязанность согласно мирному договору – и затем господствовать в остальной части Ближнего Востока. Более амбициозный проект, а именно превращение

Египта в протекторат, возможен, но он требует значительной национальной решимости. Пока у Египта стабильные и разумные правители, которые не особенно накапливают оружие массового поражения, вопрос остается открытым; обеспечив тем или иным способом нейтралитет Египта, Израиль сможет заняться Ираном, Ираком и Сирией. В ближайшие годы это будет очень кстати, ведь мир считает эти страны рассадником терроризма. Без российского спонсора египетская армия уступает израильской. Американская поддержка Египта постепенно сокращает этот разрыв. Если израильская разведка сможет выявить все египетские ядерные объекты, у Израиля появится редкий шанс демилитаризовать Египет.

Израиль должен сдерживать самые важные страны либо путем разоружения, либо предоставляя гарантии, и лишь затем переключаться на небольшие нефтедобывающие арабские образования. Израиль гораздо сильнее любого арабского государства⁶⁶ и готов к войне с любым из них.

Минимизировать участие пехоты

Чтобы не повторять ошибку, когда Израиль оказался вовлеченным в гражданскую войну в Ливане в 1982 году, не нужно посылать в арабские страны наземные войска, но вместо

⁶⁶ Показатели ВВП арабских стран туманны и в основном состоят из нефтяных доходов – вплоть до ста процентов, как в случае с Саудовской Аравией.

этого следует добиваться их покорности путем бомбардировок с воздуха и назначением временных марионеточных правительств. Восстания можно подавлять военными мерами средней интенсивности. Достаточно жестокая и эффективная с военной точки зрения администрация обычно хорошо подавляет оппозицию. Эта политика и не сработала в Ливане по причине слабой подготовленности Армии Южного Ливана. Контролируемую территорию нужно зачистить от партизан и изолировать от внешнего вторжения. Как показал опыт Советского Союза, пограничный контроль может быть надежным даже при очень протяженной границе.

Притеснение арабов не военными мерами

Израиль должен начать охоту на арабские деньги. Наняв лучших адвокатов, нужно повсеместно вовлекать богатых арабов в судебные тяжбы, нажимать на сотрудничающие с ними компании с целью лишить арабов средств. Арабские страны-члены ОПЕК, проводящие политику монопольного завышения цен, являются самыми очевидными целями. Исламские благотворительные фонды, поддерживающие террористов, тоже отлично подходят для гражданских исков. Поскольку они обладают большим имуществом, судебное преследование окупится.

Семьи жертв террористов имеют хорошие шансы обвинить Саудовскую Аравию и Иран, а равно и индивидуальных

спонсоров в поддержке терроризма. Это могут быть и гражданские процессы, и уголовное преследование согласно закону о коррумпированных организациях.

Потомки израильтян, оставивших в Ираке и Египте свое имущество, могут потребовать возвращения этих владений, которые были либо национализированы, либо разграблены мародерами. Ради иллюзии справедливости Израиль должен разбирать и аналогичные иски палестинцев в свой адрес – впрочем, соотношение будет в пользу Израиля, поскольку многие израильтяне оставили в арабских странах имущество, подтвержденное документами, в то время как большинство палестинцев были крестьянами без формальных прав на землю. Разбор имущественных исков арабов не приведет к их возвращению – право на гражданство является персональным. Потомки тех, кто бегством отказался от этого права, не могут его унаследовать. Евреи вернулись после 1900 лет не по праву, но силой, при этом арабы имеют полное право сопротивляться, а Израиль – защищаться. Арабские беженцы в 1948 году не были гражданами Израиля. Они отступили и присоединились к врагам Израиля.

Можно подать и другие иски – например, потребовать от арабов возместить чрезмерные расходы Израиля на поддержание обороноспособности в результате нарушения ими резолюций ООН⁶⁷. Потери Израиля в несомненно

⁶⁷ Законным основанием для израильских исков являются не резолюции

оборонительной войне 1948 года, а также последующие потери среди гражданского населения, подлежат компенсации как смерть в результате противоправных действий. Возможно, удастся ретроспективно применить понятие преступления против человечества, обвинив арабов в более ранних преступлениях – например таких, как палестинские погромы в конце 1920-х годов⁶⁸ и в 30-х, зверства против еврейского населения в войне 1948 года, иракская резня в 1941-м, вдохновленная сочувствующими нацистам палестинцами, преследования следующего десятилетия, уничтожение еврейских общин в Египте последователями Аль-Банны⁶⁹ в 1945-м и многие другие факты прошлого, начиная с Мухаммеда, который выслав два еврейских племени из Ятриба (Медины), убил всех мужчин третьего племени и обратил в рабство женщин

ООН сами по себе, поскольку они носят рекомендательный характер, а факт принятия арабами условий этих резолюций. Арабы не могут подать встречный иск против Израиля за его нарушение резолюций, потому что Израиль как раз никогда не соглашался с ними. Тот факт, что резолюции не были приведены в действие военными силами ООН, свидетельствует о том, что действия Израиля по существу не нарушали условия перемирия.

⁶⁸ Сотни евреев были убиты после того, как они попытались поставить рядом с Западной стеной скамьи и молиться там, а в 1929 году в Хевроне произошла еще одна резня евреев.

⁶⁹ Египетский фундаменталистский клирик, разработавший религиозную основу современного терроризма, заново изобретя понятие *джихад*. Аль-Банна сотрудничал с нацистами и подстрекал к нападениям на евреев, хотя до этого египетское общество отличалось высокой степенью терпимости.

и детей⁷⁰.

Помимо этого, полезными могут быть иски про клевету. Подконтрольные египетскому правительству СМИ открыто подстрекают против Израиля, в нарушение мирного договора⁷¹. В отличие от американского, европейское законодательство определяет клевету широко. Мечети Парижа и Лиона подали в суд на новеллиста Мишеля Уэльбека за то, что тот назвал ислам глупейшей религией. Евреи могут найти в призывах мусульман достаточно клеветнического материала, чтобы засудить издателей до банкротства. Однако израильтяне должны формулировать иски тщательно, поскольку еврейские религиозные школы, в отличие от прессы, поступают точно так же, а Основной закон включает пункт о Большом Израиле, весьма напоминающий хартию ООП в отношении Палестины. Арабы могут на том же основании подать в суд на религиозных

⁷⁰ Сомнительные детали дошли до нас только в исламских источниках. Еврейские племена Медины хорошо приняли Мухаммеда и, похоже, подписали с ним соглашение о добрососедстве и взаимной обороне. Согласно исламским источникам, евреи нарушили соглашение, осмеяв Мухаммеда и отказавшись сражаться на его стороне. У евреев, впрочем, были все основания скептически относиться к пророчествам Мухаммеда, а защищать его они отказались потому, что люди Мухаммеда сами начали конфликт с жителями Мекки, грабя караваны, а его собственная армия, которую покинули даже многие из его соратников, была обречена на поражение. Из поддельного текста договора следует, что евреи якобы признали Мухаммеда в качестве пророка и судьи по договору, в котором он же является стороной.

⁷¹ Приводится на www.memri.org.

студентов и различные крайние еврейские группы - впрочем, это не бесполезно.

Даже обычные арабские газеты Египта и Катара проповедуют ненависть к евреям и часто призывают своих читателей убивать их. Враждебным СМИ можно заткнуть рот не только в судебном порядке, но и путем разрушения их издательских и передающих комплексов, а также закрытия (а не просто цензурирования) враждебных палестинских СМИ. Еще проще закрыть интернет-сайты, от которых зависят радикальные группы, такие как «Аль-Каида». Вместо того чтобы заниматься кибервойной, Израиль должен подавать гражданские и уголовные иски против интернет-провайдеров, размещающих такие сайты. Среди объектов преследования должны быть не только официальные сайты боевиков, но и форумы, чаты, второстепенные исламские сайты и т. д. Спецслужбы должны отслеживать по IP-адресам всех, кто посещает эти сайты, вплоть до вызова их в суд через местную полицию. Лучше отслеживать переписку, чем закрывать электронные адреса, особенно когда они представляют интерес для разведки – террористы уже призывали мусульман шпионить за потенциальными целями. Анонимные бесплатные учетные записи электронной почты, которыми обычно пользуются террористы, позволяют отслеживать IP-адреса и определять местонахождение их владельцев. Страшные истории о том, как полиция жестоко допрашивает участников исламских чатов, отобьет желание

заходить на сайты, которые правительство еще не закрыло, особенно у пятой колонны - мусульманских иммигрантов на Западе. ФБР делало то же самое, только в меньшем масштабе, в ходе борьбы с детской порнографией, когда выдвигало обвинения против просто любопытных посетителей таких сайтов. Поскольку большинство населения мусульманских стран выходят в Интернет из интернет-кафе, местное правительство должно ввести сканирование отпечатков пальцев и установить камеры слежения, уже и так используемые во многих странах, если оно хочет получить доступ к находящемуся под контролем США Интернету. Решение о закрытии или же мониторинге каждого конкретного сайта должно приниматься индивидуально – простые форумы, привлекающие потенциальных сторонников и доноров террористов, должны быть закрыты, в то время как сайты крупных террористических групп, посещаемые махровыми сторонниками, следует "подслушивать". Свобода слова в Интернете не включает свободу подстрекать к убийству. Людей нужно отпугивать от терроризма.

Жалобы террористов на нарушение свободы слова смешны. Мусульмане подавляют свободы везде, где приходят к власти. К врагам нужно подходить с позиций симметричности, а не либерализма. Израилю не требуется подавлять свободу для достижения своих целей. Теоретически, вообще не существует абсолютных свобод. Если цели исламистов не приемлемы для Запада и стоят того, чтобы за них воевали, то тогда не приемлема

и исламская пропаганда, поддерживающая эти цели. Проблема не в призывах к убийству: американская пресса популяризировала кроважанные призывы, раздающиеся из Южного Вьетнама в отношении Севера. Запад терпимо относится к сопутствующим потерям: в 1993 году в Могадишу американские войска убили от семисот до тысячи двухсот гражданских лиц во время бунта. Иранский вердикт по делу Салмана Рушди, оскорбившего национальный символ – пророка ислама, - не отличается от уголовного наказания за сжигание национального флага, действовавшего в США еще сорок лет назад. Проблема в том, что исламские радикалы стремятся убивать гражданских лиц *на Западе*. Ни израильское, ни американское правительство не волнует, если шииты станут издавать в Лондоне газету, призывающую к свержению суннитского режима в Афганистане во имя ислама, пусть даже и ценой кровавой резни гражданского населения – но их сильно беспокоят подобные призывы против Запада. Никто не обязан защищать свободу слова противника. Слово – это оружие войны, не отличающееся принципиально от других средств мобилизации и подготовки противника, как, например, тренировочные лагеря. Подстрекательство явно отличается от радикальной риторики призывом к немедленным действиям. Радикализм допустим, пока он не переходит в насилие и призывает к свержению лишь безусловно прогнившего режима. Исламские же радикалы подстрекают к насилию против всех, кто

не согласен с ними.

Теоретически, наказывать следует только действия, а не мысли или ценностные оценки. Это является сутью иудаизма. Каждый человек наделен свободой воли и свободен выбирать между западной либеральной пропагандой и исламской фундаменталистской. Израиль должен пресекать в основном деятельность радикальных СМИ, поскольку они выражают интересы противника и сами являются частью вражеской системы. Их некорректно преследовать за то, что они говорят, но они должны нести ответственность за то, что делают – а именно, выступают на стороне врагов Израиля. Их нужно преследовать не как преступников, но как врагов в военное время. Америка пресекала нацистскую пропаганду во время Второй мировой войны, между тем как сегодня новости передают видеообращения Бин-Ладена.

Это же относится и к подстрекательству вне СМИ, например, призывов мусульманских лидеров в Европе к нападениям на евреев; этот вид пропаганды приводил к погромам и создал почву для Холокоста. Европейские правительства относятся к ней терпимо, поскольку крупные, мусульманские сообщества голосуют на местных выборах и помогают реализации европейских интересов в арабском мире. Несмотря на это, никому не нравится исламская агитация, так что если Израиль устранил исламских лидеров в Европе, это будет встречено с одобрением. Европейцев не очень волнует, что

мусульмане нападают на евреев в их странах, и не будут возражать, если евреи ответят мусульманам той же монетой. Израиль должен привлечь европейских правых радикалов, чтобы сократить наплыв мусульман в Европу. Правые - не столько антисемиты, сколько не любят чужаков. Евреи ассимилированы в Европе лучше, чем мусульмане, которые к тому же превосходят евреев числом. Европейскую ксенофобию можно сфокусировать на мусульманах. Явно чужие мусульманские иммигранты представляют собой легкую добычу для европейских националистов, что может заодно отвести враждебность от евреев. Израиль должен искать возможность для тактического сближения с правыми радикалами, до того как это сделают исламские партизаны и страны-изгои. Израиль кровно заинтересован в сокращении мусульманской иммиграции в Америку и Европу, которая изменит результаты местных выборов и расклад политических союзов.

Важно отколоть мусульманских иммигрантов в странах Запада от основных мусульманских групп. Мусульманам запрещено жить под властью язычников. Израиль мог бы устроить арабам что-то вроде дела Лавона⁷²: радикальные

⁷² Израиль способствовал исходу евреев из арабских стран – и зря, поскольку негативное отношение к Израилю и так вынудило бы евреев покинуть арабские страны. Израильяне интенсифицировали провокации и устроили взрывы в посольстве США в Каире, чтобы настроить американцев против арабов. Неопытные израильские агенты провалили операцию, которая вылилась в крупный скандал, на годы дискредитировавший обвинения

мусульманские группы будут взрывать места скопления европейских мусульман, якобы с целью заставить их вернуться в исламский мир. Могут оказаться полезными меры времен антикоммунистической охоты на ведьм – например, требование от мусульман письменно подтвердить свое неприятие идей терроризма на собеседовании при иммиграции или приеме на работу. Такая клятва не остановит террористов, но создаст атмосферу общественной нетерпимости к исламу. При всех недостатках Маккарти, ему удалось сделать сочувствие коммунизму неприличным. Насильственная секуляризация по французскому образцу могла бы помочь ассимилировать мусульман. Никто не запрещает носить хиджаб в общественных местах – только в общественных школах. Таким образом, хиджаб и аналогичные исламские атрибуты не обретут привлекательности запретных плодов, но дети будут связывать ношение хиджаба с неприличностью. Если пресса будет изображать террористов и их лидеров глупыми, отсталыми крестьянами, иммигранты будут стыдиться их. Следование ваххабитскому исламу должно восприниматься как поведение, настолько же эксцентричное, как занятие шаманизмом. Есть все основания развивать движение за реформирование ислама, особенно права женщин и разрешение им служить имамами, мирное сосуществование с другими религиями, осуждение джихада как древнего варварства, светское образование,

арабов в терроризме.

текстуальный анализ Корана и критическую оценку законов, изданных религиозными лидерами.

Говоря о свободе слова, задумайтесь об утечке военных секретов. Это любимое занятие американской верхушки прижилось и в Израиле. Если утечка военных секретов помогает противнику и ставит под угрозу войска, она должна расцениваться как государственная измена. Виновного найти не сложно, поскольку лишь узкая группа осведомлена о секрете; проблема в отсутствии политической воли для преследования высокопоставленных чиновников. Точно так же нужно поступать и с журналистами. Общество вполне безразличны небольшие ошибки военных, и не всегда стоит их рассекречивать. В демократических странах подобные инциденты сравнительно редки, зато раскрытие их серьезно бьет по доверию к государству⁷³.

Западные СМИ трубят о каждой жертве среди палестинцев от израильских ударов возмездия, при этом почти не упоминая о массовых зверствах мусульманских режимов. На

⁷³ Мировые СМИ раструбили об осуждении американского сержанта, застрелившего смертельно раненого иракского солдата. Тот факт, что сержант спас иракца из горящего грузовика, утонул в хоре осуждающих голосов. Потребители новостей чрезмерно интересуются несчастными случаями. Сравните постоянные сообщения о том, как американские солдаты умеренно давят на своих врагов при допросах, и почти полное отсутствие сообщений о ежедневных массовых пытках в тюрьмах России, Китая, Египта и почти всех стран за лишь несколькими исключениями.

Западе многие, если не большинство, не знают о войнах и бунтах, которые длились годами и унесли миллионы жизней мусульман, зато все знают, что Израиль каким-то образом притесняет палестинцев. У такой ситуации две причины: во-первых, Израиль считается цивилизованным и потому должен нести ответственность, в отличие от варварских режимов, и во-вторых, снимать документальное кино в Палестине просто и безопасно.

Должна быть пересмотрена свобода сообщать о терактах⁷⁴. Реальный вред от терроризма невелик. Партизаны стремятся напугать людей, которым пудрят мозги кровавыми снимками. Никто – повторю, никто не помогает террористам так, как СМИ. Чтобы угодить толпе, пресса подрывает национальную безопасность и совершает измену в условиях террористической войны. Живописующие репортажи с мест терактов должны быть запрещены и заменены на короткие упоминания без фотографий и видеосъемок; исключение может быть сделано лишь для чрезвычайных случаев, таких как атака на Всемирный торговый центр. Ничто не сократит число примитивных терактов так, как подобный запрет. Эта политика не имеет ничего общего с дезинформацией, вроде той, к которой прибегала Япония во время войны и Советский Союз все свое существование. Напротив, она препятствует распространению дезинформации,

⁷⁴ В эпоху Интернета и спутникового вещания цензура нежизнеспособна и полезна лишь в коротких войнах.

искажений и преувеличений. Люди получают правдивую информацию с фактами и цифрами. Человеческий ум обладает нелинейностью; он не может, подобно компьютеру, игнорировать повторяющиеся или избыточные данные, но именно их отмечает как наиболее важные. Красочные фотоснимки вызывают чрезмерный гнев и беспокойство у людей, которые никогда не видели крови. Ни одно информагентство не показывает взорванные автобусы вместе с репортажами из хирургических отделений американского Среднего Запада – а ведь это могло бы ослабить эмоциональный эффект. Дайте людям цифры вместо фотографий и проникнутых ложным сочувствием лиц репортеров. Большинство людей на Западе не в курсе, что число потерь от широко разрекламированной *Интифады* незначительно в сравнении с жертвами в автокатастрофах и что статистически израильские арабы предпочитают жить в «угнетающем» их еврейском государстве, а не в исламском мире. Многие люди не могут объективно оценить воздействие на них рекламы табака – вот почему были введены обязательные предупреждения о его вреде. Сообщения о терроризме точно так же должны сопровождаться предупреждениями.

Сделать так, чтобы люди привыкли к репортажам о насилии – лишь полдела. В основном люди видят жестокость только в связи с Израилем и Ираком. Если ежедневно показывать кровопролития в разных местах мира, это отвлечет

внимание от действий Израиля и от террористов. Зрителей не интересуют зверства в Руанде, Сирии или Югославии, совершаемые черными, исламскими или православными варварами. Если постоянно показывать их по телевизору, Запад начнет требовать от них высоких моральных стандартов и осуждение, сейчас сконцентрированное на Израиле, ослабнет.

Западные СМИ часто трубят о джихадистских высказываниях исламских лидеров, пугая этим людей, не знающих, насколько характерна для мусульманского мира пустая риторика. Довольные произведенным эффектом, лидеры еще более обостряют риторику ненависти. Лучший способ покончить с такими высказываниями – игнорировать их.

Западные правительства должны перестать предоставлять убежище мусульманским диссидентам, большинство из которых принадлежат к агрессивным фундаменталистским группам. Франция укрывала Хомейни и получила враждебный Иран. Америка отказалась экстрадировать слепого Шейха Омара в Египет, где он был осужден за терроризм, и он организовал взрыв Всемирного торгового центра.

Финансовые скандалы, жульничающие банки и инвестиционные фонды, пирамиды можно применять против врага не менее успешно, чем обыкновенное оружие – необразованные богатые арабы представляют собой прекрасную

добычу. В начале 1990-х многие жулики якобы продавали уран, красную ртуть и другие радиоактивные вещества. Некоторые считают, что ряд афер организовали национальные спецслужбы, охотящиеся на террористов. Важно не только выявлять террористические группировки, но и отобрать их финансовые ресурсы, а также дестабилизировать черный рынок вооружений.

Шантаж как источник финансирования и влияния обладает большим потенциалом в мусульманском мире, который запутался в неестественных, лицемерно нравственных, но по сути прогнивших запретах.

Другой способ дискредитировать арабских лидеров состоит в том, чтобы симитировать их поддержку Израилем, восхваляя их в правительственных пресс-релизах или обращаясь к США с просьбой предоставить им мелкие, но хорошо освещаемые уступки.

Торговые санкции, популярные в избалованных невоинственных обществах, бесполезны. Санкции не помешали Японии подготовиться ко Второй мировой войне. Ирак с легкостью обошел их после войны 1991 года. Санкции, реализуемые коррумпированными бюрократами, еще хуже, чем их отсутствие. Саддам сталкивал лбами американских, российских и французских лоббистов, чтобы получить максимальные взятки за распределение заказов в рамках ООН-овской программы "Нефть за продукты". Санкции не работают в

экономиках⁷⁵, в которых любой товар, включая бóльшую часть оружия, доступен на сером рынке, причем Ирак нелегально экспортировал даже такой предположительно легко контролируемый товар, как нефть. Конфликт между государствами нельзя разрешить с помощью полумер, это можно сделать только с помощью достоверной военной угрозы.

Какой справедливости Израиль ожидает от ООН, в которой мусульманские страны имеют шестьдесят голосов? Как долго Запад сможет отказывать шестидесяти странам и более чем миллиарду населения в месте в Совете безопасности? Израиль не может принять ООН, в которой мусульмане имеют право вето и соответствующие возможности для политической торговли. Израиль может лишь посмеяться над организацией, где в Комиссии по правам человека заседают Саудовская Аравия, Сирия и Ливия. ООН, в которой США и Зимбабве обладают равными голосами, не функциональна, ее решения осуществляются лишь тогда, когда они соответствуют балансу сил.

Имеет смысл дискредитировать враждебную ООН и эксплуатировать ее слабости. Голоса несущественных стран типа Тувалу можно покупать взятками или шантажом. Израиль мог бы

⁷⁵ Запрещающие санкции не действуют. Проще установить защитные санкции, вроде запрета на импорт говядины из-за возможного заражения коровьим бешенством. Правительства могут контролировать свои собственные границы, но не границы своих врагов.

создать поддельные юрисдикции, купив мелкие острова и зарегистрировав их в ООН в качестве стран израильского содружества наподобие Британского Содружества, - таким образом увеличив количество своих голосов.

Сунь-Цзы и Макиавелли выступали за такую войну, а Бисмарк создал такой мир: заканчивайте войны еще до того, как они начались; ищите и эксплуатируйте слабости врагов не только в военной сфере, но и в финансах, логистике и дипломатии; не рискуйте войной, но изобретайте нестандартные стратегии. Разве евреи не могут поступать именно так?

Жестокость к заключенным

Разрешение «Организации освобождения Палестины» покинуть Бейрут и освобождение египетских военнопленных в 1973 году были ошибками. Во Вторую мировую войну американцы, австралийцы в тихоокеанском регионе, русские часто не брали в плен. Если уж не уничтожать солдат противника, их можно отправлять в трудовые лагеря. Их освобождение имеет смысл в рамках мирного соглашения, но такового не предвидится. Многие члены ООП вернулись в Палестину, чтобы снова воевать, а египетские военнопленные поступили в резерв и продолжали представлять угрозу по меньшей мере до нормализации 1979 года. Освобождение военнопленных без факто установления мира беспрецедентно.

Израиль мог бы поручить уничтожение ООП в Бейруте своим ливанским союзникам. Пленников можно было бы побить плетью и выпустить на улицу голыми, предварительно облив смолой и обсыпать перьями на осмеяние и унижение. Такое обращение с партизанами и их сторонниками приблизило бы мир.

Арабы воспринимают освобождение заключенных как обнадеживающий знак, говорящий о слабости евреев, нехватке у них мужества и жесткости. По праздникам, арабские дети режут овец. Израильяне должны оценивать события с точки зрения арабов, а не мира. Враг должен понимать Израиль и бояться его, а не смеяться над его моральными качествами. Иракские врачи отрезали уши дезертирам. Талибы кастрировали афганского экс-президента Наджибуллу. *Моджахеды* подвергали российских заключенных изощренным пыткам и казнили их, сдирая кожи или запускания змей в задний проход. Даже американские солдаты во Вьетнаме временами калечили заключенных. Израильские коллаборационисты в Палестине могли бы делать то же самое. Противостояние чудовищу его же методами ужасно, но эффективно подавляет его волю к борьбе. Война – это не соревнование в моральных качествах. Если мы обращаемся к врагу на его языке, почему бы не поступать с ним согласно его этике⁷⁶? Снисходительность к военнопленным сомнительна.

⁷⁶ Предупреждая возражение: «и с нацистами тоже?» – замечу, что я бы не возражал, если бы союзники доставили войска СС в освободившиеся лагеря смерти.

Когда ловят вора, его не отправляют домой, но судят и приговаривают за совершенное правонарушение. Суды требуют компенсации за нанесенный ущерб. Та же логика применима и к военнопленным – за совершенные убийства и порчу имущества их нужно отправлять на принудительные работы. Солдаты – это вооруженное продолжение политики, которую мы считаем неприемлемой, а значит, и совершаемые ими убийства не легальны, преступные. Вражеские солдаты – всегда преступники.

Если подходить с прагматической точки зрения, мягким обращением с военнопленными можно вынудить противника сдаться. Однако чем погибнуть в бою, а особенно если Израиль воспользуется оружием массового поражения, многие предпочтут смерти справедливо жесткое обращение в плену, и все равно сдадутся.

Если бы война была более жестокой, люди шли бы воевать с меньшим энтузиазмом и более энергично сопротивлялись бы кровавым амбициям своих правителей. Когда гражданское население понимает, что война приведет к высоким потерям или обратит солдат в рабов, оно с большей вероятностью будет сопротивляться политике, могущей привести к войне.

Израильяне мягки по отношению к военнопленным потому, что не приемлют страданий своих собственных солдат и опасаются эскалации и возмездия со стороны противника.

Однако террористы редко берут заложников, а когда берут, все равно не обращаются с ними гуманно.

Соглашение о возврате Синая было ошибкой

Мирные соглашения не всегда приносят пользу. Для арабов мир между Израилем и Египтом стал знаком не доброй воли Израиля, а его слабости и глупости: Израиль обменял землю на бумагу. Наверное, арабы правы. Перед Второй мировой войной Антанта гарантировала Франции безопасность, но ничего не предприняла, когда германская армия снова заняла демилитаризованный Рейнский регион. В конце концов, это была немецкая территория. Если какой-нибудь радикальный египетский лидер введет войска в Синай, Израиль все равно окажется один на один с противником. В 1967 году союзники Израиля не согласились с тем, что военные маневры противника означали начало войны, и отказались поддержать превентивный удар Израиля.

Синайский полуостров, в отличие от Западного берега, существенно увеличивал глубину обороны Израиля, поэтому он должен объявлять войну автоматически всякий раз, когда египтяне вводят войска в Синай. Полуостров и Красное море содержат урановую руду, которую Египет может использовать для создания ядерного оружия.

Согласно мирному соглашению, Египет стал получать

значительную американскую помощь и де-факто превратился в арбитра израильско-арабских отношений. Израиль и США смирились с его программой разработки оружия массового поражения.

Глупо утверждать, что у Египта нет причин начинать войну с Израилем. Само существование Израиля, является достаточной причиной для многих, особенно для мусульманских радикалов и тех, кто боится западных ценностей и демократии. Египет созрел для того, чтобы в нем пришли к власти подобные личности. В равной степени ошибочно утверждать, что Египет не отказался бы от Синая. Территория Египта никогда не была фиксированной – ни в древности, ни сегодня. Египтяне привыкли к оккупации – турецкой, французской, британской – причем оккупанты обычно не извиняются и не предлагают отступить, как Израиль. Аргумент о том, что мирное соглашение гарантирует мир, в высшей степени абсурден. Войны всегда нарушают формальный мир, а соглашения, заключенные под давлением, обычно не существуют долго.

Соглашение о возврате Синая дало Израилю уникальную возможность, которую он упустил. Соглашение гарантировало невмешательство Египта, и Израиль мог аннексировать палестинские территории, переместив палестинцев в Ливан и Иорданию.

Идеологическая война

Говорить, что вражда арабов к США является результатом американской внешней политики — значит рационализировать арабские зависть и ксенофобию. Арабы знакомы с Западом по передачам спутниковых каналов телевидения, Интернету, фильмам и не могут не видеть контраст со своим собственным миром. Ненависть арабов к Западу не имеет отношения к религии. Когда мусульмане и индуисты Индии враждуют, они сжигают храмы и мечети друг друга. Однако арабы атаковали не Ватикан, а Нью-Йорк, и не нью-йоркские церкви, а два небоскреба, посвященные международной торговле — сути нового мирового порядка.

Атаки 11 сентября предоставили рационализацию антисемитизма: по утверждению арабов, организовали атаку злобные евреи, чтобы свалить ее на Осаму Бин-Ладена. Однако после теракта арабы прославляли не кого-то, а именно Бин-Ладена, что показало ложность этой полуофициальной версии. Мусульмане уверены, что это он спланировал атаку, а не израильтяне. Арабы всегда рационализуют свою ненависть ко всему иностранному, что типично для амбициозных, но отсталых народов. Что бы ни делал Израиль или Запад, мусульмане воспринимают это как новую причину ненавидеть весь остальной мир. Впрочем, западному миру не важно, что думают арабы. Как, по общему мнению, арабы должны были

отреагировать на американское вторжение в Ирак? Ислам сопротивляется вторжению иноверцев. Арабы, конечно же, предпочтут безраздельно контролировать разрываемый конфликтами регион, чем избавиться от одного из худших тиранов с помощью западной цивилизации. Ну и что? Для международной полицейской операции не требуется согласие арабов.

Противоядие от антизападных настроений очевидно: арабам необходимо навязать западную светскую идеологию. Американское вторжение в Ирак в 2003 году было представлено как попытка ввести демократию, однако Саддам был избран более-менее демократическим путем, как и Гитлер. Западу нет дела до демократии, которая приведет к власти фундаменталистов, социалистов, националистов или другие проблемные элементы. Теодор Рузвельт заявил: «Если народ показывает, что он умеет разумно, эффективно и прилично вести общественные и политические дела, если он поддерживает порядок и платит по своим обязательствам, такому народу не нужно опасаться вмешательства со стороны Соединенных Штатов». Демократия в неразвитых арабских странах не приведет к такому результату. Во времена угрозы со стороны коммунистического блока Запад использовал все пропагандистские средства от радиопередач и открытой поддержки диссидентов до джаза и джинсов, чтобы сеять свою идеологию и таким образом подорвать волю противника к

борьбе – но не идти на открытый конфликт. Так же нужно поступать и в арабских странах. Абсолютное оружие – это не атомная бомба, а культура. Западные политические технологии формируют общественное мнение – вот их и нужно применять к арабам. Ататюрк насильственно секуляризовал Турцию, что привело к маргинализации религиозных лидеров. Садат уничтожил подрывные элементы такими полицейскими методами, которые развитые общества недавно запретили, но которые неизбежны в незаконных обществах – обществах, которые не подчиняются тому закону, который требует Запад.

Запад должен непрерывно осуществлять идеологическое давление на арабов. Турки совершили ошибку, когда почтили на лаврах Ататюрка, сочтя секуляризацию необратимой. Как оказалось, это не так. Приток сельских жителей в города, рост численности малообразованного населения, терпимость к религиозной пропаганде (которая, как считали, ранее подавлялась слишком жестоко) – все это дало всходы в 1990-х годах, когда к власти пришли исламистские партии, в 2002 году получившие 34% голосов избирателей – больше, чем в Пакистане.

Чтобы победить своих врагов без войны, Израиль должен дискредитировать мусульманскую культуру, как в свое время это было сделано с коммунистической культурой, путем внедрения отдельных поверхностных элементов западной культуры: джинсы, компакт-диски, телевизионные передачи, корабли с –

дискотеками и казино в офшорных водах. Для арабов все это – символы иностранных удовольствий, проблески соблазнов другого мира, совершенно не похожего на скучный мир лицемерно строгой исламской религии. Исламский мир – это бесплодный и обременительный труд, который никогда не обеспечит дом в Калифорнии с «Кадиллаком» в гараже и голливудской блондинкой в спальне. Как иконы представляют религию, потребительские символы представляют капитализм. Теологические и идеологические теории не существенны; внешние атрибуты – вот что важно. Идеологические сражения – это крестовый поход за более привлекательными идолами. Многие русские и арабы в 1990-х годах отвергли западный капитализм, но желали его потребительских благ. Идолы и церемонии свободного рынка – товары и шопинг против статуй и демонстраций – победили ленинистов, и точно так же победят мечети и самоубийства во имя *джихада*. Презрение мусульман к западной культуре искусственно. Мусульмане смотрят западное телевидение, читают западную прессу, слушают западную музыку – завидуя и восхищаясь. Люди слегка пренебрежительно относятся к тем, к кому отказываются присоединиться, и ненавидят тех, к кому присоединиться не могут: «Если ты не можешь присоединиться к ним, побей их». Чтобы остановить исламский бунт, им нужно дать возможность присоединиться к Западу, хотя бы внешне. Что более важно, это не должно выглядеть так, будто слабый подкупает сильного. Напротив, как

сделал Рейган с Советским Союзом, Запад должен выступать с позиций абсолютно превосходящей стороны, не допускающей ущемлений своих интересов и карающей за любое нарушение. Идея в том, чтобы осадить мусульман в экономическом и военном отношении и затем показать им выход из осажденной крепости ислама – выход через культурное присоединение к сильной стороне.

Слабая поддержка американских действий в мусульманском мире - не проблема для идеологической войны. Результаты опросов общественного мнения искажены, поскольку респонденты подчеркнуто радикальны, отвечая на вопросы о враге, особенно после таких кризисов, как 11 сентября. Такие предвзятые опросы представляют зависть как враждебность. Жители СССР тоже полуненавидели-полулюбили Америку – любили джаз и кока-колу, но ненавидели империалистических поджигателей войны. Победила кока-кола. В массовых религиях всегда побеждают идола.

Ататюрк за пятнадцать лет преобразовал самую исламистскую страну в мире в относительно светскую и терпимую. Запад должен выявить и поддерживать тех мусульманских лидеров, которые хотели бы открыть мусульманские страны космополитичным идеям. Конечно, часто такие лидеры заменяют религию национализмом, равно не приемлемым для Запада. Культурное преобразование исламского мира нельзя оставить на усмотрение местных.

Запад не может достичь соглашения с мусульманами потому, что они мыслят по-разному. Для мусульман свобода и экономическое благополучие не так важны, как идеология; у европейцев был похожий взгляд еще не так давно. Мусульман нужно вынудить принять западные ценности.

Исламская культура, как любая другая, не является ни полностью рациональной, ни полностью иррациональной – но она и то, и другое вместе. Мусульмане часто облачают обиду в ненависть, демонизируя обидчиков и приписывая им злые намерения. Народные лидеры осознанно эксплуатируют эту ненависть – ставя иррациональные цели, они соглашаются на рациональные; угрожая иррациональной войной, придерживаются рациональной военной тактики. Ты либо рационален и договариваешься со своими врагами, либо тебя уничтожают. Превосходство Запада над исламской цивилизацией – факт реальный и рациональный. Винить за собственные неудачи какой-то сионистский заговор – это иррационально, однако террористы пользуются этим пропагандистским трюком цинично и рационально. Националистическая повестка дня рациональна. Оружие помогает против глупости только одним путем – сокрушая ее. Запад должен при помощи пропаганды поставить перед мусульманами рациональные вопросы, которые можно обсуждать и разрешать, а не драться за них. Если же война неминуема, она не должна носить апокалиптический характер.

Рациональных террористов можно урезонить военными мерами.

Осама – он и не прагматический, и не апокалиптический террорист, но нечто среднее. Цели его прагматичны: выдворить США из мусульманского мира, как его коллеги выдворили СССР из Афганистана. Однако Осаме столкнулся с проблемой, которой не было в случае с Россией – даже если Америка выведет войска, сохранится ее экономическое и культурное влияние. Следовательно, Осаме должен изменить американский образ жизни – а это уже цель с апокалиптическим размахом. Осаме скорее согласился бы на нечто более осязаемое – например, вывод американских войск и прекращение западной поддержки Израиля и большинства авторитарных арабских режимов. То, что он сможет обуздать других фанатиков, маловероятно.

Внятная и агрессивная идеология могущественна, и преодолеть ее можно, только устранив ее последователей либо дискредитировав ее. Для современных обществ, построенных на коммуникации, второй вариант более приемлем.

Исламская общинность, типичная для бедных обществ, подстрекает всех мусульман противостоять Израилю. Израилю будет полезно продвигать среди арабов индивидуалистическую культуру. Образование также поощряет разнообразие. Поддержка исламского протестантизма может уменьшить роль мечети – главного общественного института исламского мира. Группам нужны враги; частные лица их боятся.

Из всех компонентов популярной культуры наиболее действенным для юных мусульман является секс. Они с радостью примут порнографию и культуру секса. Мирские желания отвратят их от ислама и арабского национализма. Израиль должен создать анклав по типу Лас-Вегаса в Ливане и подконтрольных землях Западного берега. Посетившие такие анклав мусульмане будут рассказывать о них восхитительные истории своим собратям. Если Израиль передаст территории палестинцам, нужно создать на границе израильской территории зону проституции, азартных игр и спиртных напитков. Это может быть единственная точка въезда из Палестины в Израиль, безвизовая как для арабов, так и для проституток, свободная от налогов и ограничений на продажу спиртного. В Талмуде сказано: «Перед всяким желающим осквернить себя грехом будут открыты все двери, и всякий желающий достичь высшей степени святости получит поддержку всех добрых сил». Израиль должен открыть для мусульман двери греха, по крайней мере, так же широко, как на Западе.

Более половины населения мусульманских стран моложе двадцати лет. Они представляют собой прекрасную мишень для пропаганды западной культуры через Интернет. Блокирование сайтов мусульманскими властями можно обойти, предоставляя прокси-доступ на сайтах западных правительственных учреждений и СМИ, которые мусульмане не станут блокировать. Более чувствительные тюнеры и компактные спутниковые

тарелки помогут преодолеть ограничения на просмотр спутниковых передач в исламском мире.

Израиль может попросить Америку финансировать культурный экспансионизм Запада, субсидируя такие идеологически заряженные предметы, как DVD, билеты на голливудские фильмы, поддержку арабских диссидентов и публикацию их книг, бесплатное распространение западных журналов – словом, все то, что применялось в Холодной войне. Поскольку это будут военные расходы, то и выделяться они должны с военным размахом, вплоть до девяти нулей. Расходование средств подобным образом гораздо скорее умиротворит исламский мир, чем закупки нового вооружения западными армиями.

Западные пропагандисты должны научиться обращаться к мусульманам на их языке. Западные ценности, такие как свобода и демократия, должны быть облечены в термины ислама. Важна даже форма подачи: лаконичный западный стиль оскорбляет мусульман, привыкших к красноречию.

Израиль должен контролировать образование палестинцев. Вместо того чтобы терпеть антисемитские материалы и призывы к насилию, Израиль должен отслеживать палестинские образовательные программы, нанимать и увольнять учителей, а то и полностью внедрить собственные программы. Западным державам не помешало бы следить за

распространением исламистской ненависти под маской религиозной свободы в их собственных странах. Свобода вероисповедания не означает призывы к убийству людей, не разделяющих чьи-либо убеждения. Нужно привлекать к ответственности исламские школы за клевету и подстрекательства, чтобы остановить пропаганду радикального исламизма. Израиль должен не просто цензурировать и запрещать палестинскую прессу, а взрывать офисы враждебных СМИ.

Ислам – всего лишь тонкий налет на арабском обществе. Мусульмане чрезмерно зарегулированы неестественными запретами. Будучи за границей, арабы пьют спиртное, играют в азартные игры и смотрят порнографию. Они восстановили ростовщичество при помощи юридических уловок. Клин вестернизации в 1920-х годах разрушил исламскую Оттоманскую империю, которая просуществовала почти шесть веков; несколько десятилетий спустя он низложил светский коммунизм, и сегодня он может сломать запреты, удерживающие арабов от принятия западной культуры.

Мухаммед поощрял торговлю, и Запад может раскручивать на этом высказывании идеологическое наступление. Самое меньше, что может сделать Запад, это установить комплексные экономические контакты с рядовыми мусульманскими бизнесменами, обойдя нынешние монопольные ограничения, пронизывающие деловую жизнь

исламских стран. Запад должен сломать экономическую систему, при которой очень немногие исламские бизнесмены имеют прямой доступ к западным поставщикам. Западные правительства должны побуждать и даже субсидировать западные фирмы, чтобы сотрудничать со множеством мелких фирм в исламских странах. Китай поставляет мусульманам больше потребительских товаров, чем Запад. Поскольку рентабельность оптовых продаж низкотехнологичных товаров минимальна, небольшие субсидии могут заставить мусульман закупать не напрямую в Китае, а у американских агентов. Цель должна состоять в том, чтобы вовлечь в экономическое сотрудничество с Западом как можно больше бизнесов из исламских стран.

Атеизм, поданный как либеральная интерпретация ислама, может помешать правым экстремистским группировкам прийти к власти, что нередко случается в условиях идеологического вакуума. Другой способ продвигать атеизм – осмеяние ислама и необразованных мулл. Можно публиковать собрания исламских мнений, противоречащих мусульманским ученым по ключевым вопросам, чтобы вызывать сомнения в среде мусульманской интеллигенции.

Атеизм устранил потусторонние мотивы для самоубийственного терроризма, хотя он и не полностью зависит от веры в загробную жизнь. Во Вторую мировую войну советские солдаты шли на смерть вне зависимости от религиозных

убеждений Для камикадзе достаточно веры в высокие идеалы, за которые не жаль умереть – не обязательно религиозные идеалы. Для палестинцев этот идеал лежит в политической плоскости. Израиль должен либо сокрушить своих врагов, либо дискредитировать политические идеи, на которые они опираются – в частности, путем дискредитации лидеров джихада.

Солдаты идут на войну потому, что для людей привычно повиноваться правительству. Следовательно, нужно делегитимизировать арабских правителей. Опубликуйте факты о незаконности выборов и коррумпированности недружественных арабских лидеров, деталях их частной жизни, об их отступлении от исламских ценностей, нарушении *шариата* – пункт за пунктом, с обилием примеров⁷⁷. Арабские лидеры не только нарушают *шариат*, но и не имеют авторитета халифов. Это, а также их антиисламское поведение, может вбить клин между ними и преданными мусульманами. Можно апеллировать к старому исламскому взгляду, согласно которому неприлично работать на правительство – это тоже подрывает авторитет лидеров. Ведь исламистские радикалы критикуют свои правительства. Если Запад сам начнет критиковать арабские правительства и наводит критикой СМИ, радикалы окажутся

⁷⁷ Бин-Ладен, чью простую жизнь восхваляет исламская пропаганда, владел настолько дорогой виллой в Хартуме, что ее смог купить только владелец уничтоженного США «фармацевтического» завода, выпускавшего химическое оружие.

подражателями, вторящими популярным идеям.

Разоблачение коррупции сделает арабские правительства более ответственными, что приведет к более равномерному распределению богатств, улучшит жизнь простых граждан и отобьет у них желание воевать. Доходы правящих семей будут меньше зависеть от сравнительно честных правительств и больше – от коммерции, в результате чего эти семьи начнут поддерживать рыночные принципы, а со временем и демократизацию, что уменьшит мощь и воинственность арабских государств.

Палестина не жизнеспособна, зависит от других стран, и потому открыта. Заигрывая с мусульманскими правителями, Запад должен использовать любую возможность, любую уступку, чтобы расширять свое культурное влияние в исламском мире.

Арабы – экстраверты. Их религиозное самосознание делает акцент на общинности, уделяя минимальное внимание личному благочестию. Они любят похвалу и награды. Арабский бойкот египтянина Нагуиба Махфуза за его жесты в сторону Израиля превратился в волну приветствий и славы после того, как он получил в 1988 году Нобелевскую премию по литературе. Арабы завидуют Западу и думают, что их презирают. Ненависть – это своего рода психологическое сведение счетов. Но что, если Запад начнет уважать арабов и мусульман в целом? Что если их мулл будут приглашать на богословские конференции с

христианами, евреями, буддистами, индуистами и другими, их ученых – работать за границу, военных – на международные маневры; миролюбивые статьи их журналистов станут публиковать «Нью-Йорк таймс», а политиков массово допустят на приемы в смокингах? Арабы будут благодарны Западу за уважение, которое они бы не получили в ином случае. Если пролить на мусульман дождь международного признания, это будет для них лучшим поводом для гордости, чем *джихад*. Надо развратить тех, кто формирует в арабском мире общественное мнение. Пригласите их в мировые столицы, пусть они встретятся с высокопоставленными чиновниками, обратите на них внимание прессы – особенно это касается молодых палестинских активистов и интеллигенции, которым можно предложить хорошую работу в израильских и иностранных компаниях. Все это сработало с американскими хиппи и должно сработать на арабских националистах. Они продадут свои страны за привилегии.

Такой же подход должен применяться и против террористических организаций. Раз Израиль не может ни выкорчевать их с корнем, ни заставить сделать это приемников Арафата, следующим логичным шагом будет их легитимизация. Заставьте палестинцев и прочих арабов пустить радикальные группы в парламенты, где они неизбежно пойдут по пути бюрократизации, коррупции и дискредитации. Эта игра опасна: если Запад перестанет оказывать им уважение, они обратятся за

уважением к своим согражданам и к демонстрации силы. Нацисты захватили парламентскую власть потому, что другие страны превратили Германию в политический инкубатор, ни за что не поощряя и не наказывая.

Радикалы часто теряют рвение, придя к власти; страстные революционеры превращаются в беспомощных функционеров. «Хамас» и ему подобные состоят в основном из деревенщины, которых красные дорожки, фуршеты и фотографии со знаменитостями попросту развратят. Шаг за шагом они прекратят насилие, попросту не модное в их новом окружении, и сменят традиционное платье на костюм от Версаче. Не общайтесь с ними как с воинственными командирами – превратите их в неэффективных политиканов.

Израиль должен разделять и развращать арабов, осыпая их почестями, видимым образом не связанными с политикой. Раздавайте стипендии и гранты на учебу за рубежом, публикуйте их научные работы за счет израильских организаций, поддерживайте их благотворительные фонды. Награды должны быть произвольными, чтобы все стремились их получить, а проигравшие подозревали награжденных в коллаборационизме.

Фундаментализм – это отчаянная попытка добиться уважения в обществе, лишенном других достижений – вызывает лишь насмешки. Будучи не в состоянии добиться уважения с помощью собственной культуры, мусульмане увлекутся

западной или азиатской цивилизацией. Выказав им уважение, Америка сможет вовлечь мусульман в свою орбиту.

Когда СССР уничтожал на религию, он предложил взамен коммунистическую идеологию. Израиль должен предложить арабам западную культуру: музыку и фильмы, эмансипацию и сексуальную революцию. Нужно тайно распространять DVD и журналы для взрослых. Откройте филиалы западных школ для женщин. Якобы благотворительные организации в традиционно дружественных арабам странах, таких как Франция, могут продвигать западные ценности посредством образования и различных культурных программ. Саудовская Аравия сеет ваххабизм при помощи бесплатного образования. Этому можно противостоять при помощи альтернативного образования и давления на другие правительства с целью закрыть спонсируемые саудовцами фундаменталистские школы. Запад может финансировать школы для мусульманских детей из бедных семей, с бесплатным обучением и даже небольшой стипендией. Возможно, лучшим вариантом было бы техническое образование, тогда как в палестинских университетах и колледжах, процветающих под израильским игом, преподают большей частью либеральные науки, удобряя почву для радикализма. *Джихад* возглавляют люди с техническим образованием, не нашедшие хорошей работы, поэтому нужно обучать специалистов не больше, чем может вместить экономика. Образование – это не цель, а средство внушения

молодым мусульманам западных ценностей.

Другой вид идеологической войны – дезинформация. Вебсайты, рассылки по электронной почте и чаты в Интернете позволяют террористам доносить свои идеи до общественности. Израиль мог бы делать то же самое. Вариантов много: создание фальшивых сайтов террористов, распространение ложных новостей, незаметная клевета на террористических лидеров (саудовское правительство так предоставляет телеэфир друзьям Осамы, которые рассказывают о нем как о мягком, невоинственном человеке). Заодно можно собирать адреса посетителей сайтов террористов и фундаменталистов и жертвователей поддельным исламским благотворительным фондам.

Необразованные мусульмане доверяют своим политикам и главарям повстанцев. Воспользуйтесь их доверчивостью: скажем, Америка хочет оказать помощь, но ей препятствуют коррумпированные местные режимы, чтобы продолжить свое авторитарное правление. Американские пропагандистские ролики «Общие ценности» апеллировали к разуму и не привели к улучшению отношений с мусульманами. Обрушивайте на мусульман различные заверения, не важно, истинные или нет – если ложь постоянна, ей верят. Массивная реклама продает гораздо более подпорченные товары, чем добрая воля Запада по отношению к мусульманам.

Нужно систематически уничтожать лидеров террористов, чтобы уменьшить число желающих занять их место. В древности было немного христианских мучеников, да и современные люди не горят желанием пострадать. Если уничтожить тех или иных лидеров невозможно или непозволительно дорого, объявите им прощение и охотьтесь на рядовых сторонников, возмущенных иммунитетом своих боссов.

То, что атаки 11 сентября были приписаны «Аль-Каиде», чрезвычайно подняло престиж этой группы. Осама узнал об операции за несколько дней до ее начала. Даже если бы он на самом деле спланировал эту атаку, было бы правильно лишить его этой чести, приписав операцию воображаемой группе⁷⁸.

⁷⁸ Ответственность «Аль-Каиды» за теракты 11 сентября не очевидна. Для террористов характерно брать на себя ответственность за теракты. «Аль-Каида» очень хвалилась после бомбежки эсминца «Коул», но ответственность за события 11 сентября так никто и не взял. Осама не побоялся бы объявить о том, что это он организовал теракты; подобная операция – венец карьеры любого террориста, за который не жалко отдать жизнь. Однако тот теракт качественно отличался от примитивных взрывов, которые «Аль-Каида» устраивала как до, так и после 11 сентября. Известный видеоролик, в котором Бин-Ладен признает себя ответственным за атаку, вызывает сомнения, поскольку он использует такие выражения, как «западная цивилизация во главе с Америкой» и «потрясающие символические небоскребы, которые говорят о свободе, правах человека и гуманизме».

Взрыв в Рияде в 2003 году первоначально приписывали Осаме. Однако он мирится с режимом у себя на родине, который, в свою очередь, терпит его спонсоров. В заявлении, опубликованном в феврале 1998 года, Осама освободил саудовскую королевскую семью от ответственности за антиисламскую политику ввиду того что их поработила Америка. Затем в качестве обвиняемого был выбран Иран, хотя тогдашнее иранское правительство взяло курс на сближение с Америкой. Согласно новой версии,

Арабская и исламская цивилизации должны предстать перед судом мирового общественного мнения. Многие ошибочно полагают, что пирамиды построили арабы, что ислам покровительствовал науке, а мусульманские империи были мирными и толерантными. В действительности они обычно были

взрыв организовали иранские фундаменталисты, чтобы подставить иранское правительство. Однако они должны были оставить явные следы, указывающие на иранское правительство; какой смысл подставлять кого-то, не оставляя против него улики? Взрыв в Рияде могли организовать иные силы с целью показать саудовцам, что они должны присоединиться к американцам в войне с терроризмом.

История с ботиночным террористом также отдает спектаклем: явно душевнобольной человек с достаточным количеством взрывчатки, чтобы попасть на первые полосы, но не достаточным, чтобы повредить самолет – поджигает собственную обувь в салоне самолета. Общественность получила, что требовалось – очередной раскрытый план теракта.

Западные правительства раскрывают подозрительно много планируемых терактов, при этом подозрительно мало терактов реализуются. Процент успехов не может быть настолько велик. Теракты удивительно единичны – после того как простая бомбежка поездов в Испании привела к выводу испанских войск из Ирака, почему же террористы не продолжили в том же духе и в Испании, и повсюду?

Взрывы, приписанные чеченцам, организовало российское правительство, чтобы усилить общественную поддержку войны. Вряд ли американская администрация менее цинична.

В ходе первой американо-иракской войны, после того как стало ясно, что американское наращивание военного присутствия – больше, чем простая демонстрация сил, – почему тогда Саддам держал свою армию в Кувейте, вместо того чтобы с достоинством отступить перед многократно превосходящими силами противника? Саддам должен был предполагать, что войска коалиции войдут в Багдад и свергнут его; было бы абсолютно правильно отступить без боя. Саддам, конечно, не пренебрегал мнением

жестокими, религиозно нетерпимыми, ксенофобными, бессодержательными культурно и несущественными экономически. Протестуйте против того, как Египет обращается с археологическими находками, принадлежащими всему человечеству – бурит тоннели в пирамидах, затапливает реликвии Асуана, повреждает археологические находки. Евреи могут пересмотреть свое отрицание связи иудаизма с Ахенатоном и наследием Гелиополя.

американцев. Так, он просил посла США согласиться на вторжение в Кувейт; и посол согласился, хотя постфактум американское правительство высказалось против вторжения. Протесты Саддама против инспекции оружия выглядят странно, потому что у Ирака не было никакого оружия. Захватив Саддама, американцы сразу же отдали его под инсценированный суд. Сотрудничество американцев с Саддамом, продолжавшееся не один год, могло продолжаться и после 1991 года, с целью запугать Саудовскую Аравию и сделать ее американским протекторатом.

Борьба с партизанской войной

Терроризм – такая же война, как любая другая

Терроризм – это вид войны. Неправильно считать его бунтом и вести речь только о полицейских операциях. Эффективные военные действия не могут быть ни ограниченными (в части масштаба, применяемого оружия и целей), ни гуманными. Между неравными противниками недопустимо перемирие, так как оно на руку более слабой стороне. Враг должен быть либо уничтожен, либо должно быть сломлено его желание воевать; кроме этого, должна быть уничтожена его поддержка – общественная, промышленная и финансовая.

Террористы имеют право атаковать гражданское население

А также терроризм не является чем-то особо аморальным. Потери гражданского населения имеют место в любой войне. Атаки тыла и арьергарда – важные тактики, призванные не только уничтожить обеспечение и коммуникации, но и подавить общественную поддержку войны. Бесплезные попытки уменьшить потери гражданского населения предпринимались только в последние века, когда пытались концентрировать огонь на военных единицах. Однако

терроризм является лучшей стратегией против противника, существенно превосходящего в силе – вот почему те страны, которые тратят огромные бюджеты на содержание традиционных армий, не эффективных против асимметричной угрозы, протестуют против нее. Асимметричные военные действия – это не отклонение, а историческая норма; древние китайцы называли ее «неортодоксальной стратегией». Военные историки различают низкоинтенсивные партизанские действия, такие как франко-русская война 1812 года и американо-вьетнамская война, когда население организует против сил агрессора полувоенные единицы, и терроризм, нацеленный в основном на гражданское население. Это искусственное разделение. Население Израиля записано в военный резерв. Оно поддерживает войну политически через голосование, экономически через налоги и работу на военных заводах, а также демографически и морально, поощряя детей следовать их примеру. Мирная жизнь в Израиле не сильно отличается от жизни армии; жертвы из числа пропалестинского населения являются сопутствующими военными потерями⁷⁹. Мирное население не беззащитно – оно финансирует своими налогами

⁷⁹ Конечно, некоторые террористы могут убивать ради самого убийства, хотя даже «Аум Синрике» преследовала политические цели. Терроризм не подходит для массовых убийств, но предназначен для устрашения жертв (населения, правительства, корпораций) путем ярких и хорошо освещаемых в прессе ударов, чтобы вынудить их выполнить определенные требования. Это военная тактика, а не преступление.

многочисленную армию и полицию. Кроме того, израильтяне могут голосовать за антивоенное правительство, которое выполнит требования террористов.

Терроризм – менее кровопролитный способ достижения политических целей, чем обычная война. В течение четырех лет второй *интифады* погибло около тысячи израильтян. Если бы арабы преследовали те же цели путем обычной войны, потери были бы больше. В отличие от традиционной войны, где опасно находиться только на линии огня, терроризм ставит под удар всех подряд. Если говорить о количестве жизней, терроризм – это чрезвычайно экономный способ достижения главной цели войны – сломить волю противника.

Когда палестинцы атакуют еврейское население, чтобы вынудить его прекратить войну, это нельзя сравнивать с тем, когда нацисты убивали евреев ради самого убийства. В первом случае убийство – это средство, а не цель. Хотя другим евреям пострадавшие израильтяне кажутся невинными жертвами, арабы рассматривают их как часть вражеского истеблишмента. Поскольку народное голосование легитимизирует израильское правительство, каждый гражданин с точки зрения как закона, так и морали отвечает за действия государства, а сторонников безоговорочного мира относительно немного. Некоторые немцы боролись с нацистами, но ни один израильтянин не воюет на стороне палестинцев. Палестинцы то и дело убивают детей и взрослых без всякой связи с конфликтом, однако полностью

справедливой войны не бывает. Солженицын писал, что советский режим не смог бы совершить столько зверств, если бы граждане встречали полицию с топорами. Последователей Ганди было немного, но они были достаточно решительными, чтобы свергнуть правительство. Число белых расистов превосходило число активных последователей Мартина Лютера Кинга, но при этом ему удалось изменить политику. Демократия – правление не большинства, а самой крупной из сплоченных и решительных групп. Те немецкие граждане, которые молчаливо поддерживали нацистов и не сопротивлялись им, признаются виновными. Палестинцы, предполагая вину израильтян, имеют право нападать на еврейское гражданское население. Израильтяне должны меньше времени тратить на нравоучения и больше – на подготовку к войне.

Терроризм – явление обычное и нормальное с исторической точки зрения. Во время Войны за независимость американцы атаковали британских невооруженных лиц, чьи потомки спустя два века в период Мандата стали целями уже еврейского терроризма. В 1937–39 годах евреи неоднократно бомбили арабские рынки. Гражданское население страдало почти во всех войнах.

Не арабы придумали похищения людей. Задолго до того как молодой Ариэль Шарон начал эпидемию похищений заложников, выкраив иорданских офицеров для обмена на израильских военнопленных, еврейские ополченцы выкрали в

Тель-Авиве британского судью Виндхэма для обмена на еврейских заключенных в британской тюрьме. В 1947 году они убили двух британских пленников после того, как британцы не выполнили их требования отменить смертные приговоры двоим евреям, осужденным за партизанскую деятельность в Акко⁸⁰. В 1954 году израильтяне выпустили джинна, изобретя угон самолетов: они захватили сирийский гражданский самолет, пассажиров которого взяли в заложники, чтобы обменять их на пленных израильских солдат. Трудно увидеть разницу между всем этим и террористами, которые берут заложников, чтобы освободить из израильских тюрем своих товарищей.

Утверждение о том, что гнусность средств террористов предопределяет гнусность их целей, неверно. Американские поселенцы убивали мирных индейцев, однако именно американцы, ничуть не раскаявшись в содеянном, создали самое либеральное крупное общество на планете. Израиль извлек практическую пользу из убийств группой ЛЕХИ арабов, выдворив их из Израиля, между тем как Израиль – самая демократическая страна на Ближнем Востоке.

Евреи исторически занимались терроризмом

Первым террористом был Моисей. Он вынудил египетское правительство пойти на уступки, атаковав мирное

⁸⁰ Евреи не выучили этот урок; они не только сажают террористов в тюрьму, вместо того чтобы казнить их, но и постоянно обменивают заключенных.

население «казнями» – биологическим оружием – и убив первенцев мирных граждан. Вне зависимости от точности деталей этой истории большинство евреев и многие христиане восхищаются этим событием.

Современный арабский терроризм несколько схож с терроризмом еврейских организаций в Палестине, таких как «Иргун»; впрочем, «Иргун» использовал подход эпохи Просвещения, атакуя военные и полувоенные цели. Но британских гражданских чиновников и арабские деревни атаковали не только радикальная «Иргун» и ЛЕХИ, но и полуофициальный ПАЛМАХ. Эскалация насилия размыла разницу между нападением и возмездием, и то, что еврейские ополченцы называют мстью, арабские историки зовут агрессией. Столкнувшись с превосходящими силами противника, арабы не могли позволить себе такую роскошь, как моральные ограничения, и атаковали гражданское население. Евреям эта тактика известна, вспомним хоть *сикариев* (люди с кинжалами) перед войной 66 года нашей эры. Арабы действовали подобно им, прибегнув к низкоинтенсивным атакам с целью запугать еврейское население и подавить народную поддержку военных мер. Как и евреи, палестинцы преследуют конечную цель – создание палестинского государства. Можно спорить, обоснован ли такой подход или переговоры быстрее привели бы к цели. Важно то, что евреи не вели переговоры ни с арабами перед созданием Израиля, ни с палестинцами перед *интифадой*.

Не являются чем-то новым и смертники-бомбисты. Борьба без шанса на выживание существует столько же, сколько существуют войны. Сунь-цзы пишет об одноразовых разведчиках, миссия которых предусматривала обнаружение и смерть. Греки, по некоторым данным, убивали послов, приносивших плохие вести – но такие послы всегда находились. Считается благородным погибнуть, убив жестокого правителя. Современной войне известны эффективные пилоты-камикадзе, а советские солдаты выполняли самоубийственные задания против превосходящих сил нацистов. Согласно утверждениям арабской прессы, *шахиды* (мученики *джихада*) убеждены в том, что их ожидает рай, полный девственниц – но это лишь чем миф. Среди арабских мучеников много женщин, чья посмертная судьба едва ли обсуждается в Коране, а точка зрения о том, что женщин тоже ждут *гурии*, противоречит традиции. Женщины в исламском мире находятся на вторых ролях. В большинстве своем смертники-бомбисты слишком молоды для религиозных убеждений, ими движет националистическая идеология. Поскольку бедные арабы могут позволить себе смерть на войне, а традиционное еврейское осознание собственной ценности им чуждо, национализм рождает смертников. Палестинские родители часто испытывают гордость и чувство выполненного долга, потеряв детей в самоубийственном теракте. Но и в книге Маккавеев мать убеждает семерых детей погибнуть вместо того, чтобы нарушить еврейский закон; еврейские солдаты-подростки

отказывались просить британцев о помиловании. Многие с готовностью принимают смерть за высокие идеалы.

Террористов следует уважать, как солдат

Представление арабских бойцов в качестве террористов ошибочно представляет ситуацию в терминах морали⁸¹, в то время как это исключительно вопрос военных действий, в котором не существует морального измерения. Чтобы быть смертником-бомбистом, нужно иметь храбрость и веру, будь-то религиозная или идеологическая; их можно сожалеть за их нравственное состояние, но нельзя презирать. Хотя евреи считают израильских граждан невинными жертвами, арабы рассматривают их как врагов. Израиль был создан и существует благодаря избирательной системе, поэтому каждый гражданин с точки зрения как закона, так и морали несет ответственность за действия государства. Гражданское население часто является мишенью во время войн. Палестинцы рассматривают

⁸¹ Когда на противников евреев навешивают ярлыки с целью обратить против них общественное мнение, евреям не стоит верить таким ярлыкам. Многие считают, что атака египтян в Судный День была предательской, хотя египтяне никого не предавали, да израильтяне и сами были готовы нанести упреждающий удар в нарушение перемирия. Кроме того, атака в священный день не является беспрецедентной – евреи также не обращают внимания на время молитвы и другие религиозные потребности арабов. Одним из уроков войны Судного Дня должна стать необходимость ударить по арабам в последние дни Рамадана, когда они истощены длительным постом.

израильских граждан именно так и имеют все основания атаковать их.

Преступники нападают на тех, кто не причинял им вреда; террористы нападают на население, которое, как они считают, причиняет арабам зло. Тезис об исправлении зла превратил Робина Гуда из преступника в популярного воина. В этике мусульманских партизан, в отличие от преступников, много общего с этикой евреев; разница лишь в аксиомах – каждая сторона предпочитает собственные национальные идеалы идеалам своих врагов.

Террористы – не трусы⁸²; все дело в том, что терроризм является единственно возможной формой ведения войны против значительно превосходящего по силе противника. Если называть террористов солдатами, то нужно и уважать их как солдат, а значит и относиться соответственно – военными мерами, а не нравоучениями, переговорами и полицейскими операциями.

Этот же подход нужно применять и по отношению к арабскому гражданскому населению: евреи поддерживают свое правительство, арабы поддерживают боевиков и, будучи тылом противника, несут ответственность за свои действия, так что не должны удивляться, что подвергаются атаке.

⁸² Я своими глазами видел публикацию, в которой палестинский партизан, пересекший границу ночью на планере и застреливший шестерых израильских солдат, был назван трусом.

Нападения на базы террористов

Вода может залить лишь небольшой огонь. Большой огонь прекращается огнем. В средневековых городах применяли рвы и встречный огонь, так же поступали пионеры прерий. Израиль должен бороться с огнем при помощи огня.

Нацисты быстро повязали и убили членов немецкой коммунистической партии без надлежащего судебного рассмотрения⁸³. По сообщениям, число ложных обвинений в ходе суда было небольшим. У нацистов были информаторы из числа коммунистов, которых стало еще больше, когда коммунисты поняли, что доноительство - единственный способ выжить. Их массовое обращение в нацизм произошло позже, когда нацисты уже были достаточно сильны, чтобы принять бывших коммунистов в свои ряды и не опасаться свержения. Поскольку террористы насмехаются над относительно комфортабельными израильскими тюрьмами, нужно убивать их во время ареста. Более мягкая политика только провоцирует оппозицию и способствует пополнению рядов террористов. Израиль должен уничтожать террористов «Хамаса», «Палестинского исламского джихада», «Хезболлы» и других организаций, чтобы сеять панику.

Классическая военная теория учит, что пассивная защита

⁸³ Надлежащий судебный процесс для коммунистов и террористов – это оксюморон. Не должно быть никакого судебного процесса в отношении тех, кто отказывает в нем своим врагам.

бесполезна против решительного и обладающими большими ресурсами противника – а арабские партизаны действуют именно в таких идеальных условиях. У них прочные идеологические и религиозные убеждения, они пользуются поддержкой дружественного населения, обладают обилием ресурсом, превосходной логистикой, обеспеченной арабскими государствами прямо до границы с Израилем, при поимке с ними обращаются мягко, а после смерти их ожидает слава. В таких условиях даже крупная война может продолжаться годами, как в древней Греции или феодальной Германии. Низкопрофильный конфликт может длиться вечно. Тактика истощения эффективна только против Израиля – у палестинцев нет экономики.

Пассивная безопасность, будь-то заборы или мины, не решит проблему. Террористам нужно отвечать нападением. Они не просто враждебные элементы, они – воюющий противник. Их базы – эквивалент аэродромов, куда после каждого задания приземляются вражеские самолеты, чтобы пройти техобслуживание. Однако Израиль мирится даже с тренировочными лагерями в ливанской долине Бекаа, которые давно следовало выжечь напалмом и вакуумными бомбами. В Средние века правительственные войска боролись с террористами-хашашинами, систематически уничтожая их поселения в горах. Даже если не удастся уничтожить все лагеря, по крайней мере, налеты остановят поток добровольцев.

Террористы не перестают быть террористами, когда собираются в Иране, Сирии, Саудовской Аравии или Бельгии, чтобы замышлять козни против Израиля в безопасных условиях суверенного государства. Бельгия, Франция, Швеция и некоторые другие страны предоставляют лидерам террористов надежное укрытие, равносильное тому, как если бы швейцарцы в 1945 году позволили нацистским войскам перегруппироваться на своей территории. Израиль не должен ограничиваться тем, чтобы убивать террористов только на своей территории и в Палестине. Они остаются врагами где бы они ни были, так что Израиль должен дать понять другим государствам, укрывающим террористов, что Израиль будет атаковать их везде, где найдет. Это вовсе не жестоко. Что было бы, если бы Израиль укрывал немецких террористов, которые взорвали французские соборы и потребовали возвращения Германии Эльзаса и Лотарингии? Представили? Точно так же должен действовать и Израиль.

Нападение на правительства и граждан, поддерживающих террористов

Террористов немного, но они зависят от многих. С американской и арабской поддержкой афганские моджахеды победили СССР. Не имея такой поддержки, афганский «Талибан» потерпел поражение, пусть даже и временное, за какие-то три недели. «Хезболла», «Хамас» и «Исламский джихад» — относительно недорогие предприятия, хотя их бюджеты

исчисляются десятками миллионов ежегодно. Не только бóльшая часть их доходов, но также и некоторые из расходов легко вычисляемы – например, компенсации, выплаченные семьям смертников-бомбистов. Террористам требуется обширный фонд сторонников, чтобы обеспечивать поддержку смертников, укрытия, финансирование. Эти сторонники не являются невинными гражданами, они – тыл террористов. Газеты, подстрекающие к убийству евреев, антиизраильские демонстрации, американские и европейские благотворительные организации, собирающие средства для мусульманских боевиков, призывающие к насилию мусульманские политики – все это нельзя допускать. Свободе слова нет места, если она стоит человеческих жизней. Тех, кто поддерживает терроризм, нужно взрывать прямо в их квартирах и офисах. Когда возможно, Израиль должен искать поддержки правительств, дружественных или враждебных, путем уговоров, помощи, угроз или шантажа. Если это не получается, не надо бояться конфронтации. Западные правительства редко возражают, когда кто-то делает за них грязную работу. Можно предложить вознаграждения, чтобы привлечь к сотрудничеству преступников. Бесполезно делать это от лица Израиля – необходимость предать любимых лидеров уменьшит число добровольцев. Предложение нужно делать от лица организаций, якобы связанных с египетским или саудовским правительствами; шииты вполне могут захотеть уничтожить Бин-Ладена. Такая

маскировка призвана не столько обмануть коллаборационистов, сколько дать им формальное оправдания для измены. Верность мусульман своим лидерам имеет цену – вознаграждение в два миллиона долларов за Абдула Базита (Рамзи Юсуфа), организатора взрыва в Международном торговом центре в 1993 году, вызвало массу желающих. Награда должна быть реалистичной – десятки миллионов долларов за членов руководства «Аль-Каиды» вызывают подсознательное недоверие. Сотня тысяч привлечет бедного араба или их банду столь же быстро, как двадцать пять миллионов. За некритичную информацию можно выплачивать меньшие суммы. Люди быстрее готовы предавать террористов внешне незначительными способами, такими как, скажем, информацией о прошедших событиях или предыдущем месте пребывания Бин-Ладена. Со временем коллаборационисты согласятся предоставить критическую информацию, чтобы сорвать джекпот.

Израиль должен выслать всех израильских арабов, поддерживающих противника. Мусульман, принимающих участие в пропалестинских демонстрациях, нужно погрузить в автобусы и отправить прямиком в Иорданию. Жертвователей исламским организациям нужно установить и по возможности выслать, заключить под стражу или демонстративно уничтожить в назидание другим сочувствующим исламистам. Большинство так называемых благотворительных организаций исламского толка связаны с террористами.

Мусульмане, поддерживающие террористов издалека, представляют бóльшую угрозу, чем изможденные палестинцы. Немногие из них вступают в *джихад*, но многие поддерживают и финансируют его. Эта раздраженная толпа зрителей – плодородная почва для терроризма. Акты возмездия напугают большинство из них, прежде чем они примкнут к террористам. Кто-то вступит ради мести, но цель не в том, чтобы предотвратить пополнение рядов террористов, а в том, чтобы разрушить их базу поддержки.

Древние хашашины, одни из первых террористов, веками держались в горных районах – борьба с террористами на их собственном поле бесполезна. Военные действия в городских условиях еще сложнее, чем в горах. Это же касается и сикариев. Существует не так-то много способов изолировать террористов, которые укрываются среди населения. Кого-то остановят заборы и мины. Кого-то выдадут перебежчики. Большинство сгинет в рейдах возмездия вместе с мирными жителями, которым не повезло жить поблизости. Некоторые невезучие евреи тоже сели на автобусы, которые потом взорвались.

Атаки на базы террористов, их спонсоров и случайных прохожих среди арабского населения могут усилить поддержку и деятельность террористов, если только Израиль не покажет намерение выкорчевать их всех с корнем⁸⁴. Люди мирятся с

⁸⁴ Советское население на оккупированных территориях проявляло послушание потому, что нацисты практиковали быстрые казни. Мирные

потерями в военное время до тех пор, пока они верят в возможность победы, но теряют решимость, если эти потери не приводят к результату. Воля к борьбе со временем уменьшается, поэтому конфликт необходимо обострить и разрешить. Выигрывает та сторона, которая проявила наибольшую решимость.

Когда войну называют конфликтом или любым другим эвфемизмом, это ослабляет решимость израильтян. Война там, где воля к сражению. Преимущества в вооружении, населении и стратегической мысли подавляют волю противника к сражению. Но даже при этом у Израиля нет ничего из перечисленного. Арабы более многочисленны, идеологически накачаны и с большей готовностью идут на смерть, чем евреи. У арабов больше оружия, и они могут в любой момент получить новое из России и Китая. Израилю обязательно необходимо превосходство в воле к сражению. Сейчас же израильтяне скорее готовы согласиться с разделением Иерусалима и возвращением арабов. Слабая экономика и политический хаос еще больше притупляют решимость. Если Израиль надеется достичь продолжительного мира, он должен препоясаться для войны.

Египет и Сирия, которые борются с террористами с

жители часто сдавали партизан. Слишком мягкая политика поощряет бунтовщиков; слишком жесткая вызывает храбрость отчаяния. Люди должны понимать, что враг не склонен истреблять их, но при этом жестоко наказывает за запрещенное поведение.

помощью пыток и казней, смеются над беспомощностью Израиля. Лишь один примечательный пример: Египет однажды искоренил радикалов, проведя зачистку местности тысячами солдат, которые обыскали каждый дом в поисках людей, литературы и оружия, арестовывая и допрашивая множество людей. После атаки 11 сентября некоторые арабские правительства поступали жестко с местными террористами, без лишнего шума уничтожали террористическую инфраструктуру и экстрадировали немало людей в США.

Израильским централизованным службам безопасности трудно обнаруживать крошечные группы террористов. Лучшим вариантом было бы создание вертикальной организации наподобие ФБР с сотрудниками в центральном аппарате полиции, местных департаментах и на каждом подведомственном участке. Для этого Израиль должен наладить взаимодействие с другими государствами, чтобы искать террористов на их территориях. Местные жители будут более склонны предавать террористов в руки собственной полиции, чем израильским агентам.

Американская защита не помешала Саудовской Аравии поощрять антиамериканские группы, пока они не стали угрожать самому саудовскому истеблишменту. Санкции не помешали Ирану поддерживать террористов. Соблазн государственности не заставил Арафата предать «Хамас» и «Исламский джихад». Когда бюрократы берут взятки, они не считают нужным

выполнять их условия, но для сохранения самоуважения поворачивают дело так, что это они делают одолжение взяточдателю, принимая у него взятку, а сами при этом не чувствуют ни благодарности, ни расположения. Если только Америка не собирается вечно платить арабам за каждое телодвижение против террористов и ожидая, что сотрудничество прекратится при уменьшении взяток, лишь сила заставит арабов пойти на сотрудничество. Люди могут отказаться от возможных прибылей от сотрудничества, но не согласятся потерять имущество при акте возмездия.

Нападение на арабские страны в ответ на теракты

В 1948 году арабы поняли, что они не могут победить Израиль в войне, и обратились к тактике изнурения через обстрел границ, перестрелки и партизанские рейды. Поддержка террористов – это продолжение тактики изнурения.

Хотя аннексия бесполезна, если население не выслано или ассимилировано, карательные экспедиции, направленные на подавление поддержки террористов, могут быть действенными. Нужно остановить поддержку партизан – а она не так уж существенна для мусульман - а не пытаться сменить режим или реализовать иной проблематичный сценарий. Как показал коммодор Перри на примере Японии, при помощи угроз от страны можно добиться изменения политики и открытия дверей. Двери достаточно открыты даже в фундаменталистской

Саудовской Аравии, так что необходимости в военных действиях нет. Израиль должен сконцентрироваться на том, чтобы заставить арабов предать террористов, не затрагивая другие темы.

Быстрые удары могли бы шокировать богатых арабов, которые думают, будто пока их государства осуществляют антиизраильскую политику, они находятся в безопасности. Богатые саудовцы финансируют мучеников, но сами таковыми не являются. Насилие может и должно избавить их от иллюзий, шокировать их до такой степени, что они обратятся против террористов. Когда арабы хотят мира, всегда найдется возможность для переговоров.

Каждая террористическая атака – это потеря для Израиля. Однако небольшие тактические победы над Израилем могут стать пирровыми победами для арабов, если Израиль заставит их заплатить. Тяжелые, непропорциональные акты возмездия выставят Израиль чудовищем и позволят мусульманским странам с честью отказаться от участия в конфликте. Смерть восемнадцати американских бойцов на фоне тысячи погибших сомалийцев вдохновила партизан по всему миру. Террористы получают поддержку до тех пор, пока СМИ освещают их действия, а спонсоры не несут потерь. Если бы США сравняли Могадишу с землей, участники других конфликтов были бы менее склонны поддерживать партизан. Израиль допустил ту же ошибку, когда отступил из Ливана: он выиграл войну, но

проиграл информационное сражение. Бедные, необразованные, многочисленные, идеологически обработанные мусульмане смотрят на вещи не так, как люди Запада – все, что меньше тотального поражения, они считают своей победой, вне зависимости от ее цены. Израиль должен нанести четкое, разрушительное, унижительное поражение. Мусульманам безразлично число потерь. Израиль должен продемонстрировать сокрушительную мощь и жестокость, превосходящую жестокость арабов. Арабы долго не забывали Дир-Яссин. Если разрушить еще одно поселение и вырезать его население, это принесет в регион многолетний мир и спасет гораздо больше жизней, если арабы осознают, что это был не единичный случай и он может повториться.

Тора учит: «Глаз за глаз». Как же Израиль может реагировать столь непропорционально? Смысл заповеди в том, что *за половину глаз жертвы берется половина глаз обидчика* – иными словами, речь идет о равенстве ущерба. Поскольку мусульмане численно превосходят израильских евреев в отношении 300:1, убийство трехсот мусульман за каждого еврея, погибшего в теракте, соответствует библейскому представлению о возмездии. «Глаз за глаз» – это не учение о компенсации, а предписание наносить равный ущерб, чтобы уменьшить возможность рецидива.

Доктрина равного воздаяния распространяется только на небольшой урон, где обидчика несложно найти и наказать, как в

случае с дракой. Однако когда речь идет о нескольких нарушениях, часть из которых останется незамеченной, Тора предписывает удвоить наказание. Идея проста: поскольку маловероятно, что вора удастся поймать при каждой краже, нужно, поймав его однажды, наказать и за те преступления, когда он не был пойман. Крупные правонарушения, такие как кража быка, наказываются в соотношении 5:1. Точно так же маловероятно, что от израильского акта возмездия пострадают родственники или другие прямые сторонники террористов. Когда спонсоры прячутся за спинами других мусульман, Израиль должен вернуть больше, чем получает.

У всех арабов, как богатых, так и бедных, есть одно общее большое место – нефтяная инфраструктура. Ежедневно иракцы, иранцы и египтяне получают доход с нефти – небольшой, но достаточный, чтобы испытывать головную боль по поводу срывов поставок нефти, угрожающих подорвать экономику. Небольшая угроза позволяет добиться крупных концессий⁸⁵. Сделает ли это арабов более враждебными? Конечно – если они не поймут, что нагнетание враждебности приведет к увеличению ущерба. Каждая сторона, участвующая в вендетте, упорствует потому, что в условиях примерного равенства кланов каждый

⁸⁵ Этот подход не работает в Ираке, где террористы целят в нефтяную инфраструктуру, видя в этом лучший способ избавиться от американцев и создать недовольство оккупантами, которые не дадут обещанного благополучия без нефти. Иракские партизаны не извлекают из нефти никакой прибыли и потому не ценят ее.

надеется на победу. Здесь показательна ситуация Ирана под руководством аятоллы Хомейни: будучи замешанным в терроризме практически повсеместно, Иран почувствовал бремя карательных санкций, даже не самых эффективных, и ограничил поддержку террористов Ливаном, Палестиной, Суданом, Боснией – то есть теми местами, где дополнительные санкции не очень вероятны. Мусульмане не собираются жертвовать своей нефтяной инфраструктурой ради палестинцев. Саудовцы слишком богаты и ленивы, чтобы пойти на тотальную войну с Израилем; они скорее воспользуются угрозами Израиля в качестве оправдания для прекращения поддержки террористов. У арабов нет причин вставать под ружье при ударах Израиля – это не их война. Очень немногих арабов волнует палестинский национализм, и они не будут поддерживать те правительства, которые подвергаются израильским актам возмездия. Хотя мировое сообщество будет давить на Израиль, чтобы он не атаковал нефтяные объекты, оно будет точно так же заставлять и арабов прекратить поддерживать террористов, если это угрожает поставкам нефти Западу.

Помимо нефтяных объектов, Израиль может атаковать военную инфраструктуру, в первую очередь аэропорты, что подорвет как финансовое, так и моральное состояние арабов и уничтожит их арсеналы. Эта политика воспрепятствует аннексии арабских территорий за пределами Палестины. Пока арабы не обескровлены полностью, из боязни эскалации они могут

нанести ответный удар оставшимся вооружением. Аннексии должен предшествовать сокрушительный превентивный удар. Любые более мягкие меры могут использоваться только для прекращения поддержки террористов.

Не нужно путать автоматическое возмездие с враждебностью по отношению к конкретному арабскому режиму. Исламские радикалы рассчитали, что взрывы в Рияде перечеркнут усилия иранского правительства по нормализации отношений с Западом. Наказывая мусульманские страны за атаки, которые ведутся с их территорий, Израиль должен действовать осторожно, чтобы не испортить отношения с потенциально дружественными государствами.

Международное законодательство запрещает месть, однако жесткое возмездие предотвращает эскалацию. Чтобы улучшить ситуацию в сфере общественных отношений, Израиль должен совершать возмездия в течение считанных минут после терактов, избегая тем самым дебатов о причинах и следствиях.

Возмездие за теракты, направленное против гражданского населения

Принцип «око за око» подходит ко всем видам ущерба, включая терроризм. В Тель-Авиве взорвался автобус нужно взорвать автобус в Рамалле. Быстрое возмездие делает причинно-следственную связь очевидной и предотвращает эскалацию. Если заранее сообщить о городах, по которым будут

наноситься удары, их жители из страха будут просить террористов оставить свои планы. Жизнь в ситуации обратного отсчета порождает то чувство тревоги, которое не достижимо, если повсеместно арабы считают, что удар именно по ним маловероятен. Пресса будет усиливать страх репортажами из обреченных городов. Израиль должен целиться в города, где расположены офисы террористических организаций и где проходили демонстрации в поддержку террористов. Такие меры заставят население осторожнее относиться к поддержке партизан. Многие израильские солдаты не смогут осознанно причинить вред мирным жителям, даже если это оправданно с военной точки зрения; всегда можно найти нескольких наемников. Или же ответ могут дать еврейские партизаны, что формально снимет ответственность с правительства за действия, не приемлемые мировым сообществом. Израиль мог бы пригласить выполнить эту работу бывших индийских или российских спецназовцев, хотя ЛЕХИ доказала, что и порядочный еврей может это сделать.

Ответное насилие существенно отличается от иницируемого насилия, как в случае с преступником и преследующей его полицией. Евреи не испытывают проблем с ответным насилием; Тора гласит, что приводить в исполнение казни должны свидетели из числа простых граждан, а не профессиональные и презираемые палачи. Приведение в исполнение правосудия, пусть и насильственным способом – это

обязанность каждого еврея, и она не является морально порочной. Заметим, что Баруха Гольдштейна, ошибка которого была чисто технической, осудили, но через пятьдесят лет наверняка будут прославлять; Авраам Штерн стал официальным героем лишь тогда, когда спустя десятилетия реальные события потускнели. В то время как Штерн заботился о соответствии способа возмездия способу атаки, Гольдштейн, убивший мусульман в мечети, перешел границы взаимности – мусульмане уже много лет не убивали молящихся евреев. Евреи, которые потеряли своих близких во взрывах исламских смертников, имеют полное право так же взорвать себя на автобусной остановке в Наблусе. Месть поможет восстановить уважение к евреям и уменьшить число взрывов. Именно это сделала ЛЕХИ. Однако месть другим народам – это общее дело всех евреев, которым должно заниматься израильское правительство.

Арабы не являются плохими или враждебными евреям по своей природе. Израильские арабы более-менее лояльны, хотя и не горячо поддерживают еврейское государство. Ни в одной войне, которую вел Израиль, они не становились пятой колонной, но не потому, что Израиль хорошо к ним относится, а потому, что они ценят более высокий уровень жизни в сравнении с ближневосточными мусульманскими странами. Только националистическая пропаганда и нагнетание проблем мешает аналогичному улучшению ситуации на территориях. Местная администрация не может жестко расправляться с

боевиками из боязни поставить под удар их финансовую и политическую поддержку в арабских странах. Единственный способ остановить терроризм – обратить палестинцев против радикалов. Не поможет здесь и финансовая помощь, которая в основном либо разворовывается, либо так или иначе направляется не по назначению. Нельзя сделать людей богатыми и счастливыми со стороны. Только страх может заставить палестинцев ликвидировать боевиков. Существует много способов вселить страх: быстрые казни, массированный артобстрел, разрушение кварталов, где жили смертники, плотная полицейская работа, шпионаж. Последние варианты менее жестоки, так что разумное палестинское правительство должно ими пользоваться. Шарон использовал их для умирения Газы, но Западный берег слишком велик для израильских полицейских сил. Однако Израиль может отстреливать арабов так много и жестко, что это заставит их взяться за ум и разобраться с собственными радикалами. Люди, чьих детей взрывают в школьных автобусах, не обязаны быть милыми. Государственность, которой добиваются палестинцы, налагает ответственность. Если хозяин квартиры сдал ее подозрительному незнакомцу, который привез тротил и взорвал соседей, такой хозяин должен быть привлечен к ответственности. Точно так же палестинцы, как потенциальные граждане, должны сами разбираться со своими террористами, если только они не считают, что терроризм – это допустимое средство достижения

целей. В таком случае они являются тылом противника. Когда Колумбия не смогла изгнать наркоторговцев, она призвала на помощь американцев, после чего ситуация улучшилась – хотя при этом погибло множество мирного населения. Палестинская администрация должна разбираться с террористами всеми доступными средствами, а не отказываться от международной военной интервенции. Если палестинская администрация не может или не хочет разобраться с террористами, тогда она не может считаться государством и Израиль имеет право присоединить ее, так же как США аннексировали части Мексики, чтобы положить конец криминальной анархии на своей границе. Немцы, которые были не согласны с военной политикой нацистов, все же страдали, участвуя в войне. Принцип коллективной ответственности означает, что государство действует в отношениях с другими, как единый организм. Когда люди отказываются от собственной индивидуальности, чтобы сформировать государство, они не могут ожидать, что со стороны к ним будут относиться как к индивидам с различными точками зрения. Если государство подписывает мирный договор, оно должно быть уверено, что другая сторона договорилась со своей внутренней оппозицией, если таковая имеется. Если какая-то страна решила снизить выброс фреона, другие страны не должны беспокоиться о падении прибылей заводов. Когда страна идет на войну, она мобилизует всех, вне зависимости от того, кто как голосовал. Государство существует до тех пор, пока

почти все его граждане готовы действовать как единое целое, согласны они с отдельными решениями или нет. Когда чеченцы или боснийцы перестали рассматривать себя частью единого целого, они сделали выбор в пользу независимости. Многие американцы протестовали против войны во Вьетнаме, по причине чего возмездие против США было бы неоправданным и непродуктивным. В Палестине не было ни одной демонстрации против поддержки террористов палестинской администрацией; никто не протестует и в других мусульманских странах; никто не голосует против лидеров и фракций, атакующих Израиль; никто не отказывается от военной службы из-за убеждений; ни один призывник не предпочитает лучше сбежать, чем убивать израильтян; никто не отказывается платить налоги на войну. Хотя необходимость борьбы со злом можно обсуждать, поддерживать зло не имеет право никто. Арабы общаются с террористами и поддерживают их и их семьи, вместо того чтобы сдавать их властям. Правосудие основано на статистике: сопутствующий ущерб неизбежен в борьбе с преступниками, будь-то приговоры невинным людям или убийство заложников в ходе спасательных операций. Чем отвратительнее преступность, тем выше планка терпимости к сопутствующим потерям. Борьба с терроризмом, самым опасным видом преступности, подразумевает самые высокие сопутствующие потери.

Мусульмане страдают не потому, что Израиль хочет убивать невинных граждан, но потому что террористы прячутся

за их спинами. Террористы держат население в заложниках, которых используют в качестве живого щита. Если население изменит отношение к террористам, так что они не смогут прятаться, не будет необходимости и в актах возмездия. Арабы в целом и палестинцы в частности несут ответственность за террористическую войну. Вклад отдельного индивида в войну может быть небольшим, но и шансы пострадать от акта возмездия также невелики: мера ответственности статистически справедлива. Солдаты в регулярных армиях являются представительным срезом населения: такой же процент солдат, как и гражданских лиц, не поддерживает войну. Наказание, основанное на личной ответственности, необходимо логически распространить на солдат противника, убивая только тех, кто достоверно пытался убить израильтян; судя по израильским потерям, таковых меньшинство. Выделение солдат или граждан, напрямую ответственных за смерть израильтян, непрактично.

Термин *коллективная ответственность* вводит в заблуждение. Даже нанося множество точечных ударов, Израиль не сможет убить больше чем долю процента враждебных мусульман. При такой низкой вероятности нет смысла рассуждать о наказании. Нельзя говорить об ответственности, если шанс быть наказанным составляет одну тысячную. Вместо того чтобы сопротивляться войне, сменить правительство или даже обратиться к США или ООН за помощью в ликвидации антиизраильских организаций, граждане предоставляют

убежища, финансовую и моральную поддержку террористам и призывникам арабских армий, чья главная цель – Израиль. Они поощряют террористов убивать израильских граждан. Насколько средства и цели арабов справедливы, не важно. Они не приемлемы для Израиля. Представление о том, что арабами управляют диктаторы, презирующие общественное мнение, неверно – это невозможно в мире средств массовой информации и общественного мнения. Сегодня автократы полагаются на общественную поддержку. Сталин, Гитлер, Насер, Хомейни, Садам, Ассад пользовались поддержкой большинства и преследовали лишь небольшое число диссидентов. Не важно, по каким причинам люди поддерживают правителей, однако в неразвитых странах, где разница во мнениях невелика, общественная поддержка зачастую огромна.

Нежелание нападать на мирных жителей коренится в страхе перед ответным ударом и той точке зрения, согласно которой лучше не наказывать виновного, чем наказывать невиновного. Это не верно, поскольку виновные всегда обращаются против невиновных, в результате чего страдает больше невиновных, чем если бы правосудие иногда их ошибочно наказывало. Пресса возмущается несправедливыми приговорами, но ничего не говорит о преступниках, которые избежали наказания, потому что у какого-то присяжного были сомнения. Правильные и ошибочные приговоры уравнивают друг друга, так что попытки снизить число

ошибочных нарушает баланс и снижает также число правильных. В справедливом обществе любое ужесточение критериев доказательства вины приведет скорее не к предотвращению судебных ошибок, а к затруднению вынесения правильных приговоров. В большинстве обществ людей редко судят ни за что, и процент ошибочных приговоров невелик. Важно абсолютное число – даже за одного несправедливо осужденного несет ответственность все общество. Однако судебная система не виновна в осуждении статистически небольшого процента невинных людей, поскольку абсолютная справедливость недостижима, да и цена ее слишком высока. Закон маргинальной полезности полностью применим к системе правосудия. Когда правила доказывания удаляются от здравого смысла, общество становится менее справедливым и больше отпускает преступников, чем защищает невиновных. То же относится и к потерям гражданского населения при антитеррористических ударах. Если общество допускает 10-процентный сопутствующий ущерб при осуждении обычных преступников, то следует допускать гораздо больше при наказании террористов, поскольку каждый ненаказанный террорист принесет гораздо больше вреда, чем ненаказанный обычный преступник. Невинные израильские граждане погибают в атаках террористов, невинные солдаты погибают, охотясь на террористов; какой смысл в защите мусульманского мирного населения? Считается обычным делом, когда заложников не

удается спасти в ходе операций по их освобождению; точно так же неизбежна и гибель гражданского населения рядом с террористами.

Для террористов гражданское население является не сопутствующими потерями, а главной целью при достижении политических задач. Террористов не пугает даже убийство собственных граждан, как было при взрывах американских посольств, когда пострадало гораздо больше прохожих, чем персонала посольства. Радикальные клирики оправдывают применение оружия массового поражения против граждан ссылками на Коран и *шариат*. Рядовые мусульмане оказывают террористам широкую поддержку. Их поддержка атак 11 сентября была практически всеобщей. Как немцы, которые в целом поддерживали нацистский Вермахт, не смогли отмежеваться от его действий, так и мусульмане не могут протестовать против атак на мусульманское население, которое одобряет борьбу с «неверными».

Чтобы приучить общественное мнение к актам возмездия против мирного населения, Израиль должен атаковать активных сторонников террористов, таких как демонстранты. Каждый донор «Хезболлы» и подобных организаций, начиная от египетского дворника и до саудовского принца, должен пребывать в страхе. В тот момент, когда они становятся известным Израилю, они могут считать себя мертвецами. Одно дело – поддерживать террористов в безопасной обстановке

собственного дома, и совсем другое, когда каждый пожертвованный доллар ставит под угрозу твою жизнь. Доноры финансируют терроризм и убивают евреев. Нет необходимости преследовать их всех: несколько десятков хорошо освещенных СМИ случаев отучит большинство людей от активной поддержки терроризма. Точечные удары слишком дороги; вместо этого будет лучше допустить неизбежные ошибки и сопутствующие потери.

Неявное соглашение против эскалации между Израилем и террористами, существующее с 1970-х годов, должно быть отменено. Насилие должно применяться решительно. Израиль уже потерял гораздо больше людей в низкопрофильных терактах, чем когда террористы атаковали израильские посольства и людей за рубежом. Сейчас террористы, обремененные политической ответственностью перед палестинским правительством, гораздо более внимательны к международному общественному мнению, чем в семидесятых, и вряд ли пойдут на антиизраильские теракты в других странах. Не тратя ресурсы на дорогие точечные удары, вместо этого идя на неизбежные ошибки и сопутствующие потери, нанося авиаудары по вражеским тренировочным лагерям и зданиям, Израиль сможет нанести террористам непоправимый ущерб и предотвратить эскалацию.

Террористическая война не дешева – оружие, убежища, тренировочные лагеря, выплаты семьям и т. д., да и лидеры

террористов работают не бесплатно. Уничтожение финансовых потоков – важная антитеррористическая мера. Устранение нескольких саудовских финансистов и иранских мулл срубит под корень важные ресурсы террористов.

Кто-то считает, что поскольку террористов очень мало, найти их практически невозможно. Это не верно как минимум по двум причинам. Даже если их мало, им нужно общаться между собой – по проводным, по сотовым и спутниковым телефонам, по электронной почте. Информацию можно получать от заключенных террористов, подвергая их физическому или медицинскому воздействию. Проблема не столько в методах получения информации, сколько в наличии политической воли, чтобы ее применять. Маленькие группы обычно непрофессиональны, и их легко обнаружить. Опыт «Аль-Каиды» показывает невозможность создания армии с нуля. Не короткие тренировочные курсы сделали «Аль-Каиду» профессиональной, и она не была профессиональной до тех пор, пока не построила тренировочные лагеря в Афганистане. Хорошо подготовленная «Хезболла» – единственная арабская террористическая группировка, отдаленно напоминающая армию; как следствие, она не может спрятаться под землю и хорошо видна Израилю, который может регулярно наносить по ней удары.

Поскольку арабы, поддерживающие террористов, являются соучастниками в их преступлениях, нет смысла обращаться с ними, как с хрустальной вазой. Как захваченные

террористы, так и гражданские лица, поддерживающие их любым способом, подлежат заключению и должны возместить поврежденную собственность израильтян либо путем конфискации имущества, либо принудительными работами. Некоторые задаются вопросом, как относиться к террористам – как к преступникам или солдатам. Однако в любом случае вывод один: они должны нести ответственность, наказание должно быть достаточно жестким, чтобы отбить у других желание следовать их примеру, а также нет необходимости в дополнительных доказательствах вины сверх участия в незаконной деятельности или войне.

Солдат учат эффективно убивать. На поле боя они не просто стреляют в тех, кто стреляет в них, давая всем остальным уйти – например, водителям танков. Война – время не раздумывать, а убивать. Планка разумных сомнений во время войны гораздо ниже, чем в мирное время. В условиях сильного стресса многие ошибки неизбежны, и смерти, которые они вызвали, хоть и неправильны, но не ошибочны.

Снижение ударов по гражданскому населению до предсказуемого уровня ставит атакующую армию в невыгодное положение. Советские военные специалисты во Вьетнаме обращали внимание на странную практику американцев: они предупреждали жителей деревень перед атаками, и большинство хижин разрушались уже пустыми. Население спасалось и продолжало воевать. Атаки против гражданского

населения доказали свою эффективность во многих войнах, особенно во Второй мировой и в гражданских войнах против диктаторов. Долгая ирано-иракская война закончилась только тогда, когда США сбили иранский гражданский самолет, да и то по ошибке. Люди поддерживают войны в других странах, но у них быстро проходит энтузиазм, когда они сами оказываются на линии фронта.

Уничтожение нефтяной инфраструктуры в актах возмездия

Реакция Израиля должна быть жестокой и выражаться в высоком соотношении потерь: например, сто миллионов долларов гражданской инфраструктуры за каждого убитого в теракте израильтянина. Такой подход ставит перед выбором: либо жизнь израильтян, либо собственность арабов. Нужно атаковать не хижины, а университеты, заводы и полицейские участки. Издайте закон, согласно которому Израиль уничтожит мечеть «Аль-Акса» или Купол Скалы – идеальных заложников, – в случае, если арабские регулярные армии или террористы убьют несколько сот израильтян в одной атаке. Арабы должны видеть связь между событиями в Израиле и в их странах. Когда арабские государства осознают, что из-за палестинских проблем они теряют нефть, они обратятся против терроризма, как минимум политически и финансово. Мусульмане – обычные люди; когда они увидят, что война проиграна, они вернутся к

собственным делам. История полна случаев, когда одни мусульмане убивали других, когда те угрожали их государству. Вспомним янычар⁸⁶ или резню палестинцев в Иордании.

Поскольку арабские страны не экспортируют ничего, кроме нефти, только нефтяные скважины могут быть эффективными целями, вне зависимости от реакции мировой общественности. Даже если саудовцы и иранцы останутся с палестинцами до конца, этот конец придет скоро, потому что их правительства, лишённые средств, падут под давлением внутренних смут. Нет нефти – значит, не за что покупать иностранную поддержку, и придется бороться с Израилем самостоятельно.

В ирано-иракской войне США негласно одобряли иракские нападения на иранские нефтяные поставки, что быстро привело к истощению иранских ресурсов. Ограничение поставок нефти, приведшее к росту цен в 1974 году, было элементом военной стратегии Египта; арабы однозначно продемонстрировали, что использовали нефть как оружие. Если нефть может быть оружием, то она может быть и целью.

Атаки Израиля против арабской нефтяной инфраструктуры в краткосрочной перспективе обострят конфликт, но затем поддержка терроризма прекратится и партизаны выйдут из игры – как происходило почти во всех

⁸⁶ Турецкое правительство убило многих янычар, на которых оно опиралось веками, чтобы избавиться от их влияния.

войнах против них. В условиях нынешнего баланса сил у мусульман нет шансов начать полномасштабную войну. Под угрозой эскалации они будут вынуждены успокоиться. Если израильское население будет знать, что идет война, война решительная и с ясными намерениями, оно смирится с потерями, которые помогут приблизить победу. Правительству не стоит держать израильтян за идиотов, называя глубокое вторжение в Ливан или оккупацию Западного берега «оборонными мерами». Пропаганда основана на неверной предпосылке, что либеральные демократии не поддерживают агрессивные войны, которые поэтому переименовываются в оборонные. Обычно люди поддерживают короткие победоносные войны, вне зависимости от долговременных последствий или моральных соображений – например, Шестидневная война или американская кампания в Афганистане. Общественное мнение восстает против войны тогда, когда она перерастает в затяжную, кровавую и бесплодную, как было во Вьетнаме, Ливане и Ираке.

Пропаганда может смягчить реакцию арабов на израильские атаки, особенно в Ливане и Палестине, которые не поддерживают террористов, но не способны им противостоять. Израиль должен создать в арабских странах атмосферу страха, например, подобно терактам в Саудовской Аравии и Ираке⁸⁷.

⁸⁷ В ходе атак против западных сил исламские боевики убили и ранили множество мирных мусульман и своих местных сторонников. Население наверняка сомневается в *фатвах*, которые легализуют такие убийства,

Местный терроризм сделает арабские правительства более податливыми для израильских антитеррористических кампаний. Не исключено, что это даже приведет к тихому сотрудничеству с местными властями, которые будут опираться на Израиль при решении собственных проблем с терроризмом.

Жесткие меры наименее болезненны

На войне часто бывает так, что жесткие действия являются самыми гуманными. Чем быстрее будет сломлено желание сражаться и поддерживать тех, кто сражается, тем быстрее закончатся война и страдания. В борьбе арабов с Израилем были периоды затишья. Дир-Яссин напугал израильских арабов, и полицейские операции Ариэля Шарона в Газе достигли своей цели⁸⁸. С другой стороны, когда Израиль проявлял терпимость и склонялся к мирным переговорам, палестинцы восставали, поскольку видели неспособность Израиля подавить конфликт. Сравним, как арабы бежали от неопытных еврейских солдат в 1948-м и как они противостояли армии в 2003-м. Они сделали это не из-за храбрости, а потому, что им нечего было бояться. Израильская армия устраивает шоу, а не убивает врагов.

объявляя их жертв воинами *джихада*.

⁸⁸ Шарон использовал в палестинских поселениях сеть информаторов, состоящую из арабов и арабоговорящих евреев, для сбора информации о подозреваемых в терроризме, с которыми обходились жестко: одни убивали, других арестовывали, а их родственники высылали в Иорданию. В исторической перспективе, это была единственная эффективная тактика.

Опасаясь изгнания, палестинцы не участвовали в войне 1973 года. Ситуация изменилась в 1980-х, когда Израиль ограничивался сносом несколько домов, вскоре восстанавливаемых. Немцы сжигали деревни, чтобы уничтожить поддержку советских партизан. Слабый ответ приводит к обратному результату. Перед залповым огнем палестинцы раболепствуют, но когда перед ними лишь команда бульдозеристов, они тут же набираются храбрости. Снисходительность только провоцирует новый виток преступности. Израиль дурачит сам себя, когда использует боевые вертолеты, танки и артиллерию, чтобы лишь ранить несколько человек. Бомбардировки НАТО Югославии, обошедшиеся без потерь мирного населения, не смогли остановить резню албанцев. Если Израиль хочет запугать своего соседа и привести его к повиновению, он должен быть готов наносить потери. Хорошая армия должна хорошо убивать. Использование армии для полицейских операций вроде работы контрольно-пропускных пунктов, обысков, сдерживания толпы, только деморализует ее.

Попытки вести этичную войну безуспешны. *Военное преступление* – это тавтология. *Цивилизованная война* – оксюморон. В сирийских тюрьмах погибло больше людей, чем израильтяне убили во время палестинской войны, где они только поддерживают статус-кво и не покушаются на жизни и имущество арабов. Если государство должно совершить

морально предосудительное действие, как минимум нужно делать это эффективно.

Удары по населению с целью подавления террористов

Ответ Израиля на терроризм должен быть достаточно жестоким, чтобы отбить желание к его повторению и ликвидировать его поддержку. Слабый ответ провоцирует эскалацию, потому что превращает агрессию в героизм без риска.

Обычно люди готовы умирать только за победу. Израиль должен либо сокрушительным возмездием разрушить надежды арабов на успех, либо подчиниться террору. Шестьдесят лет компромиссов не привели Израиль никуда, при этом человеческие и экономические потери выросли неимоверно, от международного престижа не осталось и следа, а иммиграция сошла на нет.

Для создания идеологически мотивированных камикадзе требуется тщательная идеологическая обработка. На заре эпохи террористов-смертников «Мусульманскому Братству» было нелегко найти желающих убить Насера. Идеологическая обработка – это широкомасштабная операция, против которой существуют контрмеры. Зверства в Германии времен Второй мировой, в Руанде, Югославии совершала горстка мерзавцев, однако они пользовались молчаливым согласием и поддержкой широких масс населения. Вместо попыток обнаружить горстку

активистов, которые немедленно будут заменены другими, Израиль должен совершать возмездие против тех, кто поддерживает терроризм. Убивать террористов необходимо, но уничтожение жилых домов и инфраструктуры подавит тех, кто их поддерживает. Наполеон остановил восстание в мгновение ока залпом картечи. Небольшая демонстрация силы может остановить толпу; большие группы редко совершают преступления, если не уверены в своей безнаказанности. Небольшие, но настойчивые действия против групп и городов, поддерживающих террористов, могут быстро устранить эту поддержку.

Нацисты сокрушили сопротивление русских партизан тем, что систематически и жестоко наказывали граждан, которые их поддерживали. Арабы дважды эффективно решали проблему терроризма: в Иордании, где за несколько дней погибло восемь тысяч, и в Сирии, где за несколько недель было убито двенадцать тысяч мусульман. В сравнении с этим попытки Египта противостоять терроризму в судебном порядке бесполезны. Хотя жестокие меры могут не нравиться, другие просто не работают.

Израиль должен применять силу и тратить деньги и жизни, чтобы сохранить государство Израиль. В обратном случае его колеблющаяся политика будет провоцировать разгневанных арабов пользоваться его слабостью.

Определение формальных границ допустимой жестокости

Израиль должен решить, что является адекватным ответом. Сколько арабов должно погибнуть, чтобы предотвратить теракт? Сколько должно погибнуть при акте возмездия? Эти подсчеты важны, поскольку только беспощадная жестокость может ликвидировать общественную поддержку терроризма. Израиль уже давно мог бы избавиться от проблемы насилия, используя проверенные временем методы. Демонстранты не возвращаются на улицы, если в последней демонстрации многие были убиты. Почему бы и нет? Они поддерживают террористов, которые убивают израильских мирных граждан.

Должен ли Израиль наказывать смертью за выкрикивание лозунгов и размахивание флагами? Но организация ответных демонстраций в Израиле в поддержку армии бессмысленна. Разгон демонстраций водяными пушками только веселит палестинцев – бесплатное развлечение для безработных получателей социальных пособий. Заключение демонстрантов в израильские тюрьмы чрезвычайно дорого и создает повод для международного осуждения за подавление права на борьбу с Израилем. Убийство большого числа демонстрантов уменьшит вероятность повторения. Многие цивилизованные страны убивали демонстрантов даже в мирное время.

Менее насильственным решением, нежели убийство большого числа мирных арабов и ожесточение остальных на отчаянную борьбу с Израилем, было бы возмездие против арабских официальных лиц. Израиль может уничтожать офис и персонал какой-нибудь враждебной арабской страны каждый раз после очередного теракта. Если планировать заранее, время реакции может быть очень коротким. Это приведет к потерям мирного населения, но переполох в мировых СМИ будет не такой большой, как если бы Израиль атаковал арабскую деревню. Правительственные чиновники перестанут открыто общаться с террористами. Израиль мог бы целиться в арабских чиновников и минимизировать потери мирного населения или полностью избежать их. Можно делать вид, что Израиль освобождает мусульман от коррумпированных правительств, спецслужбы которых взращивают террористов.

Недостаточно лишь убить нескольких лидеров террористов. Чтобы переместить внимание арабов с предполагаемой славы мученичества к убежденности в неотвратимости смерти, незаметной и бесславной, Израиль должен убить множество ведущих террористов. Убийство должна превратиться в рутину. От этого выиграют и общественные связи: людям проще принять много смертей, чем несколько.

Если Израиль не смог найти какого-то конкретного террориста, нужно прекратить поиск и ждать, когда он сдастся

или совершит самоубийство, тем временем систематически уничтожая деревни и инфраструктуру, вызывая неизбежные потери гражданского населения, пока он не сдастся. Эта проверенная тактика обратит арабское население против террористов. Арабы поймут мстительность израильтян.

Преследование семей террористов-смертников

Бомбисты-смертники не будут появляться, если Израиль буде преследовать их семьи и высылать соседей. *Шахиды*, праведные мученики – они же террористы-смертники – уверены, что саудовцы позаботятся об их семьях и что их ждет всеобщее уважение. Нужно устранить это убеждение путем разрушения домов, построенных их семьями сейчас или в будущем, и заключения их семей в тюрьму. Они не являются невиновными. Подстрекательство – это преступление. Даже если они не подстрекали *шахидов* к действию, они все равно играли важную роль в принятии решений смертниками, так что их необходимо преследовать вне зависимости от наличия вины. Этот подход повлияет на опасных смертников-одиночек и небольшие группы, которые сложно обнаружить. Им придется умирать с осознанием того, что они подвергли наказанию своих родных, даже если сами не боятся смерти. В мусульманском мире с его большими семьями найти сирот для самоубийственных операций нелегко. Люди, боящиеся ссылки или тюрьмы, с большей готовностью сообщают о террористах и подозрительной деятельности в

целом.

Чтобы удостовериться, что семья террориста не осведомлена о его действиях, можно использовать сыворотку правды. Как бы то ни было, семьи все равно должны подвергаться преследованию, чтобы отбить желание у новых добровольцев. Израиль не должен допускать, чтобы семьи получали пособия за шахидов.

Оккупанты потеряли Ливан и Афганистан из-за мягкости по отношению к мирному населению

Неудача Израиля в Ливане и Советского Союза в Афганистане⁸⁹ – два случая успешного оборонительного *джихада* после веков несостоятельности мусульман - имеют общую причину: нежелание сильной стороны вести нормальную войну, в результате чего противник получает возможность прятаться за спинами мирных граждан и наносить удары, когда ему вздумается. Воевать можно либо жестоко, либо никак. Выбор состоит не между гуманностью и жестокостью, а между войной и капитуляцией. Нет лучшего рецепта для поражения и провоцирования *джихада*, чем начинать войну, не приготовившись сражаться.

⁸⁹ Афганские *моджахеды* были зачастую крестьянами, работающими неполный рабочий день. Хотя советская армия во многих случаях проявляла жестокость, она избегала атаковать деревни, полные солдат-резервистов.

Уничтожение базы поддержки террористов

В войне часто ставится цель уничтожить не вражеские силы, а их поддержку – логистику и промышленность. Если эта цель достигнута, армии противника исчезают без кровавой битвы. Подобным же образом успешные антипартизанские действия направлены на разрушение поддержки: наркокартелей в Латинской Америке, коммунистов в Греции и Малайзии, партизан в России во время Второй мировой. Тактика Шарона в Газе, редкий случай правильного отношения ко враждебному населению, основывалась на подавлении народной поддержки террористов; сейчас же Израиль ошибочно ведет войну против самих террористов. Такая тактика уместна при наихудшем сценарии, когда возникают независимые террористы. Одолеть их практически невозможно: для большинства терактов требуется лишь несколько участников, а поток добровольцев никогда не иссякает. Но к счастью, сегодня Израиль имеет дело с крупными организациями, зависящими от различных форм поддержки. Даже если говорить о небольших или тайных группах, непрофессиональных, но трудно выявляемых, активная политика заставит террористов нервничать и совершать ошибки, что позволит спецслужбам выйти на них. Их нужно превратить из народных героев в беглых преступников, которым некуда бежать, потому что никто не помогает им и не дает приют.

Количество бомбистов-смертников зависит от силы веры в лидеров и в цель. Наводните средства массовой информации

образами Бин-Ладена - простака под пятой Аль-Завахири. Распространяйте о нем анекдоты. Объявите его израильским агентом-provokatorом. Простые техники нейролингвистического программирования могут посеять недоверие – во многих отношениях самая эффективная антитеррористическая мера. Как только будет разрушена сплоченность базы поддержки террористов, они станут объектом всеобщего арабского цинизма.

«Хамас» в Палестине, как и «Хезболла» в Ливане, содержит разветвленную сеть социальных служб, направленную на формирование общественной поддержки. Израиль должен уничтожать их лагеря и инфраструктуру. Их клиенты и так ненавидят Израиль, а теперь у них еще и пропадет повод испытывать благодарность к «Хамасу».

Отмените формальности, полагайтесь только на подозрения и превентивные меры

В условиях войны Израиль ошибочно применяет судебную систему мирного времени по отношению к враждебным арабам. Они не лояльные граждане, а враги, убивающие евреев или поддерживающие тех, кто их убивает. Нужно не только ужесточить наказание за нелояльность, но и облегчить бремя доказывания, отказавшись от презумпции невиновности и разрешив заключение под стражу или высылку на неопределенный срок без предъявления обвинения. Мир не

имел ничего против, когда британцы в упрощенном порядке высылали подозреваемых в причастности к еврейским партизанам в Эритрею. С соседями террористов и антиправительственными демонстрантами нужно обращаться по стандартам военного времени. Антитеррористические силы не должны предъявлять санкцию суда, чтобы обыскать дом или задержать подозреваемого. Эти изменения не должны касаться евреев. Если арабам не нравится такая политика, их ничто не держит, они не обязаны жить в Израиле.

Отправление правосудия на основании подозрений может привести к переполнению израильских тюрем. Чтобы уменьшить расходы, Израиль должен высылать подозреваемых и их семьи, а тюремному заключению подвергать только доказанных террористов – хотя даже их невозможно заключить пожизненно без формального суда. У Израиля есть привычка выпускать заключенных при смене политического курса. Одним из способов снижения издержек может стать ухудшение условий содержания до уровня тюрем арабского мира. Тюремны призваны сломить заключенных, а не кормить и ободрять. У израильских тюрем невысокий эффект устрашения. Когда в Саудовской Аравии калечат осужденных, Израилю нет нужды проявлять мягкость. Казнь террористов более дешева и эффективна. Израиль должен вычитать тюремные расходы из переводов Палестинской администрации.

Обычное правосудие не применимо к международным

отношениям. В своей стране полиция может обыскивать и допрашивать кого угодно в соответствии с установленными процедурами, оставляя установление истины суду, хотя одна страна не может делать то же на территории другой в мирное время⁹⁰. Вспомним шумиху вокруг вопроса, есть или нет у Ирака оружие массового поражения. Даже если бы у Ирака было химическое или биологическое оружие, США не смогли бы вмешаться, потому что инспекторы не обнаружили соответствующие лаборатории, хотя были причины полагать, что у Саддама такое оружие было, потому что он неоднократно блокировал международные проверки.

Любая теория теряет силу при приближении к границам области данных. Формальное правосудие, призванное обеспечивать благополучие в мирном обществе, приводит к обратному результату в условиях войны или кризиса.

Формальное правосудие не подходит для террористов и их сторонников, потому что часто нельзя найти серьезные доказательства, а если можно, нельзя открыть их источники. Во время скандала с бомбежкой суданской «фармацевтической» фабрики пресса утверждала, что нельзя принимать в качестве улики образцы почвы с газом VX, которые предоставило ЦРУ,

⁹⁰ Поимка Эйхмана и суд над ним были ненужным дорогим представлением, поскольку его вина была бесспорна. Желая повторить ситуацию с Менгеле, Израиль отменил операцию, вместо того чтобы просто убить его на месте обнаружения.

потому что сотрудник, который привез их, мог их подделать. В качестве альтернативы, вероятно, предлагалось пригласить террористов в суд. Обычно люди доверяют правительствам в важных вопросах, таких как денежная политика, и не углубляются в детали; однако когда дело касается вопросов разведки, людям нравится подвергать все сомнению, требовать доказательств обвинений. Невозможно открыть источники, и нехватка информации порождает недовольство. Вопросы разведки должны держаться в секрете, даже если это оскорбит общественность.

Цель полицейских операций – раскрывать уже совершенные преступления. Израилю необходимо агентство, специализирующееся на *предотвращении* терактов. Такое агентство не сможет действовать в зале суда, потому что будет преследовать людей, вина которых не доказана, но известна, пусть даже немногим. Такие люди могли еще не совершить преступление, а лишь планировать его. Агентство должно действовать подобно раннему «Моссаду», еще не испорченному бюрократией и политической ответственностью. Его глава должен отвечать только перед премьер-министром и в общих чертах, чтобы предотвратить утечки информации. Правительство не контролирует Центральный Банк: почему оно должно контролировать разведку? Срок пребывания в должности может быть ограничен пятнадцатью годами с последующим сохранением оклада. Преступники подойдут для секретных

заданий; организации, действующие вне рамок закона, нуждаются в людях с соответствующим опытом. Агентство должно действовать как спецназ, совершая облавы на вражеские лагеря в других странах, убивая сторонников и поощряя инакомыслящих. Израиль должен создать несколько таких независимых единиц, небольших и свободных от бюрократии. Спецслужбы по-прежнему будут ограничены в действиях, имея право убивать лишь узкий круг террористов и их сторонников. Один или трое судей Верховного Суда могли бы расследовать самые неоднозначные дела на закрытых заседаниях. Не нужно бояться, что агентство, действующее за границей, начнет злоупотреблять своими возможностями внутри страны. Можно привлечь частные агентства безопасности, которые более гибки и не зависят от государственной кадровой политики. Правительство могло бы участвовать в их совещаниях или выдавать контракты на конкретных подозреваемых. Частные шпионы могли бы продавать правительству информацию.

Возможности отдельного гражданина ограничены в сравнении с обществом в целом, и он не может сильно навредить ему. Это позволяет государству ждать, пока преступления не произошли или почти не произошли, перед тем как наказать преступника. Правительства же полагаются на более-менее обоснованные предположения в сфере внешних отношений и почти никогда — на установленные факты. Отношения с другими странами можно сравнить с тем, как

полиция преследует гражданина за поиск нелегального оружия в Интернете, хотя он еще не только никого не убил, но даже не купил его.

Это единственный практический подход. Поскольку страны стремятся во что бы то ни стало предотвратить первый удар по себе, при наличии достоверной угрозы они применяют упреждающие меры против потенциального агрессора. Арабская агрессия против Израиля налицо. Цивилизованные страны могут отпустить нескольких виновных, чтобы избежать наказания невиновных, но нельзя ждать атаки и лишь *затем* совершать возмездие. Если бы Израиль атаковал арабские государственные объекты, это не стало бы наказанием невиновных, поскольку арабские режимы поддерживают террористов. Те, кто осуждает отход от стандартных судебных процедур и гражданского права в международных военных отношениях, не понимают основных вещей. Даже та формальная приверженность международному судебному праву, которой придерживается Израиль, и та чрезмерна – оно мешает совершать нужные действия и ослабляет общественную поддержку чрезвычайных военных мер.

Сирия, Саудовская Аравия и Иран открыто поддерживают террористов, и большинство арабских стран подстрекают боевиков и рядовых арабов против Израиля, одновременно с этим провозглашая готовность к примирению. Однако уличить их в этой политике довольно сложно. Даже когда есть факты, они не

могут быть раскрыты из соображений секретности. В любом случае, суд не принимает улики, добытые нелегально. Следовательно, Израиль должен отказаться от претензии на легальность и начать действовать эффективно. Война против терроризма требует наносить удары по людям, которые его поддерживают, без формальностей и промедлений, где бы они ни находились, не только в беззащитной Палестине, а повсюду. Эта идея не нова - Израилю уже приходилось преследовать «Организацию освобождения Палестины» вплоть до Туниса. Новшество может состоять в том, что атаковать нужно не только слабые страны, но и богатые. Эта политика не приведет к актам возмездия или затянувшимся конфликтам; в конфронтации с Израилем ни у одной арабской армии нет шанса. Война Израилю даже на руку, потому что его армия сильнее, чем у противников, и он может демилитаризовать их. Вероятно, и сами арабские страны не откажутся прекратить поддерживать террористов, финансово или как-то иначе, когда они станут для своих спонсоров источником головной боли. Если какой-то Бин-Ладен террористическим шантажом добился от Саудовской Аравии финансирования и прекращения преследований террористов, то израильская армия тем более должна своим террором заставить саудовцев сотрудничать с Израилем. Арабские страны, поддерживающие террористов, посягают на суверенитет Израиля, и Израиль должен платить той же монетой.

Превентивные или произвольные военные действия

сегодня не считаются чем-то из ряда вон выходящим. Хотя в Корею и Вьетнаме США, действуя в рамках ООН, создали прецедент произвольного определения противника ООН, лишь после американского вторжения в Ирак возникло понятие превентивной агрессии, основанной на эфемерных доказательствах. Было ли это вторжение оправданным, другой вопрос. Речь о том, что это сделала страна достаточно сильная, чтобы своими действиями создать прецедент. Если Израиль заимствует эту стратегию, он может рассчитывать на помощь Америки, которая таким образом будет популяризировать и легитимизировать собственный ошибочный подход к Ираку. Израилю не долго предстоит наносить превентивные удары по террористам в одиночку; другие страны пойдут по этому же пути. В отличие от США в Ираке, у Израиля есть реальное свидетельство саботажа арабов.

Превентивные или карающие удары, особенно против таких богатых стран, как Саудовская Аравия, могут вызвать негативную реакцию мирового сообщества, однако она не будет искренней. Дестабилизация и угрозы на Ближнем Востоке толкают арабские страны в сторону Запада, в котором они видят защитника и арбитра. Когда террористы действуют обособленно, их местоположение выяснить сложно. Активно антиизраильские арабские страны можно обвинить в подстрекательстве и привлечь к ответственности. Мусульмане любят говорить о единстве, так что настало время разделить участь террористов.

Коллективная ответственность

Коллективная ответственность часто означает казнь членов преследуемой группы за реальные или вымышленные преступления. Массовые казни омерзительны, потому что такие они обычно планируются заранее и сопровождаются вымышленными обоснованиями. В случае Ближнего Востока коллективная ответственность имеет другое содержание. Главными субъектами являются не люди, а государства, а наказание должно включать уничтожение зданий, нефтяных скважин, ирригационных сооружений, электростанций и военной инфраструктуры. Мирные граждане должны гибнуть только за поддержку террористов – активную или путем злонамеренного игнорирования. Создание системы коллективной ответственности приведет к миру не гуманно, зато эффективно.

Израильско-арабская «холодная» война отличается от других военных действий только количественно. Потери среди гражданского населения есть в любой войне - не важно, поддерживает оно войну или нет. В ходе объявленной войны можно минимизировать потери гражданского населения, потому что расположение армий хорошо известно. Однако в народной войне помимо профессиональных военных участвуют и широкие круги населения, поддерживая армию и саботируя оккупантов. В случае сочетания националистической и крестьянской войны, как было в Алжире, Вьетнаме, Палестине, атакующей стороне

противостоят партизаны, скрывающиеся среди населения и зависящие от него в части финансов и ресурсов. Вести такую войну невозможно иначе, кроме как со значительными потерями среди гражданского населения. Израиль ведет именно такую войну и должен сознавать неизбежность больших потерь среди населения.

Наказание за коллективную ответственность вызывает в уме ситуации, когда диктаторы вырезали массу народа за небольшую провинность. Однако на Ближнем Востоке коллективная ответственность затрагивает только те страны, которые участвуют в антиизраильской деятельности и заслуживают наказания. Непосредственными целями актов возмездия Израиля могут быть не граждане, а правительственные и гражданские объекты.

Коллективная ответственность в военных операциях необходима в тех случаях, когда невозможно аккуратно осуществить правосудие в отношении отдельных лиц. За преступления Саддама Америка атаковала весь Ирак. Сирия жестоко наказала всех евреев, когда с целью разозлить Израиль и остановила восстание «Мусульманского Братства», разрушив город Хаму. Русские после окончания Второй мировой войны держали немецких солдат в трудовых лагерях. Французы не проявили разборчивость, убивая вьетнамцев и алжирцев. И так далее. Действия против гражданского населения неправильны столь же, сколько сама война.

Можно ли это назвать израильским терроризмом? В определенном смысле да, хотя в случае израильских актов возмездия потери гражданского населения являются сопутствующими потерями, в то время как для арабов они – основная цель. Арабские террористы целят не в израильскую инфраструктуру, а в мирных граждан. Имеет смысл бороться с проблемой теми же средствами. Полиция использует силу, чтобы остановить преступников; люди мирятся с насилием, если оно уменьшает другое насилие. Террористы не судят гражданских лиц перед тем как убить их. Почему же Израиль должен соблюдать судебные приличия, определяя и уничтожая террористов и их сторонников?

Термин *коллективная ответственность* вводит в заблуждение. Те гражданские лица, которые становятся жертвами актов возмездия, не являются ответственными с судебной или моральной точек зрения. Скорее, Израиль держит их в заложниках. Такая политика несправедлива, но война редко бывает справедливой. Между тем в долгосрочной перспективе эта политика может обуздать терроризм и минимизировать страдания.

Коллективная ответственность – понятие библейское. В Библии суду подвергаются целые нации. Идея не в том, чтобы пренебречь невинными, а в том, что общества более-менее гомогенны морально. Праведники (или толерантные граждане, как в нашем случае) могут покинуть землю зла. Такая

возможность была дана Содому, Дир-Яссину и Бейруту⁹¹.

Арабы ссылаются на коллективную ответственность, когда атакуют израильских мирных граждан или подстрекают к таким атакам. Арабы рассматривают терроризм против израильского населения как приемлемую военную тактику, целью которой является принудить Израиля пойти на политические уступки. У Израиля есть полное право поступать с арабами точно так же.

Действовать скрытно

Есть и иной подход в отношении тех противников, которые активно ведут подрывную деятельность, не сражаясь с Израилем явно. Лучшей политикой здесь будет «око за око». Такие страны, как Саудовская Аравия и Иран поддерживают антиизраильский терроризм открыто, хотя и не на государственном уровне. Соответственно, Израиль может поощрять неправительственные еврейские полувоенные организации, предпочтительно базирующиеся на Западном берегу, совершать карательные удары по экономической инфраструктуре государств, поддерживающих арабский терроризм. Радикальные еврейские группы, исповедующие маргинальные политические и религиозные воззрения и

⁹¹ Ливанцам не нужны визы на въезд во многие страны, так что они могли переехать, чтобы не попасть под бомбежку вместе с укрепившимися партизанами ООП. Более ограниченные в передвижении палестинцы могли бы переместиться либо в части города, не затронутые конфликтом, либо в другие места Ливана.

находящиеся за пределами собственно Израиля, в пустыне или на территориях, могли бы действовать даже несмотря на номинальное преследование со стороны государства, как это делают арабы. Прогресс в военной робототехнике сделал войну доступней для небольших групп. Израиль мог бы использовать тяжелые беспилотные самолеты⁹² класса «Предатор» с самонаводящимися ракетами «Хелфайр», при условии, что удастся приобрести их неофициально; управляемые по системе GPS⁹³ легкие беспилотные самолеты, вооруженные усовершенствованными обычными боеприпасами⁹⁴ и химическим оружием для предотвращения немедленного пожаротушения на атакованных нефтяных объектах. По-прежнему полезны более традиционные вооружения, такие как ракеты «Стингер», запускаемые с катеров. Еврейским радикальным группам не нужно брать на себя ответственность за эти акты. Пусть арабы ломают голову. Евреям нужен свой Усама.

Спорный вопрос, нужно ли израильтянам самим выполнять самоубийственные миссии, однако для этого можно нанять и язычников. Очень полезны такие инциденты, как с

⁹² Беспилотный самолет (англ. Unmanned Aerial Vehicle), относительно дешевый и трудно сбиваемый из-за небольшого размера.

⁹³ GPS (англ. Global Positioning System), система глобального позиционирования – устройство, принимающее сигналы со спутника и используемое для позиционирования и наведения на цель.

⁹⁴ Дорогие, но гораздо более эффективные взрывчатые вещества, чем обычное вооружение. Эффективны при использовании совместно с легкими беспилотными самолетами.

лайнера «Ахиль Лауро»⁹⁵. Можно таким же образом компрометировать террористические группировки. Террористы уже начали угрожать арабским странам, особенно Египту и Саудовской Аравии. Отказ саудовцев подчиниться политическими требованиями Бин-Ладена привел к нескольким взрывам. Израиль мог бы стимулировать исламских террористов атаковать как иностранцев, так и местных чиновников. Не составит проблемы найти какого-нибудь бедного араба, готового выполнить самоубийственную миссию, чтобы помочь семье. Под угрозой непрекращающихся «терактов» у саудовцев нет будет причин подкупать именно «Аль-Каиду» – гораздо выгоднее противостоять всем террористам, включая «Аль-Каиду». Реальные или имитированные теракты в Европе могут вызвать преследование исламистов.

Предсудителен ли подобный обман с моральной точки зрения? Вовсе нет. У израильского правительства только одно фидуциарное обязательство – перед евреями, даже не перед израильскими арабами, чье гражданство – лишь уступка

⁹⁵ Партизаны Народного Фронта Освобождения Палестины захватили этот корабль в 1985 году вместе с четырьмя заложниками. При этом они убили 69-летнего американско-еврейского инвалида, что привело к взрыву негодования и охлаждению мирового общественного мнения к «Организации освобождения Палестины». Итальянская полиция сразу же после этого освободила Махмуда Аббаса, главу террористов, вместе с двумя другими членами группы. Израиль не стал наказывать Аббаса, который открыто жил в Газе с 1996 года, а недавно американцы захватили его недалеко от Багдада.

мировому общественному мнению. Нет смысла беспокоиться о том, что подумает *международное сообщество* - сборище потомственных антисемитов, потомков тех, кто убивал и преследовал евреев, людей, которым нет никакого дела до безопасности Израиля. Да и с каких это пор обман и хитрость на войне считаются неправильными⁹⁶? Израиль де-факто находится в состоянии войны с большинством арабских стран.

Израилю не помешало бы извлечь урок из обмана Садата. В отличие от Израиля, который хвастался военной мощью, но был лишен решимости использовать ее, Египет в 1973 году сначала изобразил слабость, а затем ударил так сильно, как только мог, расстроив все карты и вынудив Израиль подписать мирное соглашение.

Заставьте арабов воевать за Израиль

Чтобы минимизировать собственное участие, некоторых арабов можно склонить на сторону Израиля. Это вполне возможно. Бедуины постоянно нападали на своих оседлых братьев. Арабы в одной стране постоянно воюют с арабами в другой. Так же поступают кланы внутри одной страны. Специалисты в психологической войне предоставят нужное оправдание. Хотя сложно заставить арабов воевать за Израиль, они с готовностью обратятся против палестинцев, спонсируемых Ираном фундаменталистов или любых других внутренних

⁹⁶ Мухаммеду приписывается фраза «Война – это обман».

арабских врагов. Очень легко раздуть суннитско-шиитскую вражду. Убийство имамов-миротворцев может спровоцировать затяжные конфликты. Богатые арабы могут финансировать вендетту против террористической группировки, убившей их родственников.

Сложно привлечь людей из идеологически мотивированных разведслужб и террористических групп. Решение состоит в том, чтобы найти предателей и внедрить их в эти организации. Поможет и объявление награды за саботаж или разведку, а также убийство лидеров террористов. На внедрение могут уйти годы, но финансовые результаты компенсируют предателям затраченное время. Миллионные награды не столь высоки в сравнении с суммами военного бюджета, которые они позволят сэкономить⁹⁷. Должен быть простой доступ к программе, например, вебсайт, где участники могут связаться с израильскими спецслужбами⁹⁸ или арабскими организациями, борющимися против определенных террористических групп. С помощью больших наград можно привлечь к саботажу наемников – ведь даже евреи, в основном уголовники, сотрудничают с враждебными арабскими группами. Израиль

⁹⁷ Большие награды нужно выдавать только ценным шпионам, которые затратили на внедрение годы или десятилетия и знают цену своим услугам. Рядовые перебежчики недороги.

⁹⁸ Пока писалась эта книга, «Моссад» наконец-то открыл вербовочный сайт. «Моссаду» по-прежнему нужно обеспечить прокси-доступ к сайту, чтобы арабы могли заходить на него скрытно.

должен учиться вести войну чужими руками. Завоевания без войны должны финансироваться с военным размахом.

Выполнение требований террористов не ведет к миру

Мусульманские террористы предлагают Израилю соблазнительное решение: отказаться от несущественных земель. Соблазн быстро покончить с войной подрывает решимость израильтян, и так склонных идти тупиковым путем уступок.

«Хамас» выжимает Израиль с территорий так же, как «Хезболла» из Ливана – шаг за шагом. Поддаться их требованиям унижительно. Однако требования гибки: уйти сначала из Синая, затем из Ливана, затем с Голанских высот, затем из Иудеи и Самарии, и в итоге вернуться к границам Израиля 1948 года. Такие территориальные потери за менее чем сорок лет показывают, что политика примирения неверна – и бесконечна. Если Израиль отдаст все территории, следующим требованием будет часть Иерусалима – и не только в виде административной автономии для мусульманских священных мест. В конечном итоге Израилю придется смириться с правом беженцев на возвращение, причем с компенсациями. Ничто не мешает арабским террористам сражаться до тех пор, пока Израиль не исчезнет; и действительно, они сами признают, что каждое соглашение – лишь промежуточный шаг к этой цели. Выполнение требований арабов предполагает, что они прекратят

подрывную деятельность, как только достигнут разумных целей. Ничего подобного, в частности потому что разумные цели они понимают иначе, чем израильтяне.

Формальный мир не обязательно положит конец терроризму

Мир с арабскими странами не обязательно решит проблему терроризма в Израиле, по крайней мере не надолго. Останутся не согласные с существованием Израиля. По мере того как арабы богатеют и становятся менее склонны к агрессии, теракты станут более редкими, однако они останутся и станут более смертоносными.

Невозможно уничтожить всех террористов. Терроризм – это эффективный политический и военный инструмент. Арабы использовали его всю свою историю, вспомним бедуинскую тактику быстрых ударов и отступлений. Даже если на Ближнем Востоке воцарится мир, радикальные группы продолжат заниматься терроризмом, а Израиль всегда будет привлекательной мишенью для антисемитов. Вот почему мир не обязательно положит конец терроризму. В отличие от других стран, крошечный и переполненный Израиль не может допустить даже один масштабный теракт, такой как атака на Всемирный торговый центр и Пентагон в 2001 г. Израиль не может полностью избежать терроризма, поэтому он должен найти такие превентивные контрмеры, которые позволят

уничтожить его в зародыше.

Никаких тактических переговоров с террористами

Израиль должен вернуться к политике отказа от переговоров с террористами, включая обмен заложников. Такие обмены убивают больше людей, чем спасают, потому что отпущенные на свободу террористы продолжают убивать евреев. Израиль на войне, а все израильтяне на фронте; люди как погибали, так и продолжают погибать, не важно, до или после переговоров, до или после освобождения террористов. Что важно, так это статистика. Уступки террористам лишь развязывают им руки. Похищение людей не только выгодно, но и безопасно. Похитители знают, что если их поймают, то они будут обменены. Израиль должен предъявить ультиматум любой стране, которая держит заложников или военнопленных, угрожая ей нападением. Это должно остановить взятие заложников. Израиль также должен вернуться к объявленной, но никогда последовательно не проводившейся⁹⁹ практике отстрела каждого убийцы евреев. Нужно репрессировать семьи и соседей террористов, брать целые деревни заложниками, а также взорвать пару мусульманских университетов. Несправедливо? Так же, как любая военная мера. Достаточно того, что это

⁹⁹ Не все участники даже мюнхенского теракта были уничтожены. Поиск как минимум одного из них был отменен, а один из организаторов теракта, Амин аль-Хинди, сейчас официально работает в палестинской администрации.

эффективно.

Похищение людей превратилось в бизнес: есть риск, но есть и выгода. Отказавшись от переговоров, Израиль уничтожит доходную часть баланса. Похищение людей станет эквивалентно уголовному убийству граждан – ужасно, но без особой выгоды вроде освобождения террористов¹⁰⁰. Политика отсутствия переговоров с террористами предотвращает эскалацию и уменьшает необходимость в боевых действиях.

Компромисс важен для государств и стабильных политических групп, которые вынуждены держать слово для сохранения доверия. Компромисс не имеет никакого значения для независимых групп, таких как ООП, от которых отпочковываются радикальные группировки по мере того, как центральное звено становится более умеренным. Компромисс имеет тактическую ценность в обычных военных действиях; например, прекращение огня часто предотвращает большие потери. Потери от терроризма статистически незначительны, а политический и военный ущерб от тактического перемирия с террористами перевешивает значимость спасенных жизней.

Обвинение в том, что отказ от переговоров равносителен тактике армий 19-го века, маршировавших под пушечным огнем, не верно. Теракты обычно не ведут к большому материальному

¹⁰⁰ Израильские ошибки достигли кульминации при обмене Танненбаума, когда больше сотни арабов, из них много террористов, были обменены на похищенного еврея-наркоторговца.

ущербу, эффект от них в основном психологический. В терактах гибнет меньше людей, чем в автокатастрофах. У террористов закончатся добровольцы-смертники задолго до того, как общество постигнет коллапс –если они не начнут использовать оружие массового поражения или атаковать дорогостоящие объекты. Враг должен понимать бесплодность своих действий, ему нужно оказывать сопротивление в форме отказа от уступок, даже если это будет означать небольшие потери в жизнях и ресурсах. Если же терроризм причиняет существенный ущерб, то становится обычной войной, и тогда он менее мобилен и более уязвим.

В качестве логического продолжения политики отказа от переговоров нужно потребовать от других стран, в основном от Саудовской Аравии, не платить террористам. Общеизвестно, что террористические группы вымогают у некоторых источников полуофициальные пожертвования. Всякий, кто из страха стимулирует преступность, виновен. Любые выплаты террористам вредят интересам Израиля и должны быть прекращены.

В выкупе нет ничего нового. Древний закон требует от евреев выкупать похищенных ближних. Ватикан во время Второй мировой выкупил триста римских евреев за пятнадцать килограммов золота – аванс за пятьдесят килограммов, потребованных нацистами, хотя еще двенадцать тысяч евреев выслали и убили. Другие евреи – особенно богатые - были

спасены из рук нацистов в обмен на грузовики и бензин. Для израильского правительства одинаково важны все евреи. Уступив требованиям террористов, можно сегодня спасти одни жизни, но завтра потерять другие – такая политика понятна только если близорукое правительство хочет получить немедленную выгоду под залог будущего.

Политические переговоры с террористическими группами возможны

Поскольку терроризм – разновидность войны, то прекращению вражды могут предшествовать переговоры. В таких террористических организациях, как «Хамас» или «Хезболла», умеренных нет, и их «политические крылья» созданы с единственной целью – заманить Израиль в ловушку диалога. Следовательно, с ними необходимо говорить так же, как с любой политической структурой, которая преследует свои цели военными методами. Переговоры могут быть как тактическими, так и стратегическими. На тактическом уровне – например, обмен заложников – компромисс недопустим. Во время боя не обмениваются заключенными, и командиры враждующих сторон не договариваются о частичном отступлении для пополнения боеприпасов. В условиях партизанской войны тактический компромисс тем более неприемлем, поскольку боевики могут легко получить преимущество на переговорах, захватив в заложники несколько

гражданских лиц. На стратегическом уровне нет причин избегать политических переговоров даже с боевиками. Различие между этими видами переговоров размыто, поскольку политические соображения влияют на тактические расчеты. Компромисс возможен и в террористической войне - с позиций нападения. Ведя переговоры о заложниках, Израиль должен не предлагать выкуп, а давать обещание не разрушить базы противника или гражданские объекты в актах возмездия за данное похищение. Сейчас происходит так, что террористы всегда на шаг впереди: за каждую акцию Израиля (например, арест боевиков) они угрожают новой акцией до тех пор, пока не будет аннулирована предыдущая (освобождение боевиков). Если Израиль будет проводить переговоры в наступательном ключе, он перехватит инициативу: никаких компромиссов ни по прошлым ситуациям, ни по планам на будущее, кроме как по эскалации. Такая политика обозначит возвращение к военным реалиям, когда побеждает сильнейший и более решительный.

За свою современную историю Израиль не выиграл ни от одного соглашения о прекращении огня. Перемирие 1948 года было заключено, когда Израиль и так выдворил последнего врага. Синайский договор не принес существенных экономических выгод взамен на выполнение требований египтян. Израиль должен вести переговоры только с целью назначать собственные условия. Нужно пытаться не остановить агрессию, а вынудить арабов молить о переговорах. Можно

увеличивать требования ежегодно и реализовывать их, пока арабы не сдадутся, чтобы остановить дальнейшие разрушения. Можно начать с того, что присваивать одну квадратную милю палестинской территории за каждого убитого террористами израильтянина.

У терроризма – отличное будущее

На фоне хитросплетений политики и обыкновенной войны терроризм выглядит просто. Взрыв Всемирного торгового центра в 1993 году осуществили идиоты, которых поймали, когда они пытались получить обратно залог за фургон, который только что взорвали. Просчеты во время атак 2001 года не привели к провалу террористов только потому, что американские спецслужбы расслабились. Террористы часто необразованны и патологически агрессивны, муллы и националисты ежедневно промывают мозги новым когортам смертников.

Терроризм станет более всеобъемлющим; террористы будут действовать в сферах от вымогательства до помощи мелким странам в борьбе против крупных. Это вызовет приток в ряды террористов. Маленькие страны и одиночки-психопаты, которых традиционно не воспринимали всерьез, с помощью терроризма будут требовать к себе повышенного внимания. Бомбисты-смертники представляют собой либо идеологизированных психов, либо глупцов, и по глобальным военным стандартам не играют большой роли. Однако со

временем появятся ученые-одиночки – например, недовольные биологи университетов со смертоносными вирусами, – которым придет в голову мысль об ассиметричных военных действиях. Появятся легендарные злые гении, которые поднимут терроризм на такой уровень, на котором ущерб от него будет сопоставим с ущербом от полноценной войны. Если правительства будут готовы контратаковать и мириться с потерями среди гражданского населения, террористам останется сосредоточиться на частных целях, таких как вымогательство. Появятся не только гангстеры и Робин Гуды, но и фанатики-революционеры, не обремененные разборчивым отношением к способам финансирования своего сияющего пути. Богатых арабов-экспатриантов будут заставлять финансировать *джихад*; затем систематическому доению подвергнутся западные корпорации и богатые нефтью арабские страны. Крупные транснациональные корпорации не увидят для себя пользы в сопротивлении террористам. Они уже показали, что допускают возможность выкупа, когда подкупали профсоюзы или давали взятки иностранным чиновникам. Корпорации с их непрозрачной финансовой отчетностью будут важными целями террористов. Какая корпорация захочет рискнуть большим заводом, когда можно тихо откупиться от шантажистов?

Атаки 11 сентября создали в США большой рынок антитеррористических услуг. Следующей очевидной целью в США станет Лас-Вегас, эпицентр американского декаданса.

Между тем бомбежка целей в провинции проще, она обладает бóльшим устрашающим эффектом и показывает, что никакой регион не застрахован от взрывов. Террористы обратят внимание на Испанию¹⁰¹, которую мусульмане считают частью исламского мира. Растущее мусульманское население Франции столкнется с националистами, создав почву для вступления в конфликт террористов. Таким странам, как Индия, Филиппины, Индонезия и Россия также потребуется помощь в борьбе с террористами. В ситуации, когда американская армия остается бесполезным колоссом¹⁰², Израиль мог бы заняться экспортом антитеррористических услуг. Хотя в целом пресса осложняет и преувеличивает глобальную проблему терроризма, количество желающих попробовать себя в терроризме не уменьшается, включая христианских радикалов в США. Израиль должен помогать своим компаниям, работающим в сфере безопасности. Они могут составить большую долю в израильской экономике, притягивая те ресурсы, которые сейчас тратятся на традиционную войну в разных частях мира. Когда люди поймут, что государство не может их защитить, частный капитал польется в наемные службы безопасности.

Обычное вооружение и крупные армии бесполезны против терроризма. Их заменили опыт и специальное

¹⁰¹ Лекция, отрывок из которой здесь использован, была сделана в октябре 2001 года до взрыва поезда в Испании.

¹⁰² Немногие страны были хорошо подготовлены к оборонительной войне. В мирное время боеготовность слишком дорого обходится.

электронное оборудование. Те страны, которые тратятся на устаревшие методы ведения войны, скорее всего, никогда их не применят. Если же и применят, в этой войне в любом случае не будет победителей. Израиль должен готовиться к войне нового типа, при которой угроза исходит от оружия массового поражения, разработанного в небольших лабораториях и доставленного бомбистами-смертниками. Израиль должен научиться противостоять этой угрозе. Опыт Израиля в сдерживании терроризма будет полезен и для других стран, столкнувшихся с необходимостью полного пересмотра военной доктрины. Помимо экономической выгоды, Израиль мог бы достичь лидерства в области ассиметричных военных действий, как оборонительных, так и наступательных. Небольшая страна может оказаться сильной в эпоху технологичной и мобильной войны, когда достижимы даже отдаленные уголки земли и первостепенную роль играет преимущество в технологиях. Тенденция роста тактических возможностей вооружений достигла своего предела. Закон предельной полезности делает прогресс неэкономичным, и лишь немногие достижения – слишком сложные, ненадежные и дорогие – пройдут испытание на поле боя. Новая война увидит качественно новое оружие: недорогое и массовое; вместо самолетов стоимостью в миллионы – одноразовые «игрушечные» самолеты за тысячу долларов, нацеленные на технику и объекты противника; вместо оборудованных по последнему слову техники солдат и машин

пехоты – мириады внедорожных «игрушечных» машин, движущихся на позиции врага. Люди умирают за высокие идеалы, главный из которых – убийство врага. Необходимость отдать свою жизнь для уничтожения дешевых, массово производимых устройств будет психологически означать бессмысленную утрату жизни и посеет страх. Израиль должен изобрести новую армию, а не пытаться финансировать старую.

Сдерживание массовых беспорядков

Израилю необходимы новые методы противостояния беспорядкам. Резиновые пули для одних слишком слабы – бунтовщики продолжают бунтовать; для других слишком сильны – пресса любит показывать крупным планом чьи-нибудь раны. Израилю стоит рассмотреть возможность применения бесконтактных средств, таких как инфразвук, стимулирующий подсознательный страх, сверхгромкий звук, зловонные добавки к воде, раздражающие газы, а также «веселые газы», вызывающие сначала гиперактивность, а затем апатию. Менее техническое решение – культивировать оппозицию, которую можно натравливать на демонстрантов, провоцируя уличные драки.

Многие правительства жестко обходились с демонстрантами. Американская полиция убивала забастовщиков во времена протестов рабочих. В 1990-х годах Россия дважды выводила в Москве танки против участников протестов, а

насилие в провинциях было просто варварским. Франция подавила восстания в Индокитае и Алжире; Британия – в Ирландии; Испания – в стране басков. Арабские страны не позволяют протестовать ни гастарбайтерам из Индии, ни шиитскому меньшинству. Ситуация в Израиле далека от романтики – прекратите поступать с демонстрантами романтически.

Избегать боев в условиях города

Нацисты продемонстрировали, что с партизанами можно успешно бороться, если поступать бесчеловечно. Если же вы хотите быть человечными, позаботьтесь сначала о собственных людях, защитите их от террористов. Это же относится к городским боям, наподобие тех, что Израиль вел в Бейруте. Стараясь защитить арабов, израильское правительство убило многих евреев. В мире притворной человечности нужно иметь храбрость, чтобы убивать. Продвигаемое израильской прессой равнодушие к собственным войскам в пользу населения противника подрывает боевой дух армии как ничто другое. Война предполагает потери среди гражданского населения противника. Лучше убить вражеских гражданских лиц, чем потерять израильских призывников. Если Израиль не готов принять эту аксиому, ему не стоит отправляться на войну, но просить о мире на условиях арабов. Израиль должен не бросать пехоту в городские бои, а бомбить города, дав гражданскому

населению возможность покинуть зону.

Практические антитеррористические меры

Израиль может уничтожить народную поддержку терроризма в среде арабов, нанося удары по гражданскому населению, разрушая поселения и выселяя их жителей. Нужно уничтожить финансовую поддержку, нанося удары по странам и людям, поддерживающим терроризм. Практикуйте внедрение агентов и шпионаж, предлагайте награды за террористов и затем уничтожайте их, невзирая на потери среди гражданского населения. Израиль должен охотиться на всякого, кто даже косвенно связан с террористами. Нынешняя ситуация, когда известные террористы открыто перемещаются, просто нелепа. Запретите на территориях любое оружие, кроме легкого вооружения полиции. Владение оружием должно стать наказуемым преступлением.

После революции 1917 года большевики искоренили монархическую и демократическую оппозицию как в России, так и за рубежом, создавая фальшивые оппозиционные организации, которые якобы совершали дерзкие операции в России и заманивали диссидентов. Израиль предпочитает провокаторам коллаборационистов, с предсказуемо плачевными результатами.

В Израиле нужно завернуть гайки: паспорта с отпечатками пальцев, биометрические замки в каждом общественном

здании, камеры с распознаванием лиц, детекторы, определяющие напряжение в голосе, необычное статическое электричество на пальцах и следы взрывчатых или токсичных веществ, повсюду счетчики Гейгера и широкая нейтральная полоса на границе. Вся страна должна превратиться в гигантскую лабораторию с химическими и радиологическими сенсорами на каждом углу. Специальные ограничения и жесткий контроль передвижений арабов в Израиле являются мерой шовинистической, но необходимой. Можно начать с иностранных арабов и постепенно перейти к арабам израильским, которые в целом лояльны, хотя многие из них поддерживают Палестину. Такие меры приведут к отчуждению израильских арабов и заставят их покинуть страну.

Микроуровневые военные действия требуют микроуровневой разведки. Израиль должен создать эвристическую базу данных, где будет храниться информация об иммиграции, образовании, медицинском обслуживании, полицейской истории, работе, финансах, потребительских привычках, взятых напрокат книгах и фильмах, налоговых выплатах, знакомствах, телефонных звонках, почтовой и электронной переписке, посещенных Интернет-сайтов, коммунальных услугах, путешествиях, поездках внутри страны, друзьях и коллегах, принимаемых лекарствах, отзывах соседей и другие данные. Подобно «Эшелону», американской компьютерной системе, сканирующей телефонные звонки и

электронную почту, эта система должна выявлять определенные ключевые слова в телефонных переговорах и почте. Она должна быть интегрирована с иностранными базами данных везде, где возможно. Такая система не ликвидирует терроризм, но она определит одних террористов и заставит других совершать ошибки. Полиция использует сети информаторов и собирает данные даже на простых уголовников; отказываясь от агрессивного сбора данных, правительство рискует тем, что отдельные террористы попадут в «слепую зону» радара, однако они слишком опасны, чтобы оставлять их без присмотра. Формирование отчетов без имен и предоставление имен только по ордеру суда предотвратит злоупотребления. Первоначально сбор данных нужно проводить только на неевреев.

Правительства должны выпускать паспорта только с биометрическими данными, причем распространить эту практику и на идентификацию внутри страны, такие как идентификация в аэропортах, внутренние паспорта и банковские транзакции. Отпечатки пальцев должны заменить паспорта, водительские удостоверения и кредитные карты.

Полная замена наличных денег на электронные позволит обнаружить тех, кто находится в Израиле нелегально. Туристы могут открывать временные банковские счета. Электронные платежи должны охватить все сферы, от рыночных торговцев до билетов в автобусе. Сканирование отпечатков пальцев – это недорогой и быстрый способ оплаты.

Влияние антитеррористических операций на гражданские свободы

Известным террористам будет крайне сложно прятаться при наличии централизованной базы данных. Обычным гражданам, конечно, тоже, но зачем им прятаться? Либералы протестуют против тотального контроля, апеллируя к возможности ложных обвинений, но на каждое ошибочное задержание приходится десятки скрывшихся преступников. Правительства не нуждаются в тотальном надзоре, чтобы следить за политическими оппонентами. Ресурсов современного государства вполне достаточно, чтобы справиться с этой задачей: правительства в любом случае борются с оппонентами. Тотальный контроль необходим исключительно для обнаружения и слежения за преступниками и террористами.

Закон запрещает только вторжение в частную жизнь. Пассивный мониторинг не является вторжением. Благоразумным, законопослушным гражданам нет смысла возражать, если какая-то машина будет собирать о них информацию. Проблемы возникают тогда, когда такими данными злоупотребляют. Это уже вопрос контроля над полученной информацией, но само ее получение безвредно. Правительства могут злоупотреблять огнестрельным оружием, но никто не предлагает разоружить полицию. Интересен опыт британцев, которые научились контролировать неконтролируемое: парламент ежегодно обновляет лицензию

секретной службы на внесудебные действия. Если возникнет крупный скандал, лицензия на убийство просто окончится. Такая умная система опирается на прессу, которая проводит собственное расследование вместо судебного надзора за спецслужбами. Законодатели верно подметили, что нередко прессе удается найти улики, ускользнувшие от суда, и узаконили это явление. Хотя общественность имеет право на прозрачное правительство, обычно люди доверяют своим лидерам более-менее слепо. Когда обнародуются детали денежной политики или государственного пенсионного инвестирования, эксперты высказывают противоречивые точки зрения, так что среднему гражданину остается лишь гадать, правильно действует правительство или нет. Секретные операции, активные антитеррористические агентства и сбор частной информации крайне важны в эпоху асимметричных войн, и доверие необходимо формализовать в виде закона. Если СМИ публикуют факты, убивающие доверие, лицензия заканчивается.

Не существует абсолютных свобод. Различные свободы находятся в динамическом равновесии. Так, свобода речи одного ограничена свободой другого не быть жертвой клеветы. Свобода печати ограничивается в военное время из соображений национальной безопасности. Право на частную жизнь может быть нарушено решением суда. Во время опасности, когда террористы пытаются овладеть оружием массового поражения, баланс должен быть смещен в сторону

права на жизнь. Не существует абсолютной защиты права на жизнь, поскольку в силу вступает закон предельной полезности, диспропорционально сокращающий другие свободы. Задача состоит в том, чтобы найти баланс безопасности, не создавая полицейское государство, жизнь в котором более безопасна, но менее радостна. Здесь и вступает в силу общественный контроль. Запад сегодня далек от фашистских репрессий. Напротив, нередко свобода слова и частной жизни доводятся до крайности, что угрожает праву на жизнь.

Крайности свободы совершенно бесполезны. Никому не нужна свобода подстрекать к убийству, собирать деньги для террористов или незаконно пересекать границу. Гражданам не нужна свобода посещения афганских гор или владения пулеметом. Свобода, доведенная до крайности, превращается в собственную противоположность. Крайние свободы полезны только для террористов и их сторонников, они противоречат жизненным интересам основной массы населения и должны быть устранены.

Опыт израильтян подсказывает, что даже со всеми необходимыми лицензиями спецслужбы не могут прекратить терроризм. Это и верно, и неверно. Верно в том смысле, что право на жизнь не может быть абсолютным. Даже если превратить страну в полицейский участок, всегда останется вероятность нападения. Израиль может лишь попытаться уменьшить эту вероятность ценой, экономически и морально

приемлемой для общества. И неверно по ряду причин. «Моссад» и «Шин-Бет» погрязли в бюрократии. Ситуация требует возврата к прежнему образу действий путем создания нескольких небольших агентств - менее подотчетных, менее политизированных - которые будут самостоятельно принимать необходимые решения в области безопасности. Израильские службы безопасности обременены ограничениями: никакого всеобъемлющего сбора данных, лихорадочное беспокойство о потерях среди гражданского населения и запрет наносить удары по подрывным элементам. Однако израильские спецслужбы тем не менее предотвращают множество терактов, и лишь небольшое число терактов удается совершить и разрекламировать.

Разумный подход к терроризму с применением оружия массового поражения

Никакие меры безопасности не могут полностью ликвидировать терроризм. Это очевидно на примере Израиля: крохотная страна, население которой очень озабочено проблемами безопасности, не может предотвратить каждый теракт. Усиленные меры безопасности в аэропортах лишь переводят внимание террористов на другие слабые места, такие как ночные клубы и автобусы. Когда была закрыта граница с Газой, террористы стали проникать с Западного берега. Террористы, как и неплательщики налогов, всегда находят

способы обмануть общество. Нападение всегда на шаг впереди защиты, которая только реагирует. Единственная хорошая защита – упреждающая, превентивная: атакуйте террористов, прежде чем они атакуют вас.

Изоляция арабов на оккупированных территориях и сегрегация израильских арабов – меры полезные, но не способные решить проблему терроризма. Террористам ничто не мешает посылать почтой бомбы, снабженные GPS-приемниками и детонирующие перед тем как их обнаружат спецслужбы; перевозить их в грузовых контейнерах или кораблях, встающих на причал в израильских портах. Арабы достаточно богаты, чтобы нанимать иностранных террористов и обходить визовые ограничения. Они могут регулярно нападать на израильтян за границей, пока те не перестанут выезжать или пока заграничные гостиницы не перестанут их обслуживать. Хорошая новость состоит в том, что еврейские террористические группы, если таковые появятся, смогут наносить удары еще более искусно, заставляя арабские правительства идти на уступки.

Раз Израиль не может выкорчевать терроризм с корнем, он должен ограничить его насколько возможно. Проблемы можно превратить в конкурентные преимущества. Будучи первым, кто столкнулся с «войной будущего», Израиль может занять лидирующие позиции в сфере антитеррористической техники и услуг – рынке, которому предстоит стать как минимум не меньше, чем нынешний рынок обычных вооружений.

Террористы разделят свои ограниченные запасы плутония на несколько бомб небольшого размера для большей надежности доставки и политического эффекта. Химический, биологический или ядерный удар по любому израильскому объекту не будет означать конец страны. Тотальная система безопасности минимизирует риск, а растущее население можно рассредоточить за пределы переполненных мегаполисов. Израиль может стать пионером инфраструктуры будущего: видеоконференции и сети данных вместо заседаний в тесном кабинете. Хотя Израиль не должен мириться с угрозой оружия массового поражения, он должен предусматривать возможность его использования террористами. Вероятность того, что какое-нибудь мусульманское правительство со временем обменяет Мекку на Тель-Авив, требует нетривиальных решений. Израиль должен рассмотреть возможность создания генетических банков и быть готовым использовать клонирование методом искусственного оплодотворения. Нужно не опасаться, а приветствовать генетические исследования, направленные на повышение сопротивляемости вирусам и радиации. Когда в руки террористов попадет достаточное количество атомных бомб, Израиль должен предпочесть еврейским идеалам еврейские жизни и эвакуироваться в Австралию, Аризону или любой другой политически нейтральный регион.

Паранойя по поводу атак с применением оружия массового поражения не продуктивна. Спецслужбы паникуют и

охотятся за любой потенциальной угрозой, любой информацией или дезинформацией. Кто гонится за всеми зайцами, не поймает ни одного. Любая вероятность выше нуля, однако национальное агентство безопасности должно игнорировать те сигналы, которые ему кажутся ложными, даже под угрозой ошибок с катастрофическими результатами. Апокалиптические сценарии маловероятны, так что спецслужбы должны сконцентрироваться на достоверных угрозах.

Израильско-арабская политика

Столкновение европейского и арабского менталитетов

Евреи принесли на Ближний Восток свой европейский менталитет, и столкновение с арабским менталитетом привело к войне. Мусульмане мирились с христианским королевством в Иерусалиме в период крестовых походов, и им ничто не мешало установить хорошие отношения с Израилем. Но евреи проигнорировали традиции Ближнего Востока и взяли власть силой – при помощи партизанской войны, иностранной поддержки и денег. Не имея возможности полностью сокрушить сопротивление арабов, Израиль лишь провоцировал его, особенно ввиду того что еврейские притязания основаны на религии отличной ислама. Насилия можно было избежать. У местных евреев были хорошие отношения с арабскими соседями и плохие – с европейскими евреями. Но из Европы прибыло столько евреев, пролито столько крови и обрушилось столько несчастий, что возврат к предыдущему состоянию был уже не возможен.

Арабы терпимо относились к евреям перед тем, как в 1920-х годах появилась угроза создания еврейского государства. До того времени мусульмане преследовали евреев куда меньше, чем христиане. Это конфликт между ближневосточной и

европейской культурами, не имеющий отношения к религии или территории. Раньше арабы легко поддавались на территориальные манипуляции. Британцы кроили карту арабского мира по своему усмотрению. Хотя со стороны арабы могут казаться единым целым, сами себя они так не рассматривают. Обычно ту легкость, с которой действовали британцы, объясняют тем, что они лишь подразделяли единую арабскую нацию – но это не так. Арабы, не подписывающиеся под пан-исламизмом и амбициозные арабские лидеры видят дело так, что британцы и французы взяли землю у одних (арабских) народов и отдали другим (хотя и тоже арабским) странам. Арабы пошли на поводу у британцев и французов по другой причине. Британцы поняли их менталитет, похожий на менталитет европейцев несколько веков до этого. Они пришли с военной силой, жестоковыйные но уважительные, относясь к арабам как к друзьям и союзникам; многие учили арабский и одевались в местную одежду. Русские правили в Средней Азии сильной рукой, но без серьезного вовлечения в местные дела, что также было проявлением уважения. Евреи же сделали прямо противоположное – они пришли слабыми, спасаясь от преследований европейцев, и не выказали никакого уважения к местному населению. Более того, израильтяне вели себя напыщенно, занимались морализаторством, уверяли арабов, что потеря земли для них – благословение. Если бы они планировали этот конфликт два тысячелетия, то и тогда не

додумались бы сделать его таким сложным и неприятным.

Мирное решение должно учитывать арабский менталитет

Мирное соглашение должно учитывать ближневосточный менталитет и то, как здесь ведутся дела. Израильяне должны признать, что именно они спровоцировали войну, пытаясь спроектировать европейские идеи и образ действий на местную культуру. Они действовали исходя из колониальных идей о превосходстве европейцев, что особенно иронично ввиду презрения европейцев к самим евреям. Арабы распознали ложь и обратили на израильтян всю ненависть, испытываемую к иностранцам и не ослабленную уважением аборигенов к европейцам. Возможность примирения была отодвинута в будущее.

Что еще хуже, израильские евреи со всеми своими политическими аналитиками, историками и психологами до сих пор не понимают своей поведенческой несовместимости. Почему британцев и в меньшей степени французов приветствовали в завоеванных странах вплоть до недавнего времени, хотя они совершали зверства гораздо хуже преследований евреями арабов? Ответ прост: люди прощают силу, когда ей сопутствует уважение. В Израиле арабы увидели беспомощного американского агента, смиренно умоляющего о мире, колеблющегося между страхом и нервной храбростью – и

не уважающего, а презирующего своих оппонентов.

Только культурно и экономически привлекательная империя может сделать завоеванный народ довольным. Множество евреев-монотеистов поселились в языческом Риме как до, так и после восстания 132 года н.э. В отличие от мексиканцев, которые потеряли треть своей территории, отошедшей к США, арабы никогда не примут господства Израиля до тех пор, пока он исповедует антиарабскую идеологию. Официальная израильская позиция враждебности к арабам представляется еще более странной ввиду того, что Израиль мог бы действовать исходя из библейского взгляда на арабов как братьев евреев. Израильская внешняя пропаганда должна изображать арабов как ближайших и лучших соседей евреев, которые вместе с евреями противостоят миру неверных, пусть даже это и несколько неискренне с точки зрения некоторых поступков Израиля. Но немногие вспоминают поступки; большинство находятся в плену слов. Ложь не может длиться вечно, но пока она работает, Израиль мог бы подружиться с арабами.

Есть и другой вариант: представить евреев как *дхимми*, которые нуждаются в помощи их арабских братьев. Если так представить дело, арабы могли бы предоставить военные гарантии и, возможно, деньги. Еврейские общины в мусульманских странах процветали веками, при этом не служа в армии. Иной вопрос - захотят ли израильтяне пожертвовать

своим самоуважением, чтобы добиться этой цели.

***Евреи должны уважать арабов и требовать уважения
от них***

Грань между осторожным уважением и ненавистью тонка. Сила и жестокость провоцирует и то, и другое. Действительно, бессилие рождает агрессию и антисемитизм. Соблазнительно, а возможно и необходимо, применять террор, отвечая антиизраильским организациям, которых так много в мусульманском мире – начиная от дискредитации их лидеров и заканчивая взрывами офисов. Но достаточно ли только жестко отвечать на теракты и акты неповиновения? Нет. Текущая политика лишь провоцирует в арабах больше ненависти и решительности на ответные действия, как открыто, так и посредством терактов. Чтобы заслужить уважение, Израиль должен продемонстрировать свою силу вне зависимости от американской помощи¹⁰³. Нужно относиться к врагам справедливо и с уважением. Но что самое главное, необходимо прекратить метаться, то прося о мире, то заявляя о далеко идущих территориальных претензиях на волне минутного

¹⁰³ Израилю нужно не отказываться от американской помощи, а продемонстрировать, что он может воевать и без нее. Это можно сделать, введя больше оружия собственного производства; возможно, оно будет уступать по эффективности американскому, но в любом случае оно лучше арабского. Доктрина о первом нанесении ядерного удара также может подорвать миф о зависимости Израиля от США. Однако главным фактором для получения международного уважения является сильная экономика.

тактического успеха 1967 года.

Арабы уважают силу и честь. Израиль не должен игнорировать признаки неуважения: несправедливое обращение с его гражданами, отсутствие израильских флагов на международных конференциях в арабских странах и уступки террористам. Пока Израиль сам не представит себя как сверхдержаву, арабы не будут относиться к нему соответственно. Арабам не нужен любящий кузен, если он не обладает силой. Может подействовать подготовка, военная или любая другая. Военные часто отличаются узколобостью, техническим догматизмом и лояльностью к воспитавшей их системе. Подготовка противника не является риском. Арабам уже известна тактика израильской армии. Русские и немцы перед Второй мировой учились в военных школах друг друга, однако использовали разные тактики и добились разных результатов¹⁰⁴. Если бы Израиль предложил арабам свои услуги в военной подготовке, арабские военные привыкли бы к Израилю, лучше узнали его народ и увидели, что арабам и израильтянам не обязательно враждовать.

Разделить арабов

Вместо того чтобы тупо относиться ко всем арабам как к одному общему противнику, Израиль должен разделить их. Во-

¹⁰⁴ Вскоре после этого русские убили почти всех своих офицеров, участвовавших в совместной учебе.

первых, следует перестать использовать слово «арабский» в прессе и заменить его на слово «палестинский». К прочим арабам нужно относиться лучше, чем к палестинцам. Сейчас происходит строго наоборот: Израиль предоставляет палестинцам безвизовый въезд, рабочие места и общий рынок. Нужно сотрудничать с удаленными мусульманскими странами, такими как Бангладеш и Пакистан, которые охотно пойдут на сотрудничество взамен на контроль над исламскими святыми местами в Иерусалиме. Израиль может возбудить конфликт между мусульманами предложением передать управление святыми местами представительскому органу, состоящему из всех мусульманских стран, включая неарабские. Это переведет дискуссию из религиозной плоскости в политическую.

Газовые и нефтяные запасы Средней Азии делают ее новой Саудовской Аравией, центром тяжести исламского мира. Не запятанные поддержкой иностранного терроризма, требующие помощи в борьбе с ним у себя, менее ксенофобные, среднеазиатские страны представляются лучшими партнерами для Запада, чем арабы. Рост национализма не должен отпугивать Запад, поскольку это жизнеспособная альтернатива исламизму. У Израиля нет споров с тюркским и персидским населением Средней Азии, которое в любом случае менее политически активно, чем остальные мусульмане. Израиль должен обеспечить себе сотрудничество правителей, а не наций. У Запада и Израиля есть шанс оказать влияние на мусульманские

республики, входившие в состав СССР, которые после многолетнего коммунистического правления стали полностью светскими, но сейчас могут воспринять либо исламскую, либо западную культуру. Их правительства нуждаются в политической и военной помощи, чтобы противостоять местным мятежникам и агитаторам, спонсируемым со стороны. Израиль может выступить как американским, так и российским посредником – выбор за ним. Россия может дать меньше денег, но больше устаревшего вооружения, которое Израиль мог бы передать своим клиентам; Америка, в свою очередь, обладает бóльшим политическим весом и культурной привлекательностью. Америка признает российские интересы в регионе, поэтому Израиль мог бы стать на сторону России. Израилю в любом случае нужны близкие отношения с Россией и Францией¹⁰⁵, и в этом смысле Средняя Азия является хорошим поводом для сотрудничества. Турция, с которой Израиль активно сотрудничает в военной сфере, имеет в этих странах плотные интересы и будет приветствовать расширение израильского участия, особенно ввиду того, что совместное продвижение в регионе будет

¹⁰⁵ Сдвиг Израиля в сторону США во время администрации Киссинджера привел к отчуждению Франции и укреплению ее связей с исламскими странами. Этот ход был слишком явным и агрессивным по отношению к Франции, которая поддерживала Израиль на протяжении многих лет. Нынешние хорошие отношения с Германией могут поспособствовать восстановлению израильско-французских отношений. В обратном случае ЕС продолжит укреплять связи с палестинцами, заменив собой СССР в качестве спонсора, что помешает Израилю наносить удары возмездия.

означать лицензию США на расширение турецкого влияния, о котором у Вашингтона сейчас нет четкой позиции.

В отличие от арабского Египта, персидский Иран не может самостоятельно возглавить исламский мир, хотя и очень хочет этого, что открывает Израилю возможность политики на основе баланса интересов. Америка не может держать свою помощь Ирану в секрете, а Франция слишком возгордится улучшением отношений с Ираном, чтобы помогать без шума. Иран предпочтет получать секретную помощь от Израиля. Высокомерные персы смотрят на арабов свысока, и Иран более открыт Западу, чем другие крупные ближневосточные страны, включая Египет. В отличие от арабов, персы давно преодолели кочевую стадию, обладают некоторой трудовой этикой, уважают образование и собственность и потому более готовы к экономическому развитию. Исторически они были дружелюбны к евреям. Иран без фундаменталистов, ставший на путь развития, был бы лучшим другом Израиля в мусульманском мире.

Израиль должен поддерживать арабских повстанцев. Ближний Восток, состоящий из мини-государств с ограниченными военными ресурсами, борющихся друг с другом, был бы безопасен для Израиля. Израиль может стать их арбитром. Когда закончится длительный период внутренних раздоров и в регионе наступит единство, Израиль уже будет неотъемлемой частью политического ландшафта, к нему начнут

относиться не с подозрением, а с уважением.

Состояние, при котором государства деградируют до враждующих кланов, «афганизация» Ближнего Востока, породит множество антиизраильских террористических групп под крылом местных полевых командиров. Сильные арабские правительства способны лучше бороться с террористами, однако влияние демократизации и фундаментализма приведет либо к демонтажу существующих арабских режимов, либо к ослаблению их до такой степени, что они уже не смогут пресекать поддержку терроризма. В ситуации, когда арабские государства несостоятельны, Израиль может наносить удары по базам террористов, лишенных государственной поддержки.

Арабские режимы и клирики фундаментализма используют антиизраильскую риторику в борьбе со своими внутренними оппонентами, придерживающимися прогрессивных взглядов на вопрос Израиля и западной культуры в целом. Изображение внутренних оппонентов как пятой колонны было стандартной тактикой в СССР. Такие обвинения опровергнуть невозможно, поэтому Израиль должен научиться их использовать. После того как Советский Союз обвинил миллионы невинных людей в империалистическом заговоре, их преемники-диссиденты втерлись в доверие к западным державам и действительно создали то сближение, в котором их ранее ложно обвиняли. Действуя через своих европейских посредников, Израиль должен наладить связь с арабскими

диссидентами: шиитами, несколькими умеренными исламистами, демократами всех разливов вплоть до социалистов, и предложить им братскую международную помощь.

Борьба с Израилем на сегодняшний день является единственной военной задачей арабов. Израиль должен предложить им другие цели. Можно спонсировать христианское государство в Ливане. Эту идею могла бы поддержать Сирия, которая не хочет, чтобы Ливан превратился в соперничающее мусульманское государство; сирийские христиане поддержали бы появление рядом христианского государства. Такое государство не сможет раствориться в Большой (мусульманской) Сирии и будет мешать сирийскому экспансионизму. Кроме того, Израиль мог бы возбудить христианско-мусульманскую вражду по всему Ближнему Востоку, после чего выступить в роли арбитра. Можно спровоцировать христианских радикалов напасть на мусульманские святыни в качестве ответа на атаки исламских террористов на Запад. Еще один вариант – поддерживать шиитское меньшинство и курдов, которые генетически близки евреям.

Саботаж экспорта нефти

Нефть - единственная причина, по которой арабы сохраняют свою значимость в современном мире. Без нее у них не было бы никакого экономического веса. Геополитическое

значение арабских стран пропало после того, как португальцы нашли морской путь в Индию. В век самолетов и ракет значение арабов без нефти минимально. Только нефть поддерживает арабские государства.

В течение Холодной войны арабов баловали и поощряли, чтобы сохранить стабильность международного рынка нефти на случай международного конфликта. Сегодня нефтяные компании из собственных корпоративных интересов лоббируют западные правительства, заставляя их идти на нерациональное региональное вмешательство. Таким образом, Израиль должен помогать западным компаниям получить российские и азиатские нефтяные концессии, чтобы отвести их внимание от арабского мира. Вхождение нефтяных нефтедобывающих компаний в страны, не участвующие в ОПЕК, поможет понизить цены и доходы арабов.

Даже важность арабских стран с точки зрения нефти часто переоценивается. Они только умеют поднимать цены. Россия и другие нейтральные по отношению к Израилю страны способны полностью удовлетворить мировую потребность в нефти. Бойкот арабского нефтяного картеля мог бы понизить цены с их текущего монопольного уровня, который не зависит от стоимости добычи. Организовать международный бойкот вовсе не сложно. Израиль мог бы найти союзников из числа различных потребительских и экологических групп, антикорпоративных движений, граждан, обеспокоенных проблемами лоббирования

и политической прозрачности, а также, возможно, среди других интересантов, таких как автомобильные компании. Консенсус среди импортеров нефти был бы желательным, хотя и не критическим. Арабские поставки нефти финансируют войну с Израилем, так что Израиль должен препятствовать им военными средствами.

В то время как СССР мог бы воспрепятствовать израильской агрессии против арабских нефтяных сооружений, Россия вряд ли пойдет на это. Нефтедобывающие компании влияют на российское правительство через коррупцию и налоговые поступления. Эти производители мечтают об американском нефтяном рынке и будут лоббировать российское правительство поддержать или хотя бы допустить разрушение Израилем арабских нефтяных поставок. Недавние попытки арабов войти на рынок сжиженного газа привели к столкновению с могущественным «Газпромом», крупнейшей российской корпорацией и крупным поставщиком газа. До второй иракской войны виды России на иракские нефтяные концессии могли бы заблокировать эту политику, однако сейчас война Израиля с арабскими нефтяными странами будет выгодна российским компаниям. Российские поставщики нефти и газа могут надавить на свое правительство с целью поддержать израильские атаки на арабскую нефтяную инфраструктуру, особенно в Саудовской Аравии, которая открыто поддерживает чеченских мятежников. Исламский терроризм в России побудит

российское правительство установить более тесные связи с Израилем, который единственный обладает значительным опытом в борьбе с терроризмом.

Несколько точечных террористических ударов по танкерам и трубопроводам могли бы остановить экспорт. В 2002 году «Аль-Каида» публично обратилась к мусульманам всего мира за данными об американских нефтяных трубопроводах, так что эта тема уже прозвучала. Иракские мятежники уже атаковали нефтяную инфраструктуру еще до американского вторжения. Израилю не обязательно брать на себя ответственность за атаки.

Легендарное арабское богатство – это химера. Если их теперешние доходы упадут, арабские лидеры не будут тратить на бесполезное вооружение, а крупнейшие арабские инвестиции вполне уязвимы. Финансовые аферы могут быть более эффективными, чем саботаж гражданских объектов. Разрушение экономической базы ислама – вот лучшая военная политика. Израиль должен выделять больше средств на саботаж своих врагов и поберечь армию.

Развитие атомной энергетики уменьшит потребность в нефти. Израиль должен мобилизовать ученых и прессу, чтобы опровергнуть сказки об опасностях атомных электростанций. Экологи будут лоббировать запрет автомобилей с двигателями внутреннего сгорания в западных городах и замену их на электромобили. Когда нефть будет не у дел, мусульман

постигнет забвение.

Политика в отношении Палестины и израильских арабов

Только жестокость может вселить страх в бедных людей

Тактика сдерживания действует только на тех, кто ценит свою жизнь. Нищие, живущие в лагерях, что имеет место в случае палестинцев, не боятся ракетных атак, которые вообще редко попадают в гражданские дома. То, что нищих бомбить бесполезно, видно на примерах Египта, Ливана и Палестины, где бомбардировки были едва замечены на фоне повсеместной бедности.

Один из вариантов – увеличить степень жестокости, чтобы напугать. Другой вариант – сделать их богаче, чтобы жестокость пугала еще больше. Вместо деревень Израиль мог бы угрожать богатым палестинцам, уничтожая их виллы. Богатые арабы вынудили бы народ прекратить поддерживать террористов. Международная пиар-компания пристыдила бы других арабов за то, что они не помогают своим палестинским братьям, и призвала бы их финансировать строительство в Палестине процветающего общества. Построенная арабами в Палестине инженерная инфраструктура стала бы мишенью потенциальных израильских актов возмездия. Процветающие общества не склонны к терроризму. Продуктивная занятость снижает пристрастие к войне, а бедность и избыток свободного времени

способствуют агрессии. Гуманитарная помощь рождает иждивенцев, у которых масса свободного времени на радикализм – вот почему Израиль должен выдворить из Палестины гуманитарные организации.

Саддам убил гораздо больше курдов, чем Израиль – палестинцев, он разрушал деревни и переселял жителей в концлагеря. Эта политика не подавила сопротивление режиму. Насилие – это метод, а не политика; важный метод, дополняющий принудительное переселение арабов из Земли Израиля.

Израиль не заинтересован в том, чтобы арабы были зажиточны

Представьте себе, чтобы Рим поставлял Карфагену зерно, технологии строительства храмов и проводил в нем конференции по греческой философии. Что изменилось в природе человека или целях войны? Почему Израиль должен помогать арабам достичь процветания?

Для Израиля существует два безопасных пути. С одной стороны, перманентный вялотекущий раздор между арабами, с другой – стабильный, процветающий Ближний Восток. Вопрос в том, как преодолеть опасные участки, лежащие на пути к каждой из этих целей. Хотя в долгосрочной перспективе процветание предпочтительней, арабам потребуются десятилетия, чтобы создать справедливое общество, и все это время Израиль будет в

серьезной опасности, особенно когда арабские правительства станут достаточно богаты, чтобы позволить себе агрессию. Межарабский раздор можно создать гораздо быстрее, и он отведет от Израиля основную опасность. Действительно, даже если Израиль убедит кого-нибудь построить в арабском мире фабрики, террористы начнут саботировать их, распугают людей и продолжают держать их в бедности – идеальная база для притока террористов.

Израиль не должен стремиться купить расположение арабов. Люди не благодарят тех, кто им помогает, особенно если подозревают их в корысти, зато клеветают на своих благодетелей, чтобы поднять самоуважение. Доброжелательность поднимает уровень запросов, и неспособность удовлетворить их вызывает недовольство. Палестинцы, самая быстро развивающаяся ненефтяная арабская экономика на Ближнем Востоке, поддерживают *интифаду*, хотя она вызвала нищету и забрала тысячи арабских жизней.

Если дать палестинцам временную работу в Израиле, это создаст иммиграционную проблему наподобие мексиканских нелегальных иммигрантов в Америке. Запрет трудовой иммиграции из Палестины не заработает мгновенно, однако с точки зрения перспективы это было бы лучшим решением. Изоляция палестинских арабов не мешает общему экономическому сотрудничеству с мусульманами. Те сотни тысяч арабов, которые работают в Израиле и продают

сельскохозяйственную продукцию, с экономической точки зрения заменимы. Израилю нужно лишь немного состоятельных арабов. Разделительная стена покажет палестинцам, что Израиль хочет забыть о них, их «государстве» и их проблемах. Въезд в Израиль им должен быть запрещен, независимо от причины.

Ни одна страна не волнуется о трудоустройстве своих бедных соседей, и Израиль не имеет никакого отношения к проблемам палестинцев. Они сами несут ответственность за свою жизнь. Израильтянам никто не помогал превращать пустыни и болота в сады, так что и сами они не обязаны помогать никому. Библия требует не причинять вреда, а не подлизываться к людям, чтобы помогать им – и уж конечно не строить экономику другой страны.

Израилю не нужно поощрять богатую Палестину

Решит ли Израиль аннексировать Западный берег или нет, в любом случае помогать палестинцам нет смысла. Субсидирование палестинской автономии – уступка шантажу, наподобие поставок Советским Союзом зерна в Германию перед началом Второй мировой войны. Израиль не должен заниматься выплатой палестинцам пенсий или требовать этого от их израильских работодателей. Отправьте все деньги, собранные Гистадрутом, Палестинской администрации, чтобы она их украла. А еще лучше использовать пенсионный фонд для выплат

компенсаций израильским жертвам террористов.

Экономическая помощь не нужна; люди должны преуспевать самостоятельно. Многие богатые арабы – потенциальные агрессоры. Международная помощь лишь усиливает неравенство и заставляет арабских крестьян завидовать Израилю¹⁰⁶. Израиль может распространять только нематериальные продукты, сельскохозяйственное ноу-хау, способствующие улучшению жизни его врагов. Они всегда останутся врагами, что показал опрос, проведенный после 11 сентября: несмотря на американскую военную помощь, Кувейт и Саудовская Аравия продемонстрировали высокий уровень поддержки террористов. Ни нации, ни отдельные люди не любят принимать помощь от богатых и сильных. Обычно люди обижаются, когда богатые дарят им подарки, за исключением случаев, когда даритель искренне заботится о получателе. Арабы расценивают израильскую помощь как расплату за прошлое насилие, которая должна купить их молчание в будущих вспышках насилия.

Обедневшая палестинская автономия – благо для Израиля. Такая страна людям не нужна, бедность способствует

¹⁰⁶ Даже при том, что обучение арабов создаст конкуренцию с израильскими фермами, особенно ввиду того что арабская рабочая сила в ПА дешевле, чем в Израиле, передача технологий вполне обоснованна. Конкурентоспособность зависит от постоянного совершенствования навыков. Слабая конкуренция в лице арабских ферм станет еще одним стимулом для развития израильских сельскохозяйственных технологий.

эмиграции. Признанное же палестинское государство в приемлемых для Израиля границах лучше было бы зажиточным – такое государство могло бы обуздывать терроризм и пропаганду фундаментализма. Однако палестинское государство не будет богатым, потому что это гигантский «бедный квартал», живущий на иностранную помощь и утопающий в преступности.

Существует разница между состоянием, которое нация создала трудом, и случайным состоянием в виде нефти или иностранной помощи. Естественное состояние обогащает все уровни общества, помогая людям переходить от политического радикализма к терпимости, поскольку все должны проявлять взаимную терпимость друг к другу, чтобы сохранять и использовать плоды своего труда. Богатство подавляет радикализм. С другой стороны, бедные люди нетерпимы как друг к другу, так и к остальным. Завистливые бедняки заполняют свое свободное время увлечением радикальной политикой и религией. Израиль должен приветствовать в арабских странах богатство, полученное естественным путем – но пока его не видно.

Израиль мог бы найти партнеров на Западе или среди богатых арабов, чтобы создать своего рода «план Маршалла» для бедных арабских стран. Хотя большинство арабов не готово к участию в современной экономике, такой план был бы выгоден во многих отношениях при полном отсутствии затрат со стороны Израиля. Он продемонстрировал бы добрую волю Запада. Он

создал бы местную буржуазию, озабоченную сохранением своих состояний, консервативную и подозрительно относящуюся к террористам, видя в них потенциальную угрозу своим прибылям. Он создал бы цели для израильских актов возмездия. Он перевел бы часть энергии радикалов и мулл в экономическое лоббирование. Он усилил бы арабские диктатуры путем финансирования государственного сектора экономики и ослабил зависимость от назойливых исламских благотворительных организаций. Конечно, у арабов нет ни трудовой этики, ни образования, которые позволили Германии и Японии быстро восстановиться после 1945-го года. Небольшой процент арабского населения можно задействовать в сельском хозяйстве, еще 20–30% в других примитивных отраслях экономики. Помощь должна начинаться с технического образования. Очень вероятно, что образованные палестинцы эмигрируют в поисках хорошей работы.

Палестинское государство дает преимущества

Одно из возможных мирных решений может состоять в том, чтобы безоговорочно дать палестинцам собственное государство, передать территории и отступить. Еврейские поселения могут сохранять административную автономию под палестинской юрисдикцией. Будучи суверенным государством, Палестина будет вынуждена обуздывать насилие и защищать поселения. Бюрократические государства часто более терпимы,

чем их основатели, так что Палестина будет проявлять сдержанность в отношении еврейских поселений, особенно учитывая, что рядом находится их могущественный спонсор.

Израиль может потребовать от мирового сообщества признать Палестину террористическим государством. Страны, создавшие Израиль, порой считают, что раз евреи получили свое государство, они должны быть довольны и благодарны – а к тому же и безгласны перед лицом насилия. Такое отношение объясняет их безразличие к безопасности Израиля, когда они добиваются от него исполнения требований арабов. Такой же подход будет и к палестинскому государству, позволяя Израилю беспрепятственно им манипулировать.

Израиль сможет свободно осуществлять возмездие против палестинского государства, не ограничиваясь полицейскими операциями. Палестинское руководство больше не сможет избегать ответственности за поддержание порядка на своей территории. Ведь иначе у Израиля будет достаточный повод демонтировать государство у своих границ как несостоятельное. Все арабское население будет нести ответственность за террористическую активность, берущую начало в Палестине. Израилю не нужно будет отыскивать гнезда террористов, потому что в качестве акта возмездия против государства допустимо атаковать любой объект. Израилю будет достаточно показать мировому сообществу, что палестинцы терпимы к террористам. Соучастие в агрессии – очевидный

повод для объявления войны.

Даже аннексию проще проводить с суверенным государством. Сегодня мировое общественное мнение на стороне страдающих палестинцев, но если бы Палестина получила суверенитет, оно могло бы склониться на сторону Израиля, которому противостоит несостоятельное и кишачье террористами государство. Сейчас Израиль должен искать разрешение мирового сообщества и арабских держав на аннексию территории. При наличии палестинского государства будет гораздо проще добиваться уступок от его правительства, чем сейчас, когда приходится вымогать их у гражданского населения, которому потакает Запад. Поскольку многие палестинские партии, кроме разве что «Организации освобождения Палестины», не отвергли «Пошаговый план» 1974 года, но приняли Палестины в сокращенных размерах в качестве плацдарма для атак на Израиль, асимметричная агрессия со стороны Палестины может стать реальностью. Если Палестина упустит шанс обрести государственность после того как Запад попытается предоставить ее, мировое сообщество не будет против, если Израиль проглотит Палестину, чтобы остановить агрессию. Запад возражал против аннексии Израилем территорий Сирии и Египта после упреждающих ударов в 1967 г., но в случае с Палестиной ситуация иная: это незначительное государство, не спонсируемое СССР.

Есть и другая причина, по которой основание

палестинского государства упростило бы контроль и аннексию. Когда Израиль перестанет быть единственным врагом Палестины, тамошние группы разобьются на множество фракций. Минимально подталкиваемая Израилем, Палестина может погрузиться в хаос, и коллаборационистское правительство может заключить мирный договор на условиях аннексии. Марионеточные правители вроде Квислинга провалились только потому, что Германия слишком растянула фронты. Имея рядом мирный и безразличный Израиль, в отсутствие внешнего врага, укрепляющего национальную решимость, внутренние раздоры заставят палестинцев эмигрировать.

Необходимые жестокие шаги, ведущие к аннексии

С другой стороны, если Израиль решит немедленно аннексировать территории, палестинская промышленность и инфраструктура, включая медицину и образование, должны быть уничтожены в ответ на теракты, что заставит людей эмигрировать. Однако это решение экономически неоправданно. Цена затяжного конфликта перечеркнет все выгоды от получения территорий. Если Израиль категорически откажется от создания палестинского государства, враждебность палестинцев со временем ослабеет, при условии, что последующие израильские правительства будут стоять на своем и избегать игр в уступки. В конце концов, Израиль не должен

показывать, что он хочет передать территории, если только не готов сделать это сразу и безоговорочно.

Создать административную автономию палестинцев в пределах Израиля не удастся; вместо этого можно образовать федеральное государство, состоящее из воюющих округов. Югославия, Ирландия и Чечня показывают, что такие образования нестабильны; мировое общественное мнение осуждает государственные преследования меньшинств.

Единственной альтернативой палестинскому государству может быть высылка палестинцев. Если абстрагироваться от моральных аспектов, такое решение более надежно, дешево и эффективно, чем попытки сделать арабов лояльными израильтянами и добрыми соседями.

Борьба с палестинцами с целью привести их к подчинению невозможна в качестве долгосрочной политики, пока вокруг ООН, СМИ, организации по защите прав человека и общественное мнение. По этой причине репрессии нужно провести очень быстро, чтобы решить проблему раз и навсегда, выдворив палестинцев и рассеяв их. Любая другая политика дорого обойдется Израилю в жизнях, ресурсах, деньгах и общественной поддержке. Любая жесткая политика лучше, чем ее отсутствие. Даже если Израиль решит сохранить территории с палестинцами в них, он должен заявить об этом, принять законы, уничтожить экстремистов, остальным дать ограниченное

гражданство и работу и оставить их без надежды на национальный суверенитет, как в случае с другими израильскими арабами.

Теоретически, есть и другой способ заставить покоренное население принять новых правителей: благодеяния. Но израильские политики не способны пройти по тонкой грани, отделяющей доброту от слабости. Благодеяния в отношении тех, кто недавно подвергался репрессиям, приведут к разрушительным социальным программам для арабов.

Понижение в правах арабского населения Израия

Требование Торы любить чужаков относится к людям, живущим в Обетованной земле в согласии с законами Торы, но не имеет отношения к внешне лояльным потенциальным врагам. Тора сравнивает *угнетение* иностранцев с угнетением евреев в Египте: чужаков нельзя произвольно порабощать. Иностранцы не пользуются такими же правами, как евреи, и им запрещено строительство алтарей.

Евреи в арабских странах жили в изоляции, в основном из-за мусульманских законов о других религиозных группах. В 20-м веке большинство арабских правительств и граждан были враждебно настроены по отношению к евреям, находящимся в их юрисдикции. Израиль должен отплатить израильским арабом той же монетой, относясь к ним с пассивной враждебностью и отказывая им в трудоустройстве.

Арабы ограничивали религиозные и имущественные права евреев на протяжении 1300 лет и везде, где только могли. В арабском мире евреи были лишены основных прав: они не могли свидетельствовать против мусульман в суде, работать в государственных учреждениях (хотя этот запрет не всегда соблюдался), многие исламские юристы не считали убийство еврея тяжким преступлением, сопоставимым с убийством мусульманина. Даже в 1990-х годах небольшой остаток еврейской общины в Сирии, история которой насчитывает 2500 лет, был жестко ограничен в правах; в других мусульманских странах выжить удалось немногим евреям.

Саудовская Аравия, флагман фундаментализма, запрещает на своей территории неисламские религии; Израиль должен поступать так же на своей территории в отношении ислама, тем более что об этом прямо сказано в Торе. Когда Садат отменил в Египте правовую защиту христиан, чтобы усилить свое пошатнувшееся положение во главе «Мусульманской лиги», Израиль должен был отменить защиту мусульман. Когда рожденные в Объединенных Арабских Эмиратах, даже в третьем поколении, лишены гражданства, если только не происходят из местных племен, то не может быть никаких вопросов к Израилю, если он понизит статус своего арабского населения с граждан до имеющих вид на жительство. Раз Египет запрещает немусульманам вход в мечеть Хуссейна, Израиль должен закрыть неевреям доступ к Храмовой горе. После войны 1956

года Египет держал в плену около 3000 евреев; Израиль может поступать так же с враждебными палестинцами. Пропорциональное возмездие за нападение этически приемлемо и служит практическим интересам Израиля.

Израильяне могут решить помочь палестинцам развиваться и становиться хорошими соседями, но это не имеет отношение к вопросу гражданства израильских арабов. Переселение их на территории или в Иорданию гораздо проще решит проблему добрососедства. Мир с соседями второстепенен по отношению к сохранению еврейской сущности Израиля. Концепция национальной религиозной сущности не является ни новой, ни специфически израильской. Саудовская Аравия является исключительно мусульманской – такие нации были широко распространены, пока население разных стран не смешалось настолько, что стало невозможным поддерживать этническую однородность¹⁰⁷. Политкорректность заставила белых американцев ассимилировать негров лишь несколько десятилетий назад, но многие белые до сих пор обращают внимание на цвет кожи. В отличие от других народов, смысл существования народа Израиля в том, чтобы быть не похожим на других. После двух тысяч лет ожиданий и усилий по

¹⁰⁷ Хотя евреи и сохранили свою сущность в условиях изгнания, они лишь номинально жили в смешанных государствах – скорее это были изолированные еврейские общины. Еврейские гетто в Израиле не могут считаться приемлемым решением проблемы многонациональности Израиля.

восстановлению еврейского государства странно видеть, как его заполняют мусульмане. Израиль непонятно зачем субсидирует арабов, снабжает их бесплатной инфраструктурой, образованием, страхованием и семейными льготами.

Если ничего не предпринять, через несколько десятилетий уровень рождаемости арабов превратит их если не в большинство, то по крайней мере в крупнейшую фракцию Кнессета. Чем больше становится арабов, тем сложнее будет от них избавиться. Даже если уровень рождаемости снизится, у арабов уже сейчас достаточно молодежи, чтобы сравняться с евреями через пятьдесят лет. У Израиля нет чувства вины перед израильскими арабами. Он не вывозил их предков из Африки и не истреблял при колонизации. Израильские арабы не терпели дискриминацию, напротив – они пользуются налоговыми послаблениями, которых нет у евреев. Вклад мусульман в экономику Израиля нулевой, а возможно и меньше, учитывая, сколько государство тратит на их образование, жилье и всевозможный уход. Израильские арабы имеют высокие доходы и хорошие социальные гарантии в сравнении со своими собратьями в других странах. Израильские мусульмане не служат в армии и не защищают страну. При этом они постоянно требуют примирения с врагами Израиля. Израильские арабы не являются хорошими гражданами ни с какой точки зрения, так что у Израиля нет перед ними никаких обязательств. Необходимо отменить все налоговые льготы, освобождение от призыва,

официальный статус арабского языка, субсидии и бесплатное образование. Если арабы не хотят быть в армии даже в службах поддержки или на общественных работах, они должны платить более высокие налоги, как веками делали евреи в арабских странах¹⁰⁸. Заставить арабов служить в армии и принимать участие в столкновениях с палестинцами Западного берега – лучший способ вынудить молодежь либо эмигрировать, либо предать своих братьев, создав крупный внутриарабский конфликт. Если арабы будут служить в пехоте с легким оружием и с запретом брать оружие домой, это не подорвет армию. Однако израильтяне не должны обманываться по поводу дружелюбности арабов. Бедуины сотрудничают с Израилем лишь потому, что он финансирует и защищает их в столкновениях с оседлыми арабами. Израиль не может рассчитывать и на друзов, этих странных поклонников эксцентричного и жестокого средневекового халифа Хакима.

Израильские арабы не являются плохими, просто Израиль не может принять их политические ориентиры, которые в данное

¹⁰⁸ Хотя точный размер *джизьи*, налога, которым обложены *дхимми*, является предметом споров, авторитетная книга «Муватта», написанная современником Мухаммеда Маликом, в 17.24.46 говорит о 10% от инвестиций для кочевых торговцев. Если предположить, что средняя чистая прибыль составляла 20%, это соответствует устной традиции, которая говорит о 50% налоге на доход, не считая налоги на землю и всевозможные унижительные обязанности вроде стоянки для арабских боевых лошадей в синагогах. За неспособность заплатить налоги грозила смерть.

время отодвинуты на задний план, поскольку для бедных арабов важнее экономическое развитие. В отличие от американских индейцев, которые не требуют суверенитет, у израильских арабов всегда будет пример их братьев, обладающих независимостью. В отличие от американских мусульман, израильские презируют главенствующую культуру страны своего проживания. Человеческая природа иррациональна: среди израильских арабов со временем разовьются националистические настроения, которые они предпочтут экономическим благам, присущим лояльным израильтянам.

Государство – это в первую очередь сообщество соседей, разделяющих базовые ценности и готовых поддержать друг друга, что невозможно между израильскими евреями и израильскими арабами. Хотя полиция и денежные выплаты и могут частично нейтрализовать недовольство и разделенность, все же Израиль – не плавильный котел американского типа. Евреи не хотят ассимилировать арабов. Многие израильские евреи могли бы найти лучшую долю в других странах, но они здесь, потому что это дает им чувство национального единства, которое для них важнее экономических факторов. Большое арабское население угрожает этому чувству. Унаследованная арабами враждебность будет теплиться десятилетиями после мирного договора. Израиль с арабами – такая же нелепость, как Югославия, и арабский демографический взрыв рано или поздно поставит этот вопрос на повестку дня.

Австралия, Соединенные Штаты, Япония и другие цивилизованные страны угнетали своих аборигенов. Америку не волнуют ее индейцы, у нее нет и мысли вернуть им страну. Переселение аборигенов – это путь, по которому шли все новые страны.

Переселение должно быть максимально ненапряженным. Арабам нужно дать достаточно времени, чтобы они продали свою недвижимость, при этом государство должно выступить в роли справедливого покупателя, если других не найдется. Израиль мог бы обеспечить палестинцам временные визы и гражданство в других странах, преимущественно в Азии и Латинской Америке. Можно предоставить какие-то субсидии и кредиты. Должны быть полностью выплачены арабские пенсионные накопления в израильских организациях. Израиль даже может субсидировать обучение их детей в новых странах пребывания в качестве компенсации бесплатного образования в Израиле. Те палестинцы, которые поселятся на Западном берегу (если Израиль согласится с созданием палестинского государства), должны получить в пожизненное пользование большие участки сельхозугодий, принадлежащие евреям; в любом случае, в независимой Палестине евреи не смогут владеть этой собственностью. Чтобы смягчить переселение, Израиль мог бы отказывать в гражданстве только новым детям арабов.

Если Израилю не удастся выселить арабов, то можно

лишить их избирательного права. Следуя заповеди Торы проклинать идолопоклонников вплоть до четвертого поколения, Израиль должен допускать арабов к выборам только после того как четыре их поколения докажут лояльность, и лишать права сразу же, как только лояльность окажется под сомнением. Поскольку бунтарь найдется в любой семье, традиционная семейная организация арабов будет способствовать тому, что любая враждебная деятельность будет подавляться своими силами. Если это не произойдет, выслана будет вся семья. В такой коллективной ответственности есть смысл по двум причинам: во-первых, бедные арабы обычно подчиняются семейным решениям, во-вторых, диссиденты часто подстрекают свои семьи и опираются на их поддержку.

Израильским арабам можно предоставить статус *дхимми* со всеми правами иностранных резидентов, включая участие в местных, но не национальных выборах. Это довольно великодушно в сравнении с политикой большинства арабских стран, где неарабы лишены гражданства и права владеть имуществом. Израильские арабы имели бы почти весь спектр прав, включая возможность арендовать землю. Даже такие права представляют опасность, потому что мусульманские страны могут финансировать аренду земли израильскими арабами, копируя политику, которой применяли евреи, чтобы создать свое государство. Неевреям можно запретить аренду политически значимых земель; правда, нынешний Верховный

суд не пропустит это ограничение как расистское. Правительства принудительно выкупают частные земельные владения в общественных целях. В еврейском государстве существует огромный общественный интерес к тому, чтобы земля оставалась еврейской. Израиль может выкупить по справедливой цене всю недвижимость, принадлежащую арабам.

Поскольку арабы хотят оставаться в Израиле только из экономических соображений, стоит рассмотреть вариант экономического бойкота. Большинство израильских арабов являются фермерами или наемными рабочими. Если бы евреи отказались от продукции и услуг арабов, последние были бы вынуждены эмигрировать. Такая политика не отличается от распространенных патриотических программ в духе «покупай отечественное».

Арабский уровень рождаемости показывает, что их доля в электорате будет расти, причем эта проблема усиливается за счет притока других иммигрантов-неевреев. Любая великодушная политика в отношении иностранцев подрывает однородный характер еврейского государства. Кто-то может возразить, что даже при большом количестве неевреев Израиль все равно отличается от поселений Диаспоры в одном важном отношении: евреи владеют этой страной и пишут ее законы. Ничто не может быть дальше от истины. При демократии

страной владеют все ее граждане, а не только евреи, а поскольку в Кнессете есть неевреи, то вовсе не евреи пишут законы. У евреев может быть большинство, но это лишь количественное различие. Евреи влияют на законодательство во многих странах. В раздробленном Кнессете небольшая, но отчетливая группа арабов обладает непропорциональным влиянием. Еврейские политики объединяются с ультраортодоксальными партиями, чтобы избежать сотрудничества с арабами, но поскольку демографическая картина меняется, однажды это станет невозможным.

Израиль не является демократическим государством в обычном понимании этого термина, таким как США, но он является страной одного народа, следующего одной религии – следующего не так уж сильно, но достаточно, чтобы быть преследуемым на протяжении столетий. Многие ошибочно сравнивают эту ситуацию с нацизмом, но Израиль, напротив, соответствует либеральному идеалу автономной общины. Как клуб филателистов принимает в свои ряды только филателистов, еврейская нация может принимать только евреев¹⁰⁹. История

¹⁰⁹ Национальная исключительность существует во многих странах. Афинская демократия предоставляла гражданство только потомкам первоначальных жителей. Во Франции с 1803 по 1960 гг. было запрещено давать детям бретонские имена. Большинство стран преследует радикальные религиозные группы. В мусульманском мире антисемитская пропаганда носит характер пандемии. Даже Америка, которой меньше всех присуща ксенофобия, устанавливает этнические квоты на иммиграцию. Основные этнические группы хотят доминировать в своих странах.

репрессий оправдывает стремление к однородности.

Неправильно отличать безарабский Израиль от «свободной от евреев» Германии с позиции наличия непосредственной угрозы. Конечно, арабы угрожают Израилю, тогда как евреи не угрожали Германии. Но дело не в этом. Немцы были уверены, что евреи представляют для них смертельную угрозу, а израильские арабы могут принять еврейское государство и не представлять угрозы. Главным фактором является желание жить в относительно однородной культурной среде.

Европа столетиями хотела избавиться от евреев. За десять лет до основания государства Израиль на стенах писали: «Евреи, убирайтесь в Палестину». Нацисты старались истребить евреев, переселив их в польские болота; русские в 1953 году готовились к ссылке оставшихся евреев в Сибирь. Наконец евреи переселились в Палестину, осушили болота и возделали местный аналог тундры. Они освоили то место, куда мир хотел их сослать, место, практически необитаемое по всем стандартам. Теперь мир решил, что евреи хотят слишком много, когда собираются жить на этом крошечном клочке земли сами. Во времена гетто мародерствующие толпы отбирали то, что, по их мнению, у

Германия способствовала иммиграции этнических немцев, но не других национальностей, из Польши, России и других стран, и не подвергалась при этом обвинениям в расизме. Во всех странах существует территориальная исключительность, при которой те, кто рожден в этой стране, имеют больше прав, чем иностранцы. Чем национальная или религиозная исключительность хуже, чем исключительность, основанная на произвольных и постоянно меняющихся границах?

евреев было лишним; теперь мир требует, чтобы евреи делились с арабами страной, которую они построили на болотах и песке – причем без существенной помощи со стороны местных арабов и под яростным сопротивлением их братьев.

Американцы живут в безопасной стране. Они эффективно защищены полицией. При этом многие американцы переезжают в частные поселки, если могут себе это позволить. Частные поселки устанавливают правила, регламентируют приток посетителей и ограждают от нарушителей. Богатые американцы не хотят жить рядом с бедными. Национальные сообщества нередко компактно проживают в своих кварталах. Почему евреям отказывают в базовом праве – жить самим, без посторонних, которые могут прекрасно жить в своей собственной стране на расстоянии пятидесяти миль?

В идеале народ, желающий жить обособленно, должен найти для себя свободную, незаселенную землю, но такой нет. Когда евреи начали селиться в Израиле в конце девятнадцатого века, в долинах жило очень немного арабов. Если арабы не могут выдворить евреев, остается два варианта: либо враждебное сосуществование в плюралистическом обществе, либо жизнь порознь, что требует небольшого переселения. В Израиле такое переселение составляет пятьдесят миль – меньше, чем некоторые ездят на работу. Преимущества мирного решения проблемы стоят таких небольших неудобств. Арабы хотят жить в Израиле не из патриотических, а из экономических соображений. Дайте же им создать процветающее государство на Западном берегу Иордана. Переселение не обязательно должно быть насильственным. Стоимость оставленной

недвижимости должна быть компенсирована. Израиль мог бы предложить им брошенные еврейские поселения на Западном берегу и создать новые объекты инфраструктуры, чтобы арабы не страдали так, как еврейские иммигранты в Палестине. Евреи могут стимулировать эмиграцию арабов большими выплатами и выкупом имущества по удвоенной цене. Мягкая политика, впрочем, может вызвать негативную реакцию и продлить страдания; переселение должно быть быстрым и безоговорочным.

Те израильские арабы, которые хотят жить в многонациональной демократии, будь-то исламское государство или светская арабская страна, вольны ехать куда пожелают. Выселение израильских арабов или палестинцев с их территорий не имеет ничего общего с Холокостом. Никто не угрожает им смертью, они могут ехать, куда захотят.

Израильские арабы – это пятая колонна, которая поддерживает и голосует за врагов Израиля. Либо они со временем набирают достаточно голосов, чтобы уничтожить еврейский характер государства, либо евреи выдворяют их из страны. Израиль мог бы стать очередной демократией, состоящей из разных национальных групп, без отчетливой еврейской самоидентификации, о которой мечтали его основатели. С нынешним уровнем рождаемости арабы могут стать большинством и проголосовать за то, чтобы Израиль не

было¹¹⁰. Можно развести враждебные группы и разделить крошечный Израиль на округа.

Ограничение арабов в правах – лишь временная мера, поскольку они могут начать борьбу против апартеида и за равенство, и очередное слабое израильское правительство обязательно уступит. После века институциональных репрессий негров белая Америка не только легализовала полное гражданство для афроамериканцев, но еще и определила компенсации в виде социальных гарантий и компенсирующей политики (affirmative action). Демократия и либерализм работают только в тех странах, где члены общества уважают друг друга и разделяют одни и те же представления в культуре, образовании и труде. Однако еврейское государство не может быть этнически слепым.

Израиль похож не на Америку, а на Ватикан. Это крошечное государство, созданное по религиозным причинам в месте, важном с религиозной точки зрения. Оно достаточно мало, чтобы не требовалось масштабное перемещение аборигенов. Размер Израиля делает необязательным лишение гражданских прав арабов – они могут иметь все права в собственном близлежащем государстве.

Успешные государства монокультурны, потому что

¹¹⁰ Это произойдет в *одном* поколении. Число еврейской и арабской молодежи в возрасте до 14 лет приблизительно равно. Во многих районах арабы уже составляют большинство.

сотрудничество возможно только между группами, разделяющими базовые ценности. Люди с другими ценностями непонятны, непредсказуемы, подозрительны и не заслуживают доверия. Сотрудничество требует определенного уровня доверия. Американская культура – это либерализм; в него можно обратить людей любой национальности. Культура Израиля – иудаизм, и обращение в него арабов невозможно.

Любое государство налагает на своих граждан собственные культурные ценности. Однако еврейское государство содержит специфические еврейские ценности, которые неевреи по определению не могут ни приветствовать, ни разделять. Могут ли евреи придерживаться этих ценностей без того, чтобы принуждать к ним других? Это бы перевело Израиль из еврейского государства в разряд таких стран, как Соединенные Штаты и Франция, где евреи тоже могут придерживаться своей религии и этики. Еврейское государство не может одинаково относиться к евреям и арабам. Кроме притеснения арабов есть только одна альтернатива – избавиться от них.

Как быть с евреями-атеистами, которые не хотят жить в согласии с особыми еврейскими ценностями? Должен ли Израиль избавиться и от них? Многие евреи, которым промыли мозги при социализме, могли бы вернуться пусть не сразу к религии, но хотя бы к еврейской этике. Евреи-атеисты готовы защищать Израиль и гордо вставать при звуках национального

гимна «Надежда». Израиль не может ожидать того же от арабов.

В многонациональных странах тоже нередко бывают проблемы, похожие на израильские, только не с неевреями, а с иммигрантами. Нет существенной разницы, когда государство ограничивает кого-либо в правах потому, что они не являются гражданами, или потому, что они не принадлежат к определенной национальности. Сложно увидеть разницу между националистическим Израилем и «гражданистической» Францией: обе страны не дают гражданских прав определенным людям. Франция предоставляет гражданство очень немногим и только по особым критериям. Израиль должен предоставлять гражданство в соответствии со своими собственными стандартами и только евреям, чтобы предотвратить рост арабского населения. Великобритания перестала признавать своими гражданами всех, кто родился на ее территории. Современные люди Запада мирятся с этническим разнообразием и преимущественно отвергают национализм потому, что привыкли жить в смешанных обществах, но усиление позиций правых националистов показывает, насколько многих волнует это разнообразие. Франция – страна французских ценностей, и ее граждане противостоят чужакам. Израиль – страна еврейских ценностей, и она тоже не хочет видеть у себя арабов. Назвать Израиль еврейским государством является не большим расизмом, чем назвать США страной иммигрантов. США отказывают в гражданстве бывшим нацистам и активным

коммунистам; Израиль имеет такое же право отказывать в гражданстве потенциально враждебным мусульманам. Группы могут быть определены по разным критериям: национальным, религиозным, политическим, военным и многим другим. Национальные государства сознательно подавляют определения, выходящие за пределы искусственной преданности государству. Сепаратистские движения, такие как в Канаде, Нигерии и Филиппинах показывают, что гражданственное определение не действует. Люди принимают гражданственность только тогда, когда она подкреплена более мощными поводами для единства, такими как экономическая идеология в США или политическая идеология в СССР. В Израиле единственным практическим критерием гражданства может быть еврейство.

Националистическое возрождение очень вероятно. Дело в том, что национализм никогда полностью не исчезал. В большинстве своем правительства просто сделали его политически некорректным. Даже после десятилетий пропаганды расового равенства сравнительно немногие белые американцы общаются с черными, равно как и американские негры исторически предпочитают собственные национальные общины и клубы, хотя у них есть и другие возможности. В 2006 г. американцы отстранили арабов Дубая от управления портами, хотя до этого с британскими операторами не было никаких проблем. Как американцы не дали арабам контроль над своими

стратегическими пунктами, точно так же Израиль не хочет, чтобы арабы управляли еврейским государством.

Муж с женой могут освободиться друг от друга, если они не приятны друг другу. Полиция удаётся подавлять насилие в семьях, но терроризм, межгрупповое насилие, опасен. Нации должны иметь возможность освободиться от тех, кто им неприятен. Это как в семье – нет ни возможности, ни смысла анализировать причины неприязни; важнее отсутствие взаимной симпатии. Если люди переезжают, чтобы найти новую работу, то тем более есть повод переехать, чтобы жить в комфортном однородном сообществе.

Расизм призывает к угнетению якобы ущемленных национальных групп. Нежелание жить с посторонними – совсем другое дело. Это естественное чувство. Людям более удобно с членами своей культурной группы. Демократии зависят от наличия общих ценностей, и враждебные группы не могут сосуществовать в одном государстве. Идиллические теории о национально эгалитарных обществах и политкорректности заставляют людей оставить естественную настороженность к посторонним и начать жить с ними. Америке не так просто будет ассимилировать латиноамериканцев и негров, Канаде – китайцев, Франции – мусульман, а Германии – турков. Европейский Союз отказывается принять Турцию, европейцы лучше расположены к католическим полякам, чем к мусульманским иммигрантам. Евреев выслали почти все

страны. Израиль имеет право выселять неевреев, если захочет, особенно если им не нужно ехать далеко и они получают компенсацию за оставленное имущество.

Обмен населением разрешил греко-турецкую проблему. Переселение могло бы предотвратить войну в Югославии. В 1947 году ООН регламентировало создание в Палестине двух государств – еврейского и арабского, а не одного смешанного. Израиль принял евреев, которые жили в арабских странах. Теперь наступила очередь арабов уехать. Переселение палестинцев на какие-то пятьдесят миль может предотвратить конфликт, который будет неизбежен, когда израильские евреи поймут, что их господство под угрозой.

Израиль не должен был давать гражданство арабам. Эта ошибка, совершенная под сильным давлением, не должна продолжаться вечно. Израиль должен отозвать гражданство арабов и заплатить им за отъезд.

Большинство израильтян понимает, что нужно что-то делать, но они избегают жестких решений. При этом евреи настаивают на еврейском характере своего государства, и подсознательно подвергают арабов дискриминации. Нет хуже политики, чем обижать соседей, а слабость евреев провоцирует арабов требовать от них уступок. Израильские арабы потребуют равенства и получат сверхравенство, как негры в США. Израиль встанет на путь уступок, допустив арабов к государственным

должностям и министерским портфелям; а что помешает им требовать командные посты в армии? Армия должна восстать и выдворить арабов из Израиля. Скорее, еврейские политики убедят себя в том, что израильская нация, включающая арабов, ничем не хуже, чем еврейский народ, и предпочтут иудаизму израильский демократический национализм. В итоге ассимиляция и отказ от еврейства эквивалентны новому Холокосту. Лицемерные израильские политики превратили эту страну в ловушку для евреев, им удалось сделать то, что не удалось язычникам – уничтожить еврейскую самоидентификацию и отменить еврейский закон.

Полезность шариата

Исламский закон, *шариат*, допускает многое из того, что Западу кажется жестоким. *Джихади* может убивать женщин и детей, если они напали первыми, как в случае с антиизраильскими бунтами. Мусульманские завоеватели могут овладеть всем имуществом завоеванных и их семьями; со своей стороны, израильтянам не нужно выплачивать беженцам компенсации, и они могут высылать семьи террористов. Мусульманские воины не обязаны проверять, кто конкретно действует против них, а кто нет; Израиль также может использовать принцип коллективной ответственности. Мусульмане обязаны сражаться со своими братьями-бунтовщиками, и поэтому не должны терпеть террористов.

Террорист Абу Хаджер декларировал правомерность убийства гражданских лиц-мусульман, если они оказались в зоне боевых действий. Именно в этом террористы обвиняют Израиль. Позиция Абу Хаджера применима и к нападениям со стороны Израиля: хорошие мусульмане идут в рай, плохие – в ад, так что если они умирают, нет никакой проблемы.

Шариат допускает дискриминацию немусульман. Умайядский халифат – модель ваххабитов - не признавал политических прав не только за неарабами, но и за арабами по одному родителю. Почему это должен делать Израиль по отношению к неевреям?

Израиль может заимствовать многие черты исламского фундаментализма. Он может осуждать государственность как инструмент угнетения и неравенства, подрывая поддержку арабами своих правительств и вызывая бунты, в результате чего эти государства будут заняты своими собственными проблемами.

Шариат также санкционирует национально однородные государства. Высказывание Пророка гласит: «Да не будет двух религий в Аравии». Халиф Омар переселил евреев в Палестину и закрыл доступ в регион для немусульман. Поскольку большинство исламских ученых утверждают, что набожные мусульмане не могут жить среди неверных, у палестинцев нет права на территорию, которую Омар отдал евреям; кстати,

теоретически, и у христиан тоже.

С другой стороны, Израиль может найти массу исламских законодательных норм, осуждающих терроризм и убийство женщин и детей, равно как и указания уважать евреев. Цитирование *шариата* не изменит тех, кто ненавидит Израиль, но зато многие увидят, что отказ поддерживать *джихади* не означает измену исламу.

Создание палестинского государства в Иордании

Хашемитская династия в Иордании созрела для свержения. Демократические выборы приведут к власти палестинское большинство; две трети иорданцев являются палестинцами, и Иордания по всей логике – палестинское государство. Выживают очень немногие монархии, и надеяться на продолжение дружественной иорданской династии означает принимать желаемое за действительное. Безответственное правительство Ирака или Сирии может попытаться аннексировать Иорданию. Во время войны Израилю будет мало пользы от Иордании как от буфера; даже если она формально будет сохранять нейтралитет, иракские войска все равно смогут пройти через нее.

Иорданская династия – крышка на бурлящем котле иорданского общества. Палестинское большинство недовольно своим приниженным статусом. Династия все больше прибегает к грубой силе и для укрепления своей власти добивается как

американских гарантий, так и одобрения исламских фундаменталистов. Этот шаткий баланс не продлится долго. Если палестинское большинство захватит власть, Израиль должен воспользоваться ситуацией, пока есть такая возможность.

Израиль должен вернуться к прежнему плану создания палестинского государства в Иордании, чтобы уйти от дебатов о создании палестинского государства как такового и обсуждать только вопрос включения Западного берега в уже существующее государство. Палестинское государство в Иордании может быть жизнеспособным, чего не сказать о крохотном государстве на Западном берегу. Израиль может тайно помочь палестинцам организовать в Иордании путч взамен на отказ от притязаний на Иудею и Самарию. Полудемократическое, обладающее народной поддержкой иорданское правительство будет лучше для Запада, чем нестабильная и непредсказуемая монархия. Сейчас оптимальный момент для организации переворота – иорданское население все больше недоволено западным влиянием. Опросы показывают, что поддержка Америки после второй иракской войны упала до 4%. Прислушиваясь к своим подданным, иорданское правительство запретило трансляцию американского ролика, призванного убедить мусульман, что Америка сражается с террористами, а не с исламом. Иордания не обуздывает антизападную пропаганду в прессе и университетах. Она поддерживает отношения с Израилем, потому что боится репрессий, а с Америкой – в надежде на

помощь против Ирака. Теперь, когда нет Саддама, у Иордании нет причин занимать сторону США.

Запад поддержал стремление курдов к независимости от Ирака, пусть даже в виде автономии, однако он согласен, чтобы территория турецких курдов продолжала оставаться в составе Турции. Та же логика применима и к палестинцам: преобразуйте Иорданию или хотя бы ее часть в палестинское государство и оставьте территории Западного берега и Сектора Газа в составе Израиля. Аргумент Хомского о том, что переселение палестинцев Иорданию равносильно переселению евреев в Нью-Йорк, лишен основания. В Нью-Йорке евреи не являются большинством. Даже будь они таковым, они не могли бы отделиться. Нью-Йорк гораздо дальше от Израиля, чем Иордания от Палестины. Переселение на несколько десятков миль не повлияет на национальные устремления палестинцев. Идея о создании отдельного палестинского государства на территории Земли Израиля равносильна выделению части Нью-Йорка в независимое еврейское государство плюс к уже существующему в Израиле. На сегодняшний день иорданский вариант является самым практичным решением палестинской проблемы.

Эта идея имеет законную санкцию. Все понимали, что согласно первоначальной формулировке британского мандата еврейский Израиль был основан на всей территории мандата, включая Иорданию; однако в 1922 году совет Лиги наций исключил из еврейской территории то, что позже стало

Иорданией. Только когда власть в Иордании узурпировала аффилированная с Британией племенная династия, потребовалось выделить дополнительную территорию для палестинцев, живущих на той земле, которая уже была выделена евреям.

Палестинское государство можно создать и в южном Ливане. Ливан, искусственное государство, состоящее из постоянно воюющих между собой национальных и религиозных групп, не сможет выжить. Израиль уже пытался усмирить это развалившееся государство, но безрезультатно, поскольку действовал гуманными методами. Сирийцы могут оказаться лучшими миротворцами. Америка и Израиль могли бы воздержаться от военного сопротивления амбициям Сирии взамен на выделение для палестинцев небольшого государства, отделенного от Израиля христианском анклавом, возможно, также в виде государства. Сирия могла бы аннексировать весь Ливан или оставить небольшую часть местным мусульманам.

Сотрудничество с палестинскими властями не невозможно. Они прошли стадию радикализма. Поскольку палестинская автономия не умиряет радикалов, многие решили, что Арафат был террористом. На самом деле он просто не мог покончить с террористами¹¹¹. Как Сталин после Второй

¹¹¹ Попытки Арафата разоружить группировки в Газе привели к вооруженному противостоянию; не имея поддержки со стороны израильской армии, он просто отменил свои требования. Израиль должен

мировой войны, он устал. Он был бы рад, если бы Израиль исчез, и возражал против действий «Хамаса» и «Палестинского исламского джихада» лишь потому, что они мешали ему достичь цели – палестинского государства. Партизаны угрожают палестинскому правительству больше, чем израильтяне, и создают основу для сближения против взаимной угрозы.

Вместо того чтобы вынуждать палестинское руководство поделиться властью в ходе демократических выборов и получить радикальное исламское правительство, Израиль должен помочь в создании сильного полицейского государства, способного бороться с террористами, и не дать превратиться этому региону в террористический рай. Радикалов можно вовлечь в политику палестинского государства, где их будет проще контролировать. Когда был распущен Иргун, многие бойцы присоединились к израильской армии. Как минимум одна фракция, «Ястребы «Фатха», уже присоединилась к палестинской полиции. У Израиля есть большой опыт создания армий для латиноамериканских диктатур, и он мог бы сделать то же самое для палестинского автократа, освободив его от зависимости от прочих группировок. Если бы эти группировки были сильными и хорошо укрепленными, как в Колумбии, Израиль мог бы путем разжигания проблем отвлекать Палестину несколько лет, чтобы провоцировать эмиграцию. Поскольку израильская поддержка

уничтожать инфраструктуру террористов самостоятельно и не ждать, когда это сделают палестинцы.

дискредитировала бы палестинское правительство как ничто другое, оно было бы вынуждено все больше и больше полагаться на Израиль и идти на уступки. Совершенно не важно, что арабы возненавидели бы Израиль еще больше после того, как он начал бы поддерживать деспотичную палестинскую администрацию. Так же не важно и то, что палестинской элите не нужна государственность, сдвигающая Палестину из мирового центра внимания на периферию проблемных нежизнеспособных стран. Израилю нужна стабильная, контролируемая Палестина, не обязательно в виде государства, и он должен поддерживать в ней арабского диктатора – но лишь в ней, а не во всех арабских странах. Израиль может контролировать любого палестинского диктатора и не позволять ему закупать серьезное оружие для использования против Израиля.

Иудея

Аргументы в пользу Иудеи

Израильское общество глубоко разделено. С одной стороны, многие считают, что высшей обязанностью Израиля является сохранение *Земли Израиля*. Такая точка зрения имеет право на существование, поскольку основана на Торе, а приверженность свитку – это то, что делает евреев евреями. Другие, стоящие на более светских позициях, но тоже не лишённые религиозности, считают, что никакая территория не стоит жизни одного еврея, поскольку заповеди были даны для жизни, а не смерти.

У обеих точек зрения есть право на жизнь. В то время как приверженцы Земли Израиля считают, что судьба нации зиждется на овладении всей Обетованной землей, их оппоненты не менее разумно указывают на практическую неосуществимость этой цели в обозримом будущем, после того как Синай снова перешел к египтянам. Завоевание Иордании и Ирака до Евфрата – очень длинный путь. Если обещание завета нельзя выполнить сейчас, зачем убивать кучу людей и тратить кучу денег из-за территорий, которые не имеют важного оборонного значения? Оппоненты расширения Израиля считают, что экономический рост, не ослабленный войной, послужит лучшим поводом для национальной гордости, предотвратит

эмиграцию и привлечет евреев Диаспоры в Израиль.

Израильское правительство колеблется между двумя этими точками зрения. Один кабинет строит чудовищно дорогую линию Бар-Лева, чтобы навсегда защитить Синай¹¹²; другой отдает библейски и стратегически важную землю под бумажные гарантии. Один кабинет поощряет и финансирует поселения, другой их демонтирует. Такая политическая свистопляска иллюстрирует относительный баланс между двумя целями и невозможность их примирения.

Это естественно, поскольку мировоззрение – набор аксиом. Кто-то считает, что самое важное – размер Святой Земли под еврейским контролем, а кто-то полагает, что важнее жизнь и ее качество. Спорить об аксиомах бесполезно, поскольку речь идет об убеждениях.

Однако страна не может иметь две взаимоисключающие политики. При экспансионистском правительстве те, кому не нужны новые территории, вынуждены сражаться и умирать за них, равно как и страдать экономически. При примирительном правительстве библейские ревнители безнадежно взирают на то, как правительство расстается с землями. В долгосрочной перспективе ни одна сторона не будет удовлетворена своим правительством. Однако обе стороны хотят ясного руководства,

¹¹² Нелепая со стратегической точки зрения линия укреплений на израильском берегу Суэцкого канала, которая до 1973 г. считалась непреодолимой защитой от египтян.

разделяющего их идеалы – и такая цель вполне может быть достигнута.

В древности были две еврейских местности. Израиль и позже Галилея образовали экономически жизнеспособное, космополитичное государство. Расположенная на бесплодных холмах Иудея довольствовалась минимальной экономикой, ревностно охраняемой религиозной чистотой и национальным самосознанием. В наше время история повторяется. Зелоты устремляются в *киббуцы*¹¹³ и другие поселения, где приоритетом является не экономическое развитие, а определенные идеологические цели и нормы, которые многие израильтяне не разделяют. Отличается и их вклад в казну и обороноспособность страны¹¹⁴. Все созрело для разделения на два государства.

Иудея займет спорные территории с целью дальнейшего расширения в Синай и до всей *Земли Израиля*. Хотя Иудея не сможет обеспечивать себя экономически, она получит львиную долю поддержки от евреев по всему миру. Иудея в состоянии организовать оборону сравнительно небольшими средствами, а в случае крупной агрессии прибегнет к помощи Израиля и Запада.

¹¹³ Коммунальные аграрные поселения, важные в первые годы иммиграции, но сейчас неэффективные и стоящие Израилю немалых субсидий.

¹¹⁴ Обычно религиозные евреи не несут активную военную службу – позиция, имеющая слабое теологическое обоснование. Религиозные группы получают бюджетное финансирование и налоговые льготы.

Статус глубоко религиозного государства открывает преимущества, не доступные светским государствам. Иудея свободно избавится от арабов. Следуя библейской инструкции, она станет применять средства, считающиеся в современном мире неприемлемыми – хотя страны, осуждающие их, в свою очередь были основаны огнем и мечом.

Как сказал Иоганн Тилли, «государства создают войны, войны создают государства». Даже якобы гуманные страны постоянно воюют: Великобритания и Аргентина за Фолклендские острова, Испания и Марокко за остров, США и Куба в Гренаде, Афганистане и Ираке. Страны третьего мира воюют за границы. После двух мировых войн минуло лишь шестьдесят лет – этого недостаточно, чтобы менталитет наций изменился. Он и не изменился: Америка подвергла бомбардировке Хиросиму и Нагасаки, и лишь опасение возмездия удержало ее от повторения этого сценария в Корее. Французы и их союзники уничтожили миллионы в Алжире и Индокитае. Россия убила тысячи в разногласиях с сепаратистской Чечней. Те же нации, которые пережили разруху Первой мировой войны, устроили Вторую. Нынешнее затишье – результат страха перед эскалацией, а не расцвет гуманизма.

Иудея может забыть о правах человека и придерживаться религиозного закона. В отличие от Израиля, она может позволить себе запретить иммиграцию неевреев, как прямую, так и через смешанные браки, и ограничить неортодоксальный

прозелитизм и другие реформистские практики, которые хотя и соответствуют современным секулярным ценностям, существенно разбавляют еврейскую религиозную сущность.

Иудея может стать классической теократией, организованной по образцу домонархического Древнего Израиля, управляемого судьями, наделив раввинов судебными функциями. Она использует талмудическое законодательство вместо современного. От притока новых идей в Талмуд, обновленный по современным меркам, выиграет традиция, возникнет новая волна интереса к ней. Официальным языком Иудеи мог бы стать прекрасный и мощный язык Библии, а не современный израильский жаргон.

Израиль сможет освободить спорные территории, установить мир с соседями и сосредоточиться на быстром экономическом развитии. Это приобретет ему уважение в глазах мирового сообщества. Израиль может стать доминирующей региональной экономикой, заменив Швейцарию, Соединенные Штаты и Россию в качестве поставщика финансовых, технологических и военных услуг. Западные державы не станут соперничать с Израилем за гегемонию на Ближнем Востоке, если он окажется погружен в бесконечные войны после того как мусульмане утратят общего врага.

Сокращение военных расходов позволит начать работу по восстановлению еврейского лидерства в банковском деле и

торговле, фундаментальных исследованиях и технологиях, а также искусстве. Разделение Израиля на два государства не приведет к вражде между евреями – напротив, это устранил существующую вражду в Израиле, когда какую бы политику ни выбрало правительство, половина населения всегда недовольна. Разделение позволило бы каждому государству «специализироваться», ограничить свою ответственность. Израиль не нес бы ответственности за экспансионизм Иудеи, в то время как Иудея могла бы игнорировать экономические последствия своих решений.

Несовместимые приоритеты

Ни одна арабская армия не угрожает существованию Израиля в пределах границ 1948-го года. Те люди, кто хочет расширить страну до библейских пределов, не должны заставлять других сражаться ради этой цели. Неправильно отправлять людей на смерть или заставлять страдать экономически ради того, во что они сами не верят¹¹⁵. С другой стороны, нельзя демократическим, политическим способом уничтожать веру в Обетованную землю, которой евреи жили две тысячи лет. Израиль должен разделиться и дать каждой из двух несовместимых точек зрения пространство для действий.

Разделение на культурно однородные сообщества может

¹¹⁵ Впрочем, решительный экспансионизм не обязательно должен дорого обходиться. Пример тому – Шестидневная война.

подорвать любое государство, если переусердствовать с этим. В то же время многие меньшинства желают самоопределения, и некоторые большинства мечтали бы избавиться от них. Однако заглянем чуть глубже. В любом сообществе, будь-то семья или страна, люди постоянно принимают решения о том, жить вместе или поодиночке, извлекать радость и пользу из общения с другими людьми или находить их назойливыми. Сообщество живет до тех пор, пока выгоды превышают затраты. Когда уживаться легко, как католически-протестантской Германии или франко-британской Канаде, государству ничто не угрожает, хотя и могут возникать острые религиозные разногласия. Однако в Израиле уживаться слишком дорого: убивай и умри за чьи-то идеалы или забудь о своих собственных убеждениях. При наличии стратегических выгод и политической нерелевантности разделения нет причин продолжать жить вместе. Евреи могли бы выбрать Израиль или Иудею, после чего счастливо жить и работать, чтобы осуществить свои мечты.

Иудея может осуществить аннексию

Как и в древние времена, население Иудеи может вести строгую религиозную жизнь и охотно отдавать жизни и налоги для войны. Иудея могла бы искать возможности для расширения и не медлила бы адекватно отвечать террористам. Иудея поставила бы своей целью завоевание не только Палестины, но также и Иордании и частично Ливана. Если действовать быстро и

перемещать арабское население без экономического ущерба, западные державы приняли бы свершившийся факт через какое-то время.

Аннексия имеет законодательные прецеденты. Евреи согласились с границами Израиля, установленными ООН в 1947 г., как с временным компромиссом. ООН отказалась признать де-факто расширение страны в 1967 г. США игнорировали резолюции ООН, принятые предвзято и с уступками незначительным странам. В 2003 году США снова проигнорировали предупреждения ООН в отношении Ирака и совершили вторжение. Пренебрежение к ООН, выражаемое Америкой, весьма похвально, поскольку оно отвергает неработающий подход «одна страна – один голос», и возвращается к доктрине баланса сил. Голосования ООН не отражают реальный баланс экономических, демографических и любых других сил, так что Израиль должен стремиться дискредитировать и нейтрализовать ООН. У Иудеи был бы израильский прецедент пренебрежения границами ООН и резолюциями после 1967-го года, которые требовали вернуться к исходным границам, прецедент преследования своих интересов силой. Если Израиль не выигрывает от международного законодательства, то какой смысл обращать на него внимание?

Политика, диктуемая религией, могла бы оказаться выгодной и в другом отношении. Люди уважают глубокие религиозные убеждения, какими бы непонятными они ни были,

при условии, что они соответствуют общим моральным установкам. Четкая политика Иудеи могла бы вызвать большее уважение, чем колеблющаяся израильская демократия – при условии, что Иудея не скатится в варварский фундаментализм.

Религиозное обоснование конфликта сделает еврейскую политику прозрачной, понятной и объяснимой, а также устранил внешнее давление, препятствующее мирному урегулированию. Лидеры христианских стран требуют политического урегулирования с палестинцами более энергично, чем религиозного компромисса с мусульманами. Арабы цинично относятся к религии. Арабские общества с девятнадцатого века подвергаются секуляризации, навязанной Западом, сталкиваясь с современной культурой и естественными науками, которые подрывают некоторые религиозные догмы. Религиозные партии редко набирают больше 20% голосов. Религиозные вопросы трогают мусульман меньше, чем националистические войны. Арабам пришлось бы столкнуться со страной, где политика жестко определена через религию и более понятна, чем в либеральном демократическом Израиле.

Но разве иудаизм – не религия мира? Нет. Христианство – да, пусть и теоретически, но иудаизм – религия реализма: люби ближних, не притесняй иностранцев и яростно сражайся с врагами. Евреи восхваляют Моисея за то, что он убил нападавшего египтянина, Иисуса Навина – за истребление хананеев, Маккавеев за борьбу с еврейскими эллинистами, а

также поминают в Пурим массовую расправу и ограбление враждебного гражданского населения противника. Действительно, Тора велит помочь врагу развьючить упавшего осла. Но там совершенно другая ситуация – речь идет о ближнем, конфликт с которым является поверхностным, а не следствием несовместимости фундаментальных интересов. Иудаизм бескомпромиссно относится к врагам евреев; израильские же политики примиряются с ними.

Технические детали создания Иудеи

Израиль может создать Иудею на своей территории вдоль границы с Газой. Эта территория провозгласит государственность и обратится в ООН за признанием¹¹⁶, которое будет дано, поскольку в тот момент Иудея не будет нарушать чью-либо территорию. Затем Иудея пригласит поселенцев, которые получат ее гражданство. Далее она расширит территорию под предлогом борьбы с эскалацией насилия. У Израиля не будет оснований для удаления еврейских боевиков из Газы, а Палестина не сможет обратиться за иностранной помощью, поскольку военная эскалация спровоцирует упреждающую атаку со стороны Израиля. Имея военное превосходство над Газой, Иудее будет проще расшириться, чем Израилю до 1948 года.

¹¹⁶ Между неподчинением резолюциям ООН об израильских границах и обращением в ООН за признанием нет противоречий. Евреи должны извлекать пользу даже из такой бессмысленной и неправомерной организации, как ООН.

Израильские политики, эти западные лакеи, постараются помешать Иудее оккупировать Газу, но под угрозой контратаки арабов многие евреи поддержат Иудею. Некоторые религиозные евреи не поддержат занятие Газы, которая не имеет большого библейского значения. Они могли бы поддержать передачу израильским правительством Иудее Восточного Иерусалима. Многие страны признали юрисдикцию Израиля над объединенным Иерусалимом и не будут оспаривать его право уступить часть города другому государству, Иудее. Арабам тогда будет сложнее требовать Восточный Иерусалим, поскольку это будет означать ликвидацию целого государства Иудея, а не просто изменение израильской границы. Иудея возьмет на себя политически некорректную задачу по удалению из Иерусалима арабов и восстановит доступ евреев к местам поклонения.

В конце концов, евреи могут основать Иудею в любом небольшом поселении рядом с границей Израиля, предпочтительнее – там, где израильтяне изменили границу по требованию палестинцев и сейчас недовольны результатом. Поселенцы могут отказаться от израильского гражданства, чтобы освободиться от юрисдикции Израиля и не дать израильским войскам вернуть их обратно силой. Если Израиль предпримет такую попытку, поселенцы могут угрожать коллективным самоубийством либо собрать такое количество сторонников, чтобы сделать невозможным насилие со стороны государства.

Тактика концентрации была неосуществима в скоплении деревень в Газе, но ее вполне можно реализовать в отдельном небольшом пункте. Пятьдесят тысяч вооруженных и ревностных евреев, собранных в одном городе, могут эффективно противостоять высылке. Палестинцы гораздо меньше, чем израильтяне станут рисковать конфронтацией, которая вызовет негативную шумиху в прессе. После того как Израиль де-факто признает иудейское поселение, евреи могут начать его расширение за счет палестинцев.

Евреи охотно сражались с британцами, чтобы создать свое государство, но существование Израиля подрывает их решимость. Ревностные евреи только тогда смогут создать Иудею, когда они почувствуют враждебность к либеральному, пропитанному влиянием язычников Израилю. Израильские левые будут рады избавиться от приверженцев иудаизма и закроют глаза на их исход в Иудею. Те деньги, которые евреи Диаспоры сейчас посылают в Израиль, большей частью пойдут более религиозной Иудее. Иудейским лоббистам будет гораздо проще получать поддержку от богатых евреев Диаспоры, чем лидерам нынешнего Израиля, поскольку многие одобряют религиозное возрождение. Израильская политика спорна. Иудее же помощь необходима критически, и немногие откажут в ней. Действительно, некоторые светские евреи презирают ультраортодоксов, но их скептицизм развеется, как только Иудея навяжет свою волю арабам и заставит международное

сообщество принять сложившуюся ситуацию. После нормализации евреев последует нормализация иудаизма. Когда ультраортодоксы получат собственное государство – понятное, мотивированное и мощное – они заслужат уважение, при условии, что не будут допускать грубых нарушений прав человека. Арабские деньги потекли в группировки исламских фундаменталистов тогда, когда они стали военизированными и эффективными. Многие устали от слабой демократии и взаимных уступок и жаждут действий. Радикалы редко испытывают нужду в средствах.

Евреи могут заимствовать мусульманскую тактику, при которой умеренные спонсируют радикалов. Можно относиться к палестинскому государству как к террористическому изгою, зато Саудовская Аравия, которая его финансирует, пользуется международным уважением. Саудовцы реализуют задачу военного изматывания Израиля через посредника в лице Палестины, которая достаточно бедна, чтобы не волноваться об экономических последствиях своей политики, и достаточно националистична, чтобы пользоваться уважением и защитой мирового сообщества. Иудея станет посредником Израиля в деле расширения.

Иудее достаточно небольшой армии, чтобы справиться с Палестиной, Иорданией и Ливаном. Израиль может гарантировать безопасность границ Иудеи, даже в случае их расширения, от агрессии со стороны арабских регулярных армий.

Иудея могла бы создать неожиданные военные преимущества для Израиля. Теократическое государство не будет медлить с применением химического, биологического и ядерного оружия, вместо того чтобы позволять тысячам гибнуть в затяжной войне. Иудея выставит zelотов, готовых ответить ассиметричным военным действиям исламистов на их языке.

Духовные аспекты Иудеи

Создание теократической Иудеи спасло бы некоторых евреев от этнической ассимиляции. Иудея может полностью запретить иммиграцию неевреев либо выдавать временные пропуска христианам, которые будут подвергаться тщательной проверке для подтверждения их лояльности. У полного запрета иммиграции есть еще один благотворный побочный эффект – решение проблемы террористов-смертников, ведь арабам въезд будет запрещен. Заборы и пограничное патрулирование советского типа преградят путь нелегальному проникновению.

Символом Иудеи должна стать древняя уникальная менора, а не звезда Давида, которая не считалась характерным еврейским символом вплоть до девятнадцатого века.

Если Иудея не сможет заполучить Восточный Иерусалим, то столицу лучше назвать Сион, что придаст новый импульс мессианским ожиданиям.

Языком Иудеи должен быть библейский иврит – язык

искусный и превосходящий свой современный суррогат, игнорирующий библейская лексикология и этимологические традиции. Еврейская морфология достаточно гибка, чтобы воспринять многие новые слова, сохранив при этом древние корни и двухбуквенные корневые ячейки. Возрождение простого, мощного и прекрасного языка Библии оживило бы изучение писаний язычниками, поскольку восстановило бы значения, потерянные при переводе. Какая ирония – Израиль, последняя цивилизованная страна, угнетающая реформистскую религию¹¹⁷, утверждает реформистский язык, еврейский новояз! Послание Торы неотделимо от ее языка. Восстановление древней грамматики должно сопровождаться возвращением к гортанному произношению. Израильские евреи уже не живут в холодном европейском климате и могут свободно произносить гортанные звуки согласно оригинальной семитской фонетике, как до сих пор делают арабы. Нынешняя ситуация, когда Тора и молитвы читаются на искаженном языке, не должна продолжаться.

Общественное мнение, охваченное секуляризацией под маской религиозной терпимости, не позволит Израилю долго притеснять реформистский иудаизм, чья вялость требований привлекает светских евреев и их языческих супругов. Религиозно строгая Иудея станет домом для ортодоксии. Как требует Тора, в Иудее будет только одна религия, и страна будет более-менее

¹¹⁷ Израиль не признает реформистский иудаизм.

ортодоксальной. Теократия не может с чистой совестью допускать существование фракций без сползания в поверхностную и циничную религиозность: терпимость и извращение – две стороны одной медали.

Религиозное законодательство

В Иудее может быть восстановлена еврейская система религиозной юриспруденции, а в Diaspore учреждены раввинские суды. Поскольку законы и, соответственно, тяжбы являются основой общественных отношений, этот шаг приведет к восстановлению еврейского самосознания, ощущения их отличия от других – все то, что сейчас размыто ассимиляцией. Решения раввинских судов должны быть обязательны для каждого еврея под угрозой отлучения. Поскольку израильский закон признает в качестве евреев прозелитов, одобренных ортодоксальными раввинами, отлучение будет означать потерю статуса еврея, что будет распространяться также на потомство. Исторически раввинские суды считались справедливыми и честными, в древности к ним прибегали даже язычники.

Создание раввинских судов создаст закрытую еврейскую экономику, поскольку еврейские компании предпочтут иметь дело друг с другом, так же как светские предприятия предпочитают работать с другими предприятиями в рамках единого пространства законов. Еврейский «бизнес-союз» получит конкурентное преимущество, конкурируя с другими

компаниями как единое целое. Похожая система экономической поддержки существовала на микроуровне в небольших еврейских общинах до Второй мировой войны, между тем как сегодня многие предпочитают небольшие выгоды от сотрудничества с внешними партнерами общему благу всех евреев. Общины теряют свою прочность по мере экономического и социального развития. Но у евреев есть основа для взаимозависимости: общая цель и смысл существования, которые, будучи правильно и последовательно объяснены, могли бы восстановить национальное единство.

Не имея амбиций по превращению в крупное государство, Иудея сможет стать библейской теократией, основанной на религиозно-судебной, а не монархически-административной власти. Поскольку закон Торы является исчерпывающим, а административная власть осуждается в Писании как зло¹¹⁸, Иудея станет страной либеральных идеалов без законодательной и исполнительной ветвей власти.

Иудейская теократия будет свободным обществом для согласных граждан. Каждый может эмигрировать по достижению совершеннолетия, а до тринадцати лет количество религиозных обязанностей минимально. В израильских

¹¹⁸ Самуил получил ясные и предельно строгие указания от Бога перед помазанием первого монарха, Саула – осуждающие монархию. В других местах Библия признает монархию де-факто, что показывает тенденцию иудаизма регулировать неизбежное зло, а не пытаться его искоренить.

киббуцах молодежь часто не разделяет идеалы своих родителей и уезжает. Некоторые евреи уже оставили Израиль. Многие покидают ультраортодоксальные семьи и общины. Инакомыслящие будут иметь такую же свободу покинуть Иудею. Если кто-то посчитает иудейскую политику слишком жесткой, он сможет уехать, в то время как более религиозно мотивированные останутся, а приток иммигрантов дополнит размножение плодovitых ортодоксов.

Безразличие к светской этике

Иудея может игнорировать общепринятые моральные нормы. Следуя еврейской этике о справедливом возмездии, она может жестко реагировать на враждебные действия иностранцев и приводить к ответственности террористов и врагов из числа палестинцев. Следуя Торе, Иудея может проводить политику религиозного разделения и переселения арабов, что позволит себе не каждое светское государство. Она запретит смешанные браки и не позволит другим религиям строить места поклонения – в конце концов, в Ватикане нет синагог.

Талмудический закон позволит отказаться от тюрем, вместо них вводя быстрые наказания и очень редкие казни. Многие против смертной казни не потому, что считают, что определенные преступники не заслуживают смерти, а потому, что судьи иногда ошибаются. Должным образом

организованный процесс в Синедрионе настолько строг, что ошибки маловероятны. Еврейский суд не принимает косвенные улики. Например, если свидетель видел, что некий человек зашел в дом, из дома донеслись крики, затем этот человек вышел из дома с окровавленным ножом, и после этого в доме был найден труп, то такой свидетель будет отклонен, потому что не видел само убийство. Судейские ошибки имеют место во всех судебных системах, но количество ошибок, совершенных по талмудическому законодательству, не идет ни в какое сравнение с мириадами лет, которые совокупно люди Запада провели в тюрьмах по ложным обвинениям и вымышленным преступлениям, не нарушающим библейские нормы. Основная проблема талмудического закона не в чрезмерной жестокости наказания, а в практической невозможности осуждения из-за множества требований к обвинению. Необходим пересмотр защитных мер, внедренных чтобы сохранить лицо в те времена, когда еврейские суды Диаспоры не обладали уголовной юрисдикцией. Раввины, не имевшие возможности осуждать преступников, законодательно защитили преступников, чтобы оправдать свое бездействие. Проблема правосудия мало актуальна для такого глубоко религиозного общества, как Иудея, где нет изгоев, которых можно ненавидеть и преследовать. Правильный талмудический процесс лишь теоретически оставляет место для смертной казни для извращенцев.

Иудейский запрет мерзостей, начиная от порнографии и

заканчивая идолопоклонством, не нарушает свободы самовыражения. Это примерно как законы районирования на Западе. Евреям не запрещается смотреть упомянутые вещи вне Иудеи, однако Обетованная земля должна содержаться в ритуальной чистоте. Эта идея лежит в основе библейского выражения «удаление от зла», которое не обязательно означает убийство нарушителя.

Иудея не будет терпимой, но ведь и в ресторанах существуют требования к одежде, государства наказывают за осквернение флага, и в немногих семьях разрешается ругаться. Светские государства насаждают мириады этических запретов: проституция, азартные игры, обнажение в общественных местах и многие другие, нарушение которых часто ведет к жестокому, непропорциональному наказанию. Иудея будет небольшой по размеру, так что недовольные всегда смогут уехать.

Правительство Иудеи сможет делать то, что не может позволить себе светский Израиль, который хочет быть респектабельным государством. Например, современное законодательство о военных преступлениях позволяет обвинить Ватикан и другие европейские державы в преследованиях евреев вплоть до Средних веков, потребовав такую компенсацию, которая слишком велика, чтобы ее даже обсуждать.

Вместо того чтобы аплодировать папской булле *Nostra*

Aetate, Израиль, согласно еврейскому закону, может принять раскаяние Ватикана, только после полного возмещения ущерба. Ватикан не обязан действовать согласно еврейскому закону, но это обязан делать Израиль. Ватикан может извиниться лишь на словах, но евреи не должны принимать такое извинение.

Нюрнбергский трибунал вершил правосудие над преступлениями против человечества, применяя задним числом судебные инновации. В то время как нельзя обвинить в уголовных преступлениях потомков преступников, вполне возможно потребовать возвращения собственности, которая была отобрана у евреев и которой до сих пор пользуются потомки грабителей. Европейские правительства не вернули всю недвижимость, которая была украдена у евреев во время Второй мировой войны (или ранее). Богатство Ватикана частично основано на собственности, похищенной у евреев, его библиотеки полны древних еврейских книг, похищенных во время погромов. Европейцы даже не вернули евреям все синагоги, так что у Иудеи есть все основания потребовать еврейские здания.

Иудея может отвести пар от Израиля

На протяжении истории антисемиты использовали действия нескольких евреев, будь-то zeloty или владельцы таверн, в качестве предлога для обвинения всех евреев. Сегодня всех евреев обвиняют в том, что они плохо обращаются с

палестинцами. Создание Иудеи позволило бы переместить это обвинение с израильского народа на государство, которое не обращает внимания на точку зрения язычников. Израиль, у которого почти не останется проблем с палестинцами, превратился бы в доброго соседа.

По мере того как религиозные радикалы переместятся в Иудею, Израиль мог бы уйти от нынешней лицемерной теократии. Евреев, не соблюдающих талмудический закон в полной мере, обвиняют в ущербности, хотя соблюдать его досконально в обычных условиях практически невозможно. Игнорирование раввинских законов, принимаемых за сущность еврейства, ведет к атеизму и к решению покинуть Израиль. Израиль мог бы принять саддукейский иудаизм, в котором для полной самоидентификации в качестве еврея требуется соблюдать лишь ясные требования Торы¹¹⁹.

¹¹⁹ Помимо Десяти заповедей, в еврейский закон включаются также 603 повеления Торы, которые их интерпретируют, Мишна, которая интерпретирует писания с позиций законодательства, и Гемара, объясняющая Мишну. Хотя эти установления зачастую разумны, только радикальные ортодоксы считают их боговдохновенными.

Перспективы войны и гарантии мира - сомнительны

Израильская армия не непобедима

Декларируемая непобедимость израильской армии спорна. В 1948 году армия выиграла войну против неорганизованных арабских банд, а не настоящих армий. Даже «Арабский легион» не был профессиональным по европейским меркам. Чтобы победить арабов, евреям понадобилось лишь немного здравого смысла и минимум стратегического планирования, да и то с тяжелыми потерями. Однако когда евреи встречались с опытными командирами, такими как египетский командир Таха Бей, они терпели поражение.

В 1967 г. израильтяне победили при помощи хитрости и везения. Когда в 1973 удача изменила им, они вынуждены были опереться на преимущество в вооружении, опыте и воле к победе. Конечно, везет сильнейшим, но эта грань была слишком тонка, чтобы снова полагаться на нее.

В 1982 г. году Израиль увидел, что даже превосходство в огневой мощи не заменяет стратегию и мотивацию – недостаток, который с тех пор только усиливается. Армию не за что осуждать. Солдатам сложно привыкнуть к чехарде меняющихся политических задач. И что еще хуже, армия утратила тот авантюрный дух, который когда-то имела, и все больше превращается в политизированную бюрократическую машину.

Во всех войнах Израиль имел преимущество – отсутствие решительности у противника. В 1948 г. арабы больше хотели убивать и грабить, нежели преследовали националистические задачи, позже египетских и сирийских солдат мало волновали Синайская пустыня и Голанские высоты. Арабский национализм может все изменить.

Американская поддержка не гарантирована

Американское военное присутствие на Ближнем Востоке делает необходимым сотрудничество с арабами и уменьшает ценность сотрудничества с Израилем – причина, по которой следовало противодействовать вторжению в Ирак. Ошибочно думать, что Соединенные Штаты будут поддерживать Израиль, лишь бы не допустить применение ядерного оружия. У США есть и другие способы это сделать, самый простой из которых – гарантировать арабам защиту.

Американская поддержка Израиля не является сама собой разумеющейся. Альянсы основаны на конкретных взаимных интересах, а не метафизике. Франция более важна для Америки в Европе, чем Израиль на Ближнем Востоке, однако американско-французские отношения довольно неустойчивы. Генри Киссинджер поднял американско-израильские отношения до настоящего уровня с целью противостоять СССР, но теперь необходимости в противостоянии больше нет, и другой решительный политик может свести на нет всю поддержку. США

и раньше бросали своих союзников: южных вьетнамцев, курдов. Америка стояла в стороне, когда СССР громил чехов, которых спонсируемое Америкой радио подбивало к восстанию. Франция годами без всякого сопротивления саботировала иранского шаха, поддерживаемого Америкой. Израиль надеется на особое к себе отношение, но американскому протестантскому истеблишменту не за что любить Израиль. Америка отказалась бомбить нацистские лагеря смерти, не помогла Израилю в войне 1948-го года, не помешала арабам развязать войну 1967-го, когда они надеялись уничтожить или экономически задушить Израиль. Израильтянам нужно окончательно выжить из ума, чтобы полагаться на Америку.

Массовые теракты на американской земле подрвут общественную поддержку Израиля и усилят антисемитизм, поскольку террористы обвиняют сионистское лобби. Америка будет искать спасение в изоляционизме, особенно ввиду неэффективности антитеррористических мер. Палестинская проблема еще больше ослабит расположение Америки к Израилю. Людям свойственно сочувствовать жертвам, вне зависимости от морального облика последних. Скорее всего, США рационализуют поражение в Ираке¹²⁰, как они сделали это

¹²⁰ Похоже, Саддам подыгрывал Израилю: во время войны в Персидском заливе в тридцати девяти иракских ракетных залпах погиб лишь один израильянин. Модифицированные ракеты «Хуссейн» (Р-17) надежно попадали в города, и поэтому постоянные промахи трудно объяснить иначе, чем приказами Саддама. Он продемонстрировал арабскому миру

во Вьетнаме, придумав гуманитарные проблемы: иракцы, как и вьетнамцы, вдруг окажутся неплохими людьми, которые не заслуживают военных мер. Как в случае с вьетнамцами, которых американцы не знали до войны и ненавидели в ходе ее, США откроют двери для иракских иммигрантов, что повлияет на результаты выборов. Точно так же, когда США проиграют войну с исламскими террористами и уйдут в изоляцию, отношение американцев как к мусульманам, так и к израильтянам изменится. Отказ американцев от поддержки Израиля нарушит субъективный баланс сил и побудит мусульман пересмотреть соглашения с ним.

свою антиизраильскую политику, но не стал рисковать полномасштабным конфликтом с Израилем. Доказательств поддержки Саддамом террористов практически нет; он конфликтовал с курдскими и фундаменталистскими группировками, а также с Ираном. Сейчас же Израилю противостоит развалившееся государство с огромным скоплением террористов, которое заменило хорошо организованную диктатуру, не имевшую видов на Израиль. Саддамовский Ирак делал арабов зависимыми от США в части обороны и в итоге – терпимыми к Израилю. Ирак истощал Саудовскую Аравию и Иран, провоцируя их наращивать вооруженные силы; война в Персидском заливе почти обанкротила саудовцев. Было абсурдным нападать на Ирак, давнего американского союзника без ядерного оружия, вместо клерикального Ирана, давнего врага, работающего над его получением. Сейчас, когда перспектива появления нового сильного лидера невысока, лучшее, что может сделать Израиль, - это настаивать на демократических выборах, которые приведут к власти шиитское большинство, расколов разделит мусульманский мир и существенно дестабилизировав обстановку в регионе, близком к саудовским нефтяным месторождениям.

Арабы якобы воюют не с Западом в целом, а с конкретными нарушениями мусульманского суверенитета, в частности в израильском вопросе. Они хотели бы, чтобы Запад отказался от Израиля, но в этом мало смысла. Саид Кутб, идейный вдохновитель современного исламизма, ненавидел Соединенные Штаты задолго до того, как они начали поддерживать Израиль. Если США бросят Израиль, арабы провозгласят победу над неверными и лишь увеличат активность, подобно тому как поражение СССР в Афганистане привело к Чеченской войне. Для исламистов французский запрет на паранджу в школах и американское неприятие полигамии являются достаточным поводом для начала ассиметричных военных действий. Исламские фундаменталисты ненавидят западные ценности и западную упадническую культуру, хотя не Америка наводнила исламский мир своей культурой, но сами мусульмане полюбили ее и привезли к себе, что и не нравится фундаменталистам. Террористы не воспринимают тактику взаимного сдерживания. Они бы в любом случае продвигали исламские ценности в противовес западной культуре. Демократическая западная свобода слова позволяет заодно и мирную агитацию в пользу ислама, и если американские спецслужбы станут бороться с исламистами, призывающими к *джихаду*, последние начнут жаловаться на религиозные преследования, вызвав новый виток терроризма.

В то время как Израиль импортирует западное влияние в

исламский мир, действуют и другие факторы: спутниковое телевидение, Интернет, фильмы, «Макдональдс», безбожная наука, слишком низкие цены на нефть, плохие валютные курсы и так далее. С другой стороны, если Запад заблокирует спутниковое телевидение и Интернет, мусульмане тут же закричат о дискриминации. Мусульмане неизбежно импортируют западное влияние, поскольку тратят нефтедоллары на западные товары. Америка не может выполнить требование исламистов оказать давление на Россию, Китай и Индию, чтобы те прекратили преследования мусульманских меньшинств у себя дома. Эти три страны, которым всегда были безразличны человеческие потери, не уступят террористам, и Америка не сможет ограничить жестокость подавления мусульман. Если бы Израиля не стало, исламисты отправились бы в Чечню, Боснию, Кашмир, Индонезию. Они считают своим долгом защищать мусульман, живущих среди неверных, и требуют, что Запад дал им возможность жить не по местным законам, а по *шариату*. Даже если Америка нашла бы какой-нибудь невероятный способ удовлетворить все запросы мусульман и отрезать культурные и политические связи, сохраняя экономические, это остановило бы только оборонительный *джихад*. Победа лишь расчистила бы путь для наступательного *джихада*, целью которого будет подчинить неверных Запада Корану и *шариату*. Без Израиля у Америки стало бы гораздо больше проблем с исламом.

Почему бы Америке не надавить на Израиль с целью разрешить палестинский конфликт? Влияние Америки на Израиль ограничено: он выиграл войны без поддержки США. Америка так же не заставляет палестинцев пойти на уступки. Америка не связана с Израилем специальными отношениями; к тому же, как всякая демократия, она нерешительна. Америка выкрутила Израилю руки и остановила его военное продвижение в 1956, 1967 и 1973 годах, заставив его частично отступить, чего не требовали от арабов – но при этом она возмущается, когда Израиль расширяет границы своего влияния.

Американская поддержка Израиля не является чем-то экстраординарным. США давали Франции миллиард долларов ежегодно на колониальный конфликт во Вьетнаме, перед тем как напрямую принять в нем участие с гораздо более высокими затратами¹²¹. Американские ставки на Ближнем Востоке гораздо выше, и Америка гарантирует свои ставки, поддерживая одновременно и Израиль, и различные арабские страны, в частности Египет, который получает лишь немногим меньше помощи, чем Израиль, хотя Египту никто не угрожает. Сравнивать помощь в пересчете на население нельзя, поскольку Америка платит (и весьма экономно) за влияние в регионе вне

¹²¹ Сейчас Америка повторяет эту ошибку на Ближнем Востоке. Разочарованная в своем военном представителе, Израиле, армия США взяла дело в свои руки, главным образом чтобы оправдать ненормальные объемы военных расходов; Америка оказалась втянутой в еще один неразрешимый конфликт.

зависимости от населения страны-получателя. Цены на вооружение растут быстрее, чем размер помощи, что уменьшает ее значимость. Америка даже финансирует «Организацию освобождения Палестины», открыто и решительно антиамериканскую, вместо того чтобы подавлять ее. Палестина ежегодно получает 2 миллиарда долларов, что составляет 120% от ее ВВП. Особые отношения Америки с Израилем – иллюзия.

Американская военная помощь Израилю скромна в сравнении с тем, что получают мусульманские страны – а от Советского Союза они получали еще больше. Помощь мусульманам необходимо оценивать в совокупности, потому что в конфликтах с Израилем они действуют вместе. Саудовская Аравия и Египет регулярно закупают больше американского оружия, чем Израиль; тем временем Китай становится неконтролируемым поставщиком дешевого оружия. Кувейт закупает почти столько же, сколько Израиль, а крошечный Катар иногда даже больше. Объединенные Арабские Эмираты, которым никогда ничто не угрожало, закупили большую партию реактивных истребителей «F-16», которые превосходят даже находящиеся на вооружение американских ВВС. Эмираты, единственные в мире, получили программный код распознавания противника, позволяющий атаковать американские и израильские самолеты. Еще несколько арабских стран собираются закупить истребители следующего поколения Joint Strike Force. США воевали за Кувейт, хотя не стали воевать

на стороне Израиля в 1973 г. Во времена произраильски настроенного Рейгана Америка сотрудничала с иракскими вооруженными силами и даже дала Саддаму зеленый свет на использование химического оружия. Американская поддержка другой мусульманской страны – Индонезии – значительно превосходит то, что получает Израиль, в части терпимости к резне. После освобождения Кувейта Америка не предложила ему подписать мирный договор с Израилем или продать ему нефть, чтобы снять мусульманский бойкот. США поддерживают Саудовскую Аравию и Кувейт, эти два бастиона радикального ислама. Америка заставляет стороны прекратить боевые действия, когда это выгодно арабам, но не Израилю; она никогда не боролась с советскими поставками вооружения мусульманам, которые значительно превосходили объемы военной помощи Израилю. Америка никогда не стремилась предотвратить наращивание арабами объемов вооружений или концентрацию их сил на границе с Израилем, зато жестко остановила Израиль от упреждающего удара в 1973 г. Еврейское влияние мало помогало Израилю до 1973 г., когда США впервые поддержали Израиль, чтобы помешать СССР завладеть регионом.

Для американской элиты отношения с Израилем еще менее значимы. Семья Бушей поддерживает тесные связи как с Израилем, так и с Саудовской Аравией. Арабские нефтяные царьки могут предложить правящим семьям Америки гораздо больше, чем Израиль. Корпоративные друзья арабов часто

оказывают на мировых лидеров большее влияние, чем объективные эксперты, если таковые существуют. Большинство американских корпоративных интересов связаны с арабами, а не Израилем, и лоббируют арабские интересы сильнее, хотя и менее помпезно, чем это делают евреи через СМИ и общественные связи.

Евреи по своей природе индивидуалисты, а не командные игроки, и у них плохо получается заниматься политикой и интригами. Вокруг каждого полученного путем лоббирования доллара они создают слишком много шума. Мелкий иорданский князек перелоббировал все мировое еврейство, когда получил для своего бессмысленного и незаконного государства большую часть земли, обещанной Декларацией Бальфура евреям. В 1947 г. от остатков еврейской страны ООН отрезала лучшую часть для палестинцев. Евреи не воспользовались территориальными завоеваниями 1967 и 1973 годов. Во время Второй мировой войны еврейские лоббисты не смогли ни убедить американское правительство подвергнуть бомбардировке лагеря смерти, ни найти всего лишь десять тысяч грузовиков, чтобы обменять их на миллион евреев, обреченных на смерть.

В последние годы еврейское участие в СМИ и корпорациях идет на убыль, тогда как японские и арабские инвестиции растут. Уменьшилось число евреев, работающих в СМИ. Арабы могут покупать журналистов и прессу, чтобы

настроить американских избирателей против Израиля. В США больше антисемитских избирателей, чем проеврейских.

Саудовцы лоббируют и покупают чиновников дипломатических ведомств по всему миру, обещая сочувствующим политикам огромные пенсии после увольнения. Некоторые американские чиновники работают с саудовцами после увольнения; почти никто не работает с израильянами. Фирма, принадлежащая семье Бин-Ладенов, построила американские военные базы в Саудовской Аравии и имеет тесные отношения с «Карлайл Груп», в правление которой входят Джордж Буш, Джон Мейджор, Джеймс Бейкер и ряд других бывших высокопоставленных политиков. Когда речь идет о личной заинтересованности в кругах такого уровня, неудивительно, что США трудно давить на Саудовскую Аравию требуя прекратить поддержку террористов и фундаменталистов.

Исторически сложилось так, что привилегированные евреи в европейских и других странах вызывали недовольство и гонения, часто после крупных политических или экономических преобразований. В настоящее время Америка благосклонна к Израилю, она стремится закрепить за собой роль арбитра в затянувшемся конфликте – но это может измениться в любой момент.

Влияние покупается за деньги. Тридцать лет нефтедолларового потока дали арабам богатство, которое может

бросить вызов всем еврейским состояниям, накопленным за века. Сегодня капитал в основном создается за счет создания новых технологий. Традиционная роль евреев как банкиров ослабла, а вместе с ней уменьшилось и количество рычагов воздействия. Одни лишь саудовцы владеют примерно триллионом долларов в западных активах. Они покупают больше американского вооружения, чем Израиль. Израиль просто слеп, если не видит, как теряет экономические преимущества, и глуп, если не стремится изменить эту тенденцию, захватив нефтяные месторождения.

Происходит становление арабской диаспоры. У них есть деньги, западное образование, связи – многие из них умны. Они создают влиятельные избирательные группы и имеют существенный политический вес. Как в случае с Вьетнамом, поражение Америки в Ираке приведет к наплыву беженцев. Арабы занимают важные посты в бизнесе и со временем сравняются с евреями в соревновании за влияние. Арабов объединяет только ислам. Вот что опасно.

Палестинское государство получит значительную американскую помощь и отвлечет внимание США от Израиля. Именно так случилось в Египте, на котором сосредоточились многие бюрократы, занимающиеся гуманитарной и военной помощью.

Израильские лоббисты не должны смиряться с

поражением, но бороться с этой тенденцией всеми доступными средствами. Очень часто временные меры длятся долго. Евреи должны лоббировать введение обязательного курса по Холокосту в американских школах¹²². Помимо освещения положительных причин для поддержки Израиля (геополитические интересы, культурная близость, верность союзнику), израильские лоббисты должны демонстрировать последствия отмены американской поддержки. Если Израиль договорится с арабами, в регионе больше не будет крупной объединяющей силы, общего врага, и начнутся дестабилизирующие пограничные войны. Без американского неядерного оружия Израилю придется использовать собственное ядерное оружие, что подтолкнет арабов к созданию собственных ядерных программ, причем высока вероятность того, что однажды арабские бомбы окажутся в руках антиамериканских террористов. Если Израиль потеряет американскую поддержку, ему придется обратиться к России (как в 1948 г.), Франции (как перед 1960-ми) и Китаю. Каким бы ни был выбор, в нефтедобывающем регионе возникнет недружественная, если не враждебная, по отношению к США страна, в результате чего Америка потеряет больше, чем она

¹²² Хотя программы американских школ определяются независимыми отделами образования, израильские лоббисты проводили информационные кампании, адресованные негосударственным структурам. Не только евреи эксплуатируют общественное мнение: политики, экологи, профсоюзы манипулируют им столь же цинично.

сейчас дает Израилю.

Евреи должны продвигать американский идеализм, который отвергает компромиссы с мусульманскими диктатурами – а это практически все мусульманские страны – и подчеркивает миссию Америки по поддержке свободы и демократии, а также якобы аморальности изоляционизма. Израиль должен влиять как на американских левых, которые осуждают режимы, нарушающие права человека, так и на правых, которые видят в исламе новую угрозу. Американские евреи должны давить на правительство с целью установить ясные внешнеполитические приоритеты в отношении международных полицейских акций по пресечению зверств, национального самоопределения и переселения¹²³, недопущения распространения оружия массового поражения, а также в отношении союзников, которых недопустимо бросать, пока они сохраняют преданность и демократические ценности. Опубликованные приоритеты были бы идеалистичными и исключили бы сотрудничество с деспотическими мусульманскими режимами. Ясные цели помогли бы мусульманам понять действия американцев, вместо того чтобы вдаваться в теории заговоров; у Америки отпала бы необходимость в коалициях, отдаляющих ее от Израиля. Сейчас коалиции утверждают моральную легитимность действий

¹²³ Америка поддерживала независимость христианского Восточного Тимора, а не исламского Кашмира, потому что кашмирские мусульмане могут переехать в близлежащий Пакистан, в то время как тиморцам некуда бежать.

Америки – отсутствие целей компенсируется количеством участников.

Израиль и Соединенные Штаты объединяют великие узы исторического родства. Поселенцы покинули враждебную Европу и устремились в многообещающую землю. Они воевали за независимость с Британией. Стараясь избежать насилия, они покупали землю у местных жителей, которые со временем стали сопротивляться чужакам, хотя и выигрывали от новых технологий, да и земли было достаточно для всех. Народы обеих стран видят в себе маяк с мессианскими амбициями. Обе страны принимали участие в Холодной войне. Обе ненавидимы за то, что они процветающие и могущественные, но при этом действуют как слабаки. У двух стран общий враг – радикальный фундаменталистский ислам.

Израиль должен сопротивляться американскому изоляционизму. Поддержка страны со схожими ценностями отличается от продвижения собственных ценностей силой. Бессмысленно пытаться демократизировать Афганистан. Между тем поддерживать единственного демократического союзника на Ближнем Востоке имеет смысл. Большинство людей не оспаривает право Соединенных Штатов на вмешательство с целью спасти жизнь христиан от жестокости мусульман. Точно так же оправдано вмешательство США с целью спасти свободную страну. Две мировые войны показали невозможность полной изоляции. Некоторые союзники слишком близки, чтобы их

бросить, и некоторые враги слишком ужасны, чтобы их терпеть. Упреждающие меры, такие как военная поддержка Израиля, лучше реагирования в последний момент.

Заккрытие баз США в Саудовской Аравии означало бы не уважение к национальному суверенитету, а уступку исламским фундаменталистам, которые оскорбляются всякий раз, когда нога немусульманина ступает на землю пророка¹²⁴. Менталитет мачо предполагает симметричный ответ в виде изгнания мусульман из Иерусалима.

Кроме Израиля, ни одно ближневосточное государство не лояльно к Америке. Помогая Саудовской Аравии, Америка не добилась ни снижения цен на нефть, ни сотрудничества в борьбе с терроризмом, ни сопротивления антиамериканскому исламскому фундаментализму. Экономические и политические уступки мусульманам, начиная с принятия условий нефтяного рэкета и заканчивая поддержкой варварских режимов, стоят американцам гораздо больше, чем поддержка Израиля.

Ближний Восток поставляет лишь 10% всей нефти, которую потребляет Америка, так что привлечение Саудовской Аравии к ответственности не опустошит ближайшую бензоколонку. Есть и другие источники; россияне с

¹²⁴ Сопротивление саудовцев можно обойти тем, что все американские солдаты произнесут «Аллах акбар», объявляя таким образом себя мусульманами. Говоря «Бог велик», американцы не имеют в виду постулаты ислама.

удовольствием заменили бы арабов. Действительно, покупать нефть у России лучше, чем выдавать ей кредиты, которые она не возвращает.

Нестабильность на Ближнем Востоке, усиленная американским вторжением в Ирак, взвинчивает цены на нефть и прибыли корпораций. Многие американские компании не заинтересованы в стабильности в этом регионе под контролем Израиля. Израиль должен апеллировать напрямую к американской общественности и многочисленным компаниям, которые страдают от высоких цен на нефть и могли бы поддержать распространение влияния Израиля на нефтяные поля.

Израиль должен поддерживать американский изоляционизм в тех случаях, когда американская поддержка арабов значительно превышает поддержку Израиля; так происходит сейчас. Американская помощь вызывает в израильской экономике системные искажения и позволяет США удерживать израильское правительство от принятия эффективных военных мер. Израиль может жить и сражаться и без США, а арабы – нет. Отказавшись от американской помощи и требуя параллельного прекращения поддержки арабов, Израиль мог бы сохранить расположение американского народа вместо того чтобы вызывать презрение со стороны доноров.

Честность, пусть и циничная – на удивление хорошая

политика: народ нельзя обманывать вечно. Израиль должен объяснить, что он вынужден сотрудничать с варварскими режимами, потому что американский коррумпированный военно-промышленный комплекс вытесняет его с рынка американских государственных поставок и главных экспортных рынков. Обладая очень маленьким внутренним рынком, Израиль вынужден заниматься экспортом вооружений, чтобы поддерживать свои жизненно важные военные производства.

Американская экономическая помощь ничего не дает Израилю, при этом провоцирует неэффективные решения, от чрезмерных военных расходов до перманентного бюджетного дефицита. Израиль должен получить доступ к американским военным закупкам.

Правительство «Ликуда» должно изменить презентацию израильской политики. Различие между политикой «Ликуда» и «Аводы» незначительно, но у «Аводы» - более красочная упаковка. В то время как простые, четкие подходы «Ликуда» часто провоцируют возмущение западных либералов, левая «Авода» маскирует свою политику, чтобы не касаться чувствительных мест. «Ликуд» в кризисные моменты строит больше поселений; «Авода» расширяет имеющиеся. Израиль должен учитывать как арабов, так и Запад. Все понимают, что внутри пилюля горькая, но сладкая оболочка демонстрирует уважение к потребителю.

Америка мало награждает своих союзников, зато подкупает врагов. Израиль должен перестать демонстрировать безусловную верность и начать заигрывать с Францией, что поможет добиться у США лучших условий, большей поддержки и большей политической свободы действий. Израиль мог бы пойти против Америки, напав на арабских соседей или аннексировав территории, таким образом вернув к себе всеобщее внимание, которое сейчас перешло к Ираку.

Израиль мог бы сблизиться с американским католическим меньшинством, предоставив ему контроль над спорными христианскими священными местами. Возобновление отношений с американскими католиками улучшит положение Израиля в католических странах Европы и Латинской Америки. Такие связи не оскорбят протестантский американский истеблишмент, который религиозен лишь номинально; к тому же, Израиль мог бы предложить протестантам библейские места, удерживаемые мусульманами.

Израиль должен защищать собственность Православной церкви от посягательств других групп в обмен на ее поддержку израильских интересов перед российским правительством. Армянская церковь является, возможно, единственным важным церковным союзником, поскольку влияет на голоса армянских американцев. Израиль может игнорировать права политически незначительных христианских сект.

Многие американцы являются консервативными христианскими моралистами; немногие могут изложить понятия морали в терминах, отличных от религиозных. Американские политики определенного типа постоянно прибегают к христианским принципам, чтобы поддержать те или иные законы. Секуляризация государства, столь актуальная во времена Лока, уже не представляет проблемы. Зато утрата религиозности подрывает нравственные аксиомы. Евреи должны лоббировать увеличение места для религии в общественном диалоге. Дети, воспитанные в иудео-христианстве, будут менее терпимы к исламу.

Небольшая арабо-израильская напряженность позволяет Соединенным Штатам манипулировать политическим равновесием и выступать арбитром – политика, которую США столетие назад осудили в Европе, но которой сейчас придерживаются на Ближнем Востоке. Палестинский конфликт не представляет серьезной угрозы для Израиля, и Америка способствует ему, однако война с Египтом дестабилизировала ситуацию и Америка уже не могла контролировать события. Террористическая война на истощение на Ближнем Востоке отвечает стратегическим интересам Америки.

Представьте, что вы живете на горе, но зависите от деревни на равнине, в которой получаете важные запасы – например нефть. Хорошо, если жители деревни дружелюбны, но скорее всего они будут заламывать цену, давать лучшие

условия вашим конкурентам и в целом не будут относиться к вам как к центру вселенной. Естественным решением будет побудить жителей воевать друг с другом – не слишком сильно, чтобы не подорвать поставки, но достаточно, чтобы зависеть от вашей помощи и защиты при наихудшем сценарии. Такова американская ближневосточная политика в миниатюре: осмысленная, циничная и эгоистичная. Теперь, когда есть каспийская нефть, безденежная Россия готова дать Западу столько нефти, сколько ему потребуется. При таком развитии событий роль арабской деревни уменьшается.

Рост антиамериканских настроений в Европе после распада Советского Союза представляет для Израиля дилемму: американская поддержка Израиля сближает Европейский Союз с арабами, что для европейцев является лучшим способом противостоять США на Ближнем Востоке. Даже лучший друг не вечен, поэтому Израиль должен воссоздать свою европейскую базу путем активного участия в европейских выборах и политических процессах в целом, так же как и в Америке. Израиль поступал так во Франции и других странах до второй половины 1970-х, когда решил, что американская помощь более выгодна¹²⁵. Американские лидеры могут приветствовать расширение израильского влияния в Европе. Чтобы столкнуть

¹²⁵ Это отчуждение произошло не столько по вине Израиля, сколько потому, что Франция вернулась к своей традиционной политике поддержки мусульман. Франсуа Миттеран, друг Советского Союза и нацистского комиссара Рене Буко, не был надежным партнером для Израиля.

носами Америку и Европу в борьбе за влияние на Израиль, нужно иметь лидера калибра Садата, которого у Израиля нет.

Израиль должен стремиться улучшить отношения с Китаем. Находясь рядом с нефтедобывающими бывшими советскими республиками, Китай не нуждается в арабах. Китай испытывает проблемы с этническими меньшинствами и распространением ядерного оружия в Северной Корее, Индии и Пакистане. Китаю нужны израильские технологии и израильское оружие. Нужно постараться преодолеть исторический изоляционизм Китая. Рост китайского влияния в бывшей Советской Азии показывает, что это возможно.

Современный антисемитизм

Антисемитизм не исчез с основанием еврейского государства, когда евреи стали такой же нацией, как любая другая. Современный антисемитизм не похож на его традиционную версию. Он рассуждает так: «Израильяне получили больше, чем заслуживают. Им следует перестать ругаться с арабами и радоваться, что они получили хоть какое-то государство». Союзникам Израиля безразличны его проблемы безопасности - ведь террористы взрывают не детей христиан в израильских школьных автобусах. Союзники действительно хотят помочь, но если система безопасности, основанная на бумажных договорах, не сработает - они ничего не теряют. Если Израиль будет уничтожен, их это никак не коснется. Много веков назад

Израиль просил защиты у тогдашней сверхдержавы Ассирии, которая скоро аннексировала его. То же случилось с Римом. Израилю стоит не игнорировать уроки истории и помнить, что Америка им манипулирует. Израиль должен быть сильным, поскольку воинственный антисемитизм живет и, в конце концов, побеждает. Спустя века после средневековых массовых убийств евреев цивилизованные люди были уверены, что такие зверства больше никогда не повторятся. Затем в середине семнадцатого века толпы под руководством Богдана Хмельницкого (героя современной Украины) вырезали еврейское население Украины. Спустя десятилетия после погромов в России (списанных в Европе как недоразумение, совершенное варварскими монгольскими ордами) никто не мог и предположить, что высокообразованные немцы устроят Холокост. Однако это произошло всего лишь шестьдесят лет назад – не так давно, чтобы ожидать изменения менталитета. Антисемиты никогда не замолкают надолго.¹²⁶ Новое столкновение не просто возможно и вероятно, оно почти неизбежно. И евреи должны сделать так, чтобы это была не резня, а битва.

Приверженность иудаизму делает евреев вызывающе

¹²⁶ Нынешнее отсутствие активности относительно. Убийство еврея на почве расизма и погромы в Бруклине происходили лишь десятилетие тому назад. В середине двадцатого века, американцы были столь же антисемитски настроены, как и европейцы. Невзирая на чувство вины, 22% немцев считают, что вокруг слишком много евреев. (*The New York Times*, 09.15.94, стр. A21)

непохожими на других, и это всегда будет провоцировать ненависть. Антисемитизм не просто испаряется и затем появляется вновь. Он постоянно бурлит, готовый взорваться. Еврейские организации зря пытаются подавить антисемитизм, сделав его невидимым. Они обманывают не язычников, а самих евреев. Евреи забыли, что выживание требует быть сильными; вместо этого они рассеиваются в Диаспоре и ассимилируются – до следующей резни. Не чураясь даже сотрудничества с неонацистскими организациями, евреи должны держать антисемитизм на поверхности как контролируемую, явную угрозу.

Необходимость пересмотра ценностей

Крушение иллюзий

Разве израильская молодежь не видит, что ее ведут на войну как овец на убой – не для самозащиты, а для реализации сомнительных проектов самодовольных политиков; на войну, которую могла бы остановить хорошо продуманная внешняя политика? Политики вечно спорят о размерах Израиля, которые были минимальными в 1947-м году, затем осторожное увеличение в 1948, в 1967 они достигли библейских, но в 1979 был потерян Синай, почти утрачена часть Иерусалима в 2000, и снова к очертаниям 1956-го. То, что осталось, это в основном территории, предложенные Садатом по условиям всестороннего мира в 1972 году. Только глупцы могут терпеть подобные выходки, тем более что вся эта доктринальная свистопляска убивает людей. Армия полезна тогда, когда ей движет идеология, скептицизм же ее только портит, что мы и увидели в Ливане.

Солдата можно просить отдать жизнь за высшие ценности, но каковы они – ценности Израиля? Арабы десятилетиями строили планы уничтожения Израиля – угроза, противостояние которой оправдывало человеческие жертвы. Но о каких высоких идеях может идти речь, когда арабы хотят всего лишь крохотный кусочек земли – тем более что из закл

врагов они превратились в партнеров по переговорам? Многие израильтяне не верят в реальность дьявольского «Поэтапного плана»; палестинские предложения мирного урегулирования могут оказаться реальными. Положение израильтян перестало быть отчаянным, и они утратили решимость. Свобода речи открыла рты тем, кто клеветает на националистические и религиозные идеалы, и возникло мнение, что они не стоят того, чтобы отдавать за них жизнь. Кто захочет умереть за флаг, который другие евреи сжигают; флаг, само существование которого нарушает религиозные законы? Лучшее, что арабы могли сделать – и сделали – для деморализации еврейской армии, это отказаться от всех претензий как на жизни израильтян, так и на земли, которые евреи занимали в 1948 году. Если бы у арабских террористов хватило ума не атаковать гражданское население, то израильская армия утратила бы свой нравственный стержень.

Многие израильтяне уже не гордятся тем, что они евреи. Советские люди перестали гордиться своей страной после того, как сравнили ее с Западом. Сложно гордиться экономически слабой страной с абсурдным и устаревшим социалистическим регулированием, тотальной коррупцией и политической нестабильностью. У Израиля самая высокая в цивилизованном мире доля государственных расходов по отношению к ВВП. Израильские туристы известны по всему миру своей бедностью. Израилю не хватает крупных местных банков, фондовых рынков

и всего того, в чем евреи традиционно сильны. Что еще важнее, крайне незначительны достижения в науке, литературе и искусстве.

Чем больше полагаешься на иностранную помощь в социальной и военной сферах, тем ниже падает боевой дух. Израиль сочетает в себе и социализм, и зависимость от (американской) империи. Необходимые, но аморальные репрессии против местного населения размывают нравственные ценности евреев, требующие проявлять сочувствие к слабым. Война создала полицейское государство и научила молодежь восхищаться грубой силой больше, чем образованием и добродетелью. Люди, убивающие и готовые убивать – отнюдь не лучшие мирные жители. Обучение убийству в военное время создает почву для проблем в мирное время. Израильские политики настолько привыкли к ежедневным убийствам, что уместно спросить: а ценят ли они жизни самих евреев?

Израильские призывники вынуждены убивать во имя целей, которые сами они могут не поддерживать. Их против совести вынуждают совершать то, что они считают убийством. В итоге, чтобы сохранить чувство собственного достоинства, многие евреи научились ненавидеть арабов. Таким же образом немцы всего лишь за несколько лет перешли от неприятия до яростной ненависти по отношению к евреям, в результате чего граждане молчаливо согласились с репрессиями. Когда нации предаются ненависти, они теряют рационализм. Японские

учителя дзен говорили, что хороший воин должен иметь незамутненный ум.

Жизнь в осаде не только вредит нравственности, но и снижает интеллектуальную продуктивность. Война отзывается в израильском обществе мириадами потерь.

Утрата сионистских ценностей все усложнила. В начале двадцатого века социализм заполнил в сердцах евреев ту нишу, которая образовалась после отказа от иудаизма – но сегодня нет даже и этой идеологии. Расизм и милитаризм израильской молодежи – результат легких побед и юношеского радикализма, не имеющий ничего общего с сионизмом, который часто используют для прикрытия низких идей. Жизнь бок о бок с ненавистным и слабым врагом создала синдром повелителя; многие относятся к арабам как к рабам и животным, а не как к врагу, которого следует уважать. Так думают не все, но очень многие, и все больше и больше. Страх и вина – обратная сторона синдрома правителя – убивает волю к поддержанию конфронтации. Те потерянные и утратившие корни евреи, которые отказались от своей религиозной сущности, находят притязания арабов на территорию убедительными – ведь религиозные и идеологически ревностные арабы действительно убеждены. Поскольку интеграция арабов в еврейское общество приведет к утрате еврейской сущности государства, необходимо разделение – перемещение израильских арабов в их собственную страну. Ежедневный контакт людей, ненавидящих

друг друга, ни к чему хорошему не приведет.

Определение национальных границ

Многие молодые израильтяне эмигрируют потому, что не знают прелестей жизни среди не-евреев – обстоятельство, заставившее евреев старшего возраста эмигрировать из Восточной Европы. В современном космополитичном мире молодые евреи адаптируются гораздо проще, чем их предки. Ассимиляция ускоряется, как часто бывает в условиях изобилия, особенно когда антисемитизм уступает место космополитизму, размывая границы еврейства и его самосознание. Еврейские организации не должны бороться с умеренным антисемитизмом и империалистическими амбициями Израиля, которые провоцируют антисемитизм.

Израиль не является закрытым обществом, направленным на предотвращение ассимиляции. Страна изначально была создана с целью объединить разные национальные группы под крылом иудаизма. Между тем ассимиляция сродни Катастрофе. Ассимилированный еврей умер для своего народа.

В мире атеизма строго религиозные группы обречены. Еще два столетия назад христиане и мусульмане не вступали в брак с необращенными приверженцами других вер. Сегодня они это делают. Евреи-атеисты также свободно вступают в брак с язычниками. Ассимиляции может противостоять только система

взаимодополняющих отличий: в центре религия, далее следует уникальная этика, гордость избранности, национальность, культурные различия, и, наконец, экономические, военные и политические преимущества. Пример восстания Маккавеев показывает, что эллинизированные евреи обратились к своей религии, когда их стране угрожала опасность.

Определяя еврейство, необходимо различать религиозных и этнических евреев; есть и евреи-атеисты, и гоипрозелиты. Это верно, что евреи смешались с другими народами уже во время Исхода, когда к ним присоединились иноплеменники из Египта. Ассирийцы переселили чужестранцев в Самарию; в еврейскую нацию влились идумеяне и многие другие этнические группы. Впрочем, генотип евреев вполне прослеживается. Современные стандарты отдадут лицемерием. Почему еврейство должно определяться материнской линией? Среди евреев национальность исторически определяется отцовской линией. Тора не обращает никакого внимания на национальность матери¹²⁷. Подтекст, согласно которому можно

¹²⁷ С целью доказать, что Тора запрещает мужчинам-евреям брать в жены язычниц, Талмуд (Киддушин 3:12) искажает Втор. 7:3–4, в то время как во Второзаконии этот запрет ограничен ханаанеями (Киддушин 68б неубедительно расширяет этот запрет на другие народы). Данный талмудический аргумент призван регулировать ситуации с сомнительным отцовством. Лев. 24:10 часто приводят с целью показать, что сын израильской матери, даже если его отец – египтянин, находится под юрисдикцией еврейского закона; однако на самом деле этот эпизод говорит о прямо противоположном – что сын такого союза является вероятным

точно знать мать, но не отца ребенка, не только оскорбляет нравственность еврейских матерей, но еще и просто нелогичен, поскольку он игнорирует неизвестную переменную. Тест на ДНК позволяет избежать подозрений, а аргумент раввинов еще и непрактичен: еврейские мужчины часто обращают в иудаизм своих языческих жен, и дети вырастают евреями, в то время как дети смешанных браков с еврейской матерью редко приходят к иудаизму. Впрочем, если язычники, обращенные в иудаизм, являются евреями, зачем вообще обращать внимание на этническое происхождение? Вопрос генов хоть и важен, но уже не обладает первостепенным значением после притока египтян, ассирийцев, идумеян, хазар и других. Исследования ДНК в различных еврейских сообществах показывают, что женщины часто были местного происхождения, в то время как отцовские Y-хромосомы относятся к ближневосточному генофонду. Это подтверждает эмпирическое наблюдение, что еврейские мужчины часто женятся на обращенных язычницах. Должны быть честные и здравые критерии еврейства, по возможности сочетающие генетическую принадлежность и принятие основных положений Торы.

Во все века еврейская нация пополнялась людьми из других народов. Это пополнение протекало постепенно, что позволило евреям сохранить свою культуру. Так и должно

богохульником. Кроме того, многие неевреи присоединились к Исходу и обратились в иудаизм, так что этот пример не доказывает передачу еврейства по матери вне зависимости от религии отца.

продолжаться. Евреи не должны превратиться в закрытое общество мизантропов – да, изолированное посредством строгих этических норм, но не закрытое. Отдельные евреи могут влюбляться в язычников и приводить их в иудаизм.

Вопрос генов нужно изучать, а не отбрасывать как ненужную любознательность. Кто такие коганим с их специфическим гаплотипом? Какие исторические связи между евреями, курдами и палестинцами могут объяснить их генетическое родство? Тринадцать еврейских гаплотипов очень любопытно соотносятся с тринадцатью библейскими племенами и основателями родов, хотя у этих гаплотипов и нет общего предка наподобие Авраама.

Как относиться к евреям-прозелитам? Этнические евреи далеко не всегда соблюдают Закон, но это обязаны делать обращенные евреи. Сегодня принадлежность к евреям определяется национальными факторами, при этом для прозелитов делается исключение. Раввины хотят, чтобы правительство определяло еврейство через религиозную принадлежность, однако такая политика лишена смысла, ведь неверующие евреи – это тоже евреи с точки зрения иммиграционного законодательства в силу маловероятного предположения, что в еврее-отступнике осталась искра иудаизма и со временем он может вернуться к Закону.

Серьезный вопрос касается чернокожих евреев.

Непризнанные евреи клана Буба племени Лемба могут быть одним из потерянных племен; они генетически близки к коганам. Проблема актуальна по той причине, что недостаточное стремление к образованию, безделье на социальном обеспечении и замена религии потребительскими ценностями превращает многих евреев-сефардов в израильских «афроамериканцев».

Следующий вопрос: кому должно принадлежать государство Израиль? Всем евреям мира, которые не платят налоги и не голосуют, его гражданам (включая язычников), или какой-то иной группе, например, израильским евреям?

Ответы на эти вопросы влияют на множество тем. По метафизическим и экономическим соображениям еврейское общество заинтересовано в расширении; оно могло бы субсидировать семьи. Впрочем, преимущественное субсидирование больших семей поощряет религиозную ортодоксию и не дает большого экономического эффекта, поскольку многие ортодоксы не заняты производительным трудом, но сидят на тепленьких местечках в религиозной сфере. Справедливая система субсидировала бы семьи не более чем с тремя детьми, и уж конечно не арабские семьи – Израилю нужно больше еврейского населения, а не населения как такового¹²⁸. Государство могло бы предлагать поощрения за каждого

¹²⁸ В очередном извращении этнически слепого социализма, евреи субсидируют экономически непроизводительных арабов.

рожденного еврейского ребенка, на что можно привлечь миллиард долларов из раздутого военного бюджета. Надежда Израиля не в оружии, а в еврейских умах. Более удачный вариант – поощрять рождаемость путем понижения на 20% налога для работающих семей за каждого ребенка до восемнадцати лет, а также дальнейшие налоговые послабления за внуков, чтобы стимулировать раннее деторождение. А еще лучше снизить социальное обеспечение до абсолютного минимума, предписанного Торой, чтобы поощрить родителей заводить больше детей и таким образом подстраховаться к старости.

Отождествление евреев (потенциальных граждан Израиля) с последователями иудаизма ведет к абсурду отговаривания прозелитов, которых заставляют проходить через унижительную процедуру обращения. В противном случае Израилю пришлось бы иметь дело с массовой иммиграцией формальных прозелитов – евреев лишь номинально – из бедных стран. В начале нашей эры иудаизм привлекал циничное языческое население своим философским содержанием. В результате прозелитов было много, и это может повториться сегодня. Израиль должен стать государством для евреев, а не для всех верующих в ценности иудаизма. Хотят ли евреи поощрять обращение или нет – другой вопрос, но прозелитам нельзя давать постоянный вид на жительство, поскольку иначе обращение в иудаизм становится экономически выгодным.

Вместо того чтобы отказывать прозелитам в израильской визе, как это делается сейчас, правительство могло бы дать им возможность жить на территориях. Государственная пропаганда¹²⁹ должна делать акцент на обращении, привлекая все больше людей к той религии, которую евреи считают истинной, и увеличивая базу для иностранного влияния Израиля. Евреям не было заповедано насильственно обращать завоеванные народы, поскольку в мессианскую эпоху народы сами обратятся к Богу. Они по-прежнему будут отличаться от израильтян, из чего видна важность национальных черт. Прозелиты не должны иметь равных с евреями прав по меньшей мере до четвертого поколения. В иудаизме прозелиты всегда были в ущербном положении, например, раввины ограничили право прозелитов жениться на евреях. Временные экономические и политические неудобства, ожидающие прозелитов, послужат барьером против поверхностного обращения на тот случай, если евреи займутся активным прозелитизмом.

Раньше идентификация еврейства не была таким важным вопросом, потому что преследования объединяли всех евреев. Если кого-либо угнетали как еврея, значит он и был евреем.

¹²⁹ Сейчас для людей, не владеющих еврейским языком, доступно очень немного книг по иудаизму. Талмуд не переведен на многие языки, и даже его английский перевод не доступен широким кругам. В противоположность этому, христианские богословские тексты, нередко высокого качества, можно бесплатно загрузить из Интернета.

Поскольку антисемитизм не утруждается выяснением мелких подробностей, еврейство понималось очень широко. В более далеком прошлом евреем считался каждый, кто приносил жертвы Богу евреев. Поскольку никакое другое поклонение в Иудее не допускалось, местное население автоматически становилось еврейским. Нормализация смягчила антисемитизм, который вызывал преследования, а религиозная терпимость ослабила преданность многих евреев Торе. Пока евреи не выработают практических критериев для определения еврейства, ассимиляция будет только нарастать.

Мусульмане пропагандируют ислам на Западе. По всему миру действуют мечети и арабские культурные центры. Предполагается, что арабская культурная экспансия настроит общественное мнение против евреев – которые, в свою очередь, должны ответить тем, что Западу в культурном отношении гораздо ближе иудаизм. Израиль должен подчеркивать свое родство с христианством и особенно поддерживать те секты, которые принимают Моисеев закон, считают Евангелия продуктом человеческих рук, а Иисуса – пророком.

Необходимо уменьшить зависимость от религии

Научная критика Библии угрожает идеологическим основам сионизма. Большая часть Библии – не откровение и не история, а сага. Несмотря на это, израильтяне до сих пор заигрывают с идеями теократии, усугубляя недоразумения,

вместо того чтобы разрешить их. Те, кто должен возглавить национальное возрождение – раввины – сопротивляются дискуссии. В Израиле еврейский фундаментализм столь же агрессивен, как исламский фундаментализм в мусульманских странах. Он целенаправлен, самоуверен, хорошо финансируется, а неспособные критично мыслить пополняют его ряды.

Образовавшуюся пустоту наполняет космополитичная западная культура. У Израиля нет националистической идеологии для продвижения государственных ценностей, а с моральной и материальной точек зрения жизнь в стране, которая вот уже полвека пребывает в состоянии войны, непривлекательна. Национализм в двунациональном Израиле будет выражаться так: «Мы, евреи и арабы», что уничтожит еврейскую сущность¹³⁰.

Лучше честно признать, что исторические части Торы не соответствуют действительности¹³¹, освободиться от мифов и предложить жизнеспособные идеалы – от рационализации Маймонида до поэзии Галеви, от библейского минимализма до Библии. Должно быть живое и честное обсуждение. Такое

¹³⁰ Многие не видят в этом проблемы. Но приняли бы они смешанную еврейско-негритянскую нацию, если бы еврейское государство было создано в Уганде? Нельзя создавать нацию на основании территориального расположения. В таком случае следует признать, что и евреям Диаспоры можно вступать в брак с местным населением и ассимилироваться.

¹³¹ Согласно Талмуду, исторические описания Библии даны только с целью их интерпретации (Вайикра рабба, 1).

обсуждение не разрушило иудаизм в талмудическую эпоху и помогло бы ему сегодня, точно так же как демократический процесс лишь укрепляет общество. Попытки лакирования слабых мест Библии и Талмуда не сработают в свете современной критики. Осмысленная критика лучше бездумного принятия. Критика ведет к сомнениям, которые могут привести к отвержению иудаизма, если верующий подвергается гонениям либо плохо информирован. Современные раввины подобны Шамаю, который отталкивал язычников, задающих вопросы, в то время как Гиллель раскрывал сущность иудаизма в одном предложении. Поскольку большинство евреев никогда не читали Библию, не говоря уже о Талмуде или комментариях, раввины должны создавать популярную литературу по иудаизму – антологии, комментарии и истории, подобные кратким комментариям Любавичского Ребе. Эти усилия должны носить широкомасштабный характер. Христианские организации распространяют свою литературу бесплатно; и христиане, и мусульмане бесплатно предоставляют наставление в своей вере. Так же должны поступать и евреи. Синагоги в Израиле и за границей должны приглашать местных евреев к участию в мероприятиях, объяснять им содержание ритуалов – любыми способами, вплоть до массовых рассылок.

Изменение армии

Нынешняя политика отличается нерешительностью. Более

практичной стратегией было бы господство в воздухе в сочетании с гибким использованием атакующих танковых групп, вакуумными бомбами¹³², химическим оружием и тактическими ядерными микроударами с целью предотвратить длительный военный конфликт и избежать использования крупных пехотных соединений. Разведка и группы спецназа могут определять цели. Танковые группы и небольшие соединения моторизованной пехоты могут выполнять операции по зачистке. Израиль должен рассчитывать на оружие массового поражения для сдерживания противника, противовоздушную артиллерию для тактической обороны и разумное количество авиации для стратегической обороны. Хотя израильские ВВС, состоящие из около шестисот самолетов, в несколько раз уступают совокупным силам противников, самолеты последних большей частью устаревшие, и ранее Израиль уже достигал соотношения сбитых самолетов противника к собственным потерям на уровне 10 к 1. Израильяне хвастались, что могли бы достичь аналогичных результатов в воздушном бою с сирийцами, даже если обменяться самолетами. Идея понятна – нужно инвестировать в

¹³² Вакуумные бомбы запрещены различными соглашениями якобы из-за чрезмерной мощности, но в действительности это лишь уступка странам, которые не обладают столь мощным оружием, а также поборникам гуманной войны – желательно в боксерских перчатках. «Смягчение» военных действий является реакцией на нежелание современных солдат сражаться за политические цели. Адекватный ответ должен состоять в том, чтобы воздерживаться от ненужных войн; смягчение же ущерба от войн лишь провоцирует конфронтации.

обучение военных, и пусть арабы тратят бюджеты на ультрасовременное вооружение, которое к реальному конфликту уже успеет устареть.

Данные по военно-морским силам вводят в заблуждение: хотя израильский флот ничтожно мал в сравнении с американским или российским, ему не приходится защищать свои территориальные воды. Израиль содержит пятьдесят с лишним кораблей только для повышения самооценки военной бюрократии.

Нет нужды растрачивать бюджет, готовясь к тотальной войне. Оружие устаревает. Нет необходимости закупать и складировать запасы с видом на неопределенное будущее. Израиль может закупать оружие тогда, когда этого требует ситуация; а еще лучше заключить соглашения с главными военными державами, чтобы иметь возможность закупать оружие в любое время. Израиль не в состоянии успевать за совокупными военными расходами своих врагов, которые превосходят его собственные в десять раз.

Содержание многочисленных сухопутных войск – устаревший и дорогой подход к военным действиям. Потери ВВП от поддержания израильской 175-тысячной регулярной армии составляют порядка 18 миллиардов долларов. Прибавим сюда \$10-миллиардные прямые расходы на содержание, которые можно было бы уменьшить как минимум на треть путем

сокращения численности регулярных войск. Большая армия является результатом уступок со стороны бюрократии военным учреждениям и военно-промышленному комплексу; кроме того, солдаты дешевы, и еще ни один командир не угодил за решетку за их растрату – а многим стоило бы. Бомбардировки должны ставить противника на колени, вынуждая его согласиться с поставленными условиями или с назначенной Израилем администрацией, после чего нужно держать его в очерченных пределах под угрозой применения силы. Арабские армии не в состоянии соперничать с израильской в области высокотехнологичной войны.

Разросшийся израильский военно-промышленный комплекс чреват коррупцией и постепенным снижением эффективности (с этим сталкиваются США), милитаризмом Советского Союза, а также чрезвычайной опасностью коллаборационизма с противником. Американские военные компании тоже сотрудничают с противником, но небольшой объем внешней торговли в сравнении с собственным потреблением не представляет угрозы для гигантской американской армии. Степень сотрудничества израильских военных компаний с враждебными режимами нельзя обсуждать публично, но она находится на грани явной и непосредственной опасности для Израиля.

Израильская армия более чем способна противостоять мусульманским армиям. Арабы в целом богаче, чем в 1948-м

году, и не склонны к агрессии. Израилю не нужно увеличивать вооруженные силы и развивать гонку вооружений с арабами. Военные расходы растут экспоненциально, поскольку помимо содержания армии и создания инфраструктуры уменьшаются иностранные инвестиции, а также снижается ВВП в результате мобилизации в армию продуктивной рабочей силы. Военные расходы могли бы пойти на образование, науку, культуру. Молодым израильтянам лучше гордиться этим, а не военной формой.

Армия должна стать профессиональной. Призыв в мирное время экономически не оправдан. Молодежь не должна проводить свои лучшие творческие годы в армии. Израиль должен уменьшить срок службы до нескольких месяцев, давая лишь начальную подготовку. Это позволит провести быструю мобилизацию в случае необходимости. Призывать нужно людей более зрелого возраста. Сегодня огневая мощь сосредоточена в механизированных формированиях, так что физическая сила солдат уже не является первостепенным фактором. Зато на поле битвы на первый план выступает моральная сила зрелых людей. Смертность среди молодых солдат обычно выше, чем среди более зрелых. Призыв активных избирателей в возрасте от тридцати до пятидесяти лет как в мирное, так и в военное время мог бы во многом изменить расстановку сил в обществе. Сейчас же молодых людей гонят на поля сражений еще до того, как они могут быть избранными и изменить политику; большинство из

них еще не имели возможности проголосовать против тех политиков, которые отправили их на бойню. Понижение избирательного возрастного ценза до *бар/ бат мицва* разумно в религиозном еврейском обществе, но не отменяет необходимость повышения призывного возраста.

Призыв женщин для боевых задач или задач по фронтовому обеспечению – вопрос спорный. Девушки должны учиться быть матерями, а не убийцами. Военная жизнь изменяет отношение людей к базовым ценностям. Готовность убить вражеского ребенка, пусть даже случайно или в целях самозащиты – прямая противоположность тем нежным чувствам, которые женщина испытывает к собственному ребенку. Равенство перед лицом закона не отменяет того факта, что мужчины и женщины различны; если преступность является преимущественно мужским занятием, то война – тем более. Женщины мало представлены в основных - авиационных и танковых - войсках. Израиль не ожидает еще одна полномасштабная война образца 1948-го года, когда из-за нехватки оружия на счету был каждый житель. Израилю нужно больше матерей, а не солдат.

После 1948-го израильская армия побеждала благодаря мобильности и того, что она была лучше, а не больше. Огромная конвенциональная армия – устаревшее и бесполезное явление в условиях партизанской войны. Размер компенсирует неэффективность, которая возникает из-за самоограничений и

нежелания воевать за меняющиеся политические доктрины, что отличает сегодняшнюю ситуацию от 1948-го и 1973-го годов, когда налицо была явная опасность. Армия Израиля перешла опасную черту и движется в направлении бюрократизированного, бряцающего оружием монстра американского типа, которого отличает дорогое и бесполезное либо недостаточно опробованное оружие, стандартное вооружение родов войск без достаточной специализации, командиры, которых карьера интересует больше, чем боеспособность, и которые требуют больше оружия без учета потребностей других войск и экономики в целом. Армия слишком разрослась и утратила свой прежний дерзкий дух. Избираемые командиры вместо политических назначенцев-конформистов, резкое снижение финансирования или увеличение участия в региональных конфликтах могло бы замедлить деструктивные процессы в армии.

Имеет смысл изменить вооруженные силы в мирное время. Можно передать обслуживание оборудования частным компаниям, что снизит затраты и создаст международно конкурентный сектор экономики. Личный состав можно уменьшить до минимума, достаточного для командования, контроля и разведки, с возможностью быстро увеличить его в экстренных ситуациях путем призыва. Все это означает политику превентивных ударов, в отсутствие которой враги Израиля могут легко подорвать его экономику посредством ложных

мобилизаций, провоцируя его постоянно мобилизовываться в ответ.

Политические реформы

Израильтяне не приемлют социалистических или тоталитарных правителей, но обилие мелких партий заполняет политический вакуум, что приводит к политической нестабильности и бесконечным политическим столкновениям. Нужно вернуть большинство государственных функций народу и рынку – только так можно создать либеральную экономику.

И правые, и левые израильтяне сначала вовсю ратуют за расширение, а затем расстаются с территориями. Лидеров выбирают без учета их способностей, особенно учитывая, что население вынуждено голосовать за партии, лидеры которых выдвигаются путем аппаратных интриг – до поста главы государства. Парламентская республика ставит министрами и чиновниками политиков, а не профессионалов, причем проблема усугубляется краткосрочностью назначений, которая не оставляет назначенцам возможности завершить свои программы и понести ответственность в случае их неудачи. Партии предлагают министров без учета того, как они будут сотрудничать с премьер-министром, а нередко и прямо с целью противостоять ему. Такая практика уместна в парламенте, но плюрализм не подходит для исполнительной власти. Если политика определена, она должна быть либо согласованно

осуществлена, либо объявлена неверной. Очень часто новое правительство рубит на корню то, что было начато предыдущим. Поскольку ни одна партия не хочет хвалить других за их достижения, политическая риторика заставляет претендентов все время менять курс предшественников, не важно, был он хорошим или плохим. Партии предпочитают любое действие бездействию; лихорадочная активность приятна избирателям, но часто вредна. Результат – огромные расходы и ноль полезного эффекта.

Институт коллегиального премьер-министерства, когда три или четыре последних премьер-министра работают вместе, обеспечил бы политическую преемственность. Решения можно принимать путем консенсуса или системы голосования, в которой голоса «свежих» премьеров имеют вес выше, чем у предыдущих. Такая система не защищена от злоупотреблений, но теперешняя система хуже.

Большинство политиков похожи друг на друга. Ротация лишь усугубляет их некомпетентность и отсутствие консенсуса среди евреев. Президентская республика со сроком полномочий президента в десять лет была бы оптимальной для Израиля. Даже президент со средними способностями мог бы добиться продолжительных, последовательных и приемлемых результатов, которые были бы гораздо лучше, чем нынешняя череда постоянных смен курса. Другие страны замораживают выборы в военное время, а Израиль как раз находится в

состоянии войны. Президентское правление также ближе к традиционной монархии, что предпочтительно для страны с древними ценностями. Авторитарный правитель мог бы притянуть к себе часть той ненависти, которую арабы питают к евреям в целом – примерно как Арафата обвиняли в палестинской проблеме.

Хотя израильские правители часто имеют военный опыт, премьер-министр не должен быть главнокомандующим. Израильский начальник штаба более компетентен для принятия решений. Распределение полномочий смягчило бы негативную оценку мировым сообществом непопулярных решений и отвело обвинения от политических властных кругов. Демократические политики – экстраверты и шоумены - более воинственны, чем сами военные, и распределение полномочий придаст политике консерватизма. С другой стороны, если политики мнутя, опасаясь задеть западных спонсоров, военные смогут продавать нужные решения. В идеале кабинет должен сформировать военную доктрину и не вмешиваться до тех пор, пока не станет очевидной победа или поражение – модель прусских теоретиков. Начальник Генштаба должен санкционировать превентивные удары, которые для страны без глубоких тылов являются вопросом тактического значения. Если бы не вмешательство политиков, израильская армия уже давно бы вытрясла из арабов мирный договор.

Когда военная администрация контролирует

государственные решения в военной области, политики стремятся назначить наиболее слабого начальника штаба, с целью контролировать его неформально. Чтобы предотвратить такую ситуацию, нужно дать войскам возможность назначать все командование вплоть до самых верхов, а правительство и штаб должны иметь право вето. Если граждане еще могут назначить в командование демагогов, то солдаты, жизнь которых зависит от избранных командиров, трижды подумают, прежде чем проголосовать за пустозвонов. Контроль над назначениями снизу вверх преградит дорогу коррумпированным закупкам вооружения — солдатам нужно практическое, а не пролоббированное вооружение.

Что нужно сделать в общинах Диаспоры

Вероятнее всего, Израиль совершил ошибку, переселив процветающие еврейские общины в арабских странах в Израиль. Они могли бы стать действенными агентами влияния. Израилю нужно установить прочные связи с евреями в других странах и поощрять их трудиться на благо Израиля. Очень немногие ощущают связь с Израилем в повседневной жизни.

Правосудие является основой общинной идентификации. Когда люди обращаются в чужие суды, они принимают их защиту и законы, забывая о своих собственных. Евреи Диаспоры исторически полагались на простое и честное судейство раввинов. Израиль должен спонсировать арбитражные суды,

основанные на религиозном или светском израильском законодательстве, которые нужно сделать обязательными для евреев под угрозой отлучения. Многие евреи Диаспоры сегодня редко встречаются с раввинами и еще реже посещают синагоги и культурные центры. Израильское правительство должно посылать хороших лекторов, которые будут выступать перед евреями, где бы они ни находились, и поддерживать в них дух единства на основе общих ценностей: разумных религиозных практик, гордости своим народом и историей, а также чувства избранности и высокой миссии.

Израильское правительство должно создать всемирную сеть еврейских интересов, в которую будут входить члены национальных правительств, ведущие корпорации и обычные фирмы. Старая еврейская сеть разрушилась после Второй мировой войны, многие перешли к светскости и ассимилировались, а рост благосостояния привел к независимости от общины и социальной поддержки.

Израильское правительство должно добиваться лояльности евреев Диаспоры не путем отрицания очевидной жестокости по отношению к арабам, а субсидируя дешевые поездки в Израиль наподобие туров Шарона¹³³. Каждый еврей

¹³³ Бесплатные автобусные туры на территории, организованные для израильтян Ариэлем Шароном во время выборов с целью продемонстрировать, насколько страна уязвима перед обстрелами с холмов, и убедить избирателей поддержать политику удерживания территорий.

должен получать открытку на день рождения от премьер-министра и поздравление с праздником от главного раввина. Массовая рассылка лучше, чем полное отсутствие контактов. Нужно поощрять евреев Диаспоры приобретать средства массовой информации или выкупать права на показ событий арабо-израильской войны, чтобы ограничить информационное покрытие. Это уменьшит международное давление на Израиль и в некоторой степени увеличит свободу действий. Израиль должен развивать свою киноиндустрию – главный инструмент пропаганды. Хотя немногие американцы смотрят иностранные фильмы, их смотрят некоторые интеллектуалы и те, кто формирует общественное мнение, а также более космополитичный европейский зритель.

Израиль должен приходить на помощь любому еврею в любом месте, где имеет место незаконное преследование, вне зависимости от стоимости и последствий такой помощи. Соответствующие расходы вряд ли будут высокими, поскольку евреи обычно законопослушны, зато такая политика позволит увеличить лояльность к Израилю. Израиль не сделал ничего, чтобы остановить преследования евреев в Доминиканской Республике и Аргентине, а также в Эфиопии, пока не началась шумиха в прессе. Саиб Носайр, араб, убивший рава Кахане, получил очень небольшой срок: израильтяне вполне могли настичь его в тюрьме¹³⁴. Арабы ведь убили в американской

¹³⁴ Израильские правящие круги, напуганные «оводом» Кахане, были только

тюрьме Эрла Крюгеля, активиста «Еврейской лиги обороны». Бюрократические круги, Верховный суд и «Моссад» не смогли привести к ответственности «Ивана Грозного» и доктора Менгеле¹³⁵. Такое не должно повториться. Израиль терпимо относится ко многим террористам, работающим на Палестинскую автономию. Зачем оставлять их в живых? Еврейские общины Диаспоры очень уязвимы для террористов. Если повысить их безопасность до израильского уровня, это окупится в виде укрепления связей и международной поддержки Израиля.

Израиль должен повсюду преследовать антисемитизм.

рады его смерти. Жаботинский, которого власти всю жизнь преследовали, после смерти был причислен к пантеону героев. Спустя годы, аналогичное изменение постигнет образ рава Кахане, образ которого выхолостят от его идей.

Израиль и США поместили политическую организацию Меира Кахане в список террористических групп рядом с мусульманскими партизанами. Странные это были террористы,, организовавшие самооборону бруклинских евреев негритянских погромщиков, убеждавшие израильтян выселить арабов, чтобы остановить демографическую мину замедленного действия, и призывавшие ортодоксальных раввинов придерживаться Торы там, где ей не достает политкорректности.

¹³⁵ Израильский Верховный суд оправдал одного из наиболее известных палачей нацистских лагерей смерти. «Моссад» отказался как похищать Менгеле, чтобы судить его в Израиле, так и выследить и убить на месте. Этот позор разделяют не только правящие круги: ни один еврей ничего не предпринял против «Ивана Грозного», после того как его оправдал израильский суд.

Антисемитизм процветает потому, что ему позволено процветать, но есть законные и весьма эффективные средства. После террористических атак на Запад многие согласились ограничить свободу слова, широко толкуя понятие подстрекательства. В Израиле антисемитизм растет, причем не только среди арабов, но и в среде нееврейских иммигрантов из Восточной Европы. Его нужно сразу же пресекать путем немедленной депортации после первого же выпада, несмотря ни на какие семейные связи. Антисемиты – это не только пятая колонна, которая подрывает решимость израильтян; евреи просто не хотят их видеть и это более чем веская причина для депортации.

Бесполезно объявлять любую критику лицемерия еврейских организаций антисемитизмом. ADL («Лига защиты от клеветы») и другие организации слишком велики и заметны, чтобы они прибегали к средствам распространения информации, которыми пользуются спецслужбы. Израиль может обливаться грязью своих оппонентов, не дискредитируя этой работой ведущие еврейские организации. Евреи не должны допускать людей с запятнанной репутацией на позиции лидеров, поскольку СМИ постоянно разоблачают их незаконные или аморальные источники обогащения, а ADL не может противостоять фактам. Ситуация особенно плачевна в Восточной Европе и Латинской Америке, где бедное население ненавидит олигархов, которые

возглавляют местные еврейские общины¹³⁶. Такое положение вещей уже приводило к погромам в прошлом, и сегодня ситуация ничем не лучше. Время от времени видных евреев обвиняют в преступной деятельности, включая продажу оружия арабам. Еврейские организации берут деньги у людей, которые не являются ни религиозными, ни благочестивыми, выставляя таких людей на всеобщее обозрение во время приемов и других мероприятий. Это должно измениться. На передний план должны выйти моральные критерии, а не суммы пожертвований. Евреи должны заставлять свои организации придерживаться жестких стандартов нравственности, при этом нарушение заповедей должно приводить к исключению из социальной и политической иерархии. Нынешняя толерантность граничит со всепрощением. Крупные частные пожертвования не сопоставимы с финансовыми возможностями государства Израиль, а некоторые сомнительны, как в случае, когда богатые зарубежные евреи покупают земли на территориях по смехотворно низкой цене. Израиль должен рекламировать экономические выгоды от владения территориями, чтобы привлечь еврейских инвесторов из-за границы. Диверсифицированное владение улучшает поддержку. Чем продавать земли еврейским олигархам, лучше уж продавать их христианским благотворительным организациям с запретом

¹³⁶ Язычники относятся к лидерам еврейских организаций как к представителям еврейской нации, однако сами евреи в большинстве своем не выбирают и часто даже не знают их.

перепродавать арабам. Множество небольших частных пожертвований от общин еврейской Диаспоры вместо нескольких крупных от небольшого числа плутократов улучшит сотрудничество и объединит мировое еврейское сообщество.

Та же логика применима и внутри Израиля. В то время как простые люди подвергаются в израильских посольствах унизительному допросу, чтобы получить туристические визы, столь важные для израильской экономики, множество известных преступников находят в стране убежище и перемещаются по миру с израильскими паспортами. Хотя Израиль и не является центром оффшорной финансовой активности, его критикуют за то, что он укрывает подозрительных бизнесменов и компании. Хотя Израиль не имеет больших доходов от продаж оружия и услуг в военной области, страна замешана во многих грязных историях с некоторыми из худших в мире диктаторов. Не-евреи должны видеть в евреях людей высоких моральных принципов, особенно в период палестинского конфликта. Израиль поступает глупо, когда допускает аморальное поведение в широко освещенных случаях при минимуме выгоды, вместо того чтобы нарушать нравственные нормы только тогда, когда максимальная выгода сочетается с минимальным освещением.

Если уж имитировать сочувствие, то достоверно. Кампания по спасению Дарфура обманула очень немногих. Она была слишком очевидной попыткой израильских лоббистов осветить зверства арабов. Еврейские организации, часто

управляемые богатыми спонсорами, которые плохо понимают менталитет толпы, не могут постичь тонкости общественных отношений. Жесткость более практична: подтвердите пустые заявления действием. Если бы Израиль действительно хотел спасти Дарфур, нужно было открыто вооружать племя Фур и провести транспорты с продуктами через заслоны Баггары. Реальные действия могли бы склонить мировое общественное мнение на сторону Израиля, а пустые слова не могут.

Евреи должны критиковать мусульман по мириадам незначительных поводов вместо нескольких болезненных проблем. Раструбим о беспокойстве многих египтологов по поводу амбиций Захи Хаваса, который возомнил себя хранителем фараонского Египта. Устроим скандал вокруг гибели кораллов Красного моря в результате интенсивного развития побережья. Никто не будет доказывать участие евреев во множестве несущественных скандалов, зато огонь критики по всем фронтам подорвет репутацию мусульман гораздо сильнее, чем концентрированная атака по одной проблеме, о которой западная публика быстро забудет как о неразрешимой.

Межрелигиозный диалог - фарс. Религии не оставляют места для компромиссов. Нельзя сказать: «Мы примем Иисуса как историческую фигуру и, быть может, как пророка, а вы уберите акцент с Троицы». Ничто не мешает евреям дружить с мусульманами и христианами. Ничто в иудаизме не позволяет евреям уважать другие религии.

Новые задачи

Израиль нормализовал евреев, превратив их в «нормальную» нацию со своим государством. Теперь евреи должны нормализовать Израиль, превратив его в «нормальное» государство, не отягощенное бесконечной войной и социализмом¹³⁷.

Любая реформа должна начинаться с экономики, порывая с социалистическим прошлым и развиваясь в направлении свободного рынка - строя, наиболее подходящего для предприимчивых евреев. Динамичная экономика даст израильтянам повод для гордости, а наблюдателям – для уважения. Американский клиент уступит место достойному партнеру. Главным приоритетом должно стать не расширение границ Израйля, а создание привлекательных условий внутри страны: мир, низкие налоги и минимальное государственное вмешательство. Израиль должен создать дружественный климат для научных исследований, инвестиций, банковского дела и других приоритетных направлений. Нужно идти по пути Японии, Гонконга, Швейцарии и США одновременно. Чтобы это осуществить, Израиль должен стать рупором Ближнего Востока в

¹³⁷ Многие евреи склонялись к социализму потому, что еще в Диаспоре он обещал уравнять их с другими нациями. Евреи хотят большое правительство, которое защитит их от толп и при помощи которого они смогут возвыситься над толпой. Второе поколение израильтян, в основной массе свободное от страха перед язычниками, может отказаться от социализма.

западном мире, а не рупором западной демократии на Ближнем Востоке.

Израильское правительство должно меньше думать о захвате пустынь и других бесполезных земель и больше – о создании энергичной экономики, которая сделает страну научным, финансовым и торговым центром. Проблема не столько в терроризме, сколько в нехватке нобелевских лауреатов, транснациональных корпораций, банков, фондовых и товарных бирж. В Израиле всего лишь столько же ученых на миллион человек населения, сколько в США, а число публикаций и патентов в расчете на одного ученого и вовсе в два раза меньше. В Израиле настолько плохие условия, что многие ученые и высокообразованная молодежь вынуждены эмигрировать, поскольку не видят смысла работать в Израиле и получать в несколько раз меньше, чем в США. Вот это – реальная проблема, а никак не палестинский вопрос.

Социализм, как метастаза, быстро распространяется внутри обществ. Взывая к глубинным потребностям в защите и равенстве, он изменяет национальный менталитет. Ни одно общество не избавилось от социализма быстро, у большинства этот процесс сопровождался насилием. Перспектива мирной трансформации Израиля в общество свободного рынка туманна – слишком много здесь бывших советских граждан и других полукоммунистов, чтобы могла произойти бархатная революция. Поколение рабов умерло в пустыне Синай, но Израиль упустил

шанс дать советским евреям возможность развить пустыню Негев.

Израиль должен явным образом поощрять иммиграцию высококлассных специалистов из стран третьего мира, которые не могут получить американскую визу – от простых рабочих до ученых. В частности, можно переманивать мусульман, одновременно и укрепляя связи с Израилем, и организуя утечку мозгов из их стран. Бесплатное образование в Израиле сформировало острую потребность в высококлассных преподавателях, пусть даже иностранцах. Америка должна привлекать ученых в области ядерного оружия, безоговорочно предоставляя им визы и высокооплачиваемую работу.

Хотя продуктивность в пересчете на душу населения в Израиле выше, чем в любой другой ближневосточной стране, разница ничтожна – продуктивность всего лишь в три раза выше, чем в недоразвитом Ливане. Израильский государственный сектор гораздо беднее, чем во многих арабских странах, причиной чему являются военные расходы, социальные программы и отсутствие доходов от добычи нефти. Переориентирование армии с пехоты на компактные химические, биологические и ядерные силы могло бы решить бюджетную проблему.

Торе незнакомы социальные программы, поскольку в ней благотворительность является обязанностью каждого члена

общества; добрый поступок нельзя заменить государственной программой. Государство отбирает у людей возможность выполнять эту важную религиозную и этическую обязанность. Евреи должны заботиться о бедных и воспитывать собственных детей, как они делали это тысячелетиями до тех пор, пока социализм не превратил благотворительность из благодеяния для вдов и сирот в право для всех. Государство должно финансировать только те программы, которые не поддерживаются за счет благотворительности – например, увеличение рождаемости.

Тора предвосхитила свободное общество, в котором нет места сильному государству. Израиль должен отказаться от социалистических идеалов своих основателей. Тора предписывает благотворительный налог только с основных продуктов питания, а позже и с других продуктов; подразумевается, что цель благотворительности – не уравнивать доходы, а помочь выжить тем, кто не может работать. Не должно быть ни обязательного перераспределения сверх десятины, ни, согласно заповедям, налога на доход корпораций – это поднимет экономику и привлечет иностранные инвестиции.

Люди любят, когда страна процветает. Израиль должен сначала определиться с экономическими целями, и только затем решить, какие политические и социальные задачи можно финансировать. Нынешнее удушающее налогообложение следует демонтировать. На первой стадии необходимо

установить верхнюю ставку консолидированного налога в 30% и постепенно снизить ее до 15%. Государство должно планировать военную стратегию, образование и инфраструктуру в рамках собранных налогов. Если кому-то нужна война, они могут самостоятельно платить дополнительный налог, если захотят, хотя сегодня уже не многие хотят финансировать войну. Большинство тех, кто хочет войны, сами платить за нее не могут, однако при этом требуют обложить налогом других. Если Израиль не встанет с головы на ноги, сначала определяя бюджетные средства, и только потом формируя под них цели – экономика обречена.

Текущая ситуация, при которой каждая политическая партия стремится отхватить львиную долю от бюджетного пирога, чтобы подкупить свой электорат – прямая дорога к казнокрадству и краху. Чтобы ограничить лоббирование, необходимо на основе консенсуса зафиксировать большинство бюджетных расходов в виде процента от дохода. Главным приоритетом должно стать образование. Хорошо образованные люди не нуждаются в большом числе социальных программ и могут создавать объекты инфраструктуры за счет рыночных капиталов. Сейчас же, когда правительство, по сути, финансирует социалистические задачи, образование и академическая наука недополучают финансирование, а война только ухудшает положение.

Безопасность – продукт открытой, взаимосвязанной

экономики, а не армии. Израилю нужно брать пример с Египта, который создал свободные экономические зоны в районах, подверженных израильским бомбардировкам, и со временем они превратились в живые щиты, поскольку Израиль не мог атаковать иностранные заводы, расположенные в Египте. Израиль не столь привлекателен для инвесторов, как густонаселенный Египет, но и у него есть свои плюсы. Настоящая безопасность там, где участвуют влиятельные фигуры, компании и страны. С целью защиты своих израильских инвестиций они окажут давление как на арабов, так и на собственные правительства.

Исламский мир – не враг Западу

Если перефразировать изречение Толстого о семьях, все счастливые общества счастливы одинаково, каждое несчастное общество – несчастно по-своему. Успешные люди хотят безопасности для себя самих, своей собственности и свободы. Успешные общества вполне могут поначалу исповедовать коммунизм или ислам, но в конечном итоге они неизбежно придут к уважению частной собственности – и, как следствие, к частной инициативе, практичности взамен пассивного созерцания, а также свободе накапливать богатства. Чтобы осуществить идеалы свободы, им потребуются отзывчивые

правительства и демократические ценности.

Такие режимы, как сингапурский – своего рода просвещенные автократии – весьма успешны, когда их действительно возглавляют мудрецы, и такие общества даже эффективней демократий. Однако автократии уязвимы перед лицом плохих правителей, которые быстро уничтожают все достижения своих благочестивых предшественников и, что важнее, то беспрекословное послушание, с которым подданные взирают на своих просвещенных правителей. Автократия, которая не преобразуется в демократию, деградирует в демагогическую тиранию. Лишь в небольших однородных обществах возможна ситуация, когда все население солидарно в вопросе о том, что именно считать просвещенностью. В больших обществах у разных людей разные представления о мудрости. По мере того как с развитием экономики происходит дифференциация общества, неизбежно возникают противоречивые интересы и автократия, основанная на консенсусе, теряет жизнеспособность. Чуткая и ответственная демократия приспосабливается к постоянно изменяющимся запросам общества лучше, чем автократия.

Неприятие авторитетов – это не только защита от тирании, но также показатель плюрализма мнений и индикатор развития, будь-то наука или сфера управления. Послушные люди лишены творческого начала.

Попытки реформировать общество силой, неважно,

революционные, автократические или деспотические, никогда не приводят к успеху. Долговременный успех нельзя подарить, но его можно достичь лишь путем медленного и мучительного развития. Никакой мудрец не способен справиться с инерцией масс. Если реформы Петра Великого не смогли всколыхнуть глубинные слои российского общества, то американские иммигранты демократически приняли либеральные начинания отцов-основателей.

Свобода перемещает акцент с семейной и социальной ответственности, с дисциплины и иерархического порядка на индивидуализм. И конфуцианские, и протестантские общества прошли стадию коллективизма, семейственности, политической и рабочей дисциплины и перешли к принципам индивидуализма. Индивидуализм не является сугубо европейской чертой, как и коллективизм не является чертой сугубо азиатской. Если индивидуализм и коллективизм – две чаши весов, то частная собственность – это гири на них. По мере того как растет процветание общества, люди все меньше нуждаются в общинной системе безопасности и предпочитают выживать вне группы, что переводит их на рельсы индивидуализма и сдвигает стрелку весов. Для разложения японского коллективизма потребовалось всего лишь одно поколение процветания. Человек, который действует в основном в собственных интересах с целью накопления богатства, не приемлет коллективизм. Коллективизм – удел простейших

обществ; в остальных случаях интересы различных групп невозможно ни адекватно оценить, ни измерить количественно, и нереально достичь их всех одновременно или каким-либо образом произвольно уравновесить. Попытки поставить интересы общества над интересами личности зачастую прикрывают требование подчинения государству.

Коллективизм в тоталитарных государствах представляет собой не столько философию, сколько объяснение *неспособности* индивида противостоять большинству, в особенности, если это большинство связано с государством. С другой стороны, индивидуализм поддерживается за счет *нежелания* противостоять большинству из страха перед ответной реакцией, пусть даже незначительной. Очень немногие действительно стремятся к коллективизму или индивидуализму по собственным философским убеждениям.

Ни одно стабильное общество не бывает совершенно свободным – при углублении разнообразия свободы различных групп сталкиваются друг с другом. Материалистические западные демократии враждебны коммунизму, нацизму и религиозному фундаментализму, которые угрожают частной собственности и общественному согласию. Однако такая враждебность выливается в прямые запреты лишь тогда, когда идеологическая угроза цементируется. В обычной ситуации даже самые крайние взгляды продолжают оставаться в правовой плоскости, поскольку общество приветствует свободу слова и

право каждого на собственное мнение и взгляды. Процветающие общества обладают значительным запасом стабильности и рассчитывают, что эффективные, дорогостоящие правовые механизмы не допустят перехода разногласий в плоскость реальных и опасных угроз. Общества изолируют и мирно вытесняют враждебные точки зрения.

Многие общества, предпринявшие попытку преследовать нематериалистические цели, потерпели поражение в международной конкуренции. Люди созданы для жизни в материальном мире, и ни одна идеология, отрицающая естественную склонность к накоплению, не выдерживает конкуренции в долговременной перспективе. Те идеологии и религии, которые предлагают иные цели, противоречат естественному порядку вещей, скрывая эту непрактичность за нагромождениями слов и эвфемизмами. в результате, учения все меньше привлекают как бескомпромиссных идеалистов, так и прагматиков, отвергающих противоестественные идеи. Эти учения оказываются не приемлемыми для большинства людей, не способных практиковать их просто в силу того, что они живут действием, а не созерцанием. Истина - это то, что работает, неработающие же идеи отвергаются.

В то время как развитые общества объединяет стремление к свободе от посягательств на личность и имущество, неразвитые общества обычно весьма различны. В них мерилом для солидаризации людей и идентификации противника служат

наносные различия в сфере религии или национальности.

Цивилизации не имеют отношения к религии. Большинство людей либо являются прагматичными атеистами, либо исповедуют свою религию лишь поверхностно – что, впрочем, было всегда. Сектанты могут презирать последователей других религий и еще больше – членов других сект, но при этом сектанты обычно всегда принадлежат к той же цивилизации.

Разделение церкви и государства не сказывается существенно на характере цивилизаций. Теократические евреи и светские западные христиане уважают свободу и частную собственность, а светские индусское общество – нет.

Цивилизации не имеют прямого отношения и к национальности. Скажем, чернокожее население постепенно ассимилируется в западноамериканскую цивилизацию. Цивилизации характеризуются базовыми ценностями: свобода, жизнь, собственность, а также соотношение между частным и общественным. В этом смысле потребительская Япония образца двадцать первого века является западным обществом, в то время как посткоммунистическая Россия с ее симпатиями к коллективизму и авторитаризму – нет.

Самоидентификация по культурному или идеологическому признаку – способ самовыражения бедного человека, который соотносит себя с влиятельной группой для самоуважения. Бедные народы также апеллируют к

цивилизационной сущности. Люди в экономически развитых обществах способны достигать поставленных целей индивидуально.

Религиозные общества, члены которых люди ищут удовлетворения в потустороннем мире, оказываются экономически несостоятельными. Трансформация религии в этику, что произошло в иудаизме, конфуцианстве и протестантизме, ускоряет развитие общества.

Процветающие общества исповедуют религию потребления. Приверженцы всех прочих массовых религий и идеологий достигают своих целей, обращая других в свою веру. Потребительство развивается на уровне индивидуумов по мере того, как люди увеличивают потребление и одновременно совершенствуются духовно. Потребительство работает лишь в экономически развитых обществах, в которых цели конкретного потребителя практически достижимы.

Потребительские общества не допускают тоталитаризма и не развязывают войн до тех пор, пока не почувствуют опасности для самих себя. Если эта опасность не очень велика, война может вестись против сомнительной угрозы, как в случае американо-вьетнамской войны. Война может стать средством обретения материальных ценностей, как в случае войн Испании в Новом Свете – если захваченные ресурсы оправдывают затраты на войну. Наиболее ценные товары производятся развитыми странами, с которыми легко не повоюешь. Обычно

материальные ценности проще получить путем торговли, чем войны.

Как правило, потребительские общества пацифичны. Они в меньшей степени склонны развязывать войны, чем чрезмерно религиозные и идеологизированные режимы, которые всегда отдают интеллектуальным ценностям приоритет над жизнью и собственностью – в противном случае люди не стали бы подчинять этим ценностям свою личность, собственность и потенциальный доход. Национальные государства отвлекают людей от потребления, погружают их в идеологию и усиливают в них склонность воевать.

Рост благосостояния увеличивает число контактов между людьми и странами, в результате чего различные ценности сталкиваются друг с другом. Благосостояние поощряет к культурному экспериментированию, которое увеличивает внутриобщественную диверсификацию ценностей. Растущее сходство нейтрализует тенденции к конфронтации: страх потерять собственность воспитывает терпимость, не зря для многих либерализм и отказ от конфронтации стали синонимами потребления. Например, шовинистически настроенные немецкие и японские потребители предпочитают автомобили собственного производства. Такие привычки хотя и антагонистичны к окружающим народам, но прекрасно вписываются в общую картину преобладающего стремления людей к безопасному использованию собственности.

Удешевление связи, сначала бросает вызов ценностям, затем разлагает их.

Развитие государств возможно лишь в условиях открытого рынка, а глобальная экономика предполагает общность ценностей. Националистически настроенные предприниматели не выдерживают конкуренции со свободными рыночниками, не обремененными необходимостью иметь дело лишь с себе подобными. Хотя некоторые бизнесмены, в погоне за потенциально высокой прибылью, инвестируют в коррумпированный Китай или не знающие правосудия эмираты, все же большинство предпочитает не играть в рулетку, а иметь дело только со странами с прозрачными законами и цивилизованными судами. Хотя некоторые стремятся заполучить иранские нефтяные концессии, большинство избегает иррациональных режимов. И лишь немногие инвестируют в милитаристски-авантюрные, нестабильные и находящиеся под угрозой исчезновения страны. На протяжении всей истории международная торговля была рискованным, но высокодоходным предприятием, поэтому нас не должно удивлять, что страны с плохим деловым климатом выживают в глобальной конкуренции. Страны с благоприятным законодательным климатом достигают лучших экономических результатов, привлекая инвесторов умеренными, но стабильными доходами. Меньшие прибыли для иностранцев означают больше денег внутри страны, что способствует

собственному развитию.

Моральные нормы, хотя и не являются естественными, носят приобретенный и универсальный характер. Никто не хочет стать жертвой убийства, ограбления или мошенничества. Пока общество устроено разумным образом, каждый его член распространяет эти права и на других, в результате чего минимизируется вероятность стать жертвой преступления. Зверства в Кувейте и Боснии были одинаково ужасными, но разная реакция Запада не означает двойных стандартов. Стандарт был один: необходимость, а не мораль. Обязанность не причинять вред не обязывает помогать – особенно другим народам.

Все люди хотят равных прав. Даже африканские бедняки хотят гласности и свободы прессы. Автократия лучше, чем демократия отвечает целям искусственных стран, объединяющих враждебные религиозные и этнические группами, но это вина не демократии, а колониальных держав. После того как границы видоизменяются и создаются более-менее однородные общества, люди предпочитают тоталитаризму демократию. Экономическое развитие и растущая сложность обществ требуют больше гарантий и, как следствие, более всесторонних прав человека.

Права человека и верховенство закона в широком смысле известны из самых древних сохранившихся текстов, начиная с кодекса Ур-Намма, Торы и греко-римских документов. Такое

разнообразие источников показывает, что эти ценности вовсе не уникальны для Запада. Гомосексуализм в узком смысле был ограничен и запрещен в развитых странах вплоть до недавнего прошлого; либерализм вовсе не является специфической чертой западного мира, присущей только ему. Неограниченная терпимость к эксцентричным моделям поведения – результат изобилия. Люди хотят качественной защиты полицией, избегают конфронтации, им не нужны лишние ограничения для себя, в результате чего они допускают больше прав и для других.

Религии становятся сходными. Протестантизм, изначально столь же далекий от католицизма, как православие,, постепенно смешался с католицизмом, породив западнохристианскую культуру. Внутри индуизма также сплелись воедино многочисленные культы, да и термин «иудео-христианство» все чаще применяется в дискуссиях. Когда люди принимают этические ограничения, чтобы не обижать и не провоцировать ближних, выражение их веры ослабляется, а со временем ослабляется и сама вера. Гражданские нормы и этика – эти практические шаги к раю – не могут существенно отличаться в разных религиях, если их приверженцы живут вместе. Религии адаптируются к современным реалиям, таким как равные права для женщин и близкое соседство с неверующими, – положения религии пересматриваются, и религии перестраиваются на основании общего знаменателя. Современный скептицизм высмеивает положения веры, а

обязательное светское образование вытесняет религию из детского мировоззрения. «Не можете служить Богу и Мамоне», гласит изречение, и невозможность одновременно преследовать две цели ведет людей по пути накопления богатства – набожные мусульмане живут в Париже, а не в странах исламского мира, как и ортодоксальные иудеи предпочитают Нью-Йорк Иерусалиму. Периоды возрождения в религии, как и в культуре, редки и недолговечны. Фундаменталисты составляют меньшинство, презираемое большинством. Религии опираются на абсолютный авторитет и противостоят новшествам. В отсутствие постоянного обновления любая система постепенно вырождается в однородную беспринципную массу.

Религия предлагает спасение – абсолютное благо, – и полагается на такую же абсолютную веру. Монотеизм вытесняет политеистические культы. Стоит лишь принять единое божество, как монотеизм превращается в троянского коня, изгоняющего вон все прочие божества. Политеизму не хватает барьера нетерпимости. Общества, в которых практикуется политеизм и поклонение предкам, уязвимы для христианизации, что впечатляющим образом продемонстрировала Корея. Людям попросту неудобны абсолютные ценности, они предпочитают сложные сбалансированные системы. Со временем политеистические элементы проникают обратно в монотеизм, и мы видим, как евреи целуют свитки Торы, а христиане поклоняются Деве Марии.

Политеизм вновь дал о себе знать в христианстве, которое, казалось бы, победило его. Почему бы местным традициям точно так же не возродиться из-под западного влияния? Христианство, будучи умозрительной теорией, было адаптировано к практике повседневной жизни путем заимствования испытанных временем языческих обычаев. Западная же культура – от этики до экономики и искусства – была проверена веками и доказала свою пригодность лучше, чем любая другая. В действительности это даже не столько западная культура, сколько универсально оптимальная культура, которую Запад лишь первым открыл. Элиты могут играть в фехтование и хайку, но массы предпочитают бокс и сумо, триллеры и комиксы. Экономика изобилия создала потребность в массовой культуре – такой культуре, которая, ориентируясь на наименьший общий знаменатель, оказалась одинаковой по всему миру.

После первоначального периода взаимной недоброжелательности, люди в конце концов привыкают к ценностям других – сегодня католики и протестанты больше не враги. Необходимость в ценностях снижается, а вероятность их возрождения невысока; лишь немногие мусульмане пойдут под знамена фундаменталистов, да и то ненадолго. Новые, часто общие, враги подталкивают вчерашних неприятелей к сотрудничеству.

Культуры также становятся сходными, и по этой причине

возникают единые стандарты. Люди и идеи перемещаются все дальше и быстрее, в результате чего возникает более однородное глобальное общество. Подобно тому, как глобальные корпорации видоизменяют стандартную продукцию под вкусы местных покупателей, национальные культуры становятся лишь подкрашенными вариантами глобальной культуры. Глобальная культура не статична: чем шире аудитория, тем больше разнообразных влияний на общую культуру. Культура также не единообразна – скорее, она состоит из различных пластов, удовлетворяющих интересы различных слоев общества. Почему же эти слои не отражают национальные и, возможно, религиозные настроения групп? Потому что они слабы и неизменно подвержены разложению. В культуре постоянно возникают новые тенденции, расслаиваются, чтобы удовлетворить запросы различных целевых групп, и в конце концов размываются. В то же время национальные сущности статичны, и когда они размываются, им не приходят на смену другие национальные сущности. Японцы в конце двадцатого века предприняли попытку заново идентифицироваться, но смогли придумать лишь технологическое превосходство – далеко не достаточную национальную идею. Подобные случаи изменения национальной сущности редки и непродолжительны: постоянно меняющаяся идентификация перестает идентифицировать. Японцы в Америке быстро ассимилируются.

Слияние культур не является исключительно

современным явлением. Римляне ассимилировали греческую науку и искусство, средневековые арабы изучали греческие рукописи, а европейцы эпохи Возрождения взяли за основу римскую модель права. Общества, развивающие свою культуру с чистого листа, вынуждены перенимать иностранные обычаи; если мусульманам понадобится развить изобразительное искусство, они лишь смогут копировать имеющиеся образцы.

Большинство культурных различий являются мифами: кровожадные мусульмане; терпеливые азиаты, мыслящие категориями тысячелетий; вечно ищущие консенсус в своих автократиях конфуцианцы и массы культурных европейцев. Аналитики, изучающие культуру со стороны, могут посчитать, что происходит культурный расцвет, хотя в действительности просто улучшилось понимание этой культуры иностранцами, а носители культуры могут наблюдать процесс ее разрушения. При этом улучшение контактов способствует развеиванию предрассудков.

Помимо прямого импорта западной культуры с американскими кинофильмами, общества могут заимствовать ее вместе с товарами-символами, несущими отпечаток Запада. В таком смысле рост интереса к японской культуре совпал с экспансией бренда «Сделано в Японии». Пока Запад лидирует в технологиях, он будет производить большинство товаров-символов, что позволит ему сохранять привлекательность своей культуры.

Мусульмане, смотрящие американские фильмы, могли

никогда не слышать о Magna Carta, но и многим людям Запада это название ни о чем не говорит. Массовая культура не имеет отношения к философии. Голливудские блондинки в «Кадиллаках» будят одинаковые чувства во всем мире. Ценности – индивидуализм, свобода, уважение к закону и собственности – не импортируются, но мучительно и медленно развиваются параллельно с экономическим прогрессом и под его воздействием.

В массовой культуре и современной морали нет ничего плохого. Крестьяне и подобные им большинства традиционно обладали довольно примитивными вкусами, в то время как утонченное искусство – удел элит. Пусть сегодня количество разводов и велико, но разве внебрачные связи (что, по сути, то же самое) не были популярны во все века? Эстеты пренебрежительно относятся к массовой культуре, равно как и пуритане – к массовой морали, но ни то, ни другое сейчас не хуже исторической нормы. Крупные работодатели могут сетовать на упадок деловой этики, но по этому же поводу сокрушались и древнегреческие рабовладельцы. Вещи лишь меняют свои очертания; форумы в Интернете заменили соседские общины, но человеческая природа осталась все той же.

Далеко не всегда культуру можно распространить силой. Насильственное обращение всего населения и полное уничтожение предшествующих традиций было исторической

нормой, но культура распространяется за счет своей привлекательности. Люди, действующие в собственных интересах, выбирают для себя привлекательные и терпимые модели культуры, содействующие их интересам – особенно в случае, если элита не контролирует приемлемое общественное поведение, образование и получение информации с целью приспособить культуру к общинным потребностям государства. Победители часто заимствуют культуру побежденных. Запад может утратить лидерство, но его культура должна выжить.

Тот факт, что мы постоянно слышим призывы к защите национальных культур от экспансии Запада, показывает, что эти культуры не только находятся под угрозой – они обречены. Большинство из них никогда не существовали в качестве массового явления. Их практиковали лишь элиты, которые принимали негласное равнодушие масс за разрешение навязывать им свою культуру, в то время как массы беспокоил лишь вопрос выживания. Население Японии не извлекает никакой практической пользы из сложных форм искусства, а китайцам не нужны конфуцианские принципы послушания. Они столь же привязаны к своим литературным сборникам, сколько европейцы – к идеалистическим изречениям евангелий.

Как отсутствие развития, так и стремительное развитие способствует росту интереса к национальной культуре, только в первом случае это интерес отчаяния, во втором – интерес гордости. Во первом случае культура очень скоро оказывается

выхолощенной, не способной обеспечить экономический прогресс. Во втором - культуры приобретают символический характер, наподобие того как иммигранты устраивают *Oktoberfest*. Понадобилось лишь три десятилетия, чтобы иранцы оказались сыты по горло своими *муллами*. Избавившись от *аятолл*, они оказались более светскими, чем когда-либо прежде. Религиозность, взрожденная на неудачах, - поверхностна, ее хватает лишь на удовлетворение потребности в коллективе, но она не вызывает глубокой привязанности. Консерватизм часто скрывается под маской религиозного возрождения: торговцы защищают свои экономические интересы от посягательств иностранцев, бедняки требуют социальной помощи, а пожилые мужчины – патриархальных привилегий. Консерватизм – это отчаянная и в конечном счете неэффективная попытка остановить волну модернизации. Точно так же нежизнеспособно и религиозное возрождение.

Очень бедные люди привержены не столько религии, сколько традиционализму. Мусульмане сельских районов заставляют своих женщин носить косынку, но при этом вовсе не молятся пять раз в день. Лишь немного современного процветания заставило их искать ценности, которые они нашли в религии. Рост социальной мобильности и социальные изменения приводят к тому, что люди цепляются за традицию, которую видят в религии – но лишь убеждаются в бесполезности религии. Люди вернутся к умеренной религиозности, несмотря на

экономические и социальные преобразования; однако людям нужно время – нередко десятилетия – для того, чтобы привыкнуть к изменениям.

Культура – это средство развлечения, а развлечения в значительной степени зависят от экономической ситуации. Традиционные культуры не совместимы с глобальной технологической экономикой.

Центральное планирование предписывает определенное экономическое поведение и в сложных обществах невозможно. Традиция регулирует еще более широкий диапазон поведения и потому еще менее работоспособна. Общества отбрасывают, перетолковывают, лицемерно чтят или, что еще чаще, просто игнорируют традицию.

Возрождение подавлявшихся интересов часто принимается за всплеск национальной культуры. В Индии наблюдается «индуизация» политиков не потому, что население стало больше интересоваться проблемами религии, но потому, что государство, будучи не в силах обеспечить для этого населения экономическое развитие, обратилось к старым обидам. Сегодня мусульмане и индусы вряд ли более нетерпимы друг к другу, чем раньше. Но раньше этот конфликт сдерживался тоталитарным режимом и изнурительной борьбой за существование, а сейчас в результате улучшения политической и экономической обстановки и чрезмерной рекламы в прессе он снова всплыл на поверхность. Неразвитые

страны до сих пор не вошли в стадию экономического бума, при котором люди различных вер и национальностей тесно соприкасаются и вынуждены сотрудничать для достижения собственных целей, в результате чего их самоидентификация размывается. Когда доход зовет, обидам нет места.

Слаборазвитые страны недовольны экспансией Запада, обрушившейся на них через средства массовой информации, товары и рассказы иммигрантов. Будучи не способны противостоять этой культуре, они приспосабливаются к ней и принимают ее правила игры. В итоге им приходится заимствовать западные привычки, поскольку многие страны пользуются помощью Запада. Япония преуспела в модернизации, сохранив свою специфику, из-за уникального сочетания культурной однородности, ксенофобии, коллективизма, деловой этики, страсти к творчеству, а также образованию. Эта страна преуспела при сравнительно небольшой иностранной поддержке. Япония нейтрализовала иностранное влияние, создав развитый внутренний рынок. Но даже при этом привычки и симпатии японских и американских подростков существенно не отличаются. Японцы традиционно более склонны к визуальному искусству, которое ныне представлено в виде комиксов и бытового дизайна, но при этом обе страны одинаково любят фильмы, видеоигры, современную музыку, дискотеки, алкоголь, секс и потенциальный доход. Традиции по определению являются устаревшими и

отправляются в лету по мере модернизации, которая, будучи не в состоянии быстро развить новые традиции, наполняет образовавшуюся пустоту массовой культурой.

В условиях открытого и особенно глобального рынка люди вполне могут отказываться от иностранных товаров, как японцы, но они не смогут отказаться от господствующего иностранного языка, будь-то аккадский или английский. Элита (писцы или бизнесмены) хорошо владеет международным языком *lingua franca*, побуждая других улучшать знания иностранного языка от обрывочного до свободного. Язык становится престижным товаром, необходимым инструментом развития. Лучшие шансы стать международным языком имеются у языка той нации, которая обладает наибольшим количеством иностранных контактов. Контакты могут быть любыми – дипломатические (аккадский язык), торговые (греческий), военные (латинский) или научные (немецкий). Американский английский, актуальный во всех этих сферах, сохраняет неплохие шансы долгое время оставаться, по крайней мере в упрощенных формах, всеобщим языком глобального общества. Его упрощенные варианты будут смешиваться в ходе общения. Мандаринский диалект китайского слишком сложен для того, чтобы получить международное признание в качестве второго языка. В индийском языке существует столько диалектов, что сами индусы предпочитают английский для общения с носителями других диалектов. Арабский достаточно широко

распространен, но экономическое и военное значение его носителей слишком мало. Если не принимать во внимание редкий вариант военной империи, всеобщим становится язык открытого общества, даже в примере с Римом. Для сохранения завоеваний и умиротворения завоеванных необходима культурная привлекательность. Общество должно быть открытым не только политически, но и экономически.

Люди оценивают учения по плодам их: для религий это обещание загробной жизни, для идеологий – преуспевание в жизни земной. Мир может ненавидеть экономических лидеров или завидовать им, но будет заимствовать их конкурентоспособные модели поведения; ненависть нередко маскирует восхищение. Зависть обычно выливается в единичные конфликты и случаи саботажа, что характерно для любой культуры. Мусульмане создали Аль-Завахири, а христиане – Маквея. Как правило, войны развязываются не с целью дать выход чувствам, но чтобы решить конкретные проблемы. Нападение на Японию сегодня не помогло бы американским сталелитейным компаниям, потому что им приходится параллельно выдерживать конкуренцию со стороны Южной Кореи, России и других стран, которых слишком много, чтобы их можно было подавить.

Потребительские общества, особенно те, которые достигли процветания упорным трудом, не склонны к войне, подобно тому как уровень преступности в богатых странах ниже.

Они не пацифисты и вполне могут использовать военную силу в тех случаях, когда вероятность возмездия со стороны противника невысока. Экономически развитые страны могут совершить акт возмездия либо настроить другие страны против атакующего, что может быть приравнено к такому акту – вот почему богатые страны редко воюют друг с другом. Тотальные войны только уничтожают экономику, но они не могут решить торговые споры.

Можно предположить, что страны склонны к войне по культурным соображениям, однако культура не может долго преобладать над экономическими интересами. Страны со схожей культурой иногда воюют друг с другом за реальные интересы, в то время как страны со взаимоисключающими религиями часто сотрудничают на базе общих интересов.

Бедным странам нужна идеология, чтобы подчинить население, но и богатые страны также могут поддаться идеологии или идеализму, особенно когда это не угрожает их экономическому статусу. Процветание побуждает людей к поиску более высоких ценностей, которые, будучи найдены, помогают и другим осознать эти идеалы, в конечном счете – с помощью силы. Развитые экономики средних размеров, осознавая свою уязвимость перед лицом военной угрозы или экономических санкций, встают на путь пацифизма даже ценой подчинения международному консенсусу.

Умирающие гиганты опасны. Такие общества используют силу, чтобы сохранить уровень международного признания,

к которому они привыкли, но который не могут сохранять экономическими средствами. Очередная новая империя, действуя как мировой полицейский, может сократить эти муки.

Зарождающиеся тигры опасны, пока такие общества не достигли высокой степени открытости и высокого уровня торговли с ключевыми партнерами. Новые экономики, часто недемократичные и с низким уровнем социального обеспечения, аккумулируют необычно большие объемы государственных средств, что позволяет им наращивать объемы вооружений. Когда такие экономики достигают высшей точки развития, амбиции населения и власти обгоняют реальные возможности и устремляются сначала в политическое русло, а затем и в военное. Сегодня ограбить более слабых соседей уже не так просто, как раньше. Эффективные транспортные сети позволяют слабым странам находить удаленных спонсоров, которые помогут им развить собственную военную мощь. Сдерживать агрессию позволяют также оружие массового уничтожения и международное общественное мнение. В условиях глобального общества расширять сферу влияния эффективнее посредством торговли, нежели военной силы. Декларирование войн экономически нецелесообразными перед Первой Мировой войной не было ошибкой, но осознание этого факта требовало времени. Однако экономическая нецелесообразность войн не способна предотвратить их. Рационалистические объяснения, которыми мотивируются

войны, часто призваны лишь скрыть их подлинные причины – жажда власти, ненависть, амбиции и пустая «мужественная» агрессия. Когда не удастся найти подходящий предлог, в игру вступают цивилизационные вопросы.

Рационалистические общества потенциально агрессивны, поскольку в рациональных выкладках нет места страданию. Моральный рационализм эпохи Просвещения был реакцией на религиозное мракобесие, рационализм социальный – на неспособность осознать сложные механизмы социальных взаимоотношений. Рационализм возникает в глобальной политике тогда, когда крупные, но не участвующие в процессах нации пытаются оправдать свои претензии на мировое господство.

Страны, разбогатевшие по воле случая, заносчивы и агрессивно ищут себе место в мировой политике с целью компенсировать собственное недостаточное развитие. Когда случайные богатства оказываются в руках режимов и олигархов, бедные люди, движимые завистью, не боятся возможных международных конфронтаций и даже приветствуют конфликты, лишь бы дать выход своему недовольству. Рим достиг высот благодаря тяжелым и длительным военным усилиям. Долго идя к богатству, он был весьма толерантен. Внезапно разбогатевшая Саудовская Аравия продвигает *джихад*.

Застой в экономике ведет к моральному упадку, тогда как процветание, достигнутое трудом, укрепляет этические

ценности. Население бедных стран и стран с застойной экономикой не может реализовать свои амбиции через рыночную активность и обращается к политике, радикализму и войне. Бедность и яростные амбиции пересиливают моральные ограничения, а богатые люди вполне могут их себе позволить, если не подвергается угрозе их собственная безопасность.

Семья является самым прочным образованием. Чем больше группа, тем она слабее. Самые широкие группы – цивилизации – являются самыми слабыми. Объединения мусульманских стран исключительно декоративны. Люди не хотят помогать обществу и тем более – воевать за цивилизации.

Чем сильнее группа, тем крепче внутри нее узы и одновременно ненависть друг к другу. Никакой мусульманин не презирает неверных так, как иные супруги ненавидят друг друга. Люди сублимируют мириады поводов для недовольства и направляют их против своих же ближних. Большинство людей придумывают искусственные различия между собой лишь для того, чтобы оправдать собственную ненависть. Украинские циники так резюмировали причины отделения от России: «Они наше сало съели». Границы между группами возникают тогда, когда в них возникает необходимость.

Идентификация с той или иной цивилизацией хоть и слаба, но реальна, и ее невозможно изменить в мгновение ока. Турция по-прежнему остается исламской, несмотря на три поколения прозападных светских правительств. Смена

самоидентификации, несмотря на привлекательность такого решения, очень часто непродуктивна – если бы туркам удалась вестернизация, пришлось бы призывать европейцев защитить слабого «культурного родственника» от исламских соседей, в то время как мусульманская Турция, умеренная благодаря экономической открытости Европе, вполне жизнеспособна в качестве буфера между Европой и многочисленными неудавшимися государствами Центральной Азии и Ближнего Востока.

Человечество зависит от межгрупповой конкуренции, двигающей социальную эволюцию. Межцивилизационные связи редки, и существенной конкуренции между цивилизациями не имеет места. Таким образом, цивилизации не могут вносить вклад в эволюционную конкуренцию. Основная конкуренция – и конфликты – происходит внутри цивилизаций, которые состоят из враждебных подгрупп. В мире, состоящем из однородных цивилизаций, попросту останутся конкуренция и развитие.

Цивилизационная идентификация возникает тогда, когда нет никакой иной идентификации – обычно в периоды социальных преобразований. «Американский плавильный котел» наглядно продемонстрировал, что люди враждебных религий, культур и историй могут отбросить прошлое, чтобы сотрудничать во имя будущего процветания.

Люди редко соотносят себя даже с определенной нацией, что уж говорить о цивилизации. Европейцы воевали друг с

другом всю свою историю, а Ватикану было нелегко собирать крестовые походы на борьбу с внешним противником. Кроме редких случаев, когда путем пропаганды разжигаются короткие войны, люди сражаются за свои неотложные интересы. Конфликт интересов возникает в основном между народами, которые принадлежат к одной и той же цивилизации и в силу этого вынуждены взаимодействовать – и воевать – друг с другом. Часто воевать. Межцивилизационные конфликты почти всегда имеют своей причиной проблему границ и редко вовлекают удаленные страны, – зато они разжигают ксенофобию и попадают на первые полосы газет. Европейцы живо откликнулись на межцивилизационную резню в Боснии, а миллионы жертв конфликтов внутри исламского мира их не тронули. Битвы за реальные интересы коротки и яростны, в то время как войны, движимые ксенофобией, умеренны, нерезультативны и продолжительны, что вызывает ощущение постоянства конфликта.

Войны между цивилизациями редко ведутся организованно, поскольку правительства и компании не сильно заинтересованы в территориях, заселенных чужаками, помимо тех случаев, когда там имеются полезные ископаемые – но в этом случае войны уже не имеют отношения к цивилизациям. Наоборот, пограничные конфликты – включая и внутренние границы – представляют собой бандитские вспышки насилия, возникающие там, где царит безнаказанность. Такие вспышки

могут возникнуть везде, где проходит граница между сферами собственности, классами, религиями, этносами и вообще любая видимая межа. Ключевую роль здесь играет фактор безнаказанности, ведь большинство не захочет рисковать своей жизнью из-за ксенофобии. Стычки прекращаются тогда, когда молчаливое большинство, пресытившееся насилием, перестает поддерживать враждующие стороны. Радикалам редко удается влиять на политиков; когда речь заходит о серьезных вопросах и последствиях, молчаливое большинство занимает умеренную позицию.

Доверие – вопрос предсказуемости, оно возникает там, где ценности схожи либо понятны. Торговля достаточно проста, ее термины можно зафиксировать в формальных соглашениях, так что доверие не является обязательным; единственное, что требуется – отсутствие прямого обмана. В случае со сложным экономическим сотрудничеством требуется совершенно иной уровень доверия, и большинство бизнесменов предпочитают работать с партнерами своей культуры. Хотя, конечно же, это не значит, что они захотят воевать с людьми других культур.

Сложные адаптивные системы перестраиваются посредством конфликтов. Семейные ссоры, рыночные сделки и войны делают общества более эффективными. Чем больше взаимодействие, тем чаще требуется перестройка. Поскольку большинство взаимодействий происходит внутри групп, там же происходит и большинство конфликтов. Наименее кровавыми

являются те войны, где граница проходит по линии разлома и враги ясно обозначены. Люди не хотят воевать за туманные идеи, и часто конфликт поддерживает лишь население приграничных районов. Однако чем более расплывчаты линии разлома, тем кровавее конфликты. По этой причине самыми разрушительными являются гражданские войны, в которых каждый становится врагом каждому и битва идет за реальные интересы.

Миллиард мусульман выставил для борьбы с Западом лишь несколько тысяч партизан. Многие мусульмане восхищаются террористами, но далеки от того, чтобы присоединиться к ним в борьбе против западной цивилизации. Многими террористами движут причины куда более приземленные, чем туманные идеи ненависти к другой цивилизации: амбиции, старые обиды или жажда приключений; многих привлекает возможность безнаказанно убивать и снискать за это лавры. Террористы составляют лишь небольшую подгруппу внутри исламского мира. Террористы являются мусульманами, а нацисты были христианами – но ни те, ни другие не представляют свою цивилизацию.

Обычно люди сотрудничают внутри одной группы и конкурируют с другими. Группы характеризуются определенными поведенческими чертами. Различие в ценностях вызывает конкуренцию и враждебность. Люди питают неприязнь к традициям других. Они придумывают рациональные

объяснения своей неприязни, и облекают свои интересы в идеологию. Они чертят линии, чтобы вытолкнуть остальных по ту сторону, превращая их в чужаков, воплощение угрозы, в законную добычу. Поскольку мораль сделала войны с целью грабежа неприемлемыми, возникла необходимость облечь конфликты в национальные термины, по сути подменяя ограбление убийством. Древние войны за добычу приводили к незначительным жертвам, и в сравнении с ними идеологические войны – настоящие боины.

Столкновения между цивилизациями ограничены целями либо политическими, либо вдохновленными идеологией. Реальные конфликты очень редки, часто вообще отсутствуют. Конфронтации бывают навязаны экономическими соображениями, безразличными для наций или даже полезными им, хотя и наносящими ущерб влиятельным группам. Культурные трения исчезают в экономическом сотрудничестве и проявляются, где сотрудничество незначительно; торговля, в особенности спекулятивные международные инвестиции и поставки нефти, не могут считаться сотрудничеством.

Когда литеры следуют за настроениями масс, элиты терпят поражение – примеры тому политика, основанная на опросах населения, и патриархальный национализм элит. Элиты часто не синхронизированы с народом – они могут заниматься вестернизацией, когда люди не готовы к этому, или, наоборот, продвигать старые ценности тогда, когда люди желают

вестернизации. Неудачливые правители становятся для своих стран балластом, тянущим их обратно в традиционное прошлое. Государственная поддержка придает религии авторитетность и привлекает к ней больше людей.

В борьбе за собственное выживание государства полагаются на нации и фиктивные группы, поощряя тем самым национализм, религию и прочие идентичности фиктивных групп, основанные не на людях, а на идеях. Государствам необходимо доказать своим гражданам собственную незаменимость, и эта необходимость делает их деятельными. Участие в международных отношениях поддерживается амбициями. Таким образом, государства продвигают фикцию национальной и цивилизационной идентичности, чтобы спланировать людей вокруг целей собственной силовой политики. Политические деятели подыскивают религиозные цитаты и прочие традиции, чтобы оправдать нужную им линию. Риторический оборот «они против нас» остается лишь риторическим оборотом, цель которого – объединить нацию в порыве общей ненависти. Его реальный вклад в конфронтацию невелик.

С другой стороны, политкорректность вызывает не менее насильственную реакцию со стороны людей, недовольных многообразием культур, толерантностью к меньшинствам и притоком иностранцев. Современные коммуникации, доступный транспорт и политическая легкость перемещений позволяют иммигрантам сохранять сильные связи со своей родиной.

Решение иммигрировать больше не означает смену культурной самоидентификации, и неассимилированные иммигранты – особенно бедные, зависящие от связей внутри своей общины – формируют антисоциальные группы. Подобным образом политкорректность непродуктивна и в международных отношениях, поскольку превращает уважаемого глобального полицейского в устрашающую и ненавистную няньку. Те, кто согласен с интервенцией с целью остановить зверства, могут протестовать против интервенции тогда, когда она ставит своей целью несущественные причины, как-то: демократизация, экономическая либерализация и территориальная целостность. Так быстрые интервенции превращаются в гражданские войны, нередко с оттенком борьбы цивилизаций. Столкновения цивилизаций можно нейтрализовать путем минимизации вмешательств в чужие дела.

Саудовская Аравия не в состоянии создать военную империю и потому выступает в качестве центра неформальной мусульманской империи – спонсирует школы и партизан, заявляет о поддержке мусульман по всему миру. Бедные страны и находящиеся под угрозой исчезновения мусульманские сообщества заявляют о приверженности групповым идеалам лишь до тех пор, пока видят в этом практическую пользу. Люди обращаются к таким идеалам только ради выгоды: не западные немцы перелезали через стену, чтобы воссоединиться со своими братьями по ту сторону – это делали немцы восточные.

Неимущие соглашаются на общую религию, древние ценности и авторитаризм только тогда, когда это дает им возможность принять участие в перераспределении доходов. Баланс между индивидуализмом и коллективизмом смещается в сторону последнего только в условиях бедности или при опасности; процветающие общества редко интересуются этнически родственными странами.

Этническая общность часто является последним убежищем: отвергнутая Европой, Болгария обратилась к России. Апелляция к этническому родству или другим общим характеристикам позволяет получить очень ограниченную, часто лишь формальную поддержку: во время Холодной войны сверхдержавы инвестировали лишь очень незначительные средства в периферийные конфликты. Государства быстро обнаружили, что можно заработать больше политических дивидендов, не разжигая конфликты среди этнических родственников, а арбитражуя их: сербское правительство приступило к сдерживанию агрессии боснийских сербов. Если этнического родства нет, а в пользу альянса говорят реальные интересы, обнаруживаются другие общие черты, необходимые для такого альянса: Израиль, не имея союзников общей с ним национальности или религии, обращается за помощью к Западу, потому что оба являются демократиями. Протектораты взывали за справедливостью к Риму, с которым у них не было ничего общего в культурном отношении. В отношениях, основанных на

балансе сил, и европейцы, и арабы в разное время обращались за помощью к Британии .

Когда необходимо, о цивилизационной сущности забывают. Кувейт обращался к США за помощью против Ирака, Франция саботировала созданный американцами альянс ради получения политических дивидендов, решив, что лучше быть в авангарде исламских интересов на Западе, чем в арьергарде американских интересов где бы то ни было. Российское правительство поддерживает антиисламские настроения в собственной стране, чтобы подавлять чеченцев, но объединяется с арабами против Америки – своего же союзника в войне с исламским терроризмом. Правительства равно лгут и о ксенофобии, и об этнической общности.

Границы любой цивилизации подобающе подвижны и пригодны для оправдания случающегося где угодно конфликта. Антикоммунистический «свободный мир» включал Японию и даже Саудовскую Аравию. Нацисты проводили цивилизационную границу между арийцами и всеми остальными. В современном светском мире национализм преодолевает религиозную идентичность. Объяснение мировой истории как череды столкновений цивилизаций – будь-то религиозные конфронтации, расовое соперничество и т. д. – это лишь безнадежная попытка придать рациональную форму системе, которая слишком сложна для полного понимания и для простого объяснения.

Люди причисляют себя к различным группам: семья, клуб футбольных болельщиков, город, национальность, религия, цивилизация. Однако группы формируются вокруг интересов, а не культуры: иные дипломаты и бизнесмены комфортнее чувствуют себя со своими иностранными коллегами, чем с собственными избирателями и работниками. Люди постоянно меняют приверженность и выбирают между приверженностью различным группам. Группа, которой угрожает опасность, становится более значимой: солдаты оставляют свои семьи и отправляются воевать за страну. Угрозы относительно: когда благополучие растворяет проблемы семьи или города, даже всего лишь культурная экспансия против собственной цивилизации воспринимается как акт агрессии. Холодная война определила основные интересы как приверженность социализму или свободе; но наступила разрядка, и не осталось ничего, кроме приверженности старым религиозным и цивилизационным идеям. Однако очень скоро возникнут новые альянсы, сформированные вокруг новых интересов, более значимых, чем религия: торговля, инвестиционные потоки и международная благотворительность.

Очень бедные люди не могут позволить себе переживания по поводу цивилизаций, равно как и богатые не склонны сражаться за неуловимые идеалы. Культурная неприязнь возникает на том специфическом экономическом уровне, когда человеку уже не нужно бороться за выживание, но

он еще не столь состоятелен, как другие. Это та точка, в которой человек уже может позволить себе борьбу за какие-то амбиции в свободное от работы время, но еще не может реализовать их в полной мере. Такое положение достигается либо через внезапно обретенные блага, такие как социальная поддержка, международная помощь или неожиданный прогресс в сельском хозяйстве и медицине, либо в результате подавления благоприятных возможностей: посредством санкций (послевоенная Германия), чрезмерного планирования (СССР) или из-за недостаточного образования (исламский мир).

Небольшое внезапное улучшение материального положения угрожает морали: у одних людей амбиции превосходят их реальные возможности, у других, у которых уровень потребления еще не вырос, остается много времени для размышлений и радикализма. Таких людей немного, но достаточно, чтобы создавать проблемы для обществ.

Часто ксенофобия служит последним убежищем для чувства собственного достоинства. Снобизм и высокомерие порождают не столько ненависть, сколько презрение к другим. Ненависть – продукт зависти. Когда люди не хотят признать, что не могут достичь уровня (обычно материального) других из-за собственных недостатков, они делают вид, что им уже не нужен этот уровень, и отвергают те ценности, которых еще недавно страстно желали. Если объект зависти слаб или ведет себя как слабый, ненависть превосходит все границы. Советские люди

завидовали американскому уровню развития, но не ненавидели Америку, потому что она была сильной. Мусульмане и завидуют Америке, и ненавидят ее, потому что она не вызывает у них страха.

Влияние демографического взрыва зависит от образования и экономических перспектив молодежи. Люди, родившиеся в период демографического взрыва в США, ассимилировались очень быстро, в то время как в исламских странах такие люди по-прежнему страдают от безработицы и склонны к насилию. Впрочем, молодежь редко голосует и не оказывает большого влияния на политику; бунты крайне редко выливаются в революции. Образование может быть либо неотъемлемой частью культуры, как в Японии, либо средством достижения материальных благ, как в США. Поверхностное обучение приводит к ненависти: люди узнают научные определения культурных различий, и, не умея анализировать, приходят к выводу об их объективности, рациональности. Поскольку образование само по себе необычно в их среде, оно способствует развитию амбиций, которые не удается реализовать, поскольку образование и приобретенные навыки неконкурентоспособны. Малообразованные люди неспособны к толерантности, которая возникает в результате длительного благополучия.. В котел революционной агрессии подливают масло идеализм, рационализм, неосведомленность о противоположной точке зрения и неспособность осознать

проблемы социальной инженерии.

Стремление к благополучию – очень сильное побуждение. При наличии экономических перспектив люди редко встают на путь культурных конфликтов. Когда нужно выживать, нет времени на ксенофобию, разве что если она сулит трофеи (быстрое обретение пропитания) или если не удастся заработать на пропитание даже тяжелым трудом (голодные бунты). Ксенофобия обитает на уровне чуть ниже среднего класса – обычно это несостоявшиеся специалисты и студенты без шансов найти работу.

Ксенофобия реализует амбиции либо активно, через участие в политике и насилии, либо пассивно, путем выявления кажущихся виновников отсутствия перспектив. В первом случае амбиции действительно реализуются, хотя и иррационально и без экономических результатов; во втором случае они просто уменьшаются без потерь для чувства собственного достоинства. Как молния в отсутствие громоотвода выбирает случайную траекторию наименьшего сопротивления, так и амбиции реализуются стихийно в отсутствие экономических перспектив. Конфликты потому протекают вдоль культурных линий, что те четко обозначены, а объединять неудачников под общее знамя цивилизации - легко. Сами же по себе культурные различия не вызывают конфликты. Культурные линии разлома обычно вытекают из религии (сейчас, а не среди толерантных политеистов древности) и национальности по той причине, что

эти критерии кажутся вполне понятными и достаточно велики, чтобы насилие во имя их смягчило горечь нереализованных амбиций. Есть и другие линии культурных разломов: классовая принадлежность, обладание собственностью и даже членство в футбольном фан-клубе. Различия есть везде и всюду, однако линиями разлома они становятся лишь тогда, когда на них извне давят реальные интересы. В условиях кризиса приверженность группе лишь выступает наружу, но не она вызывает кризис.

Руководителями ксенофобных движений нередко выступают талантливые оппортунисты, но их рядовые члены – неудачники, которым не хватает смелости войти в мир экономической конкуренции. Их ненависть столь же неуверенна. Минимальное противодействие подавляет их: городские власти подстегивали толпы погромщиков, а участники антиамериканских выступлений в исламских странах не боятся репрессий. Однако когда под угрозой оказываются реальные интересы, люди готовы пострадать, как при восстаниях против тиранов. Нет, не ксенофобия разжигает войны.

Приграничное население воюет вдоль цивилизационных линий разлома тогда, когда их соседи принадлежат к другой цивилизации, и по национальным и религиозным линиям – когда соседи принадлежат к другой национальной или религиозной группе. Развитие транспорта и связи размыло сначала микроуровневые территориальные группы, а затем и среднеуровневые – государства. По этому пути уже идет Европа,

скоро на него ступят и другие континенты. При упоминании таких блоков, как «свободный мир» или «Запад» прочие страны реагируют аналогичным образом и создают сверхбольшие объединения со сверхслабыми внутренними связями, как, например, исламский мир. Противодействие побуждает объединяться.

Мусульманская Малайзия реализует свои амбиции в экономической сфере, в передних рядах там идут китайцы; мусульманский Иран подавляет свой деловой класс и реализует амбиции путем распространения фундаментализма и терроризма. Традиционный ислам, в отличие от конфуцианства, не делает акцента на трудовой этике, мирском богатстве и образовании; бюрократизированные арабские и тюркские империи ограничивали частную инициативу. Эти культурные различия породили принципиально различные экономики и, следовательно, политические системы: арабо-мусульманскую и конфуцианскую. Конкурентоспособность нации развивается в кластерах смежных производств, как кристаллы спонтанно растут в насыщенных жидкостях – рост порождает рост. Мусульманская культура, не охваченная деловой активностью, неконкурентоспособна. Не имея качественного технического образования исламские страны, в отличие от России, не рожают гениев даже изредка.

Численность населения западной цивилизации достаточно невысока. Мир в основном – это китайцы, индусы,

мусульмане и чернокожие. Однако Запад может доминировать во влиянии, что намного важнее простых демографических параметров. Такое доминирование требует ограничить доступ к западным финансовым активам и знаниям, чтобы сократить перемещение в страны третьего мира капиталов (инвестиций и импорта), технологий и, самое главное, образования. Никакая компания не делится технологией, которую она разработала тяжелым трудом, и никакая семья не позволяет жить в своем доме кому угодно – но именно это делают страны, лицемерно поддерживающие идеалистов. Левые требуют, чтобы Запад делился своими наиболее ценными активами со странами третьего мира по той же причине, по которой они требуют перераспределения внутри собственных стран. Неэффективные в производстве, левые распоряжаются чужими деньгами без всякого вреда для самих себя, но зато с чувством глубокого удовлетворения – за чужой счет. Если Запад хочет доминировать, он должен эксплуатировать других, а не помогать им; он должен грабить их полезные ископаемые по монопольным ценам, а также остановить иммиграцию и промышленный импорт. Не нужно никого завоевывать или обращать в рабство – просто не надо помогать другим во вред себе. Смешиваясь со всеми, Запад повредит всем – подобным образом равенство уже погубило коммунистические экономики. Между людьми с разным образованием, способностями к новаторству и деловой этикой мало общего. Популистские правительства, заискивающие перед

национально неоднородным электоратом, никогда не пойдут по пути экономической исключительности – они помогут собственным конкурентам, а сами сойдут со сцены. Инновационные корпорации и меньшинства могут сформировать собственные квази-государства и отказаться делиться технологиями с окружающими.

Общества – сложные адаптивные системы, в которых ни один фактор не может быть изолирован без нарушения целостности системы. Развитие основано на почти неуловимой комбинации факторов. Мягкий климат способствует интеллектуальной деятельности и создает преимущества для сельского хозяйства. Население должно быть достаточно многочисленным, чтобы тесно общаться, обороняться и торговать, но в то же время достаточно распределенным или географически разделенным, чтобы тоталитарный контроль был невыгоден. Религия не является основным фактором развития, но религия и экономика приспособляются друг к другу. Существуют и случайные факторы – мудрый правитель, издавший справедливые законы; отсутствие слабых соседей, так что ничто не подталкивает к грабежу и насилию; торговые возможности, которые способствуют образованию и делают страны более открытыми для других культур. Развитие невозможно смоделировать: акцент на образовании в отсутствии занятости делает общество радикальным, а акцент на занятости без учета образования создает экономики с хронически низким

уровнем заработной платы. В свободных обществах факторы уравниваются эмпирически в ходе поступательного развития. Процесс развития поддерживает сам себя; на начальной стадии он ускоряется, по мере того как все больше участников перенимают поведенческие модели успешных людей, и замедляется, когда богатая часть населения переходит от эффективного поведения к комфортабельному.

Не все культуры милитаризованы в равной мере. Монотеистические религии и идеологии, выступающие против здравого смысла, подавляют плюрализм мнений и насильственны по природе. Зрелые монотеистические религии в определенном смысле превращаются в политеистические – они терпимы к другим конфессиям из политических соображений. Обременительные религии, такие как ислам, которые пронизывают повседневную жизнь сетью ограничений и запретов, держат своих приверженцев на коротком поводке и делают их нетерпимыми. Однако это же бремя может сделать религии более умеренными с помощью интерпретации и лицемерия. После короткого периода *джихада* ислам был относительно мирной религией на протяжении веков, но его современное преходящее возрождение требует для ислама центрального места во всем мире и делает его агрессивным. Христианство распространилось шире, чем ислам, достигнув Африки и Америки посредством силы, и в определенном смысле продолжает оставаться агрессивным.

Религиозное возрождение всегда несет отпечаток фундаментализма. Новые фанатичные приверженцы поверхностно знакомы с положениями религии, но им нужно ясно определить противника, чтобы дать выход своему недовольству. Их энергия – в скорости, а не в массе, и они компенсируют поверхностность знаний силой убеждения. Их религиозность является по сути национализмом, национальность в котором описывается в терминах религии.

Обзор книги Эдварда Саида «Конец мирного процесса»

Профессор Саид занимал должность профессора английского языка и сравнительного литературоведения в Колумбийском университете. Араб по национальности, он родился в 1935 году в Иерусалиме, который в то время находился в юрисдикции Британского мандата. Учился в Каире, Принстоне и Гарварде. Автор более двадцати книг. Умер в сентябре 2003 года.

Создание государства в реальном мире

Поскольку арабы не могли уничтожить еврейские поселения ни обычными бандами, ни регулярными армиями, они — особенно палестинцы — начали выставлять себя угнетенными жертвами и требовать справедливости. Это нечестная позиция, потому что арабы еще за век до 1967 года знали, что евреи самостоятельно сражаются за свои идеалы и не просят ни у кого помощи. Когда же баланс силы обратился против арабов, они начали взывать к морали, хотя сами еще недавно сотрудничали с нацистами и мешали еврейским беженцам селиться в Палестине. Теперь палестинцы хотят равноправия, но почему Израиль должен к ним прислушаться, если именно отказ арабов в равноправии для евреев и стал причиной всего конфликта? Некоторые пытаются создать прецедент, при котором евреи должны придерживаться нравственных норм, которые их враги нагло попирают.

Участь палестинцев не имеет ничего общего с Катастрофой

Книга Саида начинается с шокирующего заявления. Участь палестинцев, считает автор, является «одной из величайших

трагедий нашего времени». Однако палестинцев никто не истребляет. Израильяне не грабили их имущество и не насиловали их женщин. Палестинцы не работают в концентрационных лагерях, а условия их жизни куда лучше, чем у еврейских иммигрантов пятьдесят лет назад. Они не умирают от голода, но получают беспрецедентные объемы гуманитарной помощи вот уже четыре поколения. Многие давным-давно эмигрировали в другие страны, а те, кто остались, ведут праздный образ жизни. Как можно сравнивать жизнь в общине на гуманитарную помощь с настоящими трагедиями вроде Катастрофы евреев и цыган во Второй мировой войне, с бойней двух мировых войн, с резней в Алжире и Руанде с миллионами жертв и многими другими трагедиями, когда убивали только ради того, чтобы убивать? Евреи не ставят перед собой цель убить арабов. Израиль понес тяжелые потери в городских боях в Ливане и Палестине, хотя мог просто сравнять города с землей с воздуха, как сделала бы любая другая армия. Именно сдержанность Израиля в отношении к гражданскому населению обусловила его поражение в ливанской войне, что лишний раз доказывает невозможность наведения порядка в сильно милитаризованной стране гуманными методами.

Говоря о Катастрофе, Саид пишет: «Многие из нас [арабов] хотели бы считать, что это не наше дело». Но сам муфтий Иерусалима провел всю войну не где-то, а в Берлине, прямо сотрудничая с нацистами, а другие арабы его при этом полностью поддерживали.

Профессор Саид скор на осуждение тех еврейских лидеров, которые вступили в сговор для выселения арабов. Но любое действие нужно оценивать в его контексте. Никто никогда не хочет жить рядом с кем-то, кто пытался выселить и убить его, даже когда признанный арбитр вынес свой вердикт, как ООН в

1947 г.¹³⁸. Если такого злостного соседа удастся выселить законными средствами, замечательно, но что если нет? Израиль действовал гораздо мягче, чем многие современные государства в точно такой же ситуации. Сопротивление палестинцев еврейским беженцам тоже можно оправдать, но дело не в этом. Главное то, что палестинцы доказали свою враждебность к евреям, поэтому у евреев были все основания их изгнать.

Евреи и палестинцы не равны

Апологеты палестинского движения заявляют, что все люди равны и заслуживают одинакового обращения. Обе части этого утверждения неверны. Эгалитаризм – это тоталитарная политика, и требовать политического равенства так же неверно, как и экономического. Равные возможности создают неравные результаты. В 1948 году у евреев и палестинцев были равные возможности, в результате чего евреи воспользовались своими возможностями лучше и получили преимущество.

Люди не рождаются равными. У разных людей разные умственные способности, у разных наций есть национальные особенности. Какую-то работу лучше выполняют женщины, какую-то – мужчины. Это правильно, что не существует нормы, что разные люди разные, что они по-разному выполняют разные виды деятельности. Современная наука не делает категоричных утверждений о природе человеческих различий, генетических

¹³⁸ Евреи сначала поселились в Палестине де-факто и затем получили признание де-юре, поэтому палестинцы не могут оспаривать тот факт, что евреям пришлось сделать это силой. Активисты негритянского движения силой проложили себе путь в американское белое общество, и точно так же евреи поступили в Палестине. Когда кого-либо не принимают естественным путем, приходится использовать силу в сочетании с юридическими механизмами.

или культурных. Конечно, различия не оправдание дискриминации, но само обсуждение различий не должно автоматически объявляться расизмом или сексизмом.

Саид сам не верит в равенство: его оскорбляет, что Бен-Гурион сравнивает арабов с американскими индейцами. Если бы Саид верил, что эти два народа равны, он бы не обиделся. Ему не нравится мысль и о том, что Пакистан и Бангладеш контролируют мусульманские объекты в Иерусалиме. Если он думает, что его страна лучше каких-то других мусульманских стран, то он не должен удивляться, что и другие думают схожим образом. Его интересуют только палестинцы, о людей других нееврейских национальностей, живущих в Израиле, он не думает. У него нет морального права критиковать тех, кто так же не интересуется палестинцами.

Представители разных наций часто по-разному мыслят, что обусловлено культурными различиями. Саид объявляет расистским заявление Ричарда Батлера, что у арабов иные, нежели у других народов, представления о правде и честности. Однако под этим утверждением подпишется большинство жителей западных стран, которым приходилось работать с арабами. Арабы не обременены западным морализаторством и скептически относятся к неверным, отчего очень гибко подходят к исполнению своих обещаний. Ислам прямо предписывает обманывать немусульман¹³⁹. Мухаммед попросил еврейского лидера Хайбара прийти на переговоры без оружия, а затем убил его. В этом нет ничего экстраординарного: еще до появления понятия расизма европейцы считали американских индейцев лживыми, а сами индейцы, возможно, просто считали себя практичными. Бремя исполнения обещаний могут позволить себе только развитые общества.

¹³⁹ В Десяти заповедях тоже запрещается лжесвидетельствовать только против ближнего – члена своей группы.

Равенство предполагает схожие или по крайней мере сопоставимые культурные платформы – то, что автор называет «примирением опытов». Однако западные и исламские ценности фундаментально непримиримы, поэтому о равенстве не может быть и речи. Различия нужно признавать и принимать, но нельзя игнорировать.

Палестинцы требуют привилегий

Под требованием равенства часто маскируется желание получить привилегии. Саид возражает против израильского изоляционизма и требует интеграции с Палестиной, однако сам же далее пишет, что большинство арабов хотят если не уничтожить Израиль, так хотя бы его бойкотировать. Это не Израиль занимается изоляционизмом, а арабы – остракизмом. В экономической интеграции нет смысла, поскольку у палестинцев нет ни капиталов, ни технологий. Профессор Саид требует открыть границы и разрешить въезд в Израиль палестинским массам, ищущим работы и лучшей жизни, но тогда палестинцы получают привилегированное положение, что уже несправедливо. Между тем именно это и происходит: если в арабском Ливане палестинцам запрещено заниматься десятками профессий, то в Израиле палестинцы без криминального прошлого могут устраиваться на почти любую работу.

Саиду не нравится, что израильтяне контролируют «входы и выходы» из Палестины, тогда как Израиль просто-напросто охраняет собственную границу на собственных блокпостах. Неужели Израиль должен поручить охрану своих границ палестинцам или вообще оставить их открытыми? Поскольку Палестина не является признанным государством, формальной границы с ней не существует. Профессор Саид хочет сразу всего – чтобы и государство было, и границы работали только в одну

сторону. Саид справедливо замечает, что когда два народа живут бок о бок, сосуществуют, как принято говорить, это может привести к напряженности и даже войне. Логика подсказывает, что единственное решение этой проблемы – разделение, но никак не открытые границы.

Саид требует привилегий для арабов, но негодует по поводу израильского Закона о возвращении, наделяющего привилегиями евреев. Этот закон дает всем евреям Диаспоры право иммигрировать в Израиль, поскольку Израиль – государство, созданное специально для евреев. На каком основании эта привилегия должна быть распространена на арабов? Подойдем к вопросу с другой стороны: согласится ли любое арабское государство, в том числе Палестина, принять потомков евреев, оставивших эти земли много лет назад? Конечно же, ни одно арабское государство с этим не согласится. Имеют евреи на это право или нет – это уже другой вопрос.

Саид продвигает своего рода «над-равенство»: другие люди не просто должны считать палестинцев равными, но еще и защищать их права. Он возмущен, что Египет в Кэмп-Дэвидском соглашении даже не упомянул палестинцев и их интересы. Во-первых, это не так, поскольку это соглашение постулирует право палестинцев на самоопределение, что стало важным аспектом палестинской политической платформы. Далее, почему Египет или кто-то еще вообще должен бороться за права палестинцев? Между египтянами и палестинцами нет никаких особых связей, у них разные культуры и разные диалекты арабского языка. Общая религия? Она не побудила самих палестинцев воевать против Индии на стороне Пакистана. С какой стати Египет должен поддерживать палестинцев? Израильско-египетское соглашение никаким образом не ущемляет права других арабских наций. Саид с презрением относится ко всему египетскому, президента Мубарака он называет «ооновской марионеткой», непопулярной

у народа, хотя на самом деле египтяне его очень любят.

Пытаясь как-то уравновесить равенство и привилегии, профессор замечает, что по условиям Вай-Риверского меморандума Израиль отвечает за безопасность Палестинской автономии, а не наоборот. Он полагает, что Израиль несет ответственность за безопасность палестинцев. Но Израиль не заинтересован во внешней политике Палестины и никогда не покушался на ее безопасность, кроме разве что карательных операций. У Палестинской автономии только одно обязательство – не принимать у себя антиизраильских террористов. Уступка, мягко говоря, незначительная.

Профессор Саид критикует Израиль за освобождение около сотни палестинских преступников. Но разве палестинцы не должны самостоятельно заниматься своими уголовниками? Да и, как оказалось, не все палестинцы в израильских тюрьмах – политические заключенные.

Привилегии для арабов безосновательны

Саид осуждает президента США за то, что тот «не понимает арабо-исламский мир». Иными словами, он не понимает, что арабы не хотят существования Израиля. Почему вообще Америка или любая другая страна должна заниматься изучением арабского менталитета? Есть простой юридический факт существования Израиля, законно образованной страны¹⁴⁰, и есть требование прекратить конфронтацию. От арабов никто не требует любить евреев. Но арабы не живут в детском саду, так

¹⁴⁰ Хотя Япония не согласна с аннексией Россией Курильских островов, она признает Россию как государство. Арабы никогда не признавали Израиль в границах 1948 года, учрежденных согласно резолюции ООН о разделении Палестины, – той самой резолюции, к которой они сами постоянно апеллируют, требуя ухода Израиля с территорий.

что другие страны, как воспитатели, должны подстраиваться и приспосабливаться под их нужды. Добро пожаловать в реальный мир.

В любом конфликте неизбежно неравенство

Немыслимо говорить о равенстве победителей и побежденных, особенно если последние были агрессорами. Каковы бы ни были намерения евреев, военную агрессию начали именно арабы, что привело к их выселению по итогам Войны за независимость. Поскольку Саид говорит об «исторической Палестине», он должен признавать и другие исторические аргументы и параллели. Должны ли Нидерланды требовать равенства с США? Должны ли коренные американцы требовать «окончания оккупации, удаления поселений, подлинного самоопределения и равенства»? Более того, эти вещи взаимно исключают друг друга: если Палестинская автономия получит суверенитет, захочет ли она сама предоставить равенство евреям, которые даже сейчас не имеют права в ней селиться, да и до 1948 года их там не жаловали? Однако Саид снова и снова заявляет, что поскольку в Израиле евреи и арабы равны, они должны быть равны и на «оккупированных территориях». Как вообще возможно равенство между оккупантами и оккупированными?

По словам профессора, заключаемые соглашения выявляют «огромное различие в силе между двумя сторонами». Увы, так и происходит в реальном мире. Лаос не выставлял условий Вьетнаму, когда тот использовал его в антиамериканских операциях. Италия силой заставила Вьетнам уступить бóльшую часть своей территории. Мексика благодарна Америке за любую возможность свободной торговли, которую та ей великодушно предоставляет. Саид утверждает, что мир возможен только

между равными. Будь это так, Америка сейчас должна воевать со всем миром.

К евреям предъявляются более высокие требования, чем к арабам

Саид говорит о равенстве только тогда, когда оно выгодно палестинцам. К евреям он предъявляет гораздо более жесткие требования, чем к арабам. Нападения еврейских партизан или вооруженных бандитов в арабском Дир-Ясине он называет «зверствами „Хаганы“», при этом молчит о постоянном грабеже израильских конвоев в осажденный Иерусалим или избиениях и убийствах гражданского персонала жителями деревень, в которых жили арабские партизаны. Не осуждает он убийство арабами целой группы врачей и медсестер, которые во время упомянутой осады направлялись в больницу «Маунт скопус». Арабы вырезали гражданское население захваченных кибуцев. За четыре месяца после опубликования резолюции ООН о разделении арабы убили 850 еврейских мирных жителей. Но пресса относится к палестинцам куда более снисходительно. Варваром быть выгодно: палестинцы имеют право вести себя как угодно бесчеловечно, но израильская армия должна отвечать высочайшим этическим требованиям¹⁴¹.

Примеров предвзятости Саида слишком много, чтобы перечислить их все. Он вопрошает: как ливанский народ может простить Израиль за двадцатилетнюю оккупацию? Наверное, точно так же, как израильтяне простили ливанцев за

¹⁴¹ Этот двойной стандарт существует даже в израильской судебной системе.

Генеральный прокурор не стал возбуждать дело против арабов, которые убили Баруха Гольдштейна, предварительно разоружив его. При этом израильский суд осудил еврея, когда он разоружил и убил палестинского террориста.

многолетний обстрел своей территории с северной границы. А простили ли ливанцы палестинцев за религиозные убийства? Не должны ли они быть благодарны израильтянам, которые эти убийства предотвращают?

Саид совершенно произвольно оперирует ярлыками неравенства и шовинизма. Если евреи хотят жить отдельно, разве это шовинизм? Любой человек предпочтет жить в собственном доме, а не в общежитии. Тем более, что евреи вовсе не возражают, когда в Израиль приезжают люди других национальностей. Причина нашего неприятия Палестины не национализм, а документально доказанная враждебность палестинцев к Израилю.

Искажение и подтасовка фактов

Саид говорит, что евреям «можно» иметь суверенитет, а палестинцам – «нельзя». Но по резолюции ООН 1947 года, когда подмандатная территория Великобритании была разделена на два государства, суверенитет получили обе нации¹⁴². Иногда утраченный шанс утрачен навсегда. На чем основаны пресловутые «права» наций? Разве можно отыграть историю назад и исправить когда-то допущенные ошибки? Франция подвела бы больше сил к Ватерлоо, Россия сохранила бы свои границы на момент начала Первой мировой войны, а Израиль не стал бы бунтовать против Римской Империи в 132 г. н. э., и тогда никакой Палестины вообще бы не было.

Некоторые современные государства возникли после

¹⁴² Арабы никогда не требовали создания палестинского государства. Англичане обещали евреям оба берега Иордана, и это обещание было подтверждено во время Второй мировой войны. Палестинцы получили только новообразованное государство Иорданию плюс часть территории, ранее выделенной евреям.

окончания оккупации. Иногда это происходило в результате международного давления, как в случае Польши после Второй мировой войны. Никто не мешает палестинцам стремиться к суверенитету, но с другой стороны, не существует и никакого неотъемлемого права на суверенитет, и Саиду некого винить за утраченные в 1948 году шансы, кроме самих палестинцев.

Саид утверждает, что у арабов и израильтян нет выбора, кроме мирного сосуществования, а военного пути решения проблемы просто не существует. Арабы проиграли все войны с Израилем, и только иррациональная приверженность западным ценностям мешает Израилю выгнать с территорий всех палестинцев, как это сделала Иордания, по ходу убив несколько тысяч из них. И тогда это не вызвало в арабском мире никакого возмущения: арабы восприняли это как небольшое недоразумение, не более того. Арабов беспокоят только те конфликты, в которых им противостоят немусульмане: израильтяне, сербы, русские и т. д. Внутренние конфликты в арабском мире их не волнуют.

Профессор Саид заявляет, что поскольку в 1948 году Палестина уже была заселена, появление государства Израиль лишило палестинцев дома. На самом деле эта территория была заселена крайне скудно и потенциально жить на ней могло гораздо больше людей. Сегодня на этой территории палестинцев живет в несколько раз больше, чем в 1940-х годах – евреев и арабов вместе взятых. Палестинцы просили британскую администрацию остановить наплыв еврейских беженцев, спасающихся от преследований в Европе. Хотя британцы не вняли ни евреям, ни арабам, палестинцам все же удалось сделать так, что британцы начали использовать свою традиционную стратегию поддержки слабой стороны конфликта. Великобритания поочередно поддерживала то евреев, то арабов, причем вторых – чаще, поскольку евреи были сильнее. В

конечном итоге власти мандата сильно ограничили еврейскую иммиграцию.

По словам Саида, в палестинских судах нет ни свидетелей, ни защитников, ни прессы из-за давления со стороны Израиля и США. Да неужели? И в Израиле, и в США действуют все надлежащие судебные процедуры. А вот палестинские суды основаны на судебной системе бывшего Советского Союза.

Для доказательства нужных тезисов Саид изменяет существующие значения слов. Он утверждает, что вторжение Израиля в Ливан не было связано с северной границей, а его единственной задачей было нанести поражение ООП. Однако вся проблема с ООП в том и состояла, что боевики этой организации обстреливали израильские города с ливанской территории через северную границу. Конечно, ливанская война не была строго оборонительной в узком смысле этого слова, но она была таковой в том смысле, что стала ответом на агрессию.

Автор использует подобный метод не один раз. Так, он говорит, что Израиль является единственной ближневосточной державой, обладающей наступательными военно-воздушными силами и ядерным оружием. Но как же насчет Египта? Возможно, он относит Египет к Африке, хотя де-факто он является одним из ключевых ближневосточных игроков. Хорошо, но ведь Сирия и Саудовская Аравия тоже содержат крупные ВВС. Для Саида сам факт обладания авиацией достаточен, чтобы объявить страну агрессором, что он и делает по отношению к Израилю. Однако Израиль использует свою авиацию исключительно для обороны, поскольку у него нет глубины обороны и он не может вести войну на своей территории. Израильская авиация вынуждена действовать на территории противника, ввиду чего в ее состав входит много дальних, скоростных и маневренных бомбардировщиков, обычно относящихся к наступательным видам ВВС. С другой стороны, в

большом числе истребителей у Израиля необходимости нет, поскольку его пилоты обычно превосходят противника с соотношением 10 к 1.

Саид утверждает, что Израиль – единственная ближневосточная страна, которую «полностью поддерживает единственная мировая сверхдержава». В действительности ни одна страна мира не получает от Америки больше помощи, чем Кувейт и Саудовская Аравия, которые американцы поддерживали и даже воевали на их стороне. Когда Иордании угрожала Сирия, Америка через Израиль вмешалась в конфликт на стороне первой. Америка оказывает существенную военную помощь Египту. Американо-израильские отношения не настолько экстраординарны, как часто принято считать. Еще совсем недавно арабские страны получали колоссальную поддержку от другой мировой сверхдержавы. Советский Союз строил гражданскую инфраструктуру и поставлял оружие в Египет, Сирию, Ирак и ООП. Арабы вовсе не беспомощные сироты, которым угрожает племянник Дяди Сэма.

Саид пытается доказать, что между бульдозером и бомбой не существует никакой разницы. Жители еврейских городов на ливанской границе прекрасно знают, что такое взрывы, и они весьма отличаются от бульдозера. Когда Саид говорит о «выселенной палестинской семье», он имеет в виду жилище террориста. «Палестинцы под комендантским часом» – это жители населенного пункта, где происходят массовые беспорядки или террористическая деятельность. «Молодые мужчины и женщины, томящиеся в израильских тюрьмах» – это члены или активные сторонники незаконных бандформирований. Термин «убитые в резне» вообще лишен смысла, поскольку в Палестине Израиль убивает только бунтовщиков, террористов либо находящихся рядом с ними гражданских лиц. Саид возмущается, что палестинцы «лишены

права сопротивляться оккупационной политике». Но такого права и не существует. Более того, было бы весьма странно, если бы Израиль снабжал Палестинскую автономию медикаментами, услугами, работами и всевозможными правами, но при этом терпел насильственные акции протеста и бунты.

Саид сравнивает Палестину с Боснией, хотя и замечает, что в Боснии резня мирного населения имела место, а в Палестине – нет. Но он говорит иначе: в Палестине ежедневно происходит *нечто вроде* резни. Да, иногда израильтяне могут разрушить дом террориста или выселить несколько человек, но в общем и целом Израиль очень сдержанно отвечает на теракты. По словам Саида, Израиль ежегодно разрушает пятьсот зданий, занимает одну квадратную милю земли и высылает около тысячи человек, что составляет меньше 0,1% от всего населения. Саид признает, что даже сами палестинцы не считают все это серьезной формой преследований.

Саид постоянно путается в цифрах. Пик разрушений домов Израилем пришелся на 1997 год, когда было разрушено всего двести домов известных террористов. За 12 лет Израиль разрушил всего 1800 домов, причем еще немало ордеров на разрушение осталось невыполненными, погрязнув в судебной волоките. Нет, израильтяне далеко не бульдозерные маньяки, какими хочет представить их Саид.

Израильские меры безопасности он называет «беспощадной навязчивой идеей... преувеличением». Но по стандартам вооруженного конфликта израильские меры безопасности весьма терпимы и даже неадекватны, что видно по непрекращающейся партизанской войне с мусульманами.

Саид осуждает британский уголовный кодекс от 1936 года за «карательные меры против палестинского сопротивления». Но что это было за «сопротивление»? Банды палестинских преступников рыскали по всей стране, убивали евреев, жгли их

деревни и поля, в результате учинив крупнейшую резню евреев в Палестине со 135 года н. э., крупнее первого крестового похода. И Саид явно одобряет это «сопротивление».

Некоторые сложные проблемы, которые Саид приписывает злой воле Израиля по отношению к палестинцам, на самом деле имеют объективные причины. Он пишет, что Израиль не дает арабским крестьянам достаточно воды. На самом деле при Израиле у арабов стало еще больше воды, чем у них было в 1948 году. Более того, в этом регионе достаточного количества воды нет ни у кого по причине постоянно растущего арабского населения. Евреи применяют технологии рационального использования природных ресурсов, а арабы в основном эксплуатируют примитивные, низкоэффективные методы орошения. Воды на всех просто не хватает. Вместо того чтобы обвинять Израиль, арабы должны начать осваивать аграрные технологии.

Ложь

Саид утверждает, что Великобритания занималась разжиганием сионизма. Пусть он скажет это тем евреям, которых англичане убили в Палестине, или десяткам тысяч беженцев в концлагерях, которым был запрещен въезд в Палестину, чтобы не возмущать арабов. Лондон играл на балансе сил, помогая слабой стороне – иногда евреям, но чаще арабам, историческим союзникам англичан против Франции и Турции.

В книге профессора Саида мы порой встречаем удивительные заявления, например что в 1948 году арабские армии не собирались уничтожить Израиль. Но ведь они ясно говорили, что собирались сделать именно это. Тот факт, что иорданская армия остановила продвижение на Западном берегу, встретившись с ожесточенным сопротивлением евреев, и

согласилась подписать тайное сепаратное соглашение, не меняет ее первоначального намерения. Причиной остановки арабских армий было сопротивление евреев, а не какая-то ограниченная платформа арабов. Да и о какой «ограниченной войне» могла идти речь? Евреи заявляли свои права только на ту территорию, которую выделила им ООН, а арабы хотели отнять у них ее.

Саид пишет, что после 1948 года «каждый крупный лидер просил о мире, но получил от Бен-Гуриона отказ». Однако пятьдесят пять лет спустя большинство арабов категорически отвергают мир с Израилем. Арабские лидеры обратились против Садата, когда он подписал с Израилем мирный договор. Саид замечает, что некоторым реалистичным арабским лидерам, в основном Египта и Иордании, так и не удалось убедить свой народ нормализовать отношения с Израилем. Мало того, что он это замечает, он сам не поддерживает идею нормализации.

Саид замечает, что Израиль сегодня требует от палестинцев большего, но молчит о том, что с 1970-х годов Израиль делает палестинцам все новые и новые уступки. Когда-то он категорически отвергал любое самоопределение палестинцев, а сегодня он дает им автономию все возрастающих размеров. Израиль терпит непрекращающийся палестинский терроризм. Несколько лет назад ответом на терроризм было бы вторжение и высылка лидеров, а сегодня это новые уступки и очередные переговоры.

По словам Саида, нигде в мире люди не обязаны пройти семь кругов ада, чтобы получить разрешение построить дом на собственной земле. Этим он противоречит другому своему утверждению, что арабы не имеют право владеть землей. В действительности строительные разрешения существуют в любой цивилизованной стране. Конечно, это не совсем то, к чему палестинцы привыкли в своих примитивных деревнях до 1948 года, но что ж, придется привыкать, так функционирует

современное государство. Получать разрешения нужно и евреям, и арабам. Зато израильское правительство откровенно игнорирует массированную незаконную застройку в арабских деревнях.

Беженцы: двойные стандарты для еврейских и палестинских беженцев

Требование палестинской государственности и одновременно права на возвращение для «беженцев» подразумевает двойной стандарт. Палестинцы получают выбор между этнически однородным государством без еврейских поселений либо экономически привлекательным Израилем. Однако никто не требует, скажем, от Ирака впустить евреев как законных граждан и выплатить им компенсации за имущество, оставленное их предками. Многим не нравится идея Израиля как строго еврейского государства, но ведь палестинцы не хотят видеть евреев в своем, палестинском государстве. Та же извращенная логика применяется и к поселениям: еврейских селений в территориях быть не должно, даже в религиозно значимых районах, зато арабы должны иметь право контролировать мусульманские святыни Иерусалима вплоть до Храмовой горы, краеугольного камня всего иудаизма.

Саиду не нравится небольшое еврейское поселение в Хевроне из 450 человек, которые, по его словам, «должны уехать». Между тем для религиозных евреев Хеврон приобрел огромную значимость три тысячи лет назад – а не тридцать лет назад, когда палестинцы вдруг начали ценить Иерусалим.

Саид говорит, что Израиль должен извиниться за все беды, причиненные палестинцам. От арабов же он не ждет извинений за все, что они причинили евреям до образования государства в 1948 году. Он скорбит о погибших палестинцах, но оправдывает

убийства евреев палестинцами до 1948 года, в Войну за независимость, в Войну на истощение, в пограничных обстрелах, в терактах. Если кто-то и должен получить компенсации за человеческие и материальные жертвы, так это Израиль.

По словам Саида, Израиль не просто должен вернуть палестинцам территории, но еще и сделать это «в духе смирения и примирения». Представьте, что Мексика предъявила бы подобное требование к США. Саид готов «признать Израиль в нашей [арабской] среде» при условии удовлетворения его, Саида, «основных претензий». Это бессмысленное бравирование побежденного противника. Палестинцы не смогли решить поставленные задачи военными средствами и теперь хотят решить их, взывая к морально-этическим ценностям евреев.

Большинство палестинцев не хотят возвращаться в Израиль

Все разговоры о праве на возвращение для правнуков и других родственников беженцев служат лишь пропагандистским целям. Они живут чуть ли не по всему миру, и почти никто из них не хочет возвращаться. Посмотрите, как остро в США стоит проблема нелегальной миграции из Мексики, Азии, Восточной Европы и других стран. Это показывает, что когда люди хотят иммигрировать в какую-то страну, они находят для этого массу обходных путей: браки, дети, трудовые визы, переходы через границы и т. д. В случае бывших израильских палестинцев мы не видим ничего подобного. Более того, Израиль не возражает, если они вернутся в территории. Если у них есть национальные амбиции, они уже давно могли бы вернуться в Палестинскую автономию. Евреи в свое время иммигрировали в Палестину в гораздо худших условиях. А арабы – нет.

Саид утверждает, что бездомных беженцев насчитывается

четыре миллиона – больше, чем все население Палестины в 1948 году. Непосредственно эмигрировало от 200 до 600 тысяч человек, многие из которых быстро освоились в других странах. Но резкий рост условий жизни в палестинских поселениях, финансируемых США, привел к демографическому взрыву. Почему Израиль должен предоставлять им всем жилье? Они вовсе не бездомные, условия их жизни лучше, чем у их бабушек и дедушек до изгнания и многих жителей других арабских стран сегодня. Назвать их бездомными в духовном смысле тоже нельзя, поскольку они живут в каких-то километрах от родины их дедов. Да и как Израилю принять всех этих людей, если это сразу же удвоит его население?

По словам Саида, любой (!) молодой палестинец хотел бы жениться на американке и эмигрировать. Это дополнительное подтверждение тому, что население лагерей вовсе не патриоты, и если что-то и мешает им уехать, так это недостаток образования и трудовых навыков. Саид признает, что Израиль многое сделал для решения проблемы беженцев, выдавая им деньги и решая проблемы с визами арабских и латиноамериканских стран.

Потомки беженцев не беженцы

Некоторые называют «беженцами» всех палестинцев, однако беженец – это тот, кого вынудили уехать, но никак не его потомок в третьем поколении. Точно так же неправомерно называть рабами всех афроамериканцев. По логике Саида, право на возвращение должны получить потомки еврейских беженцев, оставивших Иерусалим в 70 и 135 годах н. э. Евреи должны будут вернуться в Испанию, Германию, Англию и во множество других мест вплоть до Мекки, причем еще и получить компенсацию за имущество.

С 1948 года прошло больше полувека. Палестинцы, родившиеся в других местах, не являются беженцами из Палестины. В отличие от имущественного права, гражданство является индивидуальным и не передается по наследству¹⁴³.

Для права на возвращение нет законного основания

Саид утверждает, что принципы международного права каким-то образом требует возвращения палестинских беженцев. В международном законодательстве нет ничего, что можно толковать как право въехать в какую-либо страну лиц, которые никогда не были ее гражданами, только на том основании, что их деды были беженцами из этой страны. По этой логике евреи могут потребовать имущество и гражданство почти всех стран Старого Света. Многие беженцы уже приняли гражданство других стран и присягнули им на верность, причем эти страны враждебны Израилю. Получается, что они либо неверны своему новому отечеству, либо хотят обмануть Израиль. Ни от какого государства нельзя требовать предоставить гражданства мятежным чужакам.

Право на компенсацию

Когда в 1991 году украинцы пытались вернуть от англичан два барреля золота, который их правитель двести с лишним лет

¹⁴³ Возможно, о наследственном праве для гражданства имело бы смысл говорить в том случае, если бы оно подлежало купле-продаже, однако это не так. Государства выражают национальность в метафизических терминах, для них это личное право, а не обладание чем-либо. Некоторые государства предоставляют гражданство детям своих граждан, родившихся за границей, но ведь палестинские беженцы никогда и не имели израильского гражданства.

назад якобы оставил в английской казне, их подняли на смех. Ни одна страна мира не в состоянии платить сложные проценты¹⁴⁴, а без них имущество палестинцев 1948 года не стоит даже бумаги для договора. При этом мы еще не затрагиваем куда более сложную проблему поиска этого имущества, определения его стоимости и выявления возможных наследников.

Саид произвольно заявляет, что общая сумма компенсаций составляет не один миллиард долларов. С одной стороны, для Израиля это не слишком большая сумма; с другой стороны, сама эта цифра – чистой воды вымысел, поскольку общее имущество нескольких сот тысяч бедных палестинских беженцев никак не могло превышать пару десятков миллионов¹⁴⁵. Сами евреи оставили в арабских странах не меньше. Евреи поселились в домах, оставленных арабами; арабы могли бы сделать то же самое. Саид включает в свои расчеты цену на землю и искажает факты. До 1948 года евреи выкупили лишь 6% территории Израиля, но в эту цифру входила большая часть пахотной земли; остальное составляли пустыни, болота, непахотные холмы либо

¹⁴⁴ Если начислить проценты на те 60 гульденов, что европейские поселенцы заплатили американским индейцам за Манхэттен, то сейчас, по истечении нескольких веков, итоговая сумма превысила бы совокупную стоимость всей недвижимости острова.

¹⁴⁵ Для полукочевых африканских семей, сопоставимых с палестинцами по уровню жизни, несколько сот долларов очень большая сумма. Таким образом, имущество среднестатистического палестинца находится в районе ста долларов. Сегодня среднедушевой показатель ВВП в Палестине составляет 800 долл., что примерно подтверждает эти расчеты. Цену земли включать нельзя, потому что Израиль не предоставлял палестинцам право собственности на землю. Но даже если учитывать цену земли, в 1948 году она была совершенно незначительной; дальнейший рост цен на землю обусловлен возделыванием, осуществленным евреями. Беженцы брали с собой только личные вещи и скот.

ником не занятая земля. На то время эта земля стоила гроши. Если со временем она подорожала, то только благодаря достижениям евреев в сельском хозяйстве. После 1948 года евреи купили еще больше земли, и еще какие-то незанятые территории мы получили от ООН. Если Саид признает юрисдикцию ООН, он не может требовать ту землю, которую Израиль получил от ООН.

Саид пишет, что после 1948 года Израиль захватил *всю* Палестину, кроме Западного берега и Газы. На самом деле это лишь *половина* Палестины – ровно столько, сколько мы получили от ООН.

Саид начинает с требований равенства и гуманного обращения и заканчивает компенсациями – не только беженцам, большинства из которых уже нет в живых, но и их многочисленным потомкам. Никогда в истории победитель, отразивший вторжение агрессора (в 1947 году арабы напали на законно созданное государство Израиль), не выплачивал компенсации побежденной стороне или ее сторонникам. Саид приводит пример Ирака, выплатившего репарации Кувейту, но Ирак и сам был агрессором, и проиграл войну. Саид настаивает, чтобы компенсации получили даже палестинцы, живущие за границей. По этой логике, евреи должны требовать компенсаций от Италии, Испании и многих других европейских стран, а также от самих арабов, которые веками угнетали евреев и несколько раз их выселяли. Увы, для таких компенсаций просто нет законных оснований. Ситуация с Германией стоит особняком, потому что Германия совершила неслыханные злодеяния, несопоставимые с переселением палестинцев. Евреи приняли эти компенсации, потому что немцы предложили их сами, как жест доброй воли, а не в обмен на что-либо. Сами израильтяне никогда не требовали ни у кого компенсаций, как делает Саид.

Побежденный агрессор не может выставять требования

Арабы забывают, что они проиграли войну 1948 года, которую сами же начали с целью изгнать евреев из региона, поэтому требование равноправия сегодня звучит абсурдно. Побежденные не могут ничего требовать. Однако Саид требует не только равенства. По его мнению, «многие требования [палестинцев] не выполнены». Его не интересует, что евреи тоже оставили в арабских странах имущество. Он не думает о колоссальных человеческих и экономических потерях, понесенных Израилем для отражения арабской агрессии и создания стратегических сил сдерживания. То, что беженцы были гражданскими лицами, совершенно неважно, поскольку многие арабские селяне прятали партизан, всячески им помогали, вместе с ними воевали и грабили израильские поселения. Когда палестинские банды разрушили еврейские поселения в 1930-х годах, евреи не ушли с этих земель и сейчас не требуют никаких компенсаций, хотя имеют полное право на это, хотя бы как контраргумент на претензии палестинцев. А палестинцы в 1948 году решили стать беженцами, хотя в их ситуации опасность была гораздо меньше.

Для придания дополнительного веса своим аргументам Саид не только игнорирует тот факт, что до 1947 года палестинская экономика ушла недалеко от железного века, но искажает целый ряд фактов. Он пишет, что Израиль узурпировал Палестину и уничтожил палестинское общество. В действительности это палестинцы пытались уничтожить законно образованное израильское государство. Израиль смог вернуть часть своих территорий лишь через девятнадцать лет, в ходе многолетнего конфликта, за время которого Палестина превратилась в плацдарм терроризма. Вряд ли найдется другая страна, которая так же мягко обращалась с коренным населением, как Израиль.

Израиль не оспаривает право арабов на имущество в тех случаях, когда оно действительно обоснованно. Сегодня даже в самых дорогих районах Израиля можно увидеть пустые участки земли, принадлежащие арабам, которые уехали отсюда десятки лет назад. Из-за общего развития местности их цена резко возросла, однако они по-прежнему ждут своих законных хозяев. Любая другая страна уже много лет назад конфисковала бы такие участки, хотя бы из-за неуплаты налогов. Но евреям свойственен легализм, и если у арабов есть хоть малейшее право на какую-то собственность, еврейские адвокаты сразу же начинают защищать их права.

Итак, на собственность арабов в Израиле никто не покушается. Восстанавливать попросту нечего. Арабские беженцы не оставили после себя почти никакого имущества, и оно в любом случае меньше, чем оставленное еврейское имущество в арабских странах¹⁴⁶.

Поселения

Саид дает понять, что главной помехой для мира являются еврейские поселения. Но эти поселения появились только во второй половине 1970-х годов, а свою нынешнюю остроту этот вопрос приобрел только после того, как у палестинцев не осталось других поводов для требований. Сегодня они требуют изгнать евреев из еще не созданного палестинского государства. Даже Саид понимает, что настоящая проблема вовсе не поселения, поскольку они появились уже после овладения

¹⁴⁶ Хотя иногда можно услышать, что израильтяне сами спровоцировали враждебность, чтобы вызвать иммиграцию, настоящие преследования тоже были, например в Ираке. Только страх заставил евреев бежать из арабских стран, а арабов – из Палестины. В обоих случаях это была реакция на пропаганду, а не на реальные преследования.

Израилем Западным берегом. Что мешало заключить мир до 1967 года, как эта территория принадлежала арабам? Арабы не хотели мира ни до, ни после появления поселений. Если тут и есть какая-то связь, то она скорее противоположна: палестинцы начали говорить о мире только под давлением поселений.

Саид интерпретирует нейтральные факты как угрозу и ущерб со стороны Израиля. Какой вред палестинцам от сети дорог, что Израиль построил между поселениями? Для развитой экономики нужны дороги. Саид пишет, что дороги «лишили палестинцев возможности управлять своей собственной территорией». Но почему, по какой причине? Саид называет израильскую привычку строить дороги «манией». Из-за того, что Израиль контролирует собственные дороги, палестинцы объявляют их «внутренними границами». Конечно же, дороги никоим образом не покушаются на палестинский суверенитет.

Автор сокрушается по поводу «гигантских строительных проектов, изменяющих географию Палестины». Евреи составляют 8% от населения Палестины. Израиль не обвиняет палестинцев, составляющих 15% своего населения, в изменении географии цветущих пустынь, созданных руками евреев.

Палестинская автономия отказывает евреям в праве на возвращение

По словам Саида, в Хевроне евреи притязают на «четырнадцать еврейских построек, датируемых временами Ветхого Завета, но более не существующих». Эти «постройки» включают то, что и ортодоксальные евреи, и арабы считают гробницей патриархов, причем евреи согласны жить во враждебном окружении только для того, чтобы быть рядом с ней. Сами арабы требуют свободный доступ к мечети аль-Акса и даже права ее контролировать, а также селиться в Иерусалиме,

но при этом хотят выгнать евреев из Хеврона.

Определенная автономия в своих поселениях у евреев есть, но она не больше той, что в прошлом мусульмане предоставляли для дхимми: самоуправление внутри общин, решение внутренних судебных дел¹⁴⁷, право ношения легкого оружия для самообороны – все это никак не ущемляет юрисдикцию Палестины над еврейскими поселениями. Любые права поселенцев ограничены границей поселения. Арабы хотят именно выселить евреев, а не просто распространить над их поселениями свою юрисдикцию или сделать их арабскими.

В Израиле палестинцы пользуются точно такой же автономией, и ее никто не оспаривает. Центральное правительство почти не вмешивается во внутренние дела деревень, где традиционно заправляют местные аристократы и советы старейшин. Израильские арабы имеют свободу самоуправления, могут свободно отправлять свою религию, посещать мусульманские святыни в Израиле. Большинство израильтян относится к ним терпимо, они никак не ограничены в области бизнеса и трудоустройства. Им нельзя носить оружие, но это и необязательно, поскольку им никто не угрожает.

За исключением нескольких случаев, еврейские поселенцы никогда не подстрекали к насилию против палестинцев. Как вообще несколько евреев среди миллионов арабов могут причинять им проблемы? По словам Саида, «злые поселенцы делают что хотят с незащищенными гражданами». Если взять палестинские спецслужбы и вооруженных террористов, то вместе взятые они превосходят числом взрослых поселенцев. Сегодня палестинцы вооружены до зубов и не более «беззащитны», чем иная страна третьего мира.

¹⁴⁷ В прошлом мусульманские суды ведали всеми уголовными делами, в том числе и когда все стороны относились к дхимми, но это не актуально в случае религиозных общин, в которых почти отсутствует преступность.

Расизм и подстрекательство

Саид обвиняет Израиль в антиарабском расизме. Странно слышать подобное от человека, который сам признается в «наших [арабских] расовых предрассудках». Конечно, немногие евреи любят арабов, но это не идет ни в какое сравнение с отношением арабов к евреям: посмотрите, что пишут на плакатах на демонстрациях, о чем говорится в арабских газетах, в школьных учебниках, что хулиганы пишут на стенах – сколько откровенной ненависти и самой яростной антиизраильской риторики. Саид тоже замечает, что арабы не хотели налаживать отношения даже с евреями-антисионистами, когда те хотели поучаствовать в арабской конференции. Лидеры общественного мнения Египта – страны, которая уже четверть века находится с Израилем в мире, – до сих пор редко посещают нашу страну, и вовсе не потому, что у нас им не рады. Сравните это с тем, как вольготно сам Саид чувствовал себя в Израиле, арендуя залы и привлекая на свои выступления враждебную к Израилю аудиторию. В мире найдется немного столь же толерантных стран.

Хотя Саид постоянно осуждает израильский эксклюзивизм, ему, видимо, неизвестно, что уровень ксенофобии в арабских странах гораздо выше. Скажем, в Кувейте и ОАЭ отказывают в гражданстве не просто тем, кто родился в этой стране, но даже их правнукам. Выходит, в эксклюзивизме нужно обвинить любую страну, в которой существуют иммиграционные ограничения или законы которой различают граждан и иностранных гостей.

В другом месте Саид признается, что арабские страны сами не лучше Израиля, что в них процветает «почитание чистой силы, слепое повиновение власти, пугающая ненависть к другим людям». Он справедливо замечает наличие в арабском

менталитете «растущего антисемитизма», что в арабских странах происходят «политические неудачи и нарушения прав человека», что часто их политика «обезображена дискредитированными идеями». И как же Израиль должен вести себя в таком окружении? Сочувствовать таким людям, относиться к ним как к равным, или же разоружать их?

Профессор Саид дает понять, что именно израильский эксклюзивизм толкнул ливанцев к религиозной войне, что израильское военное присутствие вызвало в Ливане волнения, тогда как на самом деле армия вторглась в Ливан, чтобы остановить гражданскую войну, угрожающую израильским границам. Ливанская гражданская война началась только после прибытия ООП. Когда эту организацию изгнали из Иордании, она нарушила хрупкий баланс сил в Ливане. Вмешательство Сирии только обострило и продлило конфликт. Израиль воспользовался возможностью отогнать ООП от своих границ и создать в Ливане, полном оружия и террористов, зону безопасности. Израиль совершенно оправданно поддерживал Армию Южного Ливана. Если кто-то и несет ответственность за насилие в Ливане, то только сами палестинцы.

С точки зрения Саида, высылка палестинцев из Израиля в 1948 году была этнической чисткой, что в какой-то мере уподобляет израильтян нацистам. Однако евреи тогда едва спаслись от Катастрофы, и теперь им угрожал не менее страшный враг – арабы, пообещавшие сбросить их в море, а не просто упразднить израильскую юрисдикцию.

Еще в начале двадцатого века евреи хотели иметь собственное государство, предпочтительно без арабов, яростно противостоявших еврейским поселениям в Палестине. Это было задолго до обострения арабо-еврейских отношений. Выселение арабов¹⁴⁸ было не столько продуманной государственной

¹⁴⁸ Что было сделано почти без насилия, в отличие от арабских бунтов 1940-х

политикой, сколько спонтанной реакцией израильской армии с целью избавиться от враждебных элементов. Когда в Израиле проживает (и прекрасно себя чувствует) миллион неевреев, довольно сложно называть эту страну расистской.

Похожие действия могут сильно отличаться друг от друга, если у них разные причины. Во Вторую мировую войну русские и немецкие солдаты убивали друг друга, но первым мы находим оправдание, вторым – нет. Нацисты не переселяли евреев в Швейцарию или Палестину, а убивали их. В 1940-х годах арабы устраивали погромы из чистой ненависти. Многие страны, например Сирия и Ирак, запрещали евреям эмигрировать в Израиль, поскольку стремились не просто выселить евреев, а именно уничтожить. Израильтяне же выселяли арабов из ясного стремления создать идеологически и этнически однородное государство без враждебных элементов.

Израильское правительство косвенно поощряло высылку арабов, но даже если бы оно этого не делало, арабы сбежали бы сами. Они прекрасно знали, что арабские правительства не смогли остановить банды арабских погромщиков, и боялись, что в еврейском государстве будет то же самое. Правительство Бен-Гуриона при всем желании не смогло бы помешать радикальным боевым группировкам изгнать из Израиля арабов.

При изучении военных конфликтов обычно подсчитывают жертвы среди гражданского населения, однако есть и другие виды потерь, помогающие лучше понять цели воюющих сторон. Скажем, если русские имели больше моральных прав убивать немецких солдат, чем наоборот, то изнасилование одинаково недопустимо с обеих сторон (если, конечно, другая сторона не

годов, когда тысячи евреев были убиты, а многих выживших жестоко избивали. Израильтяне крайне редко совершали подобное в отношении арабов. Число еврейских беженцев после этих бунтов составило 900 тысяч, что больше арабских и в абсолютном, и в относительном исчислении.

заслужила справедливого отмщения). Если рассматривать подобные нелетальные преступления, то арабы в своих странах и разгромленных израильских городах совершили их многократно больше против евреев, чем евреи – против арабов. Несколько случаев еврейского насилия меркнут на фоне огромного числа арабских бесчинств.

История сохранила забавный случай, показывающий, что победители часто оцениваются по более высоким моральным критериям, чем побежденные. Во время американской оккупации Японии генерал Макартур казнил двух американских солдат за изнасилование японских женщин, тогда как японские солдаты содержали целые бордели с филиппинскими и корейскими сексуальными рабынями, и это сходило им с рук. Мировое общественное мнение требует от евреев больше, чем от арабов; евреи на это требование реагируют, арабы – нет, смело убивая гражданское население.

Саид называет поселенцев «сумасшедшими» и «религиозными фанатиками». Действительно, это ревностные люди. Кто еще способен оставить комфорт цивилизации, чтобы осваивать пустыню на ее задворках? Однако при этом еврейских поселенцев отличает бóльшая степень самообладания, чем их арабских соседей. Евреи будут защищать свои города, но очень немногие из них готовы убивать мирных арабов для решения политических задач, хотя палестинцы свободно применяют эту тактику против израильтян.

Саид любит термин «историческая Палестина». Раз уж мы говорим об исторических корнях, то неизбежен и вопрос об историческом Израиле. У евреев очевидно больше прав на эту землю, чем у арабов, большинство которых еще несколько поколений назад были кочевыми бедуинами. Между тем евреи жили в Иерусалиме всю историю, часто они составляли основную часть его населения. Совершенно ошибочно утверждать, что

арабы жили в этой земле девятнадцать веков. Это были другие арабские племена, ведущие кочевой образ жизни. Ни одна конкретная однородная группа не жила на этой территории дольше евреев, ни одно арабское племя никогда не придавало этой земле никакого значения до появления в двадцатом веке палестинского национализма.

Термин «историческая Палестина» имеет и другой подтекст, связанный с палестинским государством. Такого государства не существовало никогда, до резолюции ООН от 1947 года понятие палестинского суверенитета никем даже не обсуждалось. Если руководствоваться историческими соображениями, у палестинцев нет права на суверенитет; самое большее, что можно им позволить, это право жить на территории Израиля. Еще несколько десятилетий назад не существовало даже палестинского этноса – это исключительно изобретение современных националистов. Они не имеют права даже на это название, образованного от библейских филистимлян. Впервые на международной арене идея палестинской государственности возникла во второй половине 1970-х годов.

Саид твердо убежден, что главной задачей Израиля является не безопасность своих границ, а истребление палестинцев. Именно с этой целью, как он утверждает, была затеяна война 1967 года. Это смехотворное утверждение, потому что на тот момент палестинской проблемы вообще не существовало. Ни один арабских лидер не говорил о палестинском государстве ни тогда, ни еще десять лет после того.

Палестинский национализм

Читая книгу Саида, в какой-то момент начинаешь понимать,

что его видение палестинского национализма не соответствует настроениям простых палестинцев. Он предпочитает национализм фундаментализму, тогда как многие палестинские радикалы именно фундаменталисты. Он не либерал; по его мнению, доктрина гражданства должна вытеснить национализм, и потому он требует израильского гражданства для палестинцев, поскольку многие из них хотели бы жить в Израиле. Согласимся, это происходит во всем мире. Мексиканцы отказываются от национализма ради лучшей жизни и эмигрируют в США. Но где же ответные шаги, позвольте спросить? Очень немногие арабские страны натурализуют даже мусульманских иммигрантов, не говоря уже о евреях. Многие арабы хотят жить в Израиле, но мало кто из евреев хочет жить в арабских странах. Уже поэтому невозможна взаимная политика в области гражданства.

Обвинения против США

По словам Саида, американцы питают к арабам «смертельный страх и ненависть». Подобное утверждение звучало бы естественно в устах иранского фундаменталиста, но Саид является профессором крупного американского университета. Ежедневно общаясь с американцами, он не может не знать, что ничего подобного они к арабам не испытывают. В американское общество интегрированы миллионы арабов, осознанно принявших новую национальность. Саид сравнивает якобы ненависть к арабам американцев с терпимым к ним отношением в Индии, хотя именно в Индии, а не в Америке, в этнических конфликтах гибнет множество мусульман. Саид говорит, что ксенофобию и нетерпимость арабы переняли у евреев. Но разве не арабы изобрели понятие джихада – высшую форму нетерпимости к неверным? Разве не они придумали

статус дхимми для евреев и христиан? Даже до Бальфурской декларации 1917 года палестинцы едва мирились с проживающими в Палестине европейскими евреями.

Фактически политика США является проарабской. Ни одна демократия никогда не поддержит идею уничтожения Израиля, и США, конечно, в этом арабов не поддерживают. В 1973 году Америка поддержала Израиль против арабской агрессии, но как только опасность миновала, запретила Израилю продолжать продвижение по территории противника. Америка заставила Израиль отдать Египту Синай взамен на ненадежное соглашение, а Голанские высоты – вообще ни за что. Следующее американское правительство могло бы окончательно разрушить надежды палестинцев на государственность, перестав оказывать помощь Палестине и ее арабским сторонникам или пригрозив натравить на них Израиль, – но вместо этого оно лишь еще больше разогрело эти надежды. Американские субсидии арабским государствам, – как прямые платежи, так и военная защита, – намного превосходят любую помощь Израилю. Если считать в подушевом выражении, то Кувейту американцы помогают гораздо больше, чем Израилю. Близость США и Израиля в моральной и политической плоскости обусловлена двумя фактами: евреи хорошо интегрированы в американское общество, а Израиль является единственной демократией на Ближнем Востоке. Американцы поддерживают Израиль лишь морально, но материально сотрудничают в основном с арабами.

Саид называет лицемерием антитеррористическую риторику американцев, потому что Америка не обращает внимание на преследование курдов в Турции. Однако арабы спонсируют и распространяют терроризм по всему миру, напрямую угрожая американской стратегии, направленной на стабильность¹⁴⁹, тогда как курдская проблематика целиком

¹⁴⁹ Как мировой арбитр баланса сил Америка специально поддерживает

является внутренним делом Турции. Пока еще в Турции не было массовых убийств курдов, как в Ираке. Когда война в Чечне начала серьезно сказываться на жизни мирного населения этой республики, Америка не замедлила покритиковать своего российского партнера. Войну в Персидском заливе 1991 года Саид называет «в высшей мере жестокой». Это просто смешно, потому что в той войне американцы продемонстрировали высшую степень заботы о мирных иракцах. Все эти обвинения Саида куда лучше подходят для ООП, которая обстреливает пограничные израильские города и взрывает автобусы со школьниками.

Требование сочувствовать палестинцам

Саид пишет, что израильтяне должны сочувствовать палестинцам. Разве нормально сочувствовать заклятым врагам? Заслуживают ли палестинцы симпатии израильтян? Ни один палестинец никогда не выступал в защиту прав тутси, курдов, русских евреев, никто из них не протестовал против арабского вторжения в Израиль в 1948 году и в других случаях. Почему Израиль должен сочувствовать арабам?

Саид утверждает, что палестинцы слабы и нуждаются в помощи, однако к их услугам все ресурсы мусульманского мира, пусть и номинально. Войну 1948 года Израиль выиграл самостоятельно. Палестинцы ни в чем не слабее, им лишь недостает решительности, поскольку большинству из них просто не интересны вопросы земли и государства. Даже Саид

некоторую долю нестабильности, при которой все члены потенциального конфликта примерно равны по силе и все так или иначе зависят от Америки, при этом не требуя ее прямого военного вмешательства. Когда же конфликт становится асимметричным, значимость США как арбитра снижается.

признается, что последний раз он был в Палестине в детстве. Арабы начинают взывать к морали только тогда, когда им не удастся решить дело силой.

Если израильтяне готовы сражаться и умирать за свою землю, палестинцы предпочитают только просить и жаловаться на свою долю «народа без родины». Но в данном случае совершенно неважно, есть у них земля или нет. Ни один араб не встал на защиту древнего Израиля от Селевкидов или римлян. Ни один араб не защитил лишенных родины евреев, наводнивших Палестину после Второй мировой войны. Ни один араб не помог Америке в борьбе против Великобритании или Мексике – против Америки. Возможно, Израиль является самым законно образованным государством за всю историю, если учитывать все факторы: исторические предпосылки, приобретенные земельные участки и правовой акт мирового сообщества, выполненный с минимальным по историческим меркам применением силы.

Ошибки в военных вопросах

Профессор Саид обеспокоен тем фактом, что на Ближний Восток приходится свыше 40% всех мировых закупок оружия. На самом деле общий объем торговли оружием довольно невысок. Большая часть американского и российского оружия производится для внутреннего использования, поэтому на упомянутые 40%¹⁵⁰ приходится довольно незначительная часть оборота, да и то в основном самые примитивные образцы. Ни у одной страны региона нет каких-то колоссальных военных ресурсов. Даже у Израиля закончились запчасти за две недели

¹⁵⁰ По различным оценкам, военный бюджет Израиля составляет от 5,5 до 10 млрд. долларов, тогда как одна Саудовская Аравия тратит 72 млрд. ежегодно.

войны 1973 года.

Саид не понимает природу израильского поражения в ливанской войне. У Израиля не было четких политических целей, поэтому просто невозможно определить, выполнил ЦАХАЛ свою задачу или нет. С чисто военной точки зрения операция была успешной: ООП изгнана, сосед усмирен, граница в безопасности. Проблемы Израиля в Ливане связаны с тем, что он всеми силами стремился избежать потерь среди мирного населения, одновременно с этим не беспокоясь о потерях в рядах собственной армии. Эффективно воевать с такими приоритетами просто невозможно. Саид обращает внимание на то, как ливанцы радовались уходу Израиля, хотя они точно так же радовались уходу ООП.

По словам Саида, уровень образования и сельского хозяйства в арабских странах снизился из-за возросших военных расходов. Нелепость этого аргумента ясна любому, кто хоть немного знаком с состоянием образования и сельского хозяйства в арабском мире еще пятьдесят лет назад. На самом деле Израиль щедро делится со своими соседями собственными инновациями в области возделывания пустынь.

Демократия сионизма

Саид пишет, что сионизм противоречит демократии, поскольку ограничивает права неевреев. Классическая демократия никогда и не была направлена на всех и каждого. В Греции гражданских прав не имели не только иностранцы, но даже их потомки, живущие в стране несколько поколений. Право избираться имели только мужчины определенного возраста и материального достатка. Во всех современных странах граждане имеют больше прав, чем иностранные резиденты. Обычно национальность тождественна гражданству. Национальность

каждого гражданина США – «американец». В Израиле ситуация несколько иная, здесь национальность определяется религиозной принадлежностью и предоставляется всем номинальным приверженцам иудаизма. Примерно так же было в Европе до появления современной концепции национального государства. В мусульманском мире так продолжается до сих пор, в нем нет теоретической разницы между мусульманами разных национальностей. Более того, Израиль четко дал понять, каким будет его модель гражданства, еще до резолюции ООН о разделении Палестины.

Итак, израильская концепция национальной демократии разумна и в историческом контексте, и в теории. Со стороны мусульман лицемерно обвинять других в нарушении демократических принципов, если история почти не знает демократически избранных мусульманских лидеров. Однако интересно то, что нееврейские граждане Израиля имеют больше прав, чем еврейские: в отличие от вторых, первые освобождены от службы в армии и налогов. Источником дискриминации являются отдельные евреи, не желающие продавать арабам религиозно значимые земли. И если Израиль так плохо относится к своим арабам, тогда к чему разговоры о возвращении беженцев?

Исторические ошибки

Саид утверждает, что случай Палестины – один из самых сложных в истории национально-освободительных движений, поскольку палестинцы живут сразу под несколькими юрисдикциями. На самом деле эта ситуация довольно распространена. В разных странах живут курды и армяне, требуя собственного государства. До 1948 года в разных странах жили евреи, и тогда эта ситуация была ничуть не проще палестинской.

По словам Саида, палестинцы пережили страшные беды и лишения, но история знает немало более трагических случаев. Шииты в саддамовском Ираке имели куда меньше прав, чем палестинцы в территориях. В Саудовской Аравии шиитов продолжают угнетать по сей день. Тяжела доля многих африканских племен. Многие китайцы, египтяне, иракцы, оманцы гораздо беднее палестинцев. По сравнению со своими отцами современные палестинцы живут весьма неплохо на гуманитарную помощь.

Время показало ошибочность точки зрения Саида о важной роли уступки территорий в достижении мира. Он говорил, что если Израиль отдаст Сирии Голанские высоты, а другие территории – Ливану и Палестине, это поможет достичь мира. После этого Израиль по глупости вернул Голаны Сирии, но так и не достиг мира этой страной. Не помог в достижении мира с Ливаном уход с его территории. Мусульманские страны на другом конце света, например Бангладеш, не имеют с Израилем никаких пограничных споров, но все равно враждебны.

Терроризм

Саид молчаливо поощряет терроризм, и не зря, ведь партизанская война – единственный метод борьбы с более сильным противником. Однако Саид игнорирует последствия. Если палестинские террористы правильно делают, что нападают на израильских мирных граждан, тогда почему израильская армия не может делать это же с палестинцами? Зачем защищать палестинских мирных граждан, если они не являются военнопленными и активно поддерживают террористов?

Саид против изменения хартии ООП, ставящей задачу уничтожения Израиля, из-за того что некоторые его законы дискриминируют арабов. Однако ни один израильский закон не

требует убивать палестинцев.

Саид пишет, что палестинцы и террористы имеют право использовать любые средства для достижения своих целей. Почему он при этом отказывает в этом Израилю, неясно. Он восхищается тактикой Манделы и его Африканского национального конгресса и рекомендует ее палестинцам, одновременно с этим признавая, что люди Манделы совершили все существующие в природе преступления, такие как убийства и коррупция.

Хотя Саид восхищается южноафриканским сценарием, он игнорирует политическую ситуацию в этой стране: самое процветающее и стабильное африканское государство неуклонно катится к гражданской войне, коррупции, nepotизму и разрухе. В Палестине произойдет то же самое, если она отделится от Израиля. Один раз это уже произошло, когда Израиль временно закрыл для палестинцев свои границы в ответ на интифаду. Очень немногие люди так высоко ценят независимость, чтобы пойти на такие жертвы.

Саид называет теракты смертников «отчаянными актами из слабости». Отчаянные люди действуют в одиночку. Палестинцы хладнокровно посылают на смерть детей, втянутых в террористические организации, индоктринированных, и все с тщательно просчитанной целью – обменять их жизни на освещение в прессе. Палестинцы используют детей только потому, что их проще убедить, – или мы действительно верим в то, что дети отчаянно жаждут смерти? Может быть Джульетта, но не Жанна д'Арк. Детям известна только одна идеология – та, что им рассказали взрослые.

Жестокость и пытки

Саид говорит, что только Израиль использует пытки, хотя к

ним прибегают многие страны, в том числе арабские. В Советском Союзе, который всегда был спонсором арабского мира, пытки были практически узаконены. Они до сих пор применяются в странах бывшего СССР. Израиль всего лишь прагматично признает необходимость использования физического давления на некоторых подозреваемых – и регулирует его. Идет война, жестокая война, и Израиль не может противопоставить терроризму адвокатов в белых перчатках. До недавнего времени все цивилизованные страны применяли пытки. Сегодня любой полицейский подтвердит, что запрет пыток привел к тому, что многие преступники стали уходить от правосудия. Когда имеешь дело с терроризмом, это nepзoвoлитeльнaя pocкoшь¹⁵¹.

Профессор Саид любит говорить о жестокости израильтян. Интересно, с каких это пор стало считаться преступлением сажать в тюрьму террористов и их пособников, и тем более в военное время. При этом Саид сам признается, что палестинское правительство в массовом порядке сажает в тюрьму, пытается и убивает оппозиционеров из числа собственных граждан. Саид критикует израильские тюрьмы, в которых содержатся террористы, но молчит о палестинских тюрьмах, полных «преступников», чье единственное преступление – оппозиция правящей власти.

¹⁵¹ Америка передала Саддама иракскому правосудию, вместо того чтобы под пыткой выведать у него адреса его соратников и родственников, местонахождение лабораторий по изготовлению ОМП, подробности сотрудничества иракской разведки с террористами. Это выглядит особенно омерзительно на фоне того, какие потери американцы понесли ради получения этой информации. Для власть имущих проще пожертвовать собственными солдатами, чем немного помучить своего коллегу по властному цеху.

Свободы

Собственные примеры Саида противоречат его же обвинениям в адрес Израиля в нарушении гражданских прав и свобод. Палестинец по рождению, известный своими антиизраильскими взглядами, он без всяких проблем привозит в Иерусалим съемочную группу для создания антиизраильского фильма. Израиль закрывает антиизраильские журналы только, если они нарушают закон о подстрекательстве. Саид не раз признается, что израильские евреи всегда относились к нему хорошо – и это те люди, которых его палестинские собратья убивали на протяжении столетия! Но ничто из этого не мешает Саиду поддерживать арабское насилие.

Он сокрушается о трех погибших и многих раненых в ходе беспорядков в Хевроне. Вспомним, как развивалась эта ситуация. Четыреста религиозных евреев решили поселиться в Хевроне, чтобы быть поближе к библейским святыням. Они не особо жаловали арабов, но многие соседи относятся друг к другу куда хуже. Толпа палестинцев соорудила в их квартале баррикады, чтобы выбросить их из города. Израильские солдаты начали стрелять в воздух, но ситуация все равно вышла из под контроля, в результате чего погибло *всего* трое арабов!

Саид сетует, что из-за «параноидальных» мер безопасности Израиль вздумал создать блокпост в Вифлееме, и один палестинец уже был убит. Но скольких евреев убили палестинские террористы из Вифлеема до появления там израильского блокпоста? Да и убитый палестинец тоже вряд ли бы мирным жителем.

Нежелание принимать реальность

Профессор Саид критикует то, что многие другие люди посчитали бы внезапным проблеском здравого смысла в

палестинском руководстве, а именно стремление забыть «трагическую историю своего народа». Саид крайне произвольно оперирует термином «трагедия», который обычно понимается как нечто более серьезное, чем перемещение полукочевых селян и жителей примитивных городов на несколько километров в сторону под эгидой ООН с массированным предоставлением гуманитарной помощи, резко поднявшей уровень их жизни.

Но если постоянно помнить о прошлом, то что остается? Безнадежная борьба с превосходящим по силе противником и новые страдания? Палестинцы должны перестать донкихотствовать и попробовать приспособиться к реальности. Сейчас возмущенное общественное мнение только подпитывает недовольство палестинцев, уводя их от реальности, а нужно действовать ровно наоборот: помочь им приспособиться к этой реальности и наладить жизнь, будь то под израильской автономией или в какой-то другой стране. Когда евреев две тысячи лет назад угнетали римляне, у них не было гуманитарных и правозащитных организаций, они просто адаптировались либо мигрировали – и перелистнули эту страницу своей истории. В 1936 году у евреев не было влиятельных помощников, им нужно было сражаться либо сдаться, но в любом случае опять-таки приспособливаться к новой ситуации. Вот это и есть настоящий выбор для арабов. Саид не хочет приспособливаться, он хочет сражаться, но открыто об этом не говорит, потому что официально палестинцы не выступают за полномасштабную войну с Израилем. Их тактика состоит в том, чтобы требовать мира и справедливости и одновременно вести партизанскую войну.

Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы помнить прошлые обиды. Вряд ли найдется народ, который выстрадал столько, сколько евреи, но ведь евреи сегодня не устраивают

взрывы в Испании или Германии. Проблемы возникают тогда, когда прошлое начинает определять будущее, когда история превращается в предвыборную платформу. Слишком много идеологических провокаторов подстрекают палестинский народ исправить прошлое, вместо того чтобы принять реальность.

Право на землю

Саид пишет, что услугами израильского государства пользуются только евреи, причем в ущерб арабам. Но ведь израильские палестинцы имеют абсолютно равный с евреями доступ к израильской медицине, пенсионной системе и образованию, и в результате всего этого они получают гораздо больше, чем в любой арабской стране. Если у израильских евреев и есть какие-то особые преимущества, то оплачены они исключительно еврейскими частными фондами. На арабах никто не наживается хотя бы потому, что они платят меньше налогов и освобождены от военной службы. Арабы составляют только 15% населения Израиля, в своей основной массе они нетрудоспособны, и они просто теоретически не могут субсидировать евреев в каких бы то ни было областях.

Саид упоминает право собственности на землю, но эта сфера лежит за пределами государственного регулирования. Формально землей в Израиле заведует самоуправляемый негосударственный фонд¹⁵², вольный выбирать клиентов по

¹⁵² В либеральной доктрине нет ничего, что можно трактовать как запрет частным организациям вводить этническую дискриминацию. Если владелец собаки хочет продать ее исключительно «в хорошие руки», а не просто первому встречному, то на каком основании можно запретить продавцу выбрать покупателя по любым критериям, в том числе этническим? Если детский благотворительный приют помогает только сиротам, но не вдовам, то на каком основании можно запретить ему

своему усмотрению. Нельзя не упомянуть и то, что владельцы арабских ферм часто имеют на них полное право собственности, тогда как евреи обычно лишь арендуют землю. Поскольку арабы не платят налоги и часто владеют пустой землей, ничто не говорит о том, что у евреев есть какие-то преимущества. Во многих странах иностранным гражданам запрещено покупать землю, а религия является более законным основанием для ограничений, чем эфемерное гражданство. Как американцы не продают Белый дом японским инвесторам, так и для евреев Обетованная земля не просто клочок земли.

Еврейский национальный фонд – это частный попечитель земли, и при его создании не ставилась цель в чем-то ущемить арабов. За свою столетнюю историю ЕНФ возделал свыше 250 тысяч акров пустынной и бесполезной земли, посадил 220 миллионов деревьев, построил множество водохранилищ. Евреи со всего мира жертвуют ЕНФ деньги, чтобы он покупал невостребованную недвижимость и возделывал ее. С какой стати он должен помогать арабам? ЕНФ не завоевывает землю силой и не получает ее безвозмездно от израильского правительства, а покупает за деньги. До 1948 года, когда евреи еще не контролировали эту территорию, они покупали землю в беспрецедентно массовом порядке. ЕНФ не заставлял арабов

помогать только чернокожим сиротам? Почему можно пожертвовать деньги христианской церкви, которая помогает только христианам, но нельзя – благотворительной организации, которая тоже хочет помогать только христианам? Почему можно завещать имущество избранному индивидууму, но нельзя – избранной группе? Запрет помогать тем, кому человек хочет помогать без ущерба остальным, по своей природе лицемерен. Благотворительные организации обходят этот запрет с помощью специальных процедур одобрения. Еврейский трастовый фонд не является земельным монополистом и как любая частная организация имеет право определять собственные правила и критерии.

продавать землю, как утверждают некоторые. Израиль уникален¹⁵³ в том отношении, что он приобрел больше пахотной земли, чем завоевал или присоединил посредством международных договоренностей.

Израиль очень редко применяет право государства на отчуждение собственности. Считается, что общественные интересы имеют приоритет над частными. Арабы владеют многими участками земли в крупных городах, и государство их не изымает, хотя они нередко понижают цену близлежащей земли. Арабы не могут требовать землю в Израиле уже потому, что они отказываются развивать свои участки даже в Иерусалиме. Никто, хоть немного знающий израильскую судебную систему, никогда не поверит, что развитию арабских угодий мешает какой-то государственный произвол. Израильские суды, которые оправдали нацистского преступника из-за отсутствия твердых улик и заставили администрацию Иерусалима годами судиться с армянским кварталом Старого города, защитят любое законное требование арабов. В Израиле не было ни одного случая, чтобы араба лишили земли, на которую он имеет законное право. Арабские деревни получают обрабатываемую ими землю в вечное пользование вообще без всяких прав.

Невозможно утверждать, что палестинцы, подобно американским индейцам, не имеют понятия частной собственности на землю. Шариат ее разрешает, а государственная собственность на землю появилась только с целью заменить чиновничьи зарплаты на арендные сборы, по сути система откупного налогообложения. Когда арабы перестают возделывать землю, это не значит, что они отдают ее

¹⁵³ Уильям Пенн настаивал, что землю Пенсильвании необходимо купить у индейцев по справедливой цене, хотя король Англии даровал ему эту землю бесплатно.

другим. Они просто переходят с сельского хозяйства на скотоводство, что типично для арабов.

Мусульманские страны со времен Пророка отказывают евреям в праве собственности на землю, и неясно, почему евреям нельзя поступать так же.

Иерусалим

Много споров бушует вокруг Иерусалима. Хотя Саид и обвиняет израильтян в нежелании отдать город палестинцам, он справедливо замечает готовность Израиля уступать мусульманам их святыне места. Так что же еще нужно арабам?

По словам Саида, палестинцы страдают от того, что Иерусалим для них стал недостижимым. Это просто неправда. Саид сам же замечает, что 40% арабских просителей получают пропуска – это больше, чем США и ЕС выдают жителям бедных стран. 40% – это довольно много, особенно с учетом того, что Израиль пребывает с арабами в состоянии войны. Интересно было бы узнать, сколько палестинцев посетило иерусалимские мусульманские святыни до начала 1940-х годов, когда тема Иерусалима еще никого не волновала. Скорее всего, очень небольшое число.

Но допустим на мгновение, что право евреев на Иерусалим не так очевидно. Но откуда оно взялось у палестинцев? Они не построили в этом городе никаких значимых объектов. Они не были большинством его населения. Почему из всех арабов именно палестинцы должны контролировать исламские святыни Иерусалима? Почему нужно сохранять современный исламский храм, но нельзя построить древний еврейский, руины которого до сих пор пребывают на этом месте? Купол скалы был построен на месте, где Мухаммед взшел на небеса, его целью было увековечить победу ислама над иудаизмом.

Требование совместного управления Иерусалимом лицемерно. Палестинцы не разрешают израильтянам посещать еврейские святыни на своей территории. Саудовцы отказывают даже своим совершающим-мусульманам в совместном управлении Меккой и Мединой¹⁵⁴.

Саид отвергает идею совместного мусульманского управления иерусалимскими святынями. Почему? Разве палестинцы имеют к ним какое-то особое отношение? Почему места, святыне для всех мусульман, должны принадлежать какой-то одной арабской нации, да еще и самой нелюбимой остальными? Саиду не нужно, чтобы мусульмане контролировали святыни, у него другая цель – разогреть палестинский национализм. По мнению Саида, если палестинцы будут контролировать эти святыни, это увеличит роль палестинцев в арабском мире. Его интересует политическая нажива, а не принципы. Израиль правильно поступает, что предпочитает международное управление Иерусалимом. Одно дело – работать с репрезентативным органом, представляющим арабский мир в целом, и совсем другое – иметь дело с незначительным врагом.

Саид замечает, что хотя палестинцы получили в Восточном Иерусалиме *тридцать тысяч* единиц жилья, сами они не построили в нем ни одного. Иерусалим их просто не интересует.

Два посыла Саида противоречат друг другу: о нелепости исторического права евреев на Святую землю и о праве палестинцев контролировать мусульманские святыни. Как ни верти, еврейские археологические находки и многочисленнее, и древнее мусульманских. В иудаизме Иерусалим играет более важную роль, чем в исламе, где он стоит лишь на третьем месте после Мекки и Медины. До 1967 года, когда израильтяне

¹⁵⁴ Индийские мусульмане безуспешно просили об этом саудовцев семьдесят пять лет назад.

освободили Иерусалим, евреи, но не арабы, хотели посещать в нем святые места, так что арабским властям даже пришлось это запретить. Массового палестинского паломничества в Иерусалим тогда не было и в помине.

Хотя палестинцы и увлечены отстаиванием Купола Скалы от несуществующих еврейских посягательств, это, скорее, развлечение для них. В сравнении с другими арабами палестинцы не очень религиозны.

Социалистические ценности

Некоторые пассажи книги Саида наводят на мысль, что вся его националистическая риторика сводится к классовой борьбе в развивающемся палестинском обществе. Палестинские бизнесмены для него – спекулянты и сообщники Израиля. Он правильно отмечает, что многие палестинцы, особенно специалисты среднего класса, не возражают против нынешнего статус-кво, а ненавидят Израиль в основном низшие классы. От них исходит радикальная риторика, они же пользуются поддержкой левых радикалов за рубежом.

Саид обвиняет США и Израиль в либерализации палестинской экономики. С его точки зрения, производство товаров на экспорт – зло, а дерегулирование искажает экономику, хотя верно как раз противоположное. Он одобряет профсоюзы, государственную опеку, закрытую и регулируемую экономику.

Саида шокирует численность палестинских полицейских сил в 30–50 тысяч человек, составляющих крупнейший сектор палестинской экономики. Это явный показатель, что в палестинском обществе что-то не так.

Саид утверждает, что как минимум в одном случае антиизраильские акции протеста в действительности были

направлены против Арафата. Обычный для молодежи радикализм часто путают с освободительной борьбой. Настоящая проблема – не израильское господство, а конфликт поколений. Различные организации, включая ООН, только подогревают этот неоформленный радикализм. Саид не без удовлетворения сообщает своему читателю, что один высокопоставленный дипломат ООН в Палестине однажды призывал его подбить молодежь к антиизраильским акциям.

Таким образом, освободительная война делается отдушиной для социального напряжения. Палестинский интеллигент Саид сам признался в одном из интервью, что национализм лишь ширма для социальных преобразований. Израиль мог бы форсировать в Палестине демократические реформы.

Саид ясно понимает, кто его оппоненты. Он прямо называет своим врагом Институт имени Адама Смита, возможно, из-за либеральной ориентации этого учреждения. В список недругов Саида входят и Министерство иностранных дел Великобритании, и консалтинговая фирма «Артур Андерсен». Он презирует все, что хоть как-то связано со свободным рынком и открытой, некулуарной политикой.

Поддержка Арафата

Саид говорит, что после соглашений Осло жизнь в Палестине ухудшилась, и это ухудшение он объясняет сотрудничеством Израиля с Арафатом. Однако с кем еще Израиль должен был вести переговоры (если вообще вести их с кем-то)? Со свободными палестинцами из Нью-Йорка? Не отвечая на этот вопрос, Саид говорит, что Израиль каким-то образом продлил правление Арафата. Хотя Израилю не помешало бы перестать субсидировать палестинцев, чтобы они

выбрали разумных и ответственных лидеров, это все же внутреннее дело Палестины.

Саид игнорирует настоящую причину ухудшения жизни палестинцев: палестинцы наконец получили то, что хотели, – долю независимости. Это значит, что у них уже не будет израильского социального страхования, здравоохранения и различных форм экономической помощи, зато появятся пограничные и иммиграционные ограничения. Но палестинцы хотят убить двух зайцев: и получить политическую независимость, и сохранить экономическую интеграцию с Израилем. Извините, так не получится.

Колониализм

Саид обвиняет колониальные державы, включая Израиль, в угнетении своих иностранных подданных. Он забывает, что арабы сами были и колонистами, и рабовладельцами. Цивилизованный колониализм принес туземным народам больше пользы, чем вреда. Большинство новообразованных колоний европейских стран погрязли в пучине племенных войн, и навязанный европейцами мир спас множество жизней – гораздо больше, чем было потеряно в полицейских операциях. Благодаря колониализму дикари перепрыгнули из бронзового века в современность. Цивилизованные колониальные администрации были колониям выгодны, поскольку позволяли им экономить на содержании армии и королевского двора и различных формах коррупции. Если колониальные власти и вывозили из колоний какие-то материальные ценности (что Саид называет «колониальным вымогательством»), то обычно они не представляли для местного населения никакого или почти никакого интереса. Если говорить об Израиле, сегодняшние палестинцы живут гораздо лучше, чем их предки еще пятьдесят

лет назад и другие арабы в странах без нефти.

Саид часто приводит доводы в поддержку разных позиций. С одной стороны, он одобряет палестинский национализм, с другой, критикует колониальную политику разделения Ближнего Востока, уничтожившую арабское единство. Однако палестинская нация и возникла в результате этого разделения, и евреи уже много лет без особых успехов пытаются доказать, что никакого палестинского народа не существует, что для палестинцев нет никакой разницы, жить на территории Израиля или Иордании в восьмидесяти километрах от него. Да и вряд ли вообще когда-либо существовало то мифическое арабское единство, по которому скорбит Саид. Этот регион всегда был разделен между несколькими странами и культурами: это были Египет, Ассирия, Греция, Рим, Персия, Турция и т. д.

Никогда не существовало и палестинского общества. Понятие палестинской нации впервые прозвучало только в 1960-х годах. Раньше говорили просто об арабах, живущих в Палестине. Какое вообще общество может появиться в стране, которая всегда была кем-то оккупирована? История ничего не знает о суверенной родине палестинского народа, равно и каких-либо современных институтов этого общества. Когда Саид говорит, что создание Израиля разрушило палестинскую экономику, он этим противоречит другому своему утверждению, что научно-техническая арабская мысль (по определению основанная на сильной экономике) пострадала из-за созданного Израилем политического климата. Но о существовании у арабов научно-технической мысли науке также неизвестно, по крайней мере не в новое время. И Саид это тоже признает, говоря, что своего наивысшего расцвета арабская цивилизация достигла в Андалусии¹⁵⁵, во многом благодаря участию других народностей.

¹⁵⁵ Процветающее мультикультурное государство под мусульманским правлением на юге Испании, просуществовавшее несколько веков. Его

Палестинцы довольны израильским правлением

Саид неоднократно упоминает о благах, которые палестинцам принесло израильское правление. Например, израильский профсоюз «Гистадрут» передал в ведение Арафата пенсионные сбережения палестинцев, работающих в Израиле, – и Саиду это не нравится, потому что он понимает: израильские учреждения надежнее палестинских. Палестинцы тоже понимают, что будет лучше, если их деньги сохранит враждебное правительство, чем если их украдет местное. За пятьдесят лет жизни под ненавистным израильским игом население Палестины увеличилось в шесть раз, и по всему видно, что им живется неплохо.

Саид отмечает, что израильские палестинцы не хотят даже говорить о переезде в отдельное палестинское государство, но он не понимает, почему. Он думает, что они сильно привязаны к земле, тогда как на самом деле им слишком хорошо в Израиле, чтобы куда-то уезжать. Чтобы увести читателей от этого вывода, Саид дотошно обсуждает примеры дискриминации палестинцев в Израиле. Он описывает, как израильская армия захватила сто акров земли в арабской деревне в Израиле, и объявляет это расизмом. Но сколько земли Израиль отобрал для военных нужд у евреев? Гораздо, гораздо больше. И в том случае арабы получили от правительства компенсацию. Ни одно арабское государство не будет мешкать ни секунды, когда возникнет необходимость экспроприировать землю своих граждан для военных нужд.

Безответственность

Профессор Саид постоянно игнорирует безответственное поведение своих арабских соплеменников, но всегда с энтузиазмом сокрушается о последствиях их безответственных действий. В 1947 году арабы начали войну, в результате чего им пришлось пострадать. Саид описывает тяготы жизни одной семьи из лагеря беженцев с восемью (!) детьми. Многие жители западных стран согласятся, что даже с четырьмя детьми жизнь не кажется особо радостной. Уже сам факт демографического взрыва в палестинском обществе – лучшее доказательство безответственности арабов, исправить которое подчас весьма непросто.

Саид рассказывает об одной семье беженцев из лагеря Шатила, у которой был больной младенец недельного возраста, но не было «ни надежды, ни денег». Когда супруги решали заводить ребенка, разве они не знали, что придется нести расходы на лечение? Презервативы гораздо дешевле бесплатной социалистической медицины, за которую ратует Саид. Далее, почему родители младенца не имеют работы? Разве бывает такое, что взрослый человек не может найти вообще никакую работу? В арабском мире женщины обычно не работают за пределами своего дома, но на Западе это культурное ограничение было фактически отменено много лет назад, когда мужчинам стало сложно обеспечивать семью в одиночку. Конечно, если арабские женщины предпочитают сидеть дома, они имеют на этой право – но давайте помнить, что они сделали личный выбор в пользу бедности. Главная причина безработицы среди палестинцев – их зависимость от гуманитарной помощи. Западным журналистам эта помощь может казаться ничтожной, но она гораздо больше того, что палестинцы могли бы вырастить сами, и вполне сопоставима с заработком среднего жителя арабских стран, не имеющих нефти.

Саид рассказывает, что ту семью не приняли в больницу, потому что ребенок был палестинцем. При всей чудовищной подоплеке этого явления оно показывает, какую враждебность палестинцы вызывают везде, где живут. Саид приводит слова одного ливанского чиновника, сказанные о палестинцах: «Мы не можем интегрировать их в общество».

Еще один пример нежелания палестинцев нести ответственность за свои действия Саид приводит сам, когда осуждает Израиль за поддержку Арафата. Израиль воевал с Арафатом еще тогда, когда палестинцы его поддерживали, Израиль держал его под домашним арестом и хотел его выслать, израильские политики часто отказывались общаться с Арафатом. Тем не менее Саид считает, что Израиль должен был или сместить Арафата, или просто перестать его поддерживать. Иными словами, Израиль должен был перестать субсидировать Палестину деньгами, которые Арафат и его клика присвоила и тратила на самих себя. При этом нужно было игнорировать общественное возмущение и протесты против экономических репрессий Палестины.

Саид отвергает право Израиля на существование

Профессор Саид утверждает, что арабы выступают против присутствия, а не существования Израиля. Видимо, он предлагает Израилю переместиться в Уганду, о чем шла речь около века назад.

По его словам, юбилей Бальфурской декларации должен стать для каждого палестинца днем скорби. Он критикует Вейцмана за фразу, что евреям не нужно просить разрешения арабов для создания государства, добавляя, что евреи и не получили бы такого разрешения. Примерно в этом ключе мыслит

сегодня большинство палестинцев. И если это так, почему евреи должны им симпатизировать?

Без Бальфура не было бы и палестинского государства, потому что его поглотила бы Иордания. Однако Саид против идеи переселения палестинцев в Иорданию. Действительно, палестинцы не пытались отхватить себе кусок Иордании, да она и не позволила бы им это. Они правильно поняли, что на переговорах Израиль слабее Иордании. Палестинцы поддерживают резолюцию о разделе Палестины, когда она им выгодна, и осуждают ее, когда она выгодна евреям.

Саид против резолюции ООН о разделе на том основании, что к тому времени евреи приобрели менее 7% всей земли. Но и палестинцы приобрели не больше, поскольку бóльшая часть земли была невозделанной. Если размер покупки имеет какое-то значение, тогда евреи сегодня имеют безоговорочное право на территории, в которых они приобрели обширные участки земли. Однако тогда арабы заявляют, что покупка земли недостаточна для суверенитета.

Выводы

Книга Саида полна радикальных тезисов. Он не предлагает палестинцам практических решений, но и не воюет и не митингует против Израиля. Живя в Нью-Йорке, он поощряет палестинцев держаться за свои нереалистичные требования, вместо того чтобы наладить жизнь при терпимой израильской администрации. Саид не хочет отказываться от американского паспорта, зато поддерживает людей, аплодирующих антиамериканским терактам 11 сентября и многим другим.

Саид лишен реализма, потому что не понимает историю. Национальные границы постоянно пребывают в движении. Одни нации появляются, другие исчезают или демонтируются. Баланс

силы – понятие аморальное, и сила всегда принадлежит тем, кто готов безжалостно отстаивать свои принципы, особенно если эти принципы не требуют убивать или грабить, но лишь направлены на восстановление библейского государства. У палестинцев просто нет шансов. У них нет ни отличительной культуры, ни привязанности к земле, ни национальной или религиозной идентичности. Они рассеяны, евреи презирают их как кровных врагов, а другие арабы – как жуликов, бандитов и террористов. Даже если однажды палестинское государство и появится, его просто проглотят арабские соседи.